Эдуардо
ГАЛЕАНО

ВСКРЫТЫЕ ВЕНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ВСКРЫТЫЕ ВЕНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

LAS VENAS ABIERTAS DE AMERICA LATINA

Eduardo
GALEANO

LAS VENAS ABIERTAS DE AMERICA LATINA

Siglo XXI
Editores de España, S. A.
Madrid, 1982.

Эдуардо
ГАЛЕАНО

ВСКРЫТЫЕ ВЕНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Под редакцией
и со вступительной статьей
Хуана Кобо

Москва
"Прогресс"
1986

ББК 63.3(70)
Г 15

Переводчики: М. И. Былинкина, Ю. В. Ванников, Н. О. Испольнова, Х. Кобо, Т. Е. Коробкина
В оформлении использованы гравюры художника *С. Геты*

Галеано Э.
Г 15 Вскрытые вены Латинской Америки: Пер. с исп./ Под ред. и вступ. ст. Хуана Кобо. — М.: Прогресс, 1986.—400 с.

В книге известного уругвайского писателя Эдуардо Галеано, рассказывающей историю ограбления Латиноамериканского континента, появляются конкистадоры на каравеллах, а рядом с ними технократы на авиалайнерах, Эрнан Кортес и морская пехота США, губернаторы королевства и эмиссары Международного валютного фонда, работорговцы и прибыли «Дженерал моторз». В ней появляются также павшие герои, революции наших дней, вспоминаются былые унижения, умершие и воскресшие вновь надежды.

0506000000—472
006(01)—86 7—86

ББК 63.3 (70)

Редакция литературы по истории

© Siglo XXI de España Editores, S. A.
© Перевод на русский язык, вступительная статья, комментарии, издательство «Прогресс», 1986

«НАСТАЛО ВРЕМЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ...»

«Вскрытые вены Латинской Америки», безусловно, лучшее историческое произведение, посвященное нашему многострадальному континенту» (аргентинский публицист Эрнан Инверницци в газете «Кроника комерсиаль»).

«Книга эта на несколько голов выше всего, что мною прочитано на эту тему, и она будет оставаться актуальной на протяжении многих лет» (ученый-латиноамериканист из США Карлтон Билс в журнале «Мансли ревью»).

«Это — важный вклад в понимание прошлого Латинской Америки, из которого проросло ее шаткое и неустойчивое настоящее» (французский ученый-латиноамериканист и публицист Марсель Нидерганг в газете «Монд»).

«За последние годы мне редко доводилось читать книгу, которая так глубоко бы меня взволновала» (западногерманский писатель Генрих Бёлль).

«Книга Галеано совершенно незаменима для всех, кто интересуется Латинской Америкой» (западногерманская газета «Дойче фолькскайтунг»).

...По этим отзывам известных ученых, публицистов и писателей на «Вскрытые вены Латинской Америки» Эдуардо Галеано можно судить, как была встречена книга, предлагаемая теперь вниманию советского читателя. Впервые она была издана в 1971 г. С тех пор книга переведена практически на все основные языки мира, причем интерес к ней до сих пор не ослабевает. Только на испанском языке «Вскрытые вены Латинской Америки» выдержали более 40(!) изданий. Редко какое произведение на Западе, написанное не в беллетристическом жанре, может гордиться таким книгоиздательским успехом. Он тем более впечатляющий, что книга Э. Галеано, посвященная истории и современности Латинской Америки, написана с остро антиимпериалистических позиций, в ней резко осуждается вся система мирового капитализма, она пронизана глубоким демократизмом и гуманизмом.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, истощение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления» [1].

Слова из «Капитала» Карла Маркса, которые Э. Галеано приводит в самом начале своей работы, автор смело мог бы сделать эпиграфом к ней. Словно камертон, эти чеканные строки задают тон всей исторической части «Вскрытых вен Латинской Америки», в которой автор показывает, как европейские державы, еще начиная с XV в., выкачивали богатства южной части Америки ради первоначального накопления капитала, благодаря которому ускоренными темпами укреплялось нарождавшееся в Старом Свете буржуазное общество. Э. Галеано показывает при этом — не случайно эпитет «идиллический» у К. Маркса звучит иронически, — что, действительно, в этом процессе ничего идиллического не было: освоение Южной Америки подчинялось лишь одному закону — свойственному капитализму алчному стремлению к наживе, ради которой буржуа готовы жертвовать жизнью миллионов людей, губить древние цивилизации, душить целые народы. Показывая этот длившийся несколько веков процесс, автор «Вскрытых вен Латинской Америки» не только исходит из основополагающего тезиса К. Маркса, но и постоянно оперирует такими категориями и понятиями «Капитала», как товар, процесс обмена и обращения товаров, превращение денег в капитал, разделение труда, возникновение мануфактуры.

Перейдя от «утренней зари капиталистической эры производства» к истории стран Латинской Америки XIX и XX вв., Э. Галеано обращается к другому гениальному труду, являющемуся продолжением и развитием «Капитала» К. Маркса, — книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина. Автор «Вскрытых вен Латинской Америки» не только ссылается на эту ленинскую работу — она также задает тон той части книги, которая посвящена развитию политических и социально-экономических процессов на континенте в

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 760.

эпоху империализма, когда старых угнетателей и эксплуататоров из Европы сменили новые — монополии США.

Латиноамериканистика как наука развивается в наши дни быстрыми темпами — ее подстегивает сам бурный ход процессов и событий на «вулканическом континенте», дающий обильную почву для размышлений и обобщений. Отдельные положения и выводы Э. Галеано, содержащиеся в книге, возможно, требуют уточнения в соответствии с последними данными науки, а некоторые факты — корректировки в связи с меняющейся ситуацией. Но это — частности. В целом книга «Вскрытые вены Латинской Америки», как справедливо отмечают критики, не потеряла своей актуальности, а в чем-то, как мы убедимся далее, стала даже более злободневной, нежели когда впервые была издана. Думается, что объясняется это опорой автора на фундаментальные положения основоположников марксизма-ленинизма при анализе латиноамериканских проблем: это и придает ей при всей живости глубокую основательность.

Именно мировоззренческая основа книги Э. Галеано во многом обусловила огромный ее успех. Ведь события в странах Латинской Америки вызывают острый интерес среди самых широких кругов мировой общественности. А сфабрикованные в США примитивные, рассчитанные на простаков «мифы» о том, будто нынешние социальные взрывы в латиноамериканских странах просто-напросто организованы «международным коммунизмом» и якобы инспирированы Москвой или Гаваной, которые-де «экспортируют революцию», трудно принять всерьез. Но эти неуклюжие спекулятивные построения с приходом к власти администрации Рональда Рейгана были возведены чуть ли не в ранг официальной доктрины. Естественно, что миллионы людей на земле — от простых тружеников до высокообразованных интеллигентов — не могут поверить в эти банальности, пытаются понять глубинные причины происходящего в Латинской Америке. «Напряженность, конфликты в регионах... уходят своими корнями и в прошлое, и в сегодняшние социально-экономические условия этих стран и регионов, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на пресс-конференции после окончания Женевской встречи в верхах.— Представлять дело так, будто все эти узлы противоречий есть порождение соперничества между Востоком

и Западом, не только не правильно, но и крайне опасно»[2].

Свое объяснение происходящему в Латинской Америке дает и Э. Галеано, показывая, что нынешняя ситуация сложилась на континенте не сегодня или вчера, а много веков назад; что безжалостная машина капиталистической эксплуатации, от которой страдает Латинская Америка, неизбежно порождает протест и неприятие у широких народных масс; что сопротивление этих масс империализму — процесс неотвратимый, силой и террором его не остановить.

При этом автор «Вскрытых вен Латинской Америки» облекает свои доводы, аргументы в такую форму, что они легко доходят до читателя. Все эти факторы, вместе взятые, и обусловили успех книги.

* * *

«Вскрытые вены Латинской Америки» — не первое произведение Э. Галеано. Из-под его пера вышло немало публикаций, привлекших внимание читателей, — журналистских репортажей, серьезных исследовательских работ, прозаических произведений. Еще совсем молодым Э. Галеано выдвинулся в ряды наиболее популярных в Уругвае журналистов, работал в прогрессивном еженедельнике «Марча». После прихода в стране к власти в 1973 г. реакционного диктаторского режима Э. Галеано пришлось отправиться в изгнание. Он поселился в Аргентине, там редактировал журнал «Кризис», вокруг которого сумел сплотить видных латиноамериканских журналистов и писателей, придерживающихся левых взглядов. В 1976 г., когда в Буэнос-Айресе к власти также пришла военщина, писателю снова пришлось эмигрировать — на этот раз в Европу, где он жил в Испании. Лишь в начале 1985 г., после того как в Уругвае был восстановлен гражданский режим, он смог вернуться в родной Монтевидео.

Но как бы ни складывалась его жизнь, Э. Галеано, продолжая активно заниматься журналистикой, не прекращал работать и в других жанрах. Им написано несколько сборников рассказов; роман «Наша песня» отмечен литературными премиями. Книги Э. Галеано с каждым годом становились популярнее. В частности, его повесть

[2] «Правда», 22 ноября 1985 г.

«Дни и ночи любви и войны» — в ней автор ярко показал изощренный садизм палачей, состоящих на службе латиноамериканских диктатур, и страдания их жертв — была удостоена главной премии на литературном конкурсе «Каса де лас Американас» в Гаване, она издана во многих странах мира, в том числе и в Советском Союзе [3]. Сейчас писатель работает над завершением трилогии «Огонь воспоминаний».

И все же для подавляющего большинства читателей Э. Галеано был и остается автором прежде всего «Вскрытых вен Латинской Америки», которые он написал, когда ему было 30 лет. Именно эта книга сделала широко известным его имя.

Определить жанр этого произведения — дело непростое. Это публицистика, но особого рода. В своей главной книге писатель прибег к смешению разных манер письма, которыми он одинаково искусно владеет: горячей публицистики и холодных статистических выкладок, лаконичного журналистского репортажа и элементов высокой прозы. Такой причудливый, но органичный сплав жанров — не результат формального изыска; с его помощью писатель стремится завладеть вниманием читателя, донести до него глубинную суть явлений, заставить по-новому взглянуть на факты, представляющиеся давно известными и хорошо знакомыми. Причем текст книги пронизан высоким накалом страсти, вообще свойственной творчеству Э. Галеано. Из-за этой черты писатель может на первый взгляд показаться всесокрушающим бунтарем. Но, читая его книги, начинаешь понимать, что такая страсть вытекает не просто из характера и темперамента автора, но и из его твердого убеждения, что слово, если и не способно само по себе перевернуть мир, может все-таки помочь изменить его к лучшему.

Сам Э. Галеано интересным образом сформулировал свое творческое кредо, исходя из которого он писал свой главный труд: «Может показаться кощунственным, что эта написанная в популярной манере книга говорит о политэкономии в стиле, характерном для любовных романов и повестей о приключениях пиратов. Однако должен признаться, мне стоит неимоверного труда читать почтенные труды иных социологов, политологов, экономистов или историков, которые пишут на зашифрованном языке.

[3] Э. Галеано. Дни и ночи любви и войны. М., 1984.

«Герметический» язык не всегда обязателен для по-настоящему глубокого исследования. В отдельных случаях он может попросту скрывать неумение дойти до читателя, возведенное при этом в степень некоей интеллектуальной добродетели» (с. 365).

Особенно недопустимо, по мнению Э. Галеано, когда таким языком и в такой манере пишут на острые политические темы, касающиеся судеб миллионов людей. Этим грешат, отмечает писатель, и многие политики либерального толка, давно привыкшие легко и свободно бросаться словами «свобода» и «демократия», от чего смысл этих понятий обесценивается, сами слова «стираются». Такого рода литература, пишет Э. Галеано, «несмотря на всю ее революционную риторику, представляется мне в сущности конформистской, поскольку в ней на одной и той же ноте повторяются одни и те же шаблонные фразы, одни и те же эпитеты, одни и те же декларативные истины. Подобная ограниченно-провинциальная по сути своей литература не менее далека от истинной революционности, нежели порнография от любовной лирики» (с. 365).

Писатель, сам остро ощущающий огромные возможности «глаголом жечь сердца людей», не может и не желает мириться с бесцветной словесной жвачкой, когда речь идет о вопросах, волнующих народы.

Но приведенные выше слова ни в коей мере не означают, что Э. Галеано — противник серьезной научной литературы, выступающий с нигилистических антиинтеллектуальных позиций. Как подчеркивает автор, «Вскрытые вены Латинской Америки» написаны им не только на основании личного опыта как журналиста и изучения им самим латиноамериканской действительности как ученого, но и глубокого знакомства с другими книгами, которые «лучше этой помогают нам понять, кто мы есть на самом деле, откуда мы пришли, точнее установить, куда мы идем» (с. 366).

И верно — книга Э. Галеано поражает обилием ссылок на источники. Причиной тому не педантизм автора — он у него отсутствует вовсе, и не стремление продемонстрировать эрудицию — она и без того очевидна, и, наконец, не незыблемые нормы публикации научных работ. «Вскрытые вены Латинской Америки» прежде всего, по признанию автора, популярная политическая книга, более близкая к развернутому памфлету, чем к научному исследованию. Дело в другом. Объяснение такого количе-

ства ссылок в том, что книга Э. Галеано насквозь разоблачительна, на каждой ее странице автор ведет полемику с врагами «второго освобождения» континента, а потому полагает своей обязанностью каждый ее эпизод или факт усилить соответствующим документом, статистикой, выводом серьезного научного труда — это необходимо, чтобы аргументы были неоспоримы и доказательны. И кроме того, писатель, предельно щепетильный в вопросах этики, стремится воздать должное тем предшественникам, которые до него вскрыли и проанализировали суть того или иного факта, события, явления.

Книги, которые автор имеет в виду, ставя их — вовсе без ложной самоуничижительности — выше своей собственной, это как раз работы серьезные, написанные часто весьма нелегким для неспециалистов языком. Их авторы — представители плеяды ученых, которые в годы, последовавшие за второй мировой войной, и особенно после начала распада колониальной системы, занялись глубоким исследованием проблем Латинской Америки и всего развивающегося мира в целом. Среди них — как латиноамериканцы, так и ученые из США и стран Европы. Эти исследователи, имена которых всемирно известны, объединились вокруг ряда научных центров, связанных с Экономической комиссией ООН по Латинской Америке (ЭКЛА). У них не было единой концепции, последовательных марксистов среди этих ученых поначалу было мало, спектр их взглядов главным образом колебался от умеренно либеральных до леворадикальных (хотя многие под воздействием событий впоследствии эволюционировали к марксистскому мировоззрению). Как бы то ни было, в 50—60-х гг. эти исследователи проделали огромную работу по изучению процессов на континенте, как бы «просвечивая» его рентгеновскими лучами новейшего обществоведческого знания, диагностируя застарелые недуги, от которых страдает Латинская Америка, стремясь обнаружить их истоки, определить возможные последствия. Эта кропотливая титаническая работа способствовала лучшему осознанию латиноамериканцами того места, которое их страны в целом и каждая в отдельности занимают в современном мире в силу навязанной им империализмом роли в мировом разделении труда; помогала более ясному пониманию сложных внутренних механизмов, действие которых распространилось на весь континент, связав его по рукам и ногам тысячами невидимых нитей,

мешая его политическому, экономическому и социальному прогрессу.

Э. Галеано весьма высоко оценивает объективный вклад своих коллег в дело борьбы латиноамериканских патриотов против империалистического гнета, опирается на их авторитет в своей работе. С глубоким уважением цитирует автор «Вскрытых вен Латинской Америки» труды этих ученых: Жозуэ де Кастро и Рауля Пребиша, Сельсо Фуртадо и Виктора Уркиди, Дарси Рибейро и Андре Гундера Франка, Мигеля Виончека и Родольфо Ставенхагена, Алонсо Агилара и Эрнана Рамиреса Некочеа, а также многих других — историков, экономистов, философов, социологов, политологов, этнографов, антропологов. Неоднократно ссылается Э. Галеано и на работы советских исследователей, внесших ощутимый вклад в изучение проблем Латинской Америки; встречаются в его ссылках и имена ученых-латиноамериканистов из социалистических стран.

Творчески переработав все то, что было сделано прогрессивной мировой латиноамериканистикой, Э. Галеано в своей книге выступил в ином качестве, чем его коллеги-ученые: весь свой дар писателя и публициста, хорошо разбирающегося при этом в вопросах истории, экономики и социологии континента, он направил на то, чтобы сделать знания специалистов доступными массовому читателю. Главной целью такой популяризации было открыть людям глаза на скрытые от них механизмы политической и экономической власти, обрекающие их страны и народы на бедствия и страдания, поднять их на борьбу против сил мировой реакции, навязывающих Латинской Америке эти механизмы ограбления и подавления.

Не случайно поэтому автор не в меньшей степени, чем высокие отзывы известных ученых и специалистов, ценит тот факт, что его книга, как «подрывная», строжайшим образом запрещена в тех странах континента, где господствуют реакционные проамериканские диктатуры, — значит, «Вскрытые вены Латинской Америки» точно попали в цель. И еще до́роги писателю связанные с его книгой факты, о которых сообщали газеты: в Боготе девушка, ехавшая в автобусе и негромко читавшая соседке книгу, под конец поездки по просьбе остальных пассажиров читала ее вслух на весь салон; аргентинский студент, у которого не было денег, чтобы купить книгу, целую неделю ходил из одной книжной лавки к другой, читая ее по час-

тям; чилийка, вынужденная бежать из Сантьяго, когда пиночетовская военщина устроила там бойню, вывезла экземпляр книги, спрятав его в пеленках, в которые был завернут ее младенец. Короче говоря, для Э. Галеано самая высокая оценка его книги заключается в том, что она нашла путь к сердцам миллионов простых людей и мобилизует их на борьбу за справедливость и достойную жизнь.

* * *

Книга «Вскрытые вены Латинской Америки» прежде всего исторична. Но прошлое, к которому обращается Э. Галеано, опровергая ненавистные ему мифы буржуазной историографии и современной империалистической пропаганды, взято в непривычном ракурсе: оно спроецировано на сегодняшний день; вчерашний день интересует автора прежде всего с точки зрения поиска закономерностей, действующих в Латинской Америке сегодня. Автор отмечает, что он обращается к истории как к живой памяти человечества, без которой не может быть и сегодняшнего дня. «В этой книге, — подчеркивает писатель, — предпринят поиск некоторых ключей, затерянных в прошлом, ключей, с помощью которых можно лучше вникнуть в нынешнюю эпоху, исходя при этом из того, что глубокое познание мира — необходимая предпосылка для его преобразования» (с. 366).

...В памяти многих из нас с детских лет живут тугие паруса каравелл Колумба, устремившегося на поиски неведомых земель; закованные в доспехи конкистадоры, на бородатых лицах которых вспыхивали отблески пламени, сжигающего храмы ацтеков; бесконечная покорность на лицах забитых плантаторами-асиендадо индейцев, негров и мулатов, которые потом взорвутся все сметающим на своем пути гневом в романах Анатолия Виноградова «Черный консул», Сиро Алегрия «В далеком и чуждом мире», Б. Травена «Корабль мертвецов». Потом, и особенно после победы кубинской революции 1 января 1959 г., мы глубже узнали новые стороны жизни далекой и экзотичной Латинской Америки — пред нами предстал континент, веками сражающийся за свободу и независимость; нам ближе стали имена Хосе Марти и Аугусто Сесара Сандино, Эмилиано Сапаты и Симона Боливара, Туссена Лувертюра и Тупака Амару; мы стали лучше понимать

ответственность империалистов за страдания этого огромного континента, в котором они укрепляли свою власть самыми различными способами — от высадки оккупационных войск до зловещих «ножниц цен», обрекающих латиноамериканцев на нищету.

В своей книге Э. Галеано соединяет эти два потока информации о Латинской Америке, заставляет с новой, свежей точки зрения взглянуть на этот край, увидеть, как неразрывно связана в нем трагическая история с не менее драматическим настоящим, как одно закономерно вытекает из другого. «Вот почему в этой книге, где автор хотел рассказать историю ограбления нашего континента и одновременно показать, как действуют современные механизмы грабежа, — пишет Э. Галеано, — появляются конкистадоры на каравеллах, а рядом с ними технократы на авиалайнерах, Эрнан Кортес и морская пехота США, губернаторы королевства и эмиссары Международного валютного фонда...» (с. 33).

Композиционное построение «Вскрытых вен Латинской Америки» основывается, однако, не на строгой хронологии событий, а прежде всего на ходе развития экономических законов, вокруг которых автор и располагает конкретные исторические факты и эпизоды. Проникновение в прошлое во имя лучшего понимания настоящего и предвидения будущего у Э. Галеано связано с необычайным «вгрызанием» в глубинные пласты материального производства и условий торгового обмена в разные периоды истории континента. Можно сказать, что писатель стремится в своей книге исследовать «экономическую историю» Латинской Америки, чего до него в цельном и законченном виде еще никто другой не делал. Трудная задача? Безусловно. Но разве глубокая научность противоречит яркой популярности?

Читая книгу Э. Галеано, невольно вспоминаешь мудрый совет, который дает журналистам многоопытный, досконально изучивший внутренние законы капиталистического бизнеса старый экономист из романа Артура Хейли «Менялы»: «Не теряйтесь, если эксперты начнут засыпать вас непонятными терминами, путать рассказами о хитроумных пружинах, движущих финансовыми операциями. Поверьте мне: в основе этих операций лежат все те же простые категории, с которыми вы сталкиваетесь, когда занимаетесь домашним бюджетом, — доходы, расходы, дебет, кредит, долги, накопления, — только все не-

много сложнее, но в принципе все то же. Если вы это поймете, вам все станет ясно»[4]. Конечно же, при таком намеренном упрощении многие нюансы упускаются, однако оно необходимо для первого приближения к сердцевине любой, даже самой сложной проблемы, которая поначалу может показаться недоступной для неспециалиста.

Впрочем, яркий пример такой литературы, в которой изложение самых трудных вопросов сделано в блестящей и доступной форме, имеется и у советских авторов. Это удивительные по своей глубине и вместе с тем доступности книги Михаила Ильина: «Рассказ о великом плане», «Люди и горы», «Рассказы о вещах» и многие другие, которые в 30-х гг. не только взахлеб читались в СССР, но и переводились почти на все языки, имели огромный успех в мире (только в США «Рассказ о великом плане» выдержал несколько изданий). Максим Горький в предисловии к одному из иностранных изданий объяснял успех книг М. Ильина редчайшей способностью автора «говорить просто и ясно о явлениях сложных и вещах мудрых».

Множество раз публиковались книги М. Ильина и на испанском языке; со всем основанием можно предположить, что они знакомы Э. Галеано. Схожи и почерки обоих авторов. Во всяком случае, слова, написанные в свое время про М. Ильина, в полной мере можно отнести и к автору «Вскрытых вен Латинской Америки»: «Книга об открытиях науки вернее найдет дорогу к уму и сердцу читателя, если ее пишет не равнодушный компилятор, преподносящий своей аудитории готовые, отработанные и уже остывшие мысли и выводы, а человек, который вместе с читателем сам постигает мир, решает трудные проблемы, ищет выхода из противоречий и радуется их разрешению... Книга, ставящая перед собой эту задачу, должна быть поэтической книгой»[5].

М. В. Ломоносову, бывшему не только великим ученым, но и одним из первых русских поэтов, принадлежат гениальные слова, которые звучат как наставление всем исследователям науки, причем слова эти особенно актуальны в наши дни, когда разросшееся человеческое знание разветвилось на узкие специальности: «Что бы этому

[4] A. Hailey. The Moneychangers. New York, 1975.

[5] Цит. по: М. Ильин. Избранные произведения. М., 1962, т. 1, с. 6.

ни препятствовало, мы должны как бы охватить единым взглядом совокупность всех вещей».

Это важное качество присуще книге Э. Галеано. В ней Латинская Америка предстает именно как «совокупность», в единстве прошлого и настоящего, рассмотренных с самых разных сторон. В своем повествовании автор показывает весь континент в движении. Рассказ его, внутренне раскованный и свободный, хотя и подчинен строгой внутренней логике, по ходу дела останавливается то на одной, то на другой стране, на тех или иных впечатляющих и характерных эпизодах, подчас малоизвестных, но ярко иллюстрирующих основную мысль писателя.

* * *

Главный вопрос, на который должна ответить книга, формулируется автором следующим образом: «Неужто Латинская Америка — край, навечно обреченный на унижение и нищету? Если это так, кто ее на это обрек? Судьба, рок? Или тяжелый климат, наша принадлежность к «низшей расе»? Религия или культура? Или же наши несчастья проистекают от нашей истории, которую все же творят люди, а стало быть, люди способны ее переделать?» (с. 365).

Под этим сугубо материалистическим углом зрения писатель прослеживает историю континента, показывая, что не какие-то сверхъестественные силы с первых дней «открытия» Америки обрекли этот богатейший край на разграбление, за счет которого богатели сначала колонизаторы и эксплуататоры из Европы, а затем сменившие их империалисты США. «Прогресс», который они несли латиноамериканским странам, привел в XX в. к тому, что «бедняков в Латинской Америке убивают тайно и тихо: каждый год три бомбы, равные той, что была сброшена на Хиросиму, беззвучно взрываются над латиноамериканскими народами, привыкшими страдать, стиснув зубы. Это неявное, но вполне реальное систематическое убийство становится все более масштабным» (с. 30).

Э. Галеано неумолимо подводит читателя к единственно правильному ответу на вопрос, в чем корень зла — во включенности Латинской Америки в мировую систему капитализма, ведущей к бесчеловечной деформации общества и экономики в латиноамериканских государствах. Исключения особенно ярко подтверждают правило. В дан-

ном случае исключение — Куба, которой удалось вырваться из-под проклятья, нависшего над всем континентом, когда она порвала узы империалистической зависимости. Э. Галеано показывает, как коренным образом меняется ситуация: если одна из главных проблем латиноамериканских стран порождена тем фактом, что экономика их ориентирована преимущественно на экспорт, то для Кубы экспорт сахара в новых условиях, создавшихся после 1959 г., стал «рычагом для создания нового общества, в котором все имеют доступ к плодам экономического развития и солидарность является основой человеческих отношений...» (с. 383). «Твердые цены на сахар, установленные социалистическими странами, играют в этом смысле решающую роль», — отмечает автор (с. 115). Другими словами, истоки трагического положения, в котором находятся страны Латинской Америки, вращающиеся в сфере капиталистических отношений (как и соответствующие страны Азии и Африки), кроются не в экономических законах как таковых, а в условиях, которые навязывают им империалистические центры господства, главным образом США.

В книге Э. Галеано неоднократно говорится о «центре» и «периферии», упоминается антиномия «бедные» и «богатые» страны, однако пределы этих понятий очерчены четко. Говоря о «центре» и «периферии», автор имеет в виду разные полюса, существующие не внутри современного мирового сообщества вообще, а именно внутри капиталистической системы. Деление на «богатые» и «бедные» страны — условность, естественная в художественно-публицистической ткани повествования, но подлинный смысл этих слов не вызывает никаких сомнений.

В этой терминологии нет ни грана влияния на писателя усиленно распространяющейся в начале 70-х гг. империалистическими пропагандистами ложной концепции о «богатом Севере» и «бедном Юге», с помощью которой намеренно пытались ввести в заблуждение развивающиеся страны, смазывая четкую грань между капиталистической системой и социалистическим содружеством. Таким способом стремились снять с капиталистического Запада его долю ответственности за тяжелое положение, в котором оказались страны развивающегося мира. Надо признать, что на эту приманку в свое время клюнуло немало интеллигентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки (хотя со временем они увидели истинную по-

Центральная
городская библиотека

доплеку этой «теории»). Однако автор «Вскрытых вен Латинской Америки» — и это совершенно очевидно вытекает из всей книги — точно определяет те капиталистические державы, которые несут ответственность за бедствия континента, поскольку именно они на протяжении веков грабили его богатства и эксплуатировали его народы, ссылаясь на «право сильного».

«Для тех, кто воспринимает историю только как своего рода состязание, — отмечает Э. Галеано, — отсталость и нищета Латинской Америки есть не что иное, как следствие ее неудачи. Мы проиграли — другие выиграли. Но дело в том, что выигравшие выиграли лишь благодаря тому, что мы проиграли: история отставания Латинской Америки неотделима, как уже говорилось, от истории развития мирового капитализма. *Наше поражение всегда становилось составной частью чужой победы, наше богатство всегда порождало нашу нищету, вскармливая процветание других: разных империй и их наместников*» (с. 27).

Свою долю ответственности за это, согласно твердому убеждению Э. Галеано, несет и буржуазия латиноамериканских стран, развитие которой автор, с присущей ему образностью, сравнивает с беспорядочным, суетливым и беспомощным полетом курицы. В отличие от буржуазии ряда стран Европы и США, которая смогла выработать политику, обеспечивавшую ей возможности накопления капитала и использования его для промышленного развития, зажиточные круги стран Латинской Америки — как правило, потомки колонизаторов — помышляли лишь о сиюминутной выгоде, распродавая природные богатства своих стран и не думая об их будущем. Тесно связанная с латифундистскими кругами, выступающая в качестве посредника, латиноамериканская буржуазия не смогла выразить объективных национальных потребностей своих народов, более того, на практике препятствовала претворению в жизнь этих чаяний. Она систематически предавала тех прогрессивных государственных деятелей Латинской Америки, которые пытались дать отпор чужеземной экспансии, добиться прогресса своих стран, сплотить их единством целей и замыслов.

Во всех случаях, когда в странах Латинской Америки нарастала политическая активность общества, местная буржуазия торпедировала позитивные начинания государственных деятелей патриотического толка, бросалась

в объятия иностранному капиталу, который затем подавлял огнем и мечом очередную попытку проводить политику, более отвечающую национальным интересам, либо поощряла новый реакционный переворот. Это не означает, что Э. Галеано отрицает в принципе возможность участия тех или иных групп патриотически настроенной буржуазии или отдельных ее представителей в борьбе за «второе освобождение» континента. Однако как класс в целом буржуазия стран Латинской Америки, тесно связавшая свою судьбу с империализмом, до сих пор играет негативную роль.

Но в одном отношении, горько иронизирует автор «Вскрытых вен Латинской Америки», местная буржуазия проявила недюжинную изобретательность — в использовании тотального террора против собственных народов. Правда, и в этом случае она широко использует новейшие методы разработанной в США «технологии подавления»; но все же правящие круги континента продемонстрировали определенные способности и инициативу, применяя ими же придуманные способы повсеместного насаждения ужаса и страха, которыми хотят парализовать волю к борьбе у народов, стремящихся добиться перемен.

Жесточайшие и изощренные массовые репрессии, снискавшие столь печальную славу латиноамериканским диктатурам, отмечает Э. Галеано, вовсе не порождены чертами, свойственными якобы «латинскому» характеру и темпераменту, как пытаются часто представить органы массовой информации на Западе. Такая жестокость вытекает из самого характера экономической системы капиталистических стран континента. Заставлять миллионы людей работать во имя прибылей транснациональных корпораций, обрекая их на нищенское существование, возможно лишь при условии, что эксплуатируемые не только полностью лишены каких бы то ни было свобод, но и не смеют поднять головы. И сегодня политика немилосердного «затягивания поясов», которую диктуют Международный валютный фонд и другие организации, находящиеся под контролем США, объективно требует насаждения «крепкой» власти, чтобы сбить волну недовольства и протестов трудящихся. «Чем больше свободы предоставляется торговле, — горько отмечает Э. Галеано, — тем больше тюрем надо сооружать для тех, кто становится жертвой этой торговли» (с. 25).

«Свобода» частного предпринимательства, внедряемая империалистическими монополиями южнее Рио-Гранде, на поверку оборачивается тотальной несвободой, поддерживаемой массовым террором. Эту прямую зависимость между двумя названными факторами наглядно показал, как отмечает Э. Галеано, бывший министр правительства Народного единства Орландо Летельер, который был не только видным политическим деятелем, но и незаурядным ученым-экономистом. После переворота в Чили, находясь в эмиграции в США, Летельер в ряде работ, опубликованных в журнале «Нейшн» в августе 1977 г., показал непосредственную зависимость между «либерализацией» чилийской экономики при Пиночете, проведенной по рецептам экономистов из так называемой Чикагской школы, и разгулом репрессий военной хунты. Месяц спустя, 21 сентября того же года, О. Летельер был убит в самом центре Вашингтона взрывом бомбы, которую подложили в его автомобиль агенты пиночетовской охранки, действовавшие при прямом содействии ЦРУ. Разоблачения О. Летельера оказались слишком опасными для транснациональных корпораций, намеревавшихся применить и в других развивающихся странах метод «шокового лечения», опробованный в Чили.

Заканчивая свою книгу, Э. Галеано резюмирует, что главным виновником бедствий и страданий континента является капитализм, который в Латинской Америке явил особенно уродливую свою разновидность, утерявшую даже те объективно положительные черты, которые были свойственны этой формации в определенный момент исторического развития. «В наших землях, — пишет автор,— мы наблюдаем ныне не первобытное, исполненное силы дикарское детство капитализма, а его одряхление, сопровождающееся кровавыми конвульсиями. Слаборазвитость — не один из этапов нашего развития. Это — следствие капиталистического развития в наших условиях. Слаборазвитость Латинской Америки — закономерный итог чужого развития, которое она продолжает питать по сей день» (с. 390).

* * *

Выше уже говорилось о том, что с того момента, когда автор писал «Вскрытые вены Латинской Америки», то есть с начала 70-х гг., на континенте многое изменилось:

в Чили хунта расправилась с правительством Сальвадора Альенде; антинародные силы совершили переворот в Уругвае; в Аргентине взяли власть в руки реакционные военные, устроившие в стране настоящий геноцид; в Гренаде высадилась морская пехота США, прервав продвижение этой страны по прогрессивному курсу. Однако победила революция в Никарагуа; поднялись на борьбу с оружием в руках народы Сальвадора и Гватемалы; военные диктатуры в Бразилии, Аргентине и Уругвае сменились гражданскими режимами. Но все эти перемены происходили уже на наших глазах, мы знаем о них по еще свежим сообщениям газет, радио и телевидения. В 24-е издание книги на испанском языке, вышедшее в 1978 г., автор внес соответствующие коррективы, написав дополнительную главу «Семь лет спустя». Тем не менее ход событий снова обогнал его перо. Сила «Вскрытых вен Латинской Америки» не в описании текущего положения на континенте, за которым невозможно поспеть. Труд Э. Галеано, с поправками или без них, по-прежнему вызывает живой интерес у читателей, тираж расходится за тиражом. «Это замечательный труд талантливого писателя, — писал в 1977 г. выходящий в Париже на французском языке журнал «Ле тьер монд». — Сейчас он представляется даже более злободневным и нужным, чем когда был впервые опубликован».

Действительно, достоинство книги Э. Галеано в том, что она актуальна, поскольку написана с учетом долгосрочной перспективы. Главным в ней является серьезный анализ глобальных тенденций, происходящих на континенте. Эти тенденции автор уловил настолько четко и ясно, что мы вправе утверждать: в наши дни книга Э. Галеано обрела еще большую актуальность. Она удивительно органично «вписывается» в сегодняшний день, предвосхитив кардинальные перемены, требующие нового подхода и свежего взгляда, с которыми мир столкнулся в середине 80-х гг.

Замаскированный цинизм монополий США, с которым они действуют южнее Рио-Гранде, с приходом к власти администрации Р. Рейгана стал как никогда неприкрытым и вызывающим. Демагогические декларации президентов США в прошлом о стремлении найти «общий язык» с Латинской Америкой теперь квалифицируются как «мягкотелые», курс взят на «жесткую политику». И в этом случае политика оказалась теснейшим образом свя-

зана с экономикой. Беспрецедентная гонка вооружений, затеянная при Р. Рейгане, привела к стремительному увеличению дефицита федерального бюджета (с 58 млрд. в 1981 г. до 200 млрд. долл. 5 лет спустя). Чтобы уменьшить остроту собственных экономических проблем, Вашингтон взял курс на привлечение ресурсов всего капиталистического мира, прибегая к самым беззастенчивым методам, не считаясь с интересами даже ближайших союзников. Разговоры о «помощи», оказываемой Латинской Америке, прекратились — теперь из нее стали выкачивать средства уже без прикрас. Одни лишь махинации с учетными ставками привели к потере латиноамериканцами более миллиарда долларов. Шестеренки механизма ограбления закрутились стремительнее, хищническая сущность империалистической экономической политики в отношении Латинской Америки стала, как никогда в прошлом, ясной.

Один весьма яркий пример подтверждает тот факт, что книга «Вскрытые вены Латинской Америки» оказалась сейчас более злободневной, чем когда была опубликована. Особое внимание в ней уделяется наиболее модернизированному способу выкачивания капитала из латиноамериканских стран, каким является опутывание их кабальными нитями долговых обязательств. Э. Галеано отмечал, что при тех условиях, по которым странам континента предоставляются займы, наступит час, когда Латинская Америка просто не сможет возвращать долги. Тогда, 15 лет назад, такая ситуация представлялась очень отдаленной, если вообще реальной, а тревоги писателя преувеличенными. Жизнь, к сожалению, подтвердила прогнозы автора «Вскрытых вен Латинской Америки».

Когда Э. Галеано опубликовал свою работу, внешний долг стран континента составлял 20 с небольшим миллиардов долларов. Некоторые оптимистически настроенные экономисты полагали тогда, что благодаря внешнему финансированию, даже осуществляемому на драконовских условиях, латиноамериканским странам удастся со временем раскрутить маховик хозяйства, экономика сдвинется с места, начнет давать отдачу, и это позволит выплатить долги. Э. Галеано же утверждал, что если порядки предоставления займов и уплаты по ним процентов не изменятся, то этого никогда не произойдет. Задолженность действительно продолжала нарастать словно снежный ком: к концу 1985 г. внешний долг континента вырос по

сравнению с 1970 г. в 20 раз, достигнув критической цифры — без малого 400 млрд. долл.[6] Подсчитано, что на покрытие такого долга потребовались бы 3 годовые выручки от экспорта товаров и услуг континента, или половина всего его годового валового продукта. Это равнозначно экономической катастрофе. Латинская Америка оказалась на грани банкротства.

Проблема финансовая превратилась в политическую. Вопрос о внешнем долге стал вопросом номер один на континенте: по поводу его высказываются президенты и премьеры, его обсуждают экономисты на специальных совещаниях. Более того, он появился и в повестке дня международных встреч на самом высоком уровне. Прогрессивная общественность настаивает на том, что народы не обязаны выплачивать долги, от которых они фактически ничего не получили, причем такие, в которые правительства — а часто речь шла о военных диктатурах — влезли, не спросив на то народного согласия.

В прошлом проблему долга удавалось в какой-то мере смягчать за счет того, что переносились сроки платежей, рефинансировалась основная часть долга и т. д. Но теперь проблема обрела такие масштабы, что подобные паллиативы мало что решают. К тому же кредиторы упорно требуют выплаты долгов, не задумываясь над тем, что это вконец разорит должников. Особенно непреклонен Вашингтон, давно занявший жесткую позицию в отношении развивающихся стран в свойственной ему теперь «твердой» манере: «К черту нищих — бог подаст».

В этой обстановке по-новому, свежо зазвучали аргументы, пронизывающие лейтмотивом всю книгу Э. Галеано. Остроактуальными стали выдвигаемые им концепции, давно вызревшие на континенте, которые во «Вскрытых венах Латинской Америки» сформулированы очень четко. Отзвук их можно найти в заявлениях, которые, выражая точку зрения большинства латиноамериканских государств, делает революционная Куба устами своего руководителя Фиделя Кастро. Она подчеркивает, что кредиторы Латинской Америки на капиталистическом Западе давно уже разными способами вернули себе капиталы, предоставленные ими латиноамериканцам. Крупные капиталистические страны, которые веками развивались за счет выкачивания богатств из многострадального конти-

[6] "Granma", 30 mar. 1985.

нента, фактически сами являются должниками Латинской Америки[7]. Эта идея находит все большую поддержку у народов континента, в значительной степени определяя их позицию в вопросе о внешнем долге. Чем бы ни разрешился нынешний серьезный кризис — провозвестник будущих еще более острых конфронтаций, — ясно, что он с особой силой обнажил эксплуататорскую сущность современного империализма, воочию показал тупиковость капиталистического пути развития для стран Латинской Америки.

Что касается позиции социалистических стран в этом вопросе, то она была сформулирована еще в Декларации, принятой в июне 1984 г. Экономическим советом стран — членов СЭВ, собравшимся на высшем уровне в Москве. В ней подтверждалось, что социалистические страны выступают за упорядочение валютно-финансовых отношений, против политики высоких процентных ставок, за нормализацию условий предоставления и выплаты кредитов, с тем чтобы эти условия, особенно в отношении задолженности развивающихся стран, не использовались в качестве средства политического давления и вмешательства во внутренние дела.

В этом тезисе также учитываются новые реальности современного мира, требующие, как отмечал в Женеве Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, свежего взгляда на вещи; факт тесной взаимосвязанности государств, ведущей к взаимозависимости между ними, что «обязывает всех нас искать ответы на проблемы этого множества государств, которые стремятся к лучшей жизни» [8].

* * *

«Наша бедность, — пишет в заключение Э. Галеано, — не предначертана судьбой, наше отставание — не результат промысла божьего. Настала пора революции, время освобождения... Куба положила начало, а за ней и другие страны различными путями и различными методами также добиваются перемен: сохранять существующий порядок вещей — значит увековечить преступление» (с. 32).

«Вскрытые вены Латинской Америки» — книга горь-

[7] "Granma", 10 apr. 1985.
[8] «Правда», 22 ноября 1985 г.

кая, порою жестокая, но не пессимистическая. Автор ее твердо верит, что народы континента найдут в себе силы покончить с вековым проклятием, нависшим над их странами. Несмотря на жестокие репрессии и вопреки им, страны Латинской Америки сотрясают забастовки и демонстрации, всевозможные формы протеста, миллионы людей включаются в политическую активность. В авангарде идет организованный рабочий класс, накопивший богатые традиции борьбы за свои права, демократию и социальный прогресс.

Хуан Кобо

«...Мы долго хранили молчание, весьма похожее на глупость...»

(Прокламация Повстанческой хунты защитников города Ла-Пас, 16 июля 1809 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Сто двадцать миллионов детей в центре бури

Международное разделение труда в капиталистическом мире приводит к тому, что одни страны постоянно выигрывают, а другие — проигрывают. Наша часть света, которую мы сегодня называем Латинской Америкой, рано определилась в этом смысле: она стала специализироваться на проигрыше с той самой поры, когда европейцы эпохи Возрождения ринулись через океан и впились зубами ей в глотку. Прошли века, и функции Латинской Америки стали более современными. Это уже не былое царство чудес, где действительность затмевала сказку, а воображение чувствовало себя бессильным, взирая на плоды конкисты, груды золота и горы серебра. Но как и прежде, наш регион находится на положении прислуги. Он по-прежнему служит чужим интересам — как источник и склад нефти и железа, меди и мяса, фруктов и кофе, сырья и продуктов питания, предназначенных для богатых стран, выигрывающих от их потребления гораздо больше, чем Латинская Америка — от их производства. Покупатели наших товаров взимают с них налоги, намного превышающие ту выручку, которую за них получают наши продавцы, и вообще, как заявил в июле 1968 г. координатор программы «Союз ради прогресса» Кови Т. Оливер, «говорить в наше время о твердых ценах — значит опускаться до уровня средневековых понятий. Мы живем в эпоху свободной коммерции...». Чем больше свободы предоставляется торговле, тем больше тюрем надо сооружать для тех, кто становится жертвой этой торговли. Наши режимы, руководимые инквизиторами и палачами, работают не только для обеспечения господствую-

щего внешнего рынка, они гарантируют обильные источники прибылей, берущие начало в иностранных займах и внешних инвестициях во внутренние рынки, находящиеся под жестким контролем. «Здесь говорили об уступках, сделанных Латинской Америкой иностранному капиталу, но об уступках Соединенных Штатов капиталу других стран нет даже основания говорить... Дело в том, что мы не идем на уступки, — предупреждал еще в 1913 г. президент Вудро Вильсон. Он утверждал: — Страной владеет и над ней господствует тот капитал, который в нее вложен». И он был прав. Постепенно мы даже утратили право называться американцами, хотя гаитяне и кубинцы вошли в историю как новые народы за целое столетие до того, как первые поселенцы с «Мэйфлауэра» обосновались на Плимутском побережье. И теперь для всех Америка — это только Соединенные Штаты, мы живем в лучшем случае в некоей суб-Америке, в какой-то расплывчатой второсортной Америке.

Латинская Америка — регион со вскрытыми венами. С момента открытия и до наших дней все здесь превращалось в европейский, а позднее — в североамериканский капитал, и этот капитал накапливался и продолжает накапливаться в далеких от нас центрах власти. Все — земля, ее плоды, ее богатые полезными ископаемыми недра, люди, трудоспособность и потребительский спрос, природные и человеческие ресурсы, способ производства и классовая структура каждого района — определялось извне по мере его включения в общую систему капитализма. И каждому району навязывалась одна функция, всегда благоприятствующая развитию очередной иностранной метрополии. Так образовалась бесконечная цепь последовательных подчинений, состоящая из многих звеньев, при этом и внутри самой Латинской Америки имеются свои звенья: зависимость малых стран от крупных соседей, социальный гнет внутри каждой страны, эксплуатация крупными городами и портами сырьевых и трудовых ресурсов периферии. (Четыре столетия назад уже возникли 16 из 20 самых населенных городов современной Латинской Америки.)

Для тех, кто воспринимает историю только как своего рода состязание, отсталость и нищета Латинской Америки есть не что иное, как следствие ее неудачи. Мы проиграли — другие выиграли. Но дело в том, что выигравшие выиграли лишь благодаря тому, что мы проиграли: исто-

рия отставания Латинской Америки неотделима, как уже говорилось, от истории развития мирового капитализма. *Наше поражение всегда становилось составной частью чужой победы, наше богатство всегда порождало нашу нищету, вскармливая процветание других: разных империй и их наместников. Колониальная и неоколониальная алхимия превращает золото в негодный хлам, продукты питания — в яд.* Потоси, Сакатекас и Оуру-Прету рухнули с осиянных блеском драгоценных металлов высот в глубокие колодцы опустевших рудников, разорение опустошило и чилийскую селитряную пампу, и бразильскую каучуконосную сельву. Сахарный Северо-Восток Бразилии, кебрачевые леса Аргентины, нефтяные поселки у озера Маракайбо также имели печальную возможность убедиться, сколь недолговечны блага, даруемые природой и узурпируемые империализмом. *Золотой дождь, орошающий центры империалистической власти, превращает в болото ее обширные окраины. И согласно тому же закону симметрии, благосостояние наших правящих классов — правящих внутри, хотя подчиненных внешним силам — оборачивается проклятием для наших масс, обреченных влачить жизнь вьючных животных.*

Брешь расширяется. К середине прошлого века уровень жизни богатых стран превосходил уровень жизни бедных стран на 50%. Но прогресс усиливает неравенство: в апреле 1969 г. в речи, обращенной к Организации американских государств (ОАГ), Ричард Никсон заявил, что к концу XX в. доход на душу населения в Соединенных Штатах будет в пятнадцать раз выше, чем в Латинской Америке. Сила империалистической системы в целом опирается на неизбежное неравенство составляющих ее частей, и это неравенство приобретает все более драматический характер. Страны-угнетатели становятся все более богатыми в абсолютном исчислении, но гораздо богаче они становятся относительно — за счет постоянно растущего неравенства. *Капитализм центра* может позволить себе роскошь — создавать мифы об изобилии и верить в них, однако мифами сыт не будешь, и это хорошо известно бедным странам, составляющим обширный *периферийный* капитализм. Средний доход североамериканца в семь раз больше среднего дохода жителя Латинской Америки, и при этом растет он в десять раз быстрее. А ведь показатель среднего дохода обманчив из-за бездонной пропасти, которая разделяет бедное большинство и бога-

тое меньшинство региона, находящегося к югу от реки Рио-Гранде. И действительно, 6 млн. латиноамериканцев, образующих вершину социальной пирамиды, имеют, согласно данным ООН, такой же доход, как 140 млн. человек, входящих в ее основание. С одной стороны, у 60 млн. крестьян доходы не превышают 25 центов в день, а с другой стороны, те, кто наживаются на чужих несчастьях, могут позволить себе откладывать по 5 млн. долл. в швейцарских или американских банках, растрачивать капитал впустую, бросать деньги на вызывающую и оскорбительную роскошь, делать непроизводительные вложения, составляющие не менее половины всех вложений, — а ведь Латинская Америка могла бы направить их на развитие производительных сил. Наши правящие классы, изначально включенные в орбиту империалистической власти, не испытывают ни малейшего желания хотя бы проверить, не окажется ли патриотизм более рентабельным, чем предательство, и действительно ли выпрашивание подачек является единственной возможной формой международной политики. Суверенитет отдают под заклад под тем предлогом, что «иного пути нет». Пытаясь обелить себя, олигархия намеренно выдает свое собственное бессилие за придуманное ею отсутствие перспективы наций.

Жозуэ де Кастро заявляет: «Хотя я и получил международную премию мира, думаю, что у Америки нет иной альтернативы, кроме насилия». А в центре всей этой бури — 120 млн. страдающих детей. Население Латинской Америки растет быстрее, чем где бы то ни было, за полвека его прирост утроился. Каждую минуту от голода и болезней умирает один ребенок, однако к 2000 г. население Латинской Америки составит уже 650 млн. человек, при этом половина из них будет моложе 15 лет — настоящая бомба замедленного действия! К концу 1970 г. на 280 млн. латиноамериканцев приходилось 50 млн. полностью или частично безработных и около 100 млн. неграмотных; половина латиноамериканцев живет в тесноте, в не отвечающих санитарным нормам жилищах. Три самых крупных рынка Латинской Америки — Аргентина, Бразилия и Мексика, — даже взятые вместе, не могут достичь объема потребления Франции или Западной Германии, хотя общее население тройки крупнейших наших стран намного превосходит население любой европейской страны. Латинская Америка производит сегодня меньше продуктов на душу населения, чем перед последней ми-

ровой войной, а ее экспорт в расчете на душу населения уменьшился — в постоянных ценах — в три раза по сравнению с тем, каким он был накануне кризиса 1929 г. Эта система вполне разумна с точки зрения ее иностранных хозяев и с точки зрения нашей посреднической буржуазии, продавшей душу дьяволу за цену, которая заставила бы покраснеть Фауста. Но эта система совершенно неразумна для всех остальных, ибо чем дольше она развивается, тем больше усиливаются ее нестабильность и внутренняя напряженность, ее вопиющие противоречия. Даже несамостоятельная и запоздалая индустриализация, сосуществующая с латифундиями и системой неравенства, порождает безработицу, вместо того чтобы способствовать ее устранению, и это в регионе, где безостановочно увеличивается количество незанятых рабочих рук. Новые промышленные предприятия сооружаются в привилегированных «полюсах развития» — Сан-Паулу, Буэнос-Айресе, Мехико, — однако они раз от разу требуют все меньше рабочей силы. Рецепты индустриализации упустили маленький нюанс — избыток людей. А люди все плодятся. Они занимаются любовью с энтузиазмом, но без предосторожностей. И все больше людей остается на обочине жизни, не находя работы ни на полях латифундий с их огромными пустошами, ни в городах, где царствуют машины: система отвергает людей. Североамериканские миссии в массовом масштабе проводят стерилизацию женщин, раздают направо и налево противозачаточные таблетки, диафрагмы, спирали, презервативы. Но в ответ на все эти меры появляются новые дети; они упрямо продолжают рождаться, эти латиноамериканские дети, и предъявляют права на свое законное место под солнцем на этой прекрасной земле, которая могла бы щедро одарить всех тем, в чем почти каждому отказано.

В первых числах ноября 1968 г. Ричард Никсон во всеуслышание заявил, что, хотя «Союз ради прогресса» существует уже 7 лет, недоедание и нехватка продуктов питания в Латинской Америке только усилились. А в конце апреля того же года Джордж У. Болл писал в журнале «Лайф»: «Недовольство беднейших стран, по крайней мере в течение ближайших десятилетий, не будет грозить миру разрушением. Как это ни стыдно признать, на протяжении жизни многих поколений две трети мира — бедные, а одна треть — богатые. И как это ни несправедливо, доступ бедных к власти ограничен». Болл возглавлял делегацию

США на I Конференции по вопросам торговли и развития (ЮНКТАД) в Женеве, где он голосовал против 9 из 12 принятых там общих принципов, направленных на облегчение тяжелого положения слаборазвитых стран в сфере международной торговли. Бедняков в Латинской Америке убивают тайно и тихо: каждый год три бомбы, равные той, что была сброшена на Хиросиму, беззвучно взрываются над латиноамериканскими народами, привыкшими страдать, стиснув зубы. Это неявное, но вполне реальное систематическое убийство становится все более масштабным. Сообщения о его жертвах попадают не в полицейские хроники, а в статистические сводки ФАО. Болл отмечает, что безнаказанность пока еще возможна — ведь бедняки не могут развязать мировую войну. Однако империя озабочена: будучи не в силах сотворить чудо с пятью хлебами, она делает все возможное, чтобы избавиться от лишних едоков. «Боритесь с нищетой: убивайте нищих!» — нацарапал какой-то мрачный остряк на стене дома в Ла-Пасе. А что, собственно, предлагают наследники Мальтуса, как не убивать будущих нищих еще до их появления на свет? Роберт Макнамара, президент Международного банка реконструкции и развития (МБРР), а до этого бывший президентом Фонда Форда и министром обороны США, утверждает, что демографический взрыв — главное препятствие на пути Латинской Америки к прогрессу, и предупреждает, что МБРР, предоставляя займы, будет отдавать предпочтение тем странам, которые принимают меры по установлению контроля над рождаемостью. Макнамара с сожалением подтвердил, что индекс интеллектуальных способностей бедняка ниже на 25%, а технократы из МБРР (которым посчастливилось родиться) запустили свои компьютеры и выдали заумные и косноязычные резюме, доказывающие, насколько выгоднее вообще не рождаться. «Если развивающаяся страна со средним ежегодным доходом на душу населения от 150 до 200 долл. добьется в течение 25 лет понижения рождаемости на 50%, то за 30 лет доход на душу населения возрастет в ней на 40% по сравнению с уровнем, который был бы достигнут без понижения рождаемости, а за 60 лет доход на душу населения удвоится», — говорится в одном из документов банка. Широкую известность получила фраза Линдона Джонсона: «Пять долларов, ассигнованных на предотвращение роста населения, дадут больший эффект, чем сто долларов, ассигнованных на ускорение

экономического развития». Дуайт Эйзенхауэр предсказывал, что если жители Земли будут размножаться такими же темпами, то это приведет не только к возрастанию угрозы революции, но и к неизбежному «понижению уровня жизни всех народов, включая и народ США!».

Соединенные Штаты сами не страдают от проблем, вызванных взрывом рождаемости внутри страны, но именно они, как никто другой, озабочены тем, чтобы распространить по всему свету и навязать всем странам принцип «планирования семьи». Это касается не только правительства: и Рокфеллеру, и Фонду Форда также мерещатся неисчислимые полчища детей, надвигающиеся, как саранча, от границ «третьего мира». Еще Платон и Аристотель размышляли о проблеме перенаселения задолго до Мальтуса и Макнамары, но все дело в том, что в наше время поднятый вокруг нее ажиотаж служит вполне определенной цели — оправдать резкое неравенство в распределении доходов между различными странами и различными классами, воздвигнуть плотину против ярости пришедших в движение непокорных масс. На Юго-Востоке Азии внутриматочные средства успешно применяются наряду с бомбами и снарядами в борьбе против роста населения. *В Латинской Америке оказалось более гигиеничным и эффективным убивать партизан в материнской утробе, а не на улицах и в горах.* Различные североамериканские миссии стерилизовали тысячи женщин в Амазонии, несмотря на то что это самая малонаселенная зона из всех обитаемых земель планеты. В большинстве латиноамериканских стран нет избытка людей — есть недостаток. В Бразилии на один квадратный километр приходится в 38 раз меньше населения, чем в Бельгии; в Парагвае — в 49 раз меньше, чем в Англии; в Перу — в 32 раза меньше, чем в Японии. Гаити и Сальвадор, эти человеческие муравейники, имеют меньшую плотность населения, чем Италия. Надуманные предлоги оскорбляют разум, а истинные намерения могут лишь вызвать возмущение. Ведь как бы то ни было, половина территории Боливии, Бразилии, Чили, Эквадора, Парагвая вообще не заселена. Ни в одной латиноамериканской стране население не растет так медленно, как в Уругвае. Уругвай — страна стариков. И тем не менее ни одна другая страна не была так наказана в последние годы разразившимся кризисом, который, казалось, вверг Уругвай в девятый круг Дантова ада. Страна почти опустела, а ведь ее щед-

рые пастбища могут обеспечить питанием несравненно большее число людей, нежели то, что влачит ныне жалкое существование на ее территории.

Более века назад один из министров иностранных дел Гватемалы пророчески заметил: «Было бы весьма странно, если бы Соединенные Штаты, откуда к нам приходит зло, вдруг породили бы для нас и средство исцеления». После того как умер и был похоронен «Союз ради прогресса», империя предлагает теперь — руководствуясь больше страхом, чем щедростью, — решить все проблемы Латинской Америки без участия самих латиноамериканцев. У Вашингтона есть основания подозревать, что бедные народы *не желают быть бедными*. Но нельзя признавать цель и не признавать средства: тот, кто не верит в возможность освобождения Латинской Америки, отрицает единственно возможный путь нашего возрождения, а тем самым и оправдывает существующие ныне структуры. Молодых становится все больше, они поднимаются, они задают вопросы и хотят получить на них ответы. А представители системы говорят с ними на сюрреалистическом языке: они предлагают уменьшить рождаемость — и это на наших пустынных землях; они ссылаются на нехватку капитала — и это при том, что в наших странах образовался избыток капитала, который расточается впустую; они именуют «помощью» деформирующую ортопедию займов и выкачивание наших богатств в результате иностранных инвестиций; они предлагают латифундистам провести аграрную реформу и призывают олигархию осуществить на практике социальную справедливость. Классовой борьбы не существует, провозглашают они, а то, что считается классовой борьбой, есть результат происков иностранных агентов, которые пытаются ее разжечь, однако социальные классы существуют, и угнетение одних классов другими именуется западным образом жизни. Разбойничьи экспедиции морской пехоты будто бы имеют целью восстановить порядок и социальный мир, а близкие Вашингтону диктатуры вводят строгий «правопорядок» в тюрьмах, запрещают забастовки и распускают профсоюзы, чтобы защитить свободу труда.

Выходит, нам ничего не остается, как сложить руки? Но ведь наша бедность не предначертана судьбой, наше отставание — не результат промысла божьего. Настала пора революции, время освобождения. Правящие классы готовятся к худшему и в то же время пророчат всем

остальным конец света. Правые в каком-то смысле правы, когда отождествляют себя с порядком и спокойствием, но их порядок — это на самом деле порядок ежедневного унижения большинства, а их спокойствие зиждется на том, что несправедливость продолжает оставаться несправедливостью, а голод — голодом. Если будущее сулит неожиданности, консерватор с полным на то основанием кричит: «Нас предали!» И идеологи бессилия, рабы, которые смотрят на себя глазами хозяина, вслед за ними также поднимают крик. Бронзовый орел «Мэна» *, поверженный в день победы кубинской революции, лежит, заброшенный, со сломанными крыльями, под воротами дома в старом городе в Гаване. Куба положила начало, а за ней и другие страны различными путями и различными методами также добиваются перемен: сохранять существующий порядок вещей — значит увековечить преступление.

Призраки всех задушенных и преданных революций нашей мучительной латиноамериканской истории напоминают о себе в переживаемой сегодня действительности, так же как сама эта сегодняшняя действительность предчувствовалась в прошлом и порождалась его противоречиями. История — это пророк, взор которого обращен вспять: по тому, что было, и вопреки тому, что было, он предсказывает то, что будет. Вот почему в этой книге, где автор хотел рассказать историю ограбления нашего континента и одновременно показать, как действуют современные механизмы грабежа, появляются конкистадоры на каравеллах, а рядом с ними — технократы на авиалайнерах, Эрнан Кортес и морская пехота США, губернаторы королевства и эмиссары Международного валютного фонда (МВФ), дивиденды, работорговцы и прибыли «Дженерал моторз». В ней появляются также павшие герои, революции наших дней, вспоминаются былые унижения, умершие и воскресшие вновь надежды, многочисленные жертвы, которые были не напрасны.

Часть первая

КОГДА БОГАТСТВО ЗЕМЛИ ПОРОЖДАЕТ НИЩЕТУ

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
СЕРЕБРЯНАЯ ЛИХОРАДКА

Крест в рукояти меча

Вняв голосу легенд, Христофор Колумб пустился в плавание на запад Ойкумены через безмерные просторы пустынного океана. Ужасные бури будут играть с его кораблями, как с ореховыми скорлупками, и бросать их в пасти чудовищ. Огромные змеи, алчущие человеческой плоти, будут подстерегать их в пучине мрачных морей. Оставалась только тысяча лет до того мгновения, когда в очистительном огне Страшного суда погибнет мир, как думали люди в XV в., а миром тогда было Средиземное море с его малоизведанными путями в Африку и на Восток. Португальские мореплаватели утверждали, что иногда западный ветер гонит трупы странных людей, прибивает к берегу столбы, покрытые необычной резьбой, однако никто тогда не подозревал, что пройдет совсем немного времени — и так поразительно раздвинутся границы мира.

Америка не была еще Америкой. Норвежцы не знали, что уже давно открыли ее, да и сам Христофор Колумб умер — после всех своих путешествий — в полной уверенности, что он доплыл до Азии с другой стороны. Когда в 1492 г. испанский сапог впервые ступил на песок Багам, адмирал был убежден, что с этих островов начинается Япония. Колумб вез с собою книгу Марко Поло, страницы которой были испещрены многочисленными заметками. Жители Сипанго, писал Марко Поло, «обладают несметными запасами золота; рудники, где его добывают, не иссякнут во веки веков... А еще на острове Сипанго есть много жемчуга, отличающегося необыкновенно чистым блеском. Жемчужины здесь крупные, круглые, розового цвета, гораздо более ценные, чем белый жемчуг». Молва о богатстве Сипанго достигла слуха Великого хана Кублая и разожгла в его сердце желание овладеть им. Однако хан потерпел неудачу. С этих написанных блестящим слогом страниц книги Марко Поло и разлетелись по миру заманчивые выдумки о 13 тыс. ост-

ровов в Индийском океане, о горах золота и жемчуга на каждом из островов, о 12 видах пряностей, произрастающих там в огромном количестве, не говоря уже о белом и черном перце.

Перец, имбирь, душистая гвоздика, мускатный орех и корица были таким же предметом вожделения, как соль, которую использовали при консервировании мяса на зиму, чтобы оно не портилось и не теряло вкуса. Католические короли Испании решили финансировать поиски прямого доступа к местам, откуда привозили пряности, чтобы избавиться от обременительной цепочки посредников и перекупщиков, захвативших в свои руки всю торговлю специями, тропическими растениями, муслином, холодным оружием из таинственных стран Востока. Желание заполучить благородные металлы, необходимые для оплаты торговых расходов, было еще одной причиной, побуждающей к организации экспедиции через зловещий океан. Вся Европа остро нуждалась в серебре. К тому времени уже почти полностью истощились серебряные рудники в Богемии, Саксонии и Тироле.

Испания переживала эпоху реконкисты. 1492 г. был не только годом открытия Америки, рождения Нового Света, случившегося в результате ошибки, которая имела колоссальные последствия, он был к тому же годом отвоевания Гранады. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, объединив с помощью брачного союза свои владения, в начале 1492 г. сокрушили последний оплот мусульманской религии на испанской земле. Понадобилось почти восемь столетий, чтобы вернуть то, что было потеряно за какие-нибудь семь лет [1]. Реконкиста опустошила королевскую казну. Но это была «священная война», война христиан против ислама, и поэтому совсем не случайно в том же 1492 г. было объявлено об изгнании из страны 150 тыс. евреев. Испания обретала свое место под солнцем как самостоятельная держава, вздымая меч, рукоять которого воспроизводила символ христианской веры — крест. Изабелла стала крестной матерью Святой инквизиции. Подвиг открытия Америки нельзя объяснить без учета воинственного духа крестовых походов, царившего в средневековой Кастилии, и церковь оказалась готовой придать священный характер делу завоевания еще неведомых земель по другую сторону океана. Папа Алек-

[1] J. H. Elliott. La España imperial. Barcelona, 1965.

сандр VI, родом из Валенсии, объявил Изабеллу госпожой и владычицей Нового Света,— экспансия Кастильского королевства расширяла границы царства божьего на земле.

Три года спустя после открытия Америки Христофор Колумб принял личное участие в военной кампании против индейцев острова Санто-Доминго *. Горстка всадников, две сотни пехотинцев и несколько собак, обученных бросаться на людей, устроили индейцам кровавую баню. Более 500 туземцев, отправленных в Испанию, были проданы в Севилье как рабы и умерли жалкой смертью [2]. Нашлись, однако, некоторые теологи, выступившие против этого, и в результате в самом начале XVI в. обращение индейцев в рабство было формально запрещено. В действительности же оно было не только не отменено, но даже благословлено: каждый раз, вступая на новую землю, капитаны должны были в присутствии нотариуса зачитывать индейцам велеречивое «Требование», которое призывало их перейти в святую католическую веру, «а если вы того не сделаете или злонамеренно учините промедление, — предупреждал документ, — знайте, что я с божьей помощью выступлю против вас вооруженной силой, и буду воевать вас, где только смогу и как только смогу, и заставлю вас склонить голову и подчиниться церкви и Ее Величеству, и возьму ваших жен и детей, и сделаю их рабами, и буду их как рабов продавать и располагать ими так, как Ее Величество укажет, и возьму все ваше добро, и причиню вам столько вреда и сотворю столько зла, сколько будет в моих силах...» [3].

Америка была империей дьявола, ее «спасение» представлялось делом трудным, если не невозможным, однако фанатичную борьбу против ереси туземцев не всегда можно было отличить от золотой лихорадки, которую вызывали у конкистадоров сокровища Нового Света. Берналь Диас дель Кастильо, верный соратник Эрнана Кортеса в завоевании Мексики, пишет, что они приплыли в Америку, «дабы тем послужить богу и Ее Величеству, а также затем, чтобы завладеть ее богатствами».

Когда Колумб достиг атолла Сан-Сальвадор, он был поражен цветной прозрачностью Карибского моря, пыш-

[2] L. Capitan y H. Lorin. El trabajo en América, antes y después de Colón. Buenos Aires, 1948.

[3] D. Vidart. Ideología y realidad de América. Montevideo, 1968.

ной зеленью берегов, сладким благоуханием и свежестью воздуха, ярким оперением птиц, а также «хорошим сложением и красотой» юношей и «добрым нравом» жителей. Он подарил индейцам «несколько красных шапочек» и «несколько ниток стеклянных бус, которые они тотчас надели себе на шеи, и много других безделушек, и те доставили им такое большое удовольствие и так расположили к нам, что это было похоже на чудо». Он показал им мечи. Индейцы не знали, что это такое, они брали клинки за лезвия и ранили себе руки. Все это время, записывает Колумб в корабельном журнале, «я был предельно внимателен и прилагал все усилия, чтобы узнать, нет ли здесь золота, я заметил, что многие индейцы носят кусочки золота, продев их в отверстия в носу, и они знаками дали мне понять, что если мы пойдем на юг и обогнем остров, то встретим там некоего короля, у которого имеются сосуды с золотом, и их у него очень много». Ибо «золото создает богатство, и тот, кто им владеет, может обладать всем, чем пожелает, на этом свете и даже вводить человеческие души в рай». Во время третьего плавания, когда корабли вышли к берегам теперешней Венесуэлы, Колумб по-прежнему думал, что он пересекает Китайское море, хотя это не помешало ему послать донесение, что перед ним простирается бесконечная земля, восходящая к самому земному раю. Америго Веспуччи, исследовавший бразильское побережье в начале XVI в., отправит Лоренцо Медичи похожее донесение: «Деревья здесь такие прекрасные и такие мягкие, что нам кажется, будто мы в раю...»[4] С горечью писал Колумб католическим королям в 1503 г. с Ямайки: «Когда я открыл Индию, я сказал, что это самое богатое владение в мире. Это я сообщил о золоте, жемчуге, драгоценных камнях, пряностях...»

В средние века мешочек с перцем ценился дороже человеческой жизни, но именно золото и серебро явились ключами, которые использовало Возрождение, чтобы от-

[4] L. N. D'Olwer. Cronistas de las culturas precolombinas. México, 1963. Адвокат Антонио де Леон Пинело посвятил два тома доказательству того, что Эдем находился в Америке. В своей книге ("El Paraíso en el Nuevo Mundo". Madrid, 1656) он поместил карту Южной Америки, в центре которой можно видеть Эдемский сад, орошаемый водами Амазонки, Рио-де-ла-Платы, Ориноко и Магдалены. Запретным плодом в этом саду был банан. На карте указывалось точное место, откуда во время всемирного потопа отправился в плавание Ноев ковчег.

крыть двери рая на небесах и двери нарождающемуся капитализму — на земле. В американской эпопее испанцев и португальцев распространение христианства шло рука об руку с захватом и разграблением новых земель. Европейская мощь распространялась все шире, пытаясь объять весь мир. Девственные земли, изобилующие лесами и опасностями, распаляли алчность капитанов, благородных идальго и оборванных солдат, бросавшихся очертя голову на завоевание сказочной военной добычи; они верили в славу, «солнце мертвых», и в отвагу. «Дерзким помогает судьба», — говорил Кортес. Сам он заложил все свое имущество, чтобы снарядить экспедицию в Мексику. Вообще, за исключением небольшого числа экспедиций, в частности Колумба и Магеллана, плавания и походы оплачивало не государство, а сами конкистадоры или финансировавшие их купцы и банкиры [5].

Родился миф о купающемся в золоте монархе Эльдорадо — его придумали индейцы, чтобы спровадить подальше от себя пришельцев, и вот, начиная от Гонсало Писарро и до Уолтера Рэлли, испанцы гонялись за призраком Эльдорадо по лесам и водам Амазонки и Ориноко. Но призрак «горы, из которой изливалось серебро», лишь в 1545 г. превратился в реальность с открытием Потоси. Многим участникам похода так и не довелось увидеть вожделенный серебряный родник — они умерли от голода и болезней или погибли от индейских стрел, когда поднимались вверх по течению реки Параны.

Да, действительно, много золота было собрано на Мексиканском плато и Андском плоскогорье. В 1519 г. Эрнан Кортес обнаружил для Испании баснословные сокровища ацтека Моктесумы, а 15 лет спустя в Севилью прибыл фантастический выкуп — комната золота и две комнаты серебра, — который Франсиско Писарро заставил заплатить за инку Атауальпу, прежде чем умертвил его. Несколькими годами раньше золотом, награбленным на Антилах, корона расплатилась с моряками, сопровождавшими Колумба в первом его путешествии [6]. Настал, наконец, момент, когда население Карибских островов прекратило выплачивать подушную подать, потому что оно полностью исчезло. Одни индейцы погибли на промывке

[5] J. M. Ots Capdequí. El Estado español en las Indias. México, 1941.

[6] E. J. Hamilton. American Treasure and the Price Revolution in Spain (1501—1650). Massachusetts, 1934.

золота — они выполняли эту тяжелую работу, стоя по пояс в воде; другие надрывались в поле, распахивая нетронутую целину привезенными из Испании тяжелыми плугами. Многие индейцы острова Санто-Доминго предвосхитили судьбу, уготованную им белыми угнетателями: они убивали своих детей и себя. Официальный историк Фернандес де Овьедо в середине XVI в. так объяснял самоуничтожение антильцев: «Многие из них, потворствуя своим прихотям, предпочитали убивать себя ядом — лишь бы не работать, другие душили себя своими собственными руками» [7].

Боги вернулись с неведомым оружием

Во время своего первого путешествия, проплывая мимо острова Тенерифе, Колумб наблюдал грандиозное извержение вулкана. Оно было как бы предзнаменованием того, что произойдет вскоре на бескрайних новых землях, которые откроются перед испанцами на их «западном пути» в Азию. А дальше была Америка, край, огромность которого угадывалась по его бесконечным берегам; конкиста накатывалась на него волнами, словно яростный прилив. За Колумбом следовали аделантадо *, а судовые команды превращались в войско захватчиков. Папские буллы жаловали португальской короне Африку, испанской же короне давались права на все неизвестные «острова и материки, как открытые, так и те, что будут открыты...»; таким образом, Америка была отдана королеве Изабелле. В 1508 г. новая папская булла навечно предоставила испанской короне десятичные сборы, взимаемые в Америке: католические короли добились полного патроната над церковью в Новом Свете, который включал право на получение постоянной части от всех церковных доходов [8].

[7] G. Fernández de Oviedo. Historia general y natural de las Indias. Madrid, 1959. Это объяснение положило начало своеобразной традиции. Я с удивлением прочитал в последней книге французского специалиста Рене Дюмона (R. Dumon. Cuba, est-il socialiste? Paris, 1970) следующий пассаж: «Индейцы не были полностью истреблены, их гены продолжают существовать в хромосомах кубинцев. Последние чувствуют такое отвращение к напряжению, необходимому для постоянного труда, что нередко кончают жизнь самоубийством, не желая прилагать усилий для выполнения навязанной им работы...»

[8] G. Vázquez Franco. La conquista justificada. Montevideo, 1968; J. H. Elliott. Op. cit.

Тордесильясский договор 1494 г. разрешал Португалии занимать американские территории, лежащие к востоку от проведенной папой разграничительной линии, и в 1530 г. Мартим Афонсу де Суза основал первые поселения португальцев в Бразилии, изгнав оттуда французов. К этому времени испанцы, прошедшие сквозь адские заросли сельвы и бескрайние просторы пустыни, уже далеко продвинулись в исследовании и завоевании новых земель. В 1513 г. взору Васко Нуньеса де Бальбоа предстал во всем своем блеске Тихий океан; осенью 1522 г. в Испанию вернулись уцелевшие мореплаватели из экспедиции Магеллана, их корабли впервые соединили два океана и, обогнув землю, доказали, что она — круглая; тремя годами раньше с Кубы в сторону Мексики отплыли десять кораблей Эрнана Кортеса, а в 1523 г. Педро де Альварадо уже завоевывал Центральную Америку; в в 1533 г. Франсиско Писарро овладел сердцем империи инков, победоносно вступив в Куско; в 1540 г. Педро де Вальдивия пересек Атакамскую пустыню и основал город Сантьяго-де-Чили. Конкистадоры проникли в Чако — и теперь Новый Свет был открыт от Перу до устьев самых полноводных рек в мире.

Индейцы Америки были очень разными: были среди них астрономы и людоеды, инженеры и дикари каменного века. Но ни одна из индейских культур не знала ни железа, ни плуга, ни стекла, ни пороха и ни одна не использовала колесо. А цивилизация, неожиданно ступившая на американскую землю, приплыв с другого берега океана, переживала творческий взлет эпохи Возрождения. Америка явилась для нее чем-то вроде еще одного изобретения, она как бы встала в один ряд с порохом, книгопечатанием и компасом, ознаменовавшими зарождение Нового времени.

Легкость, с которой рухнули индейские цивилизации, в значительной мере объясняется разницей в уровне развития двух миров. Когда Эрнан Кортес высадился в Веракрусе, в его распоряжении было всего 100 с небольшим матросов и 508 солдат. Он выгрузил с кораблей 16 лошадей, 32 баллисты, 10 бронзовых пушек, несколько аркебуз, мушкетов и длинноствольных пистолетов — пистолонов. А ведь столица ацтеков, Теночтитлан, была тогда почти в пять раз больше Мадрида и вдвое превосходила по населению самый многолюдный город Испании — Севилью. Франсиско Писарро вступил в Кахамарку, имея лишь 180 солдат и 37 лошадей. Индейцы поначалу были так

изумлены, что впали в состояние шока. Первое сообщение о пришельцах, которое император Моктесума получил в своем дворце, гласило: по морю движется большая гора. Вскоре прибыли другие гонцы и «повергли его в ужас рассказом о том, как стреляет пушка: вдруг раздается страшный грохот — такой, что человек теряет сознание и глохнет, — из ее чрева изливается пламя и вылетает каменный шар...». Чужеземцы привезли с собой «оленей», сидя на которых «они достигают головой кровли». Их тела закрыты со всем сторон, и «можно видеть только их лица, а лица у них белые, как известь, волосы же — желтые, хотя у некоторых — черные, бороды длинные...» [9]. Моктесума решил, что вернулся бог Кетцалькоатль. Незадолго до этого восемь предзнаменований возвестили о его прибытии. Охотники принесли птицу, на голове которой была круглая диадема, и в ней, как в зеркале, отражалось небо со склонившимся к западу солнцем. В этом зеркале Моктесума увидел, как по Мексике движутся отряды воинов. Бог Кетцалькоатль пришел с востока и ушел на восток, он был белым и бородатым. Белым и бородатым был также двуполый бог инков Уиракоча. И именно на востоке находилась колыбель героических предков майя [10].

Мстительные боги, вернувшиеся, чтобы свести счеты со своими народами, были теперь в доспехах и кольчугах, от их блестящих панцирей отскакивали дротики и камни, их оружие выбрасывало смертоносные лучи и отравляло воздух удушливым дымом. Конкистадоры умело пускали в ход свой политический опыт, искусство предательства и интриги. Им, например, удалось использовать недовольство племен, угнетенных имперским господством ацтеков. Тласкальтеки стали союзниками Кортеса, Писарро сумел обратить себе на пользу войну между наследниками инкской империи, братьями-врагами Уаскаром и Атауальпой. Вероломно уничтожив правящую верхушку, они смогли склонить на свою сторону представителей среднего звена правящих каст — жрецов, чиновников, во-

[9] Рассказы очевидцев-индейцев, записанные братом Фернандино Саагунским и воспроизведенные в «Флорентийском кодексе» (M. León-Portilla. Visión de los vencidos. México, 1967).

[10] Эти удивительные совпадения породили гипотезу о том, что боги индейских религий были на самом деле европейцами, попавшими на эти земли задолго до Колумба (R. Pineda Yáñez. La isla y Colón. Buenos Aires, 1955).

енных. Но кроме всего этого, они располагали еще одним оружием, или, точнее говоря, были и другие обстоятельства, работавшие на победу захватчиков. К примеру, лошади и бактерии.

Лошади, как и верблюды, раньше обитали в Америке [11], но уже давно там перевелись. Ввезенные в Европу арабскими всадниками, они принесли огромную военную и экономическую пользу Старому Свету. А когда благодаря конкисте они вновь появились в Америке, они так поразили индейцев, что те стали испытывать священный ужас перед конкистадорами. Согласно одному рассказу, когда инка Атауальпа в первый раз увидел испанских солдат, скачущих верхом на могучих конях, украшенных колокольчиками и плюмажами, громко бьющих копытами и вздымающих тучи пыли, он рухнул наземь [12]. Шедший во главе наследников майя касик Текум вонзил копье в голову лошади Педро де Альварадо, будучи уверен, что она составляет единое целое с всадником. Альварадо поднялся с земли и убил касика [13]. Несколько лошадей в боевой упряжи рассеивали полчища индейцев, сея ужас и смерть. В период колонизации «священники и миссионеры убеждали наивных туземцев в том, что лошадь — священное животное, поскольку покровитель Испании Сантьяго, которому помогало божественное провидение, верхом на белом коне одержал блестящие победы над маврами и евреями» [14].

Еще более эффективными союзниками были бактерии и вирусы. Европейцы принесли с собой, как египетские казни, оспу и столбняк, легочные, кишечные и венерические болезни, трахому, тиф, проказу, желтую лихорадку и кариес, от которого сгнивали челюсти. Первой появилась оспа. Не была ли ниспосланной свыше карой эта отвратительная болезнь, от которой бросало в жар и разлагалась плоть? «Собрались уже в Тласкалу. Но тут вспыхнула болезнь: кашель, зудящие нарывы», — говорится в одном индейском свидетельстве. А вот что сообщается в другом: «Многим принесла смерть прилипчивая,

[11] J. Hawkes. Prehistoria. — In: Historia de la Humanidad. UNESCO. Buenos Aires, 1966.

[12] M. León-Portilla. El reverso de la conquista. Relaciones aztecas, mayas e incas. México, 1964.

[13] M. León-Portilla. Op. cit.

[14] G. A. Otero. Vida social en el coloniaje. La Paz, 1958.

сдавливающая, тяжелая болезнь нарывов»[15]. Индейцы мерли как мухи, их организм не мог сопротивляться новым заболеваниям. А те, кто выживал, были уже слабы и ни на что не годны. По оценке бразильского антрополога Дарси Рибейро[16], больше половины туземного населения Америки, Австралии и Океании умерло от болезней, которыми оно заразилось после первых контактов с белыми людьми.

«Будто голодные свиньи, жаждут они золота»

Выстрелы аркебуз, удары мечей, смертоносное дыхание чумы расчищали путь горстке непреклонных завоевателей Америки. Вот что поведали побежденные. После резни, устроенной испанцами в Чолуле *, Моктесума выслал новых посланцев навстречу Эрнану Кортесу, который в этот момент двигался по направлению к долине Мехико. Послы подарили испанцам ожерелья из золота и флаги из перьев птицы кетцаль. «Испанцы были восхищены дарами. Словно обезьяны, хватали они золото, раскачивались от удовольствия, будто оно их преобразило и озарило их сердца ярким светом. Ибо это истина — они стремятся к нему с неизъяснимой жаждой. У них раздулось от него брюхо, они рвутся к нему, как голодные. Будто голодные свиньи, жаждут они золота», — говорит текст науа, помещенный в «Флорентийском кодексе». Когда испанцы вступили в великолепную столицу ацтеков, Теночтитлан, их поместили в доме, где, как оказалось, хранились сокровища. Испанцы вынесли все золото, вынули его из различных украшений, «сложили его в одну кучу во дворе, а дом предали огню, уничтожив все ценности, которые в нем оставались. Золото же они переплавили в слитки или сплющили в бруски...»

Ацтеки с оружием в руках поднялись против испанцев. Кортес потерял Теночтитлан и только в 1521 г. смог вернуть его. «У нас уже не было щитов, не было боевых палиц, нам больше нечего было есть — и мы ничего не ели». Разоренный, заваленный трупами, объятый огнем город пал. «И пошел дождь, и поливал нас всю ночь на-

[15] Анонимные авторы из Тлателолко и очевидцы, записанные Саагуном (M. León-Portilla. Op. cit.).

[16] D. Ribeiro. Las Américas y la civilización. — In: La civilización occidental y nosotros. Los pueblos testimonio. T. I, Buenos Aires, 1969.

пролет». Испанцы вешали индейцев, убивали и другими способами, их распаленное воображение никак не могло успокоиться и удовлетвориться теми сокровищами, что они уже награбили, поэтому они в течение еще многих лет перерывали дно озера Мехико в поисках золота и драгоценных изделий, которые, как они полагали, спрятали там индейцы.

Педро де Альварадо со своими людьми обрушился на Гватемалу. «И там они убили столько индейцев, что кровь текла рекой, и река Олимптепеке стала кровавой». И еще «все стало красным вокруг — так много было пролито крови в этот день». А перед решающей битвой «индейцы, видя, как сильно они уже пострадали, пришли к испанцам, прося, чтобы те их больше не побивали, и сказали, что у них есть для испанцев много золота, серебра, алмазов, изумрудов и что с ними их храбрые вожди Нехаиб Ишкин, Нехаиб, превратившийся во льва и орла, и с тем они сдались испанцам и перешли на их сторону...» [17].

Перед тем как обезглавить инку Атауальпу, Франсиско Писарро сумел получить от него в виде выкупа «носилки золота и серебра общим весом двадцать тысяч марок * чистого серебра и миллион триста двадцать тысяч эскудо ** чистого золота...». Затем он двинулся на Куско. Его солдаты думали, что вступают в «Город Цезарей», — такой великолепной была столица империи инков. Однако их восторг длился недолго, вскоре они уже грабили Храм Солнца. «Солдаты в кольчугах оспаривали друг у друга добычу, устраивали драки, каждый хотел присвоить себе львиную долю, они топтали драгоценности, разбивали фигурки, ломали золотую утварь, сплющивали ее молотом, чтобы она занимала меньше места и была удобной для переноски... Они переплавляли золото в слитки, бросая в тигель все сокровища храма: декоративные пластины, которыми были покрыты стены, удивительный кованный из золота сад — деревья, птиц и другие предметы...» [18]

Сегодня на Сóкало — огромной пустынной площади в столице Мексики — над развалинами главного храма Теночтитлана высится католический Кафедральный собор, а над резиденцией Куаутемока, ацтекского вождя, удушенного Кортесом, — здание Министерства иностранных дел. Город Куско, в Перу, постигла схожая судьба, но

[17] M. León-Portilla. Op. cit.
[18] Ibid.

конкистадоры не смогли полностью разрушить его гигантские стены, и сегодня в основаниях колониальных зданий можно разглядеть остатки колоссальных сооружений — памятники инкской архитектуры.

Расцвет Потоси: период серебра

Говорят, что в Потоси в период его расцвета даже лошадиные подковы делались из серебра [19]. Из серебра изготовляли церковные алтари и крылья херувимов для крестных ходов, в 1658 г. на праздник тела господня с улиц города — начиная от главной и вплоть до церкви францисканцев — сняли булыжник и полностью замостили их брусками чистого серебра. В Потоси серебро возводило дворцы и храмы, монастыри и игорные дома, оно было причиной трагедий и празднеств, из-за него лились кровь и вино, оно разжигало алчность, толкало на мотовство и авантюры. Крест и меч были едины и во времена конкисты, и в эпоху колониального грабежа. За американским серебром устремились в Потоси капитаны и аскеты, профессиональные наемники и миссионеры, солдаты и монахи. Серебряные самородки из недр горы Потоси вносили существенный вклад в развитие Европы. Когда Писарро завладел Куско, наивысшей похвалой кому-нибудь или чему-нибудь стали слова: «Это стоит целого Перу», однако после открытия горы с серебряными залежами Дон Кихот Ламанчский, обращаясь к Санчо, произносит их уже подругому: «Это стоит целого Потоси». Яремная вена вице-королевства, источник американского серебра, город Потоси, согласно переписи 1573 г., насчитывал 120 тыс. жителей. Всего 28 лет прошло с того момента, как город возник на пустынных андских склонах, но он уже — как по мановению волшебной палочки — догнал по численности населения Лондон и превзошел Севилью, Мадрид, Рим и Париж. В 1650 г., согласно новой переписи, население Потоси составляло уже 160 тыс. жителей. Потоси был одним из самых крупных и самых богатых городов мира,

[19] Чтобы восстановить эпоху расцвета Потоси, автор использовал следующие источники: P. V. Cañete y Domínguez. Potosí colonial: guía histórica, geográfica, política, civil y legal del gobierno e intendencia de la provincia de Potosí. La Paz, 1939; L. Capoche. Relación general de la Villa Imperial de Potosí. Madrid, 1959; N. de Martínez Arzanz y N. de Vela. Historia de la Villa Imperial de Potosí. Buenos Aires, 1943; V. G. Quesada. Crónicas potosinas. Paris, 1890; J. Molins. La ciudad única. Potosí, 1961.

в десять раз превосходившим численностью населения Бостон, и все это в ту эпоху, когда Нью-Йорк еще не называли Нью-Йорком.

История Потоси началась до появления испанцев. Однажды инка Уайна Ка́пак услышал от своих вассалов о прекрасной горе Сумах Орцко, а вскоре и увидел ее, когда, заболев, приказал принести себя к термам Тарапайи. От соломенных крыш селения Кантумарка взору инки открылся этот безупречный конус, гордо возвышавшийся над самыми высокими вершинами горной страны. Инка замер в восхищении. Бесчисленные оттенки красного цвета, совершенная форма и гигантские размеры горы вызывали восторг и в последующие времена. Но инка не только любовался горой, он решил, что в ее недрах таятся драгоценные камни и металлы, и пожелал сделать из них новые украшения для Храма Солнца в Куско. Золото и серебро, которые инки добывали в рудниках Колке Порко и Андакабы, не выходили за пределы империи: их использовали не для товарообмена, а для почитания богов. Едва индейские рудокопы вонзили свои кремневые ножи в сереброносные жилы, как раздался глухой голос. Он был раскатистый, как гром, и исходил из самой сердцевины горы. Голос сказал на языке кечуа: «Это — не для вас. Бог хранит эти богатства для тех, которые придут издалека». Напуганные индейцы разбежались, и инка покинул гору. Но, прежде чем уйти, он переменил ей имя. Гора стала теперь называться Потоси, что означает: «Гремит, разрывается, грохочет».

«Те, которые придут издалека», не заставили себя долго ждать. Капитаны конкисты проложили путь к горе. Уайна Капак к этому времени уже умер. В 1545 г. индейцу Уальпе, преследовавшему убегающую ламу, пришлось провести на горе ночь. Чтобы не погибнуть от холода, он развел костер. Пламя осветило белую блестящую породу. Это было чистое серебро. Испанцы ринулись к горе.

И потекло богатство. Император Карл V выразил вскоре свою благодарность Потоси, пожаловав ему титул императорского города и герб с надписью: «Я богатый Потоси, сокровищница мира, король гор, предмет зависти королей». Не прошло и 11 лет с той ночи, когда Уальпа увидел на горе серебро, а еще недавно рожденный императорский город отмечал коронацию Филиппа II пышными празднествами, которые длились 24 дня и обошлись в 8 млн. песо фуэрте. В негостеприимный край хлынули

искатели сокровищ. Гора почти в 5 тыс. метров высотой притягивала людей сильней любого магнита, но жизнь у ее подножия оказалась тяжелой и суровой: холод собирал свою дань. И однако, несмотря на все трудности, в мгновение ока возник богатый город, он рос на серебре — бурно и беспорядочно. Блеск и коловращение металла: Потоси стал «главным нервом королевства», как сказал о нем вице-король Уртадо де Мендоса. В начале XVII в. в городе уже было 36 богато украшенных церквей, множество игорных домов и 14 школ танцев. Салоны, театры, подмостки для проведения праздников были украшены роскошными коврами, дорогими драпировками, геральдическими знаками, изделиями из золота и серебра. С балконов домов свешивались разноцветные полосы узорного шелка, золотой и серебряной парчи. Шелка и полотно привозили из Гранады, Фландрии и Калабрии, шляпы — из Парижа и Лондона, бриллианты — с Цейлона, драгоценные камни — из Индии, жемчуг — из Панамы, чулки — из Неаполя, хрусталь — из Венеции, ковры — из Персии, благовония — из Аравии, фарфор — из Китая. Дамы блистали бриллиантами, рубинами и жемчугами, кавалеры щеголяли в тончайшем расшитом голландском сукне. Бой быков сопровождался игрой в «колечко»*, на почве любви и защиты чести постоянно происходили дуэли вполне в средневековом стиле, мелькали железные шлемы, инкрустированные изумрудами, яркие плюмажи, отделанные золотом седла и стремена, толедские клинки, чилийские скакуны в роскошной упряжи.

В 1579 г. судья Мартинес жаловался: «В городе постоянно что-то случается, не прекращаются дерзкие и бесстыдные выходки». К тому времени в Потоси уже было 800 профессиональных игроков и 120 знаменитых проституток, чьи блестящие салоны посещали богатые владельцы рудников. В 1608 г. Потоси отмечал праздник святого причастия на протяжении 6 дней, когда днем давали комедии, а ночью устраивали маскарады, 8 дней длился бой быков и 3 дня — танцевальные вечера, 2 дня — турниры и множество других развлечений.

Дойная корова принадлежала Испании, но молоко доставалось другим

Между 1545 и 1558 гг. были открыты богатые залежи серебра в Потоси, на территории современной Боливии, а также в Сакатекасе и Гуанахуато, в Мексике. В этот же

период начал применяться процесс ртутной амальгамации, который сделал возможной эксплуатацию руд с самым низким содержанием серебра. Последовавший «выброс» серебра вскоре намного превзошел добычу золота. К середине XVII в. серебро составляло уже 99% экспорта минеральной продукции Латинской Америки[20].

Америка была в то время сплошным огромным рудником, и сердцем этого рудника был Потоси. Некоторые чересчур восторженные боливийские писатели утверждают, будто за три века Испания получила из Потоси такое количество драгоценного металла, что его хватило бы на то, чтобы протянуть мост от вершины знаменитой горы до самых дверей королевского дворца по другую сторону океана. Этот образ, несомненно, содержит преувеличение, однако он помогает лучше представить действительность, которая сама по себе достаточно фантастична: поток серебра достиг гигантских размеров. Эрл Гамильтон, который в своих расчетах основывается на данных, почерпнутых из записей «Дома контратаций» *, не учитывает огромный тайный вывоз американского серебра, уплывавшего контрабандным путем на Филиппины, в Китай и в саму Испанию, но и без учета этих данных цифры, приводимые в его известной книге, производят ошеломляющее впечатление. За время между 1503 и 1660 гг. в порт Севильи прибыло 185 тыс. килограммов золота и 16 млн. килограммов серебра[21]. Серебро, привезенное в Испанию за полтора с небольшим века, в три раза превосходило все европейские запасы этого металла. И это еще не полная оценка, поскольку она не учитывает контрабандное серебро.

Драгоценные металлы, вывезенные из новых колониальных владений, стимулировали экономическое развитие Европы, более того, они, можно сказать, были его необходимым условием. Даже последствия завоевания персидских сокровищ, которые Александр Македонский сделал достоянием эллинского мира, не могут сравниться со значением того вклада, который внесла Америка в прогресс. Не в свой прогресс и не в развитие Испании, конечно, хотя именно Испании принадлежали месторождения американского серебра. Как говорили в XVII в., «Испания — это рот, который принимает пищу, пережевывает ее, раз-

[20] E. J. Hamilton. Op. cit.
[21] Ibid.

мягчает и тут же отправляет другим органам, у самого же не остается ничего, кроме мимолетного ощущения вкуса до нескольких застрявших в зубах крошек»[22]. Дойная корова принадлежала испанцам, но молоко ее доставалось другим. Кредиторы королевства, в большинстве своем иностранцы, постоянно опустошали сундуки «Дома контратаций», где под тремя замками, ключи от которых находились у трех разных людей, хранились сокровища Америки.

Корона была заложена. Плывущее через океан серебро заранее было отдано немецким, женевским, фламандским, а также испанским банкирам[23]. То же самое происходило и с налогами, собираемыми внутри Испании: в 1543 г. 65% королевских доходов ушло на уплату долгов. Лишь малая часть американского серебра доставалась испанской экономике. Хотя формально его оприходовали в Севилье, оно оседало в руках Фуггеров, могущественных банкиров, которые ссужали папу средствами для завершения строительства собора святого Петра, а также в руках других крупнейших ростовщиков эпохи, таких, как Вельзер, Шец, Гримальди. Кроме того, серебро предназначалось для оплаты импорта.

У этой богатой империи была бедная метрополия, хотя она и рядилась во все более и более пышную мишуру. Корона вела священную войну сразу в нескольких местах, а аристократия в это время занималась расточительством, на испанской земле увеличивалось количество священников и воинов, дворян и нищих, увеличивалось в том же стремительном темпе, в каком росли цены и ссудный процент. Промышленность, едва родившись, уже хирела в этом королевстве обширных и бесплодных латифундий, больная испанская экономика не в силах была вынести потрясение, вызванное резким повышением спроса на продукты питания и потребительские товары, потрясение, явившееся неизбежным следствием колониальной экспансии. Значительное увеличение расходов на общественные нужды и удушающее давление возрастающего спроса на потребительские товары в заморских владениях привели к обострению торгового дефицита и развязали бурную инфляцию. Кольбер писал: «Чем больше государство торгует с испанцами, тем больше у него серебра». В Ев-

[22] Цит. по: G. A. Otero. Op. cit.
[23] J. H. Elliott. Op. cit.; E. Hamilton. Op. cit.

ропе завязалась острая борьба за овладение испанским рынком и серебром. Французская памятная записка конца XVII в. позволяет нам узнать, что, несмотря на юридическую видимость монополии, Испания в то время контролировала всего лишь 5% торговли «своих» заморских колониальных владений. Почти треть всей торговли находилась в руках голландцев и фламандцев, четвертая часть принадлежала французам, женевцы контролировали более 20%, англичане — 10%, и немцы — немногим меньше[24]. *Америка была бизнесом для европейцев, европейским рынком.*

Карл V, унаследовавший престол Священной империи путем подкупа на выборах*, за все свое сорокалетнее правление провел в Испании не больше 16 лет. Этот монарх, с выступающим подбородком и глазами идиота, уселся на трон, не зная ни одного испанского слова, и правил, опираясь на свиту алчных фламандцев, которым он раздавал охранные грамоты для вывоза из Испании лошадей и мулов, нагруженных золотом и драгоценностями, а также в качестве вознаграждения жаловал епископства и архиепископства, высокие чины и даже первую лицензию на ввоз черных рабов в американские колонии. Занятый преследованием дьявола по всей Европе, Карл V использовал богатства Америки для ведения религиозных войн. С его смертью династия Габсбургов не прекратила своего существования, и Испания должна была еще почти два столетия терпеть иго австрийцев. Сын Карла V, Филипп II, стал великим вдохновителем контрреформации. Из своего огромного дворца — монастыря Эскориала, расположенного на склонах Гвадаррамы, — Филипп II пустил в ход страшную машину инквизиции, действующую во всемирном масштабе, и бросил свои войска на подавление европейских центров ереси. Кальвинизм уже уловил в свои сети Голландию, Англию и Францию, а тут еще турки грозили обратить Европу в мусульманскую веру. Защита веры обходилась недешево, и вот уже из хранилищ севильского «Дома контратаций» извлекаются те немногие предметы из золота и серебра — чудесные произведения американского искусства, — которые избежали переплавки в Мексике или в Перу и прибыли в Ис-

[24] Maurice Crouzet. Historia general de las civilizaciones. — In: R. Mousnier. Los siglos XVI y XVII. T. IV, Barcelona, 1967.

панию в своем первозданном виде; теперь их отправляют в пасти плавильных печей.

В огонь отправляли также еретиков и тех, кого подозревали в ереси, они сгорали в очистительном пламени инквизиции. Торквемада сжигал и книги, ему везде виделся хвост дьявола: война против протестантизма была одновременно войной против набирающего силу в Европе капитализма. «Увековечение крестовых войн, — говорит в уже цитировавшейся работе Эллиот, — означало увековечение архаического общественного уклада страны крестоносцев». Металлы Америки — блеск и нищета Испании — обеспечивали возможность для борьбы против нарождающихся сил новой экономической формации. Карл V подавил кастильскую буржуазию в войне против коммунерос, восстание которых превратилось в социальную революцию, направленную против знати, ее собственности и привилегий. Восстание потерпело поражение из-за предательства города Бургоса, того самого, что четыре века спустя станет оплотом мятежа генерала Франсиско Франко. Подавив последние очаги сопротивления в Европе, Карл V вернулся в Испанию в сопровождении 4 тыс. немецких солдат. Почти в то же время он потопил в крови восстание весьма решительно настроенных ткачей, прядильщиков и других ремесленников, захвативших власть в Валенсии и успевших утвердиться во всей провинции.

Борьба против поступательного хода истории маскировалась защитой католической веры. Изгнание при Изабелле и Фердинанде евреев, то есть испанцев иудейского вероисповедания, лишило страну искусных ремесленников и крайне необходимых капиталов. По своим масштабам и последствиям эта акция казалась даже более вредной для страны, чем изгнание арабов — то есть на самом деле испанцев мусульманского вероисповедания, — хотя тогда не менее 275 тыс. человек были выдворены за пределы Испании, а это нанесло катастрофический ущерб валенсийской экономике; плодородные земли в Арагоне, к югу от Эбро, оказались заброшенными. Еще раньше Филипп II выслал из страны по религиозным мотивам тысячи ремесленников-фламандцев, уличенных или подозреваемых в протестантизме; Англия приютила их на своей земле, и они внесли заметный вклад в развитие британских мануфактур.

Итак, главными препятствиями на пути промышлен-

ного развития Испании были вовсе не огромные размеры империи, не трудности сообщения. Дело в том, что испанские владельцы капитала превращались в рантье, не вкладывали свои деньги в развитие промышленности, а скупали кредитные бумаги у короны. Излишки денег утекали в непроизводительные русла: старые богачи — рыцари ножа и дубинки, обладатели громких титулов — возводили дворцы и накапливали сокровища, а новые богачи — спекулянты и торговцы — скупали земли и титулы старой знати. Ни те, ни другие практически не платили налогов, их нельзя было посадить в тюрьму за долги. Но тот, кто решал заняться промышленной деятельностью, автоматически лишался дворянского звания [25].

После военных поражений испанцев в Европе был заключен ряд договоров, в которых страна шла на уступки, в частности увеличила свои морские перевозки в ущерб Севилье. Кадис стал торговать с французскими, английскими, голландскими и ганзейскими портами. Каждый год от 800 до 900 кораблей выгружали в Испании товары, произведенные другими странами. В обмен они забирали американское серебро и испанскую шерсть, которая перерабатывалась потом набирающей силы европейской промышленностью и возвращалась в Испанию уже в виде готовой ткани. Кадисские же монополисты ограничивались тем, что перемаркировывали иностранные промышленные изделия, отправляемые в Новый Свет: если испанские мануфактуры не могли удовлетворить потребности внутреннего рынка, куда им было удовлетворить потребности колоний?

Лилльские и аррасские кружева, брюссельские гобелены и флорентийская парча, венецианское стекло и миланское оружие, французское вино и полотно [26], восполняя нехватку местных товаров, наводнили испанский рынок, чтобы насытить неуемную страсть к роскоши богатых паразитов, могущество и количество которых все росло в нищавшей день ото дня стране. Промышленность умирала в зародыше, и Габсбурги делали все возможное, чтобы ускорить ее гибель. В середине XVI в. этот процесс дошел до крайней точки: был разрешен импорт иностранных тканей и одновременно запрещен вывоз испанских сукон

[25] J. Vicens Vives. Historia social y económica de España y América. T. II, III, Barcelona, 1957.

[26] J. Abelardo Ramos. Historia de la nación latinoamericana. Buenos Aires, 1968.

куда бы то ни было, за исключением Америки[27]. Совершенно иной, как отметил Рамос, была ориентация Генриха VIII или Елизаветы I в находящейся на подъеме Англии: там они, напротив, запретили вывоз из страны золота и серебра, монополизировали векселя, затруднили вывоз шерсти и изгнали из британских портов купцов Ганзейского союза Северного моря. А итальянские республики защищали свою внешнюю торговлю и свою промышленность посредством таможенных тарифов, привилегий и запретов: так, искусным итальянским мастерам под угрозой смертной казни запрещалось покидать родину.

Упадок воцарился повсюду. Из 16 тыс. ткацких станков, остававшихся в Севилье, когда умер Карл V, то есть в 1558 г., к моменту смерти Филиппа II, то есть через 40 лет, сохранилось только 400. Шестимиллионное поголовье овец в Андалусии сократилось до 2 млн. Прекрасный портрет общества этой эпохи создан Сервантесом в его романе «Дон Кихот Ламанчский», снискавшем, кстати, огромную популярность в Америке. Декрет середины XVI в. закрыл дорогу в Испанию иностранным книгам и запретил студентам проходить курс обучения за рубежом; количество студентов в Саламанке за несколько десятилетий уменьшилось вдвое; зато в стране насчитывалось 9 тыс. монастырей, и клир увеличивался так же быстро, как знать плаща и шпаги; 160 тыс. иностранцев захватили внешнюю торговлю, а расточительство собственной аристократии обрекало страну на экономическое бессилие. К 1630 г. полторы с небольшим сотни герцогов, маркизов, графов и виконтов получали около 5,5 млн. дукатов годовой ренты, придававших ослепительный блеск их звучным титулам. Герцог Мединасели имел 700 слуг, 300 слуг было у герцога Осунского, который, чтобы не ударить лицом в грязь перед русским царем, вырядил их всех в меховые шубы[28].

[27] J. H. Elliott. Op. cit.

[28] Этот род не вымер. В конце 1969 г. я открыл в Мадриде газету и прочитал: скончалась донья Тереса Бертран де Лис-и-Пидаль-Гороуски-и-Чико де Гусман, герцогиня Альбукеркская и маркиза де лос Альканьисес-и-де лос Бальбасес, которую оплакивает овдовевший герцог Альбукеркский дон Бельтран Алонсо Осорио-и-Диес де Ривера Мартос-и-Фигероа, маркиз де лос Альканьисес, де лос Бальбасес, де Кадрейта, де Куэльяр, де Гума, де Монтаос, граф Фуэнсалданья, де Грахаль, де Уэльма, де Ледесма, де ла Торра, де Вильянуэва де Каньедо де Вильяумброса, трижды гранд Испании.

XVII в. был эпохой плутов, голода и эпидемий. По Испании бродило несметное множество нищих, но это не мешало стекаться в страну нищим со всех концов Европы. К 1700 г. в Испании насчитывалось уже 625 тыс. идальго, этих рыцарей войны, а страна между тем все пустела: за два с небольшим столетия ее население уменьшилось наполовину и стало равным населению Англии, возросшему за этот же период времени вдвое. 1700 г. отмечен концом правления Габсбургов. Крах был полным. Огромный процент незанятого населения, заброшенные латифундии, пришедшая в хаос денежная система, разоренные промыслы, проигранные войны, опустошенные сокровищницы и непризнаваемая в провинциях центральная власть — такой предстала Испания перед Филиппом V: она была «почти такой же мертвой, как и ее только что умерший хозяин» [29].

Бурбоны придали стране более современный вид, однако к концу XVIII в. испанское духовенство насчитывало не менее 200 тыс. человек, да и остальная часть нетрудового населения продолжала расти в ущерб экономическому развитию страны. К этому времени в Испании оставалось еще более 10 тыс. деревень и городов, находящихся под феодальной юрисдикцией аристократии, то есть вне прямого подчинения королевской власти. Сохранялись в неприкосновенности латифундии, все еще был незыблем институт майората. В обществе по-прежнему царили обскурантизм и фатализм. Не была изжита эпоха Филиппа IV; это в его время совет теологов, собравшийся однажды для обсуждения проекта сооружения канала между реками Мансанарес и Тахо, постановил: если бы господь пожелал, чтобы эти реки были судоходными, он бы их сотворил таковыми.

Распределение обязанностей между лошадью и всадником

В первом томе «Капитала» К. Маркс писал: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное

[29] J. Lynch. Administración colonial española. Buenos Aires, 1962.

поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления».

Грабеж — внутренний и внешний — был основным способом первоначального накопления капитала, обеспечившего переход от эпохи средневековья к новому этапу мирового экономического развития. По мере того как распространялось денежное хозяйство, неэквивалентный обмен охватывал все более широкие социальные слои и все более обширные районы планеты. Эрнст Мандель подсчитал стоимость золота и серебра, вывезенного из Америки до 1660 г.; стоимость добычи, захваченной в Индонезии голландской «Ост-Индской компанией» с 1650 до 1780 г.; прибыли французского капитала, нажитые на работорговле в течение XVIII в.; доходы, полученные за счет эксплуатации рабского труда на Антилах и за счет полувекового ограбления Англией Индии; полученный им результат превосходит суммарную стоимость капитала, вложенного во всю европейскую промышленность до 1800 г.[30] Мандель обращает внимание, что эта огромная масса капитала создала благоприятные условия для капиталовложений в Европе, стимулировала «дух предпринимательства», явилась финансовой основой учреждения мануфактур, которые дали мощный толчок промышленной революции. Однако огромная международная концентрация богатств, оказавшая столь благоприятное воздействие на Европу, одновременно препятствовала накоплению капитала в ограбленных регионах. «Двойная трагедия развивающихся стран состоит в том, что они не только стали жертвами процесса международной концентрации капитала, но и в том, что впоследствии свою промышленную отсталость они вынуждены были компенсировать в условиях, когда мир был уже наводнен промышленными товарами, произведенными развитой индустрией Запада» [31].

Американские владения были открыты, завоеваны и колонизованы в ходе экспансии торгового капитала. Европа протягивала руки, желая захватить весь мир. Ни Испания, ни Португалия не получили выгоды от победо-

[30] E. Mandel. Tratado de economía marxista. México, 1969.

[31] E. Mandel. La teoría marxista de la acumulación primitiva y la industrialización del Tercer Mundo. — "Amaru", № 6, Lima, 1968.

носного наступления политики меркантилизма, хотя именно их колонии поставляли серебро и золото, в значительной мере обеспечившие ее успех. Драгоценные металлы Америки, как мы уже видели, озаряли своим блеском обманчивое благоденствие испанской знати, все еще жившей в своем затянувшемся средневековье, подготавливая упадок Испании в последующие столетия. Другие же страны Европы сумели извлечь выгоду из американских богатств, современный капитализм формировался в них в значительной мере за счет ограбления коренного населения Америки. За расхищением накопленных этими народами сокровищ последовала систематическая эксплуатация в рудниках и на полях подневольного труда индейцев и насильно привезенных черных рабов из Африки.

Европа нуждалась в золоте и серебре. Количество денег в обращении беспрерывно умножалось, надо было поддерживать жизнь нарождающегося капитализма. Буржуазия завладела городами и основала банки, она производила и обменивала товары, захватывала новые рынки. Золото, серебро, сахар — структура колониальной экономики, в большей степени поставляющей, чем потребляющей, складывалась под непосредственным воздействием европейского рынка, который она призвана была обслуживать. Стоимость экспорта драгоценных металлов из Латинской Америки в течение всего XVI в. в четыре раза превышала стоимость импорта, представленного главным образом такими статьями, как рабы, соль, вино, масло, оружие, сукно и предметы роскоши. Богатства, утекающие из Америки, прибирали к рукам поднимающиеся европейские страны. В этом и состояла основная задача, которую выполнили пионеры освоения Америки — правда, они еще знакомили индейцев с Евангелием, а заодно, с не меньшим рвением, и с кнутом. Хозяйственная структура иберийских колоний с самого начала была подчинена внешнему рынку, она вся была ориентирована на экспорт, обеспечивавший доходы и власть.

На всем протяжении процесса формирования латиноамериканской экономики, начиная от этапа вывоза металлов и до того времени, когда вместо них стали вывозить продукты питания, каждый район отождествлялся с тем, что он производит, и производил то, что от него ждали в Европе: *каждый продукт, опускаемый в трюмы галеонов, бороздивших океан, становился предназначе-*

нием и проклятием того края, где он был произведен. Международное разделение труда, которое возникло вместе с капитализмом, более всего напоминало, по меткому замечанию Поля Барана, распределение обязанностей между всадником и лошадью[32]. Мировые колониальные рынки росли как простые придатки внутреннего рынка нарождающегося капитализма.

Сельсо Фуртадо отмечает, что европейские феодалы, получив прибавочный продукт, в той или иной форме использовали его там, где он был произведен, в то время как главная задача испанцев, получивших от короля копи, земли и индейцев Америки, состояла в том, чтобы, изъяв прибавочный продукт, вывезти его в Европу[33]. Это замечание позволяет лучше понять конечную цель испанской колониальной системы, сложившейся в Америке: при некоторых внешних феодальных чертах она, в сущности, призвана была обслуживать зарождающийся в других странах мира капитализм. В конце концов в наше время богатые центры капитализма не могли бы существовать без бедных закабаленных окраин: те и другие образуют единую систему.

Но не весь прибавочный продукт ускользал в Европу. Заправлявшие колониальным хозяйством купцы, владельцы рудников, крупные землевладельцы имели право на свою часть доходов, создаваемых трудом индейцев и негров под подозрительным взглядом всевластной короны и ее главного союзника — церкви. Власть была сосредоточена в руках немногих людей — тех, кто отправлял в Европу драгоценные металлы и продукты питания и получал оттуда предметы роскоши. На оплату этих предметов роскоши и уходили состояния, сколачиваемые в Америке. Правящие классы не питали ни малейшего интереса к развитию различных отраслей хозяйства внутри страны или подъему технического и культурного уровня населения. Они выполняли другую функцию в механизме мировой экономики. Ужасающая нищета народа, которая была им даже на руку, предшествовала развитию внутреннего потребительского рынка.

Французский экономист Ж. Божо-Гарнье полагает, что самое тяжкое колониальное наследие Латинской Аме-

[32] P. Baran. Economía política del crecimiento. México, 1959.

[33] C. Furtado. La economía latinoamericana desde la conquista ibérica hasta la revolución cubana. Santiago de Chile, 1969; México, 1969.

рики, объясняющее ее теперешнюю отсталость, — это нехватка капиталов[34]. Однако вся имеющаяся историческая информация доказывает, что колониальная экономика приносила огромные доходы классам, представлявшим на местах систему колониального господства. Избыток дешевой рабочей силы, а также большой спрос в Европе на американские товары сделали возможным, указывает Серхио Багу, «раннее и обильное накопление капитала в испанских колониях. Число тех, кто извлекал из этого выгоду, не только не увеличивалось, но даже уменьшалось относительно количества всего населения: ведь число безработных европейцев и креолов, согласно установленным фактам, постоянно росло»[35]. Капитал в Америке, после того как его львиная доля поглощалась европейским капитализмом, осуществлявшим процесс первоначального накопления, не приводил на американской почве — в отличие от европейской — к созданию базы промышленного развития, а растрачивался совсем на другие цели — на сооружение великолепных дворцов и пышных храмов, на приобретение драгоценностей, богатых одежд, роскошной мебели, на содержание многочисленной прислуги, на устройство расточительных празднеств. А какая-то часть избыточного продукта замораживалась при покупке новых земель, замыкаясь в круговороте коммерции и спекуляции.

На закате колониальной эры Александр Гумбольдт обнаружит в Мексике «огромную массу капиталов, скопившихся в руках владельцев рудников и удалившихся от дел коммерсантов». Не менее половины недвижимой собственности и всего капитала Мексики принадлежали, согласно его свидетельству, церкви. Кроме того, церковь контролировала посредством ипотеки и значительную часть не принадлежавшей ей земли[36]. Мексиканские рудовладельцы, как и крупные экспортеры из Веракруса и Акапулько, пускали свои доходы на покупку латифундий и на ипотечные операции, туда же направляла свои средства клерикальная верхушка. Величественные здания

[34] J. Beaujeau-Garnier. L'économie de l'Amérique Latine. Paris, 1949.

[35] S. Bagú. Economía de la sociedad colonial. Ensayo de historia comparada de América Latina. Buenos Aires, 1949.

[36] A. von Humboldt. Ensayo sobre el Reino de la Nueva España. México, 1944.

превращали плебеев в принцев, умопомрачительные храмы росли как грибы после дождя.

В Перу в середине XVII в. поток капиталов энкомендеро, рудовладельцев, инквизиторов и чиновников имперской администрации направлялся в торговлю. Состояния, нажитые на какао в Венесуэле в конце XVI в. трудом целого легиона черных рабов под бичами надсмотрщиков, вкладывались в «новые плантации какао и других технических культур, а также в рудники, в городскую недвижимость, в рабов и в скот» [37].

Руины Потоси: период серебра

Андре Гундер Франк, проанализировавший природу отношений в системе «метрополии — сателлит» как цепь последовательных подчинений, в одной из своих известных работ отмечает: наибольшей отсталостью и бедностью характеризуются как раз те районы, которые раньше были теснее других связаны с метрополией и пережили в свое время периоды расцвета [38]. Эти районы являлись основными производителями продукции, экспортировавшейся в Европу или — позднее — в Соединенные Штаты, а также самыми изобильными источниками доходов, но затем они были заброшены метрополией, когда по тем или иным причинам дела в них приходили в упадок. Яркий пример подобного падения представляет Потоси.

Серебряные рудники Гуанахуато и Сакатекас пережили свой расцвет позднее. А в XVI и XVII вв. центром американской колониальной жизни была богатая гора Потоси: именно с ней тем или иным способом были связаны производство пшеницы, вяленого мяса, кожи, вина, скотоводство и ремесла Кордобы и Тукумана, поставлявшие тягловых животных и ткани, ртутные рудники Уанкавелики и район Арики, где серебро грузили на корабли для отправки в Лиму, главный административный центр той эпохи. В XVIII в. появляются первые признаки заката Потоси, однако еще в эпоху завоевания независимости население территорий, соответствующих сегодняшней Боливии, превышало население земель, соответствующих сегодняшней Аргентине. А полтора века спустя население Боливии уже почти в шесть раз меньше населения Аргентины.

[37] S. Bagú. Op. cit.

[38] A. Gunder Frank. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York, 1967.

Потоси рассматриваемой эпохи оставило после себя воспоминания о блестящей жизни, развалины дворцов и церквей да 8 млн. погибших индейцев. Любой из бриллиантов, украшавший герб какого-нибудь богатого кабальеро, стоил больше, чем мог заработать индеец за всю свою жизнь. Но кабальеро сбежали, прихватив с собой бриллианты. И теперь Боливия, одна из самых бедных стран мира, могла бы похвастать — если бы это не было так удручающе бессмысленно — тем, что именно она заложила богатство многих самых богатых стран мира. В наши дни Потоси — один из беднейших городов бедной Боливии. «Город, который больше других дал миру и сам теперь не имеет ничего», — как сказала мне старая потосийка, закутанная в километровую альпаковую шаль, когда мы разговаривали с ней в патио ее двухвекового дома, построенного наподобие андалузских. Город Потоси, обреченный на вечную ностальгию, терзаемый нищетой и холодом, все еще остается зияющей раной колониальной системы Америки: это город-обвинение. Миру давно бы пора попросить у него прощения.

Город живет объедками. В 1640 г. падре Альваро Алонсо-Барба напечатал в Мадриде, в королевской типографии, свой блестящий трактат «Искусство металлов». «Олово, — писал в нем Барба, — есть яд» [39]. Он упоминает в трактате горы, где «находят много олова, хотя немногие узнают его, а те, кто узнают, не обращают на него внимания, потому что ищут серебро». Сейчас в Потоси разрабатывают даже те содержащие олово руды, которые испанцы пускали в отвалы. Продаются даже камни, из которых сложены стены старых домов, — в них оказался высокий процент олова. Из устьев 5 тыс. шахт, открытых испанцами в горе Потоси, в течение двух столетий извергалось богатство. Гора даже изменялась в цвете, по мере того как ее подрывали динамитом, все ниже проседала вершина. Горы камней, скопившихся вокруг бесчисленных рудничных колодцев, отливают всеми цветами: розовым, сиреневым, пурпурным, охряным, золотистым, бурым. Дробильщики, «льямперос», разбивают эти камни, а сборщики, «пальирос», перебирают осколки, прикидывают их вес и ловкими пальцами, как птицы клювами, выхватывают куски, содержащие олово. В старые заброшенные забои, если они не залиты водой, входят,

[39] A. Alonso-Barba. Arte de los metales. Potosí, 1967.

согнувшись в три погибели, шахтеры с карбидными фонарями в руках. Они обшаривают все. Серебра нет. Ни крупицы. Испанцы вымели последние прожилки метелками для пыли. Забойщики, «паякос», киркой и лопатой выкалывают небольшие забои, добираясь до остатков рудоносных жил. «А гора-то все еще богатая, — сказал мне без всякого удивления безработный, разгребая землю руками. — Во всем — промысел божий, вы только представьте: рудная жила растет, будто дерево, точно так же». Перед богатой горой Потоси высится свидетель ее запустения. Это небольшая гора, называемая Гуакахчи, что на языке кечуа означает «Плакучая гора». Из ее склонов бьет множество ключей чистейшей воды — «глаза воды», утоляющие жажду рудокопов.

Во времена расцвета, в середине XVII в., город Потоси притягивал к себе множество испанских и креольских художников и ремесленников, а также индейцев имахинеро, наложивших неизгладимую печать на американское колониальное искусство. Мельчор Перес де Ольгин, этот американский Эль Греко, оставил после себя большое количество работ религиозного характера, в которых ярко проявляется как талант их создателя, так и языческий дух этих земель. Трудно забыть, например, великолепную деву Марию, которая, раскинув руки, кормит одной грудью младенца Иисуса, а другой — святого Иосифа. Ювелиры и граверы, чеканщики и краснодеревщики, искусные мастера по благородной слоновой кости, по металлу, дереву, гипсу украшали церкви и монастыри Потоси бесчисленными скульптурами и филигранными алтарями, отделанными серебром амвонами. Барочные фасады храмов, сложенные из резного камня, выдержали века. Но картины непоправимо испорчены сыростью, легкие фигуры и украшения оказались тоже не столь долговечными. Туристы и местные жители забрали из церквей все, что только можно было унести: от церковных чаш и колоколов до буковых и ясеневых скульптур святого Франсиска и Христа.

Эти обобранные церкви, в большинстве случаев уже не действующие, доживают свой век, оседая под грузом лет. Их судьба не может не вызывать сожаления, потому что, даже будучи заброшенными и разграбленными, они остаются величественными шедеврами начального периода колониального искусства, пылкого и еретического, характеризующегося слиянием и расцветом разных стилей:

«знак пересечения» в Тиауанаку вместо креста и крест вместе со священным солнцем и священной луной; дева и святые с натуральными волосами; гроздья винограда и колосья, обвивающие колонны до самых капителей рядом с кантутой — символом власти императора инков; сирены, Вакх, праздник жизни и романский аскетизм, смуглые лица некоторых божеств, кариатиды с индейскими чертами... Некоторые церкви, оставшись без прихожан, были приспособлены под иные нужды. Церковь святого Амброзия была превращена в кинотеатр «Омисте», в 1970 г. под барочными барельефами ее фасада появился анонс: «Этот безумный, безумный, безумный мир». Храм ордена иезуитов также был превращен в кинотеатр, затем в склад товаров фирмы «Грейс» и, наконец, в склад продуктов питания какого-то благотворительного общества. Но остались еще церкви, которые худо-бедно продолжают функционировать. Так, не меньше полутора веков при всей бедности зажигали свечи в церкви святого Франсиска. Говорят, что ее крест вырастает на несколько сантиметров в год, на несколько сантиметров отрастает и борода у распятого Христа — его величественная фигура из серебра и шелка появилась в Потоси, неизвестно откуда, четыре столетия назад. Священники не отрицают, что они его бреют и даже письменно удостоверяют творимые им чудеса: он избавляет от чумы, засухи, помогает защитникам города при неприятельской осаде.

И однако, даже эта чудотворная скульптура не смогла предотвратить упадок Потоси. Истощение серебряных жил было воспринято как господняя кара за непомерную жестокость и грехи хозяев рудников. Ушли в прошлое пышные мессы, а с ними и пиршества, бои быков, танцы и фейерверки. Пышность и блеск религиозной обрядности обеспечивались рабским трудом индейцев. Владельцы рудников в свои лучшие времена делали сказочные пожертвования церквям и монастырям, заказывали пышные похороны. Ключ из чистого серебра мог отомкнуть даже небесные врата. Купец Альваро Бехарано в своем завещании в 1559 г. распорядился, чтобы в последний путь его провожали «все священники и священнослужители Потоси». Знахарство, колдовство и официальная религия причудливо перемешивались между собой в этом колониальном обществе, полном религиозного рвения и ужаса перед будущим. Умирающего можно было исцелить соборованием с балдахином и колокольчиками, можно было

вылечить его и причащением, но самым надежным способом исцеления было завещать кругленькую сумму на сооружение храма или на новый алтарь. Лихорадку можно было победить евангелием: молитвы в некоторых монастырях охлаждали тело, а в других — вызывали жар. ««Верую» освежала, как тень тамаринда или прохладительный напиток, а «Спаси, господи, люди твоя» была теплотворной, как цветок апельсинового дерева или метелка кукурузного початка...»[40]

На улице Чукисака можно полюбоваться изъеденным веками фасадом дома графов Карма-и-Кайяра — теперь в нем кабинет хирурга-дантиста; под геральдическими знаками военачальника дона Лопеса де Кироги, что на улице Ланса, приютилась школа; львы с простертыми лапами на гербе маркиза де Отави украшают теперь вход в Национальный банк. «В каких местах вы теперь обитаете? Далеко, должно быть, вы ушли...» Старая потосийка, привязанная к своему городу, рассказывает мне, что первыми ушли богачи, а за ними потянулись бедняки: в Потоси теперь насчитывается в три раза меньше жителей, чем четыре века назад. Я рассматриваю гору с плоской крыши дома, расположенного на Уюни — узкой и извилистой улочке колониальной эпохи. У домов здесь так далеко вперед выступают балконы, что те, кто живет по разным сторонам улицы, могут обмениваться поцелуями или тумаками, не спускаясь для этого вниз. Доживают свой век старые фонари, при тусклом свете которых, говоря словами Хайме Молинса, «выяснялись любовные отношения, скользили куда-то, словно призраки, кавалеры, знатные дамы, завсегдатаи игорных домов». Теперь в городе есть электрический свет, но он не очень заметен. На старых площадях при свете старых фонарей по ночам разыгрывают лотереи: однажды я видел выставленный на улице приз — кусок торта.

Вместе с Потоси пришел в упадок и Сукре. Этому городу в долине с мягким приятным климатом, сменившему последовательно имена Чаркас, Ла-Плата и Чукисака, раньше перепадала значительная часть богатств, бивших ключом из открытых вен горы Потоси. Гонсало Писарро, брат Франсиско Писарро, расположился там со своим двором, который безуспешно пытался не уступить в пышности королевскому двору; здесь воздвигались церкви и

[40] G. Adolfo Otero. Op. cit.

большие дома, возникали парки и загородные виллы, и вместе с ними появлялись юристы, мистики и велеречивые поэты, которые, сменяя друг друга непрерывной чередой в течение нескольких столетий, тоже придавали городу неповторимый облик. «Тишина — вот что такое Сукре. Тишина — и ничего более. Но раньше...» Раньше это была столица двух вице-королевств, главная резиденция архиепископа Южной Америки и местонахождение самого крупного суда колонии — словом, это был самый великолепный и самый просвещенный город Южной Америки. Донья Сесилия Контрерас де Торрес и донья Мария де лас Мерседес Торрамба де Грамачо, хозяйки Убины и Колькечаки, устраивали настоящие «пиршества Камачо» *: они как будто соперничали друг с другом в том, кто быстрее промотает баснословные доходы от рудников Потоси; когда заканчивалось обильное застолье, с балконов на улицу выбрасывали серебряную посуду и даже золотую утварь, чтобы ее смогли прихватить с собой наиболее удачливые прохожие.

У Сукре есть своя Эйфелева башня и своя Триумфальная арка, а драгоценностями ее святой девы, говорят, можно было уплатить весь гигантский внешний долг Боливии. Но знаменитые колокола церквей, в 1809 г. приветствовавшие ликующим звоном освобождение Америки, сегодня звучат похоронно. Хриплый колокол святого Франсиска, столько раз возвещавший мятежи и призывавший к восстаниям, ныне оплакивает мертвый покой Сукре. Что из того, что город до сих пор считается законной столицей Боливии, что в нем находится Верховный суд? По улицам прогуливаются бесчисленные крючкотворы-законники, их согнутые спины и пожелтевшие пергаментные лица делают их как бы живым воплощением упадка: все это доктора, из тех, что носили раньше пенсне на черной ленте и все такое прочее. Из огромных опустевших дворцов патриархи Сукре посылают своих слуг на вокзал продавать пироги под окнами вагонов. А однажды кому-то посчастливилось даже купить титул принца.

В Потоси и Сукре, действительно, живы лишь воспоминания о сгинувшем богатстве. В Уанчаке — еще один пример боливийской трагедии — английский капитал истощил на протяжении прошлого века рудоносный пласт до двух метров толщиной с высочайшим содержанием серебра, теперь там остались только дымящиеся пылью

отвалы. Уанчака все еще обозначается на картах скрещенными киркой и лопатой, будто и на самом деле до сих пор существует этот шахтерский центр. А разве лучше была судьба мексиканских рудников в Гуанахуато и в Сакатекасе? На основе приводимых Александром Гумбольдтом данных, стоимость золота и серебра, вывезенных из Мексики (и, следовательно, изъятых из ее экономики) в период между 1760 и 1809 гг., то есть за полвека, оценивается в 5 млрд. долл. по современному курсу[41]. В ту эпоху это были самые крупные рудники в мире. Великий немецкий ученый сравнивает рудник Ла-Валенсиана в Гуанахуато с самым большим в Европе Гиммельсфуртским рудником в Саксонии: в самом конце века рудник Ла-Валенсиана давал в 36 раз больше серебра, чем Гиммельсфуртский, и приносил акционерам в 33 раза более высокие дивиденды. Граф Сантьяго де ла Лагуна задрожал от волнения, увидев в 1732 г. рудник в Сакатекасе — «драгоценные сокровища», скрытые в горах, которые «открывают в честь Ваших Величеств сразу четыре тысячи устьев, дабы лучше служить богатствами своих недр» богу и королю и «дабы все могли вкусить величия, богатства, учености и благородства», так как «это кладезь мудрости, обходительности, доблести и благородства»[42]. Священник Мармолехо описывал позднее Гуанахуато как город с многочисленными мостами и садами, соперничавшими с вавилонскими садами Семирамиды, великолепными храмами и театром, площадями для боя быков и огороженными подмостками для петушиных боев, величественными куполами на фоне зеленых склонов гор. Но это была, по словам Гумбольдта, «страна неравенства», о которой он писал: «Вряд ли где-нибудь существует бо-

[41] F. Carmona. Prólogo.—In: D. López Rosado. Historia y pensamiento económico de México. México, 1968.

[42] D. J. Ribera Benárdez, C. Santiago de la Laguna. Descripción breve de la muy noble y leal viudad de Zacatecas.— In: G. Salinas de la Torre. Testimonios de Zacatecas. México, 1946. Кроме этой работы и очерка Александра Гумбольдта, автор использует также: L. Chávez Orozco. Revolución industrial— Revolución política. México, s. f.; L. Marmolejo. Efemérides guanajuatenses, o datos para formar la historia de la ciudad de Guanajuato. Guanajuato, 1883; M. L. Mora. México y sus revoluciones. México, 1965.

Современные данные почерпнуты из работ: La economía del Estado de Zacatecas y La economía del Estado de Guanajuato. — In: Serie de investigaciones del Sistema de Bancos de Comercio. México, 1968.

лее ужасающее неравенство... архитектура общественных зданий и частных домов, изящество женских нарядов, манеры светского общества — все свидетельствовало о крайней изысканности, которая разительно контрастировала со столь же крайней нищетой и неотесанностью простонародья». В горах пасти шурфов заглатывали людей и мулов; индейцы, «жившие лишь бы дотянуть до вечера», мерли как мухи от непрестанных эпидемий и чумы. За один только 1784 г. вспышка болезней, вызванная нехваткой пищи из-за губительных холодов, унесла в Гуанахуато 8 тыс. жизней.

Капиталы не накапливались, а расточались. Оправдывалась старая поговорка: «Отец — купец, сын — дворянин, а внуки протягивают руки». В 1843 г. Лукас Аламан в своем послании правительству предупреждал о тяжелых последствиях, которые может вызвать иностранная конкуренция, и предлагал ряд защитных мер, таких, как введение запретов и усиление налогового обложения. «Необходимо заниматься развитием промышленности как единственного источника благоденствия, — писал он. — Не будет Пуэбле проку от богатств Сакатекаса, если их не будут потреблять местные мануфактуры, ведь без них мануфактуры опять придут в упадок, как это уже случалось раньше, и разорится весь ныне процветающий департамент, так что его уже не спасут от нищеты никакие богатства этих рудников». Пророчество сбылось. В наши дни Сакатекас и Гуанахуато — даже не самые крупные города в своих провинциях. Они чахнут, окруженные развалинами поселков времен рудничного бума. Сакатекас, расположенный на засушливом плоскогорье, живет теперь сельским хозяйством и экспортирует рабочие руки даже в другие штаты; оставшиеся руды имеют мизерное содержание золота и серебра и не идут ни в какое сравнение с прежними. Из 50 рудников, действовавших раньше в Гуанахуато, продолжают работать только два. Население этого красивого города не увеличивается, но в него стекаются туристы, чтобы полюбоваться пышными памятниками прошедших времен, побродить по овеянным легендами улочкам с романтическими названиями, поглядеть на 100 прекрасно сохранившихся мумий, минерализованных солями земли. Половина семей штата Гуанахуата, каждая из которых состоит в среднем из 5 человек, живет в настоящее время в жалких лачугах с одной-единственной комнатой.

Пролились кровь и слезы: и все-таки папа Римский решил, что у индейцев есть души

В 1581 г. Филипп II заявил в Гвадалахаре, что в Америке уже уничтожена третья часть индейцев, а те, кто еще остался в живых, вынуждены платить налоги за умерших. Монарх сказал, кроме того, что индейцев покупают и продают. Что они спят под открытым небом. Что матери убивают своих детей, дабы избавить их от мучительной работы в рудниках[43]. Но лицемерие короны явно превосходило даже гигантские размеры империи. Корона получала, помимо всех прочих налогов, пятую часть драгоценных металлов, которые добывались ее подданными по всей территории испаноязычной Америки; то же самое происходило в XVIII в. на американских землях португальской короны — в Бразилии. Серебро и золото Америки, подобно кислоте, разъедали умирающий феодальный строй в Европе, а владельцы рудников, представители нарождающегося торгового капитала, превращали индейцев и чернокожих рабов в бесчисленный «внешний пролетариат» европейской экономики. В новой обстановке и в новом мире воскресало рабство, процветавшее в Древней Греции и в Римской империи; а к несчастьям индейцев из разгромленных империй Латинской Америки добавилась ужасная судьба американских негров, увезенных силой из своих деревень для работы в Бразилии или на Антилах. *Колониальная экономика Латинской Америки характеризовалась невиданной ранее концентрацией рабочей силы, сделавшей возможной такую концентрацию капитала, которая дотоле никогда еще не имела места ни в одной цивилизации.*

Эта сокрушительная волна алчности, ужаса, волевого напора, обрушившаяся на земли Латинской Америки, обернулась для них геноцидом туземного населения. Согласно современным, хорошо фундированным исследованиям, численность населения доколумбовой Мексики составляла цифру между 30 и 36,5 млн. Считается, что примерно такой же была и численность населения Андского региона; Центральная Америка и Антилы насчитывали 10—13 млн. жителей. *Общее количество американских индейцев к моменту появления конкистадоров равнялось*

[43] J. Collier. The Indians of America. New York, 1947.

60—90 млн. человек, а полтора столетия спустя оно сократилось до 3,5 млн.[44] Согласно сообщению маркиза де Баринас, между Лимой и Пайтой, где раньше обитало свыше 2 млн. индейцев, в 1685 г. осталось не более 4 тыс. индейских семей. Архиепископ Линьян-и-Сиснерос отрицал факт истребления индейцев. «Они просто прячутся, — утверждал архиепископ, — чтобы не платить податей, злоупотребляя свободой, которой были лишены в эпоху инков»[45].

Из латиноамериканских жил бил неиссякаемый поток металлов, а из испанского двора струился также неиссякаемый поток предписаний и распоряжений: на бумаге туземцам оказывалось покровительство, признавалось их человеческое достоинство, ведь именно изнурительным трудом индейцев поддерживалось королевство. Индейцев как будто бы защищала видимость закона, но обескровливала более чем реальная эксплуатация. От рабства до энкомьенды, основанной на использовании кабального труда, а от нее — к энкомьенде, основанной на взимании податей, и далее к системе заработной платы — все эти виды правового состояния индейцев лишь поверхностно меняли их действительное положение. Корона считала столь необходимой бесчеловечную эксплуатацию труда аборигенов, что в 1601 г. Филипп III огласил регламент, запрещающий чрезмерно тяжелый труд на рудниках, и одновременно послал другие секретные инструкции, предписывающие прибегать к нему «в случаях, когда эта мера позволит предотвратить уменьшение производства»[46]. Королевский ревизор и губернатор Хуан де Солорсано изучал между 1616 и 1619 гг. условия труда в ртутных рудниках в Уанкавелике. «Яд пропикает прямо в мозг, ослабляя все члены, вызывая непрекращающееся дрожание, так что рабочие умирают, как правило, за четыре года работы», — сообщал он Совету по делам Индий и монарху. Но в 1631 г. Филипп IV приказал придерживаться принятой системы эксплуатации, а его преемник Карл II некоторое время спустя повторил этот приказ. Ртутные рудники, о которых шла речь, принадлежали непосредственно короне — в отличие от серебряных рудников, находившихся в руках частных владельцев.

[44] Соответствующие данные из работ Г. Ф. Добинса, П. Томпсона и других авторов приведены в кн.: D. Ribeiro. Op. cit.

[45] E. Romero. Historia económica del Perú. Buenos Aires, 1949.

[46] E. Finot. Nueva historia de Bolivia. Buenos Aires, 1946.

За три столетия богатая гора Потоси поглотила, согласно Хосиа Кондеру, 8 млн. жизней. Индейцев вытаскивали из их домов и вместе с женами и детьми гнали к горе. Из каждых 10 уходивших к ее снежным вершинам 7 уже никогда не возвращались. Луис Капоче, хозяин рудников и индейцев, писал: «Все дороги были забиты, казалось, что тронулось в путь все королевство». А индейцы в поселениях видели, как возвращаются с Потоси: приходили женщины, оплакивающие погибших мужей, дети, потерявшие родителей, и всем было известно, что на руднике человека поджидает «тысяча смертей и тысяча несчастий». Испанцы хватали сотни тысяч индейцев во время облав, которые они устраивали в поисках рабочей силы. Многие индейцы умирали в пути, так и не дойдя до Потоси. Но больше всего людей погибали от ужасных условий работы на руднике. В 1550 г., сразу после открытия рудника, доминиканский монах фрай Доминго де Санто Томас доносил Совету по делам Индий, что Потоси была подлинным «адским зевом», который ежегодно заглатывал тысячи и тысячи индейцев, и что алчные владельцы рудников обращались с туземцами «как с бессловесным скотом». А фрай Родриго де Лоайса скажет впоследствии: «Этих бедных индейцев здесь — как сардин в море. И так как в море другие рыбы преследуют сардин и пожирают их, так и здесь преследуют этих жалких индейцев...» [47] Касики племен были обязаны заменять умерших митайос * другими мужчинами в возрасте от 18 до 50 лет. Двор, где взятых на принудительные работы индейцев разбирали хозяева рудников, сахарных плантаций и заводов, представлял собой огромную, огороженную каменными стенами площадь, на которой теперь рабочие играют в футбол. А тюрьма, в которой содержались митайос, превратилась в бесформенную груду развалин — их и сегодня можно видеть при въезде в Потоси.

В своде законов Индий не было недостатка в декретах, устанавливавших равенство прав индейцев и испанцев на разработку рудников и запрещавших какое-либо ущемление прав туземцев. Официальной истории — этой мертвой науке, что в наше время фиксирует мертвые письмена минувших времен, — вроде бы не на что жаловаться. Но пока исписывались кипы бумаг, в которых дебатировалось законоположение о труде индейцев,

[47] Ibid.

и над потоками чернил расцветали таланты испанских законников, в Америке закон «почитался, но не выполнялся». На деле бедность индейца, говоря словами Луиса Капоче, «была монетой, на которую можно было приобрести все, что угодно, так же как на золото и серебро, и даже еще больше». Множество людей требовали, чтобы их судебным порядком признали метисами — только так они могли избежать насильственной отправки в рудники, продажи и перепродажи на рынке.

В конце XVIII в. Конколоркорво, в чьих жилах текла индейская кровь, предавая своих соплеменников, сказал: «Мы не отрицаем, что серебряные и ртутные рудники унесли изрядное количество индейских жизней, но это не следствие тяжелых условий труда, а следствие распутства, в котором погрязли индейцы». Весьма показательным в этом смысле является свидетельство Капоче, имевшего в своем услужении множество индейцев. Трескучий мороз на поверхности горы сменялся адской жарой в ее недрах. После того как индейцы спускались в глубины рудника, на поверхность их чаще всего извлекали уже мертвыми или с пробитыми головами и переломанными ногами, ежедневно они калечились и на дробильных установках. Митайос откалывали киркой куски руды, взваливали их на спину и при неверном свете свечи поднимались по ступенькам лестницы. Те, кто не опускался в забой, крутили длинные деревянные валы на дробильных установках или, после того как руду измельчили и промыли, выплавляли серебро.

«Мита» была подобна машине, созданной для перемалывания индейцев. Ртуть, использовавшаяся для извлечения серебра методом амальгамации, отравляла не меньше, чем токсичные газы в глубине земли, а может быть, и еще сильнее. От нее выпадали волосы и зубы, дрожало все тело. «Ртутники» влачили жалкое существование, прося милостыню. Шесть с половиной тысяч костров пылали по ночам на склонах Потоси, где обрабатывали серебро, используя энергию ветра, милостиво посылаемого с небес святым Августином. Из-за едкого дыма печей на 6 лиг вокруг Потоси не росли ни трава, ни злаки, а ведь и для человека он был не менее ядовитым.

И все же недостатка в идеологических оправданиях кровопускания, устроенного в Новом Свете, не было. Оно представлялось то как благодеяние, то как акт рвения в утверждении истинной веры. Чувство вины пытались

заглушить множеством оправданий — надо было успокоить больную совесть. Индейцев использовали как вьючных животных, так как они могли выдержать более тяжелый груз, чем слабая спина ламы, и тогда их хозяева приходили к твердому мнению, что они и есть вьючные животные. Вице-король Мексики полагал, что для лечения «врожденного зла», свойственного индейцам, нет лучшего лекарства, чем работа в рудниках. Даже гуманист Хуан Хинес де Сепульведа придерживался мнения, что индейцы вполне заслужили столь сурового обхождения, ибо их греховность и идолопоклонство оскорбляют бога. Граф де Бюффон утверждал, что ему не удалось обнаружить у индейцев, этих бесчувственных и слабых животных, «никакой деятельности души». Аббат де Пав описывал выдуманную им Америку, где выродившиеся индейцы жили вперемешку с собаками, не умеющими лаять, с несъедобными коровами и бессильными верблюдами. Америка Вольтера была населена ленивыми и глупыми индейцами, плешивыми и трусливыми львами, а также свиньями, у которых пупки были на спине. Бэкон, де Местр, Монтескьё, Юм и Бодэн отказывались признавать себе подобными «выродившихся людей Нового Света». Гегель говорил о физическом и духовном бессилии Америки, добавляя, что индейцев не случайно погубила встреча с европейцами [48].

В XVII в. отец Грегорио Гарсия доказывал, что индейцы произошли от иудеев, потому что, подобно им, они «ленивы, не верят в чудеса Иисуса Христа и не испытывают благодарности к испанцам за все благодеяния, которые от них получили». Этот священник, правда, не отрицал, что индейцы произошли от Адама и Евы, в то время как многие теологи и ученые имели иное мнение на этот счет, хотя в 1537 г. в булле папы Павла III индейцы провозглашались «подлинными людьми». Отец Бартоломе де Лас Касас, досаждая испанскому двору, разоблачал жестокости, творимые конкистадорами; в 1557 г. один из членов королевского совета ответил ему: индейцы стоят на такой низкой ступени человеческого развития, что не способны воспринять веру [49]. Лас Касас посвятил всю свою жизнь

[48] A. Gerbi. La disputa del Nuevo Mundo. México, 1960; D. Vidart. Op. cit.

[49] L. Hanke. Estudios sobre fray Bartolomé de Las Casas y sobre la Lucha por la justicia en conquista española de América. Caracas, 1968.

пламенной защите индейцев от бесчинств хозяев рудников и владельцев энкомьенд. Индейцы, говорил он, скорее предпочтут отправиться в ад, чем иметь дело с христианами.

Конкистадорам и колонизаторам поручали, то есть «передавали в энкомьенду», индейцев, чтобы наставлять их в вере. Однако поскольку индейцы обязаны были оказывать своим «духовным наставникам» личные услуги и выполнять различные повинности, то времени, чтобы вести их по христианскому пути к спасению души, у наставников оставалось не так уж много. В награду за свои заслуги Эрнан Кортес получил 23 тыс. вассалов; индейцев получали вместе с землями, пожалованными королем, или сами захватывали их. С 1536 г. индейцев вместе с потомками стали отдавать в энкомьенду на срок жизни двух поколений: на время жизни самого энкомендеро и его непосредственного наследника. С 1629 г. эта система фактически закрепилась. К XVIII в. индейцы, которые к тому времени выжили, обеспечивали благополучие уже нескольких поколений завоевателей. Поскольку низвергнутые боги все еще продолжали жить в памяти туземцев, победителям не составляло большого труда найти доводы в защиту своего святого права пользоваться плодами труда побежденных: индейцы были язычниками и не заслуживали лучшей участи. Вы думаете, все это кануло в прошлое? Четыреста лет спустя после того, как папа Павел III подписал свою известную буллу, в сентябре 1957 г. Верховный суд Парагвая разослал судьям страны циркуляр, в котором указывалось, что «индейцы — такие же человеческие существа, как и другие граждане республики...». А Центр антропологических исследований Католического университета в Асунсьоне провел позже опрос в столице и внутренних районах страны, который многое прояснил: оказалось, что из каждых 10 парагвайцев 8 человек считают, что «индейцы подобны животным». В Каагуасу, на Верхней Паране и в Чако на индейцев охотятся, как на диких зверей, их продают по дешевке, там существует система скрытого рабства. И все это при том, что в жилах почти всех парагвайцев течет индейская кровь и в Парагвае не устают слагать поэмы, петь песни и произносить речи в честь «души гуарани» *.

Тупак Амару призывает к новым битвам

Испанцы, вторгшиеся в Америку, застали в апогее расцвета теократическую империю инков, власть которой распространялась на территории, ныне именуемые Перу, Боливия и Эквадор, а также на часть теперешних Колумбии и Чили, до самой северной границы Аргентины и бразильской сельвы; в долине Мехико к тому моменту достигла высокого уровня развития конфедерация ацтеков, а на Юкатане и в Центральной Америке жили наследники великолепной цивилизации майя, умелые работники и отважные воины.

Несмотря на то что в течение длительного периода эти государства подвергались варварскому разорению, до наших дней дошли многочисленные свидетельства их былого величия: культовые памятники, превосходящие своими архитектурными достоинствами египетские пирамиды, мощные технические сооружения для борьбы со стихией, неповторимые произведения декоративного искусства. В музее города Лимы можно увидеть сотни черепов со следами трепанации и пластических операций путем наложения золотых и серебряных пластин, произведенных хирургами-инками. Майя известны как великие астрономы, они умели измерять время и пространство с невероятной точностью, первыми в мире открыли значение числа ноль. Созданные ацтеками каналы и искусственные острова ослепили Эрнана Кортеса, хотя и не блестели, как золото.

Испанское завоевание подорвало основы этих цивилизаций. Но ни потоки крови, ни огонь войны не имели таких тяжелых последствий, как открытие рудников. Ради работы на них перемещались огромные массы населения, разрушались целые сельские общины; рудники не только загубили бессчетное множество человеческих жизней, косвенно они способствовали уничтожению системы коллективной обработки земли. Индейцев загоняли в подземные галереи, где их заставляли работать на энкомендеро, выпуждали продавать за бесценок земли, поневоле ими покинутые или заброшенные. На Тихоокеанском побережье испанцы уничтожили или обрекли на гибель обширные плантации маиса, юки, фасоли, земляного ореха, батата; пустыня быстро поглотила огромные пространства земли, которым прежде давала жизнь ирригационная сеть, созданная инками. Спустя четыре с половиной

столетия после конкисты только груды камней и заросли кустарника виднелись там, где когда-то были дороги, связывавшие самые отдаленные окраины империи. Но хотя гигантские общественные сооружения инков были уничтожены временем и беспощадной рукой завоевателей, еще и теперь Кордильеры Анд исчерчены бесчисленными террасами, которые позволяют обрабатывать землю на склонах гор. Один американский специалист подсчитал в 1936 г., что, если бы такие же террасы сооружались современными методами, затраты на это составили бы 30 тыс. долл. на каждый акр [50]. Создание террас и акведуков стало возможным в империи, не знавшей ни колеса, ни лошади, ни железа, только в силу удивительной организации и технического совершенства, достигнутых благодаря мудрому разделению труда и сильному влиянию религии, диктовавшей отношение человека к земле: земля была священна и поэтому всегда жива.

Поражает воображение и то, как ацтеки умели подчинять себе природу. В наши дни туристам показывают «плавучие сады» — всего несколько сохранившихся островов посреди осушенного озера, на котором сейчас стоит, на руинах древнего города, столица Мексики. Эти острова были созданы ацтеками потому, что им не хватало пространства для строительства Теночтитлана. Индейцы переносили с берега большие массы глины, затем со всех сторон укрепляли грунт высокими стенами из тростника, а со временем корни деревьев придавали новым островам прочность. Между искусственными кусочками суши протекали каналы. На этих плодороднейших землях и выросла могущественная столица ацтеков: широкие проспекты, строгая красота дворцов, ступенчатые пирамиды; выросшему из озера, будто волшебное растение, этому городу суждено было исчезнуть под натиском чужеземных завоевателей. Понадобилось четыре века, чтобы число жителей Мехико стало таким же, как в древнем городе.

Индейцы стали, по выражению Дарси Рибейро, топливом колониальной производственной системы. «Не вызывает сомнений тот факт, — пишет Серхио Багу, — что испанцы посылали в свои рудники сотни индейцев — скульпторов, архитекторов, инженеров и астрономов, которых вместе с массой простых рабов обрекали на грубый и изнурительный труд. Опыт и талант этих людей не пред-

[50] J. Collier. Op. cit.

ставляли интереса для колониальной экономики. Их превратили в чернорабочих». И все же еще сохранялись обломки растоптанных завоевателями культур. Надежда на возрождение утраченного величия не один раз вдохновляла индейцев на восстание. В 1781 г. Тупак Амару осадил Куско.

Этот касик-метис, прямой потомок инкских императоров, возглавил революционное движение — самое крупное в ту эпоху. Великий мятеж вспыхнул в провинции Тинта. На белом коне Тупак Амару выехал на площадь Тунгасука и под аккомпанемент барабанов и путуту объявил, что приговорил к повешению королевского коррехидора Антонио Хуана де Арриага и отменил «миту» в Потоси. Провинция Тинта к тому моменту почти совершенно обезлюдела, потому что ее жителей силой увозили на работы в богатые месторождения серебра. Через несколько дней Тупак Амару обнародовал новый указ, провозглашавший отмену рабства. Он отменил все налоги и «распределение» индейцев на работы в какой бы то ни было форме. Индейцы тысячами вливались в войско «отца всех бедных, униженных и беззащитных». Вождь повел своих воинов на Куско. В походе он выступал со страстными проповедями: каждого, кто погибнет, сражаясь под его командованием, ждет воскрешение, и он сможет наслаждаться счастьем и богатствами, отобранными у захватчиков. Тупак Амару то одерживал победы, то терпел поражения; наконец, он был предан одним из своих военачальников, пленен и в цепях передан испанцам. В тюрьме его посетил Арече, на которого была возложена обязанность вести следствие. Пытаясь соблазнить вождя обещаниями, он потребовал назвать имена сообщников. Тупак Амару с презрением ответил ему: «Здесь только два сообщника — ты да я; оба мы заслужили смерть: ты — за то, что угнетал, я — за то, что освобождал» [51].

Тупак был казнен вместе с женой, детьми и ближайшими соратниками в Куско, на площади Вакаипата. Ему отрезали язык. Привязали за руки и за ноги к четырем лошадям, чтобы таким мучительным способом умертвить его, но тело не удалось разорвать на куски. Тогда его обезглавили возле виселицы. Голову Тупака отправили в Тинту. Одну руку отвезли в Тунгасуку, другую — в Карабайю. Одну ногу — в Санта-Росу, другую — в Ливитаку.

[51] D. Valcárcel. La rebelión de Túpac Amaru. México, 1947.

Туловище сожгли, а пепел сбросили в реку Ватаней. Было предписано истребить всех его потомков до четвертого колена.

В 1802 г. Гумбольдт посетил потомка вождей инков, касика Асторпилко, в Кахамарке — в том самом месте, где конкистадор Писарро впервые увидел его предка, Атауальпу. Сын касика сопровождал немецкого ученого к руинам города и развалинам старинного инкского дворца, а по дороге рассказал ему о сказочных сокровищах, погребенных под пылью и пеплом. «Вам никогда не приходило в голову откопать эти сокровища, чтобы облегчить себе жизнь?» — спросил Гумбольдт. Юноша ответил: «Нам не годится думать об этом. Мой отец говорит, что это грех. Если бы у нас были золотые ветви с золотыми плодами, белые соседи возненавидели бы нас и причинили бы нам зло» [52]. У касика было маленькое поле, где он выращивал пшеницу. Но и это не спасало от алчности узурпаторов. Сначала они жаждали золота и серебра, затем их рудники требовали рабов, а потом они набросились на чужие земли, как только увидели возможность и с них получать большие доходы. С тех пор грабеж не прекращался, и даже в 1969 г., когда была провозглашена аграрная реформа в Перу, газеты неоднократно сообщали, что индейцы из разрушенных общин в Сьерре устраивают время от времени набеги, пытаясь вернуть земли, отнятые у них самих или у их предков. Но тогда приходили солдаты, и индейцы отступали под градом пуль.

Почти два века пришлось ждать после гибели Тупака Амару, пока националистически настроенный генерал Хуан Веласко Альварадо не поднял снова как знамя бессмертные слова мятежного касика: «Крестьянин! Хозяин не будет больше богатеть за счет твоей бедности!»

И еще двух героев время спасло от забвения после поражений — мексиканцев Идальго и Морелоса. Мигель Идальго, тихий сельский священник, дожив до 50 лет, вдруг в один прекрасный день ударил в колокола церкви Долорес и призвал индейцев бороться за освобождение: «Поднимайтесь и отберите у ненавистных испанцев земли, украденные у ваших предков триста лет назад!» Он поднял знамя индейской богоматери из Гуадалупе, и менее

[52] A. von Humboldt. Ansichten der Natur. — In: A. Mayer-Abich y otros. Alejandro de Humboldt (1769—1969). T. II, Bad Godesberg, 1969.

чем через 6 недель за ним уже последовало 80 тыс. человек, вооруженных мачете, пиками, пращами, луками и стрелами. Революционный падре положил конец податям и разделил между крестьянами земли в Гуадалахаре; он провозгласил освобождение рабов; бросил свои войска на Мехико. Потерпев поражение, Идальго был схвачен и казнен и, говорят, перед смертью написал завещание, полное страстного раскаяния [53]. Но у революции вскоре появился новый вождь, священник Хосе Мариа Морелос. Он объявил: «Считать врагами всех богачей, всю знать и высших чиновников...» Это движение, в котором воедино слились индейский мятеж и социальная революция, охватило большие пространства на территории Мексики. Повстанцы снова были разгромлены. Морелоса расстреляли. Независимость Мексики, провозглашенная 6 лет спустя, «имела, по существу, характер сделки между испанцами-европейцами и теми, что родились в Америке... она стала результатом политической борьбы внутри правящего класса» [54]. Энкомендадо превратились в пеонов, а энкомендеро — в помещиков [55].

Пасхальная неделя без воскресенья

Еще в начале нашего века хозяева «понгос», то есть индейцев, прислуживавших в домах белых, предлагали их «напрокат», давая об этом объявления в газетах города Ла-Пас. До революции 1952 г., восстановившей для боливийских индейцев растоптанное право на человеческое достоинство, «понгос» питались объедками от трапезы хозяйских собак, рядом с которыми они укладывались на ночь, и становились на колени, прежде чем заговорить с белым человеком, кем бы он ни был. Еще во времена конкисты индейцев использовали в качестве вьючных животных, заставляя таскать на спине багаж белых завоевателей: вьючных лошадей не хватало. Но и в наши дни повсюду на высокогорных плато Анд можно увидеть носильщиков аймара и кечуа, нагруженных так, что они даже в зубах несут, лишь бы заработать свой черствый хлеб. Пневмокониоз стал первым профессиональным за-

[53] T. Halperin Donghi. Historia contemporánea de América Latina. Madrid, 1969.

[54] E. Gruening. Mexico and its Heritage. Nueva York, 1928.

[55] A. Aguilar Monteverde. Dialéctica de la economía mexicana. México, 1968.

болеванием в Америке; в настоящее время у боливийских шахтеров к 35 годам легкие отказываются служить: безжалостная пыль кремнезема въедается в кожу, липо и руки покрываются трещинами, у горняков атрофируется обоняние и способность различать вкус; наконец, пыль набрасывается на легкие, оседает в них и убивает.

Туристы обожают фотографировать индейцев Анд в их национальных костюмах. Но они не ведают, что теперешняя одежда индейцев была навязана им Карлом III в конце XVIII в. Образцы женского платья, которое испанцы заставили носить индианок, были скопированы с одежды крестьянок Андалусии, Эстремадуры и Басконии; то же самое касается причесок — пробор посередине был введен указом вице-короля Толедо.

Иная история у коки, употребляемой индейцами. Впервые ее использовали не испанцы, однако до них кока потреблялась умеренно: инкские правители монопольно владели ею и разрешали жевать ее только в ритуальных целях или на тяжелых работах. Приход испанцев резко стимулировал потребление коки. Это было выгодным делом для завоевателей. В XVI в. в Потоси угнетатели тратили столько же денег на покупку одежды, сколько угнетенные — на листья коки. Только в Куско 400 торговцев занимались такой коммерцией; на серебряные рудники Потоси ежегодно доставлялось 100 тыс. корзин с листьями коки общим весом в 1 млн. килограммов. Церковь установила налог на употребление этого наркотика. Инка Гарсиласо де ла Вега в своих «Королевских комментариях» сообщает, что основная часть доходов епископа и каноников, равно как и прочих духовных лиц церкви в Куско, складывалась из десятины, взимавшейся с каждой партии коки, и что поставки этого наркотика обогатили многих испанцев. На те жалкие гроши, которые индейцы получали за свой труд, они вместо еды покупали наркотик: жуя коку, легче было переносить — правда, за счет сокращения собственной жизни — тяжкий принудительный труд. Кроме коки, индейцы пристрастились к водке, и при этом их хозяева возмущались распространением среди туземцев «зловредных пороков». До сих пор, в XX в., индейцы Потоси жуют коку, убивая чувство голода и себя самих, а также сжигают себе внутренности чистым спиртом. Иллюзорное вознаграждение обреченных! В шахтах Боливии рабочие до сих пор называют свою зарплату «митой».

Изгнанных с их родных земель, осужденных на вечное преследование, индейцев Латинской Америки теснили все дальше, в самые безжизненные районы, в бесплодные горы или в глубь пустынь, по мере того как расширялись границы господствующей цивилизации. *Над индейцами тяготело и тяготеет до сих пор проклятие — их собственное богатство. Это драма всей Латинской Америки.* Когда на реке Блуфилдс в Никарагуа были открыты золотоносные участки, индейцев племени карка немедленно вышвырнули с их земель, расположенных по берегам реки. Та же судьба постигла жителей всех плодородных равнин и участков, богатых полезными ископаемыми, от реки Рио-Гранде до самого юга континента. Истребление туземцев, начало которому положил Колумб, никогда не прекращалось. В прошлом веке в Уругвае и аргентинской Патагонии охота на индейцев производилась войсками, которые их отыскивали и загоняли в леса или пустыни, чтобы те не мешали организованному развитию скотоводческих латифундий [56]. Индейцы племени яки из мексиканского штата Сонора подверглись кровавой расправе. Это потребовалось для того, чтобы их богатые редкими минералами плодородные земли могли быть беспрепятственно проданы нескольким североамериканским капиталистам. Выживших отправили на плантации Юкатана.

[56] Последние индейцы из племени чарруа, которые до 1832 г. еще жили, воруя скот, в диких местах на севере Уругвая, испытали на себе коварство президента Фруктуосо Риверы. Выйдя из густых зарослей, где они были в безопасности, индейцы спешились и бросили оружие, поверив фальшивым обещаниям дружбы. Место, где их расстреляли, называется Бока-дель-Тигре, то есть «Пасть тигра». «Горнисты протрубили сигнал к расправе, — рассказывает писатель Эдуардо Асеведо Диас (газета «Ла Эпока», 19 августа 1890 г.). — Толпа в панике заметалась, и сильные отважные молодцы стали падать один за другим, как быки, которых молотом ударили по затылку». Погибло несколько касиков. Горстка индейцев, которым удалось прорваться сквозь кольцо огня, вскоре отомстила за своих. Преследуемые братом Риверы, они устроили ему западню и изрешетили копьями и его самого, и его солдат. Касик Сепе «приказал извлечь из трупа сухожилия и обмотать ими свое копье».

В аргентинской Патагонии в конце века солдатам платили определенную сумму за отрезанные у убитого индейца половые органы. Роман Давида Виньяса «Хозяева земли» (Буэнос-Айрес, 1959) открывается сценой охоты на индейцев: «Убивать — все равно что насиловать. Что-то приятное. Ему нравилось: нужно было бежать, можно было кричать, вспотеешь, проголодаешься... Выстрелы звучали все реже. Наверняка где-то здесь лежат трупы удавленных индейцев с темными пятнами между ляжками...»

Так полуостров Юкатан стал кладбищем не только для своих законных хозяев, индейцев майя, но и для яки, прибывших издалека: в начале века на плантациях 50 королей хенекена трудилось 100 тыс. рабов-индейцев. Несмотря на то что яки, племя красавцев-гигантов, отличались исключительной физической силой, две трети из них погибли в первый же год рабского труда [57]. В наше время волокна хенекена могут конкурировать со своими синтетическими заменителями только благодаря тому, что у рабочих на плантациях исключительно низкий уровень жизни. Времена, конечно, теперь не те, но положение — во всяком случае для индейцев Юкатана — изменилось не так уж существенно, как принято думать. «Условия жизни этих рабочих во многом сходны с условиями жизни рабов», — отмечает профессор Артуро Бонилья Санчес [58]. На склонах Анд вблизи Боготы индеец-пеон вынужден в определенные дни бесплатно работать на помещика, чтобы получить от него разрешение в лунные ночи обрабатывать свой клочок земли. «Предки этого индейца работали свободно, не зная долгов, на тучных землях равнин, которые никому не принадлежали. А теперь он работает бесплатно, чтобы получить право сеять на бесплодных склонах!» [59]

Даже индейцам, уединенно жившим в глубине сельвы, и тем нет спасения. В начале этого века в Бразилии насчитывалось 230 индейских племен; 90 из них к настоящему моменту бесследно исчезли, сметенные с лица планеты силой огнестрельного оружия и микробами. Насилие и болезни — вот они, передовые отряды цивилизации, наступающей на индейцев; контакт с белым человеком для аборигенов по-прежнему является контактом со смертью. Законодательство, охраняющее индейцев Бразилии с 1537 г., обернулось против них самих. Согласно всем бразильским конституциям, индейцы являются «исконными и естественными хозяевами» земель, которые они занимают. А на деле получается, что чем богаче эти девственные земли, тем серьезнее опасность, грозящая жизни их обитателей; чем щедрее природа, тем больше у них

[57] J. K. Turner. México bárbaro. México, 1967.

[58] A. Bonilla Sánchez. Un problema que se agrava: la subocupación rural. — In: Neolatifundismo y explotación. De Emiliano Zapata a Anderson Clayton & Co. México, 1968.

[59] R. Dumont. Tierras vivas. Problemas de la reforma agraria en el mundo. México, 1963.

шансов стать жертвами грабителей и убийц. В последние годы охота на индейцев приобрела особенно жестокий характер; огромные пространства тропических лесов, самые обширные в мире, романтические и легендарные, стали одновременно сценой, на которой снова осуществляется «американская мечта». Североамериканские дельцы бросились завоевывать Амазонию, будто новый Дальний Запад. Нашествие янки как никогда подогрело алчность бразильских авантюристов. Индейцы исчезают бесследно, а убийцы продают их земли за доллары новым претендентам. Золото, дорогостоящие минералы, дерево и каучук — богатства, коммерческая ценность которых неизвестна индейцам, — обнаруживаются здесь повсюду при самых поверхностных изысканиях. Теперь не секрет, что аборигенов Амазонии расстреливают с вертолетов и небольших самолетов, им делают инъекции, заражая их оспой, на их деревни сбрасывают динамит, им дарят сахар, перемешанный со стрихнином, соль с мышьяком. Против самого директора Службы защиты индейцев, назначенного на этот пост диктатором Кастело Бранко с целью покончить с коррупцией внутри администрации, выдвинуто обвинение, подтвержденное неопровержимыми уликами, что он совершил 42 различных преступления против индейцев. Скандал этот разразился в 1968 г.

В наши дни индейские племена не живут изолированно, вне рамок латиноамериканской экономики. Конечно, в Бразилии существуют племена, обитающие в недоступных дебрях сельвы; есть общины на высокогорных плато, совершенно не имеющие контактов с остальным миром; сохранились остатки первобытных родов на границе с Венесуэлой. Но в целом туземцы приобщены, прямо или косвенно, к общей системе производства и потребления. Они выступают в роли жертв социально-экономической системы, в роли угнетеннейших из угнетенных. Они покупают и продают большую часть той малости, которую потребляют и производят, через могущественных и ненасытных посредников, а те дерут с них три шкуры и платят гроши; они нанимаются поденщиками на плантации, где их используют как самую дешевую рабочую силу, и солдатами в горы; они сжигают свою недолгую жизнь, чтобы обеспечить продуктами мировой рынок или же сражаясь за своих победителей. В таких странах, как, например, Гватемала, они составляют стержень национальной экономической жизни: из года в год индейцы покидают свои

«священные земли» в горах, свои мини-участки, площадь которых мало превышает размер, необходимый для могилы, и спускаются на равнины, поставляя 200 тыс. рабочих рук для сбора кофе, хлопка и сахарного тростника. Агенты по найму перевозят их в грузовиках, как скот, и не всегда нужда играет в этом решающую роль — часто их просто соблазняют водкой. Агенты нанимают музыкантов, играющих на маримбах, водка течет рекой, а когда индеец приходит в себя после пьянки, ему сообщают, что он кругом задолжал. Долги он отработает в жарких, незнакомых ему краях, откуда вернется через несколько месяцев, может, с горсткой сентаво, а может, с туберкулезом или малярией. Армия тоже эффективно помогает уговаривать самых «ленивых» [60]. Экспроприации туземцев, то есть захвату их земель и присвоению их рабочей силы, сопутствовало презрение к ним как к низшей расе, что в свою очередь находило обоснование в объективной деградации разрушенных завоевателями цивилизаций. В результате конкисты и последующего долгого периода унижений рассыпалась в прах культурная и социальная общность, достигнутая индейцами. И все же эта раздробленная общность — единственная, которая сохранилась в Гватемале [61].

Вила-Рика-ди-Оуру-Прету: золотой Потоси

Золотая лихорадка, несущая смерть и рабство индейцам Амазонии, — не новость для Бразилии. Здесь она тоже оставила свои пагубные следы.

Первые два века после открытия этих земель недра Бразилии упорно скрывали драгоценные металлы от своих новых хозяев. В начальный период, во время колонизации прибрежных земель, белые пришельцы занялись

[60] E. Galeano. Guatemala, país ocupado. México, 1967.

[61] Майя-киче верили в единого бога, соблюдали пост, приносили покаяние и исповедовались; они верили во всемирный потоп и конец света — в христианстве для них не оказалось особой новизны. Колонизация положила начало распаду их традиционной религии. Католицизм воспринял некоторые магические и тотемические элементы религии майя в безнадежной попытке подчинить верования туземцев идеологии завоевателей. Искоренение местной культурной традиции открыло дорогу синкретизму, и, таким образом, в настоящее время обнаруживаются свидетельства регресса по отношению к достигнутому когда-то высокому уровню духовного развития: «Дону Вулкану хочется хорошо прожаренного человеческого мясца» (C. G. Böckler y J.-L. Herbert. Guatemala: una interpretaciín histórico-social. México, 1970).

заготовкой древесины — фернамбука, который называли «пау Бразил», а вскоре на Северо-Востоке появились и большие плантации сахарного тростника. В отличие от испанской Америки в Бразилии, казалось, отсутствовало золото и серебро. Португальцы столкнулись здесь не с высокоразвитыми и организованными индейскими цивилизациями, а с дикими и разрозненными племенами. Аборигены не знали металлов; португальцам предстояло самим, по их собственному разумению, разведывать залежи золота на открывшихся перед ними обширных пространствах, истребляя на своем пути несчастных индейцев.

Участники «бандейрас» [62] из района Сан-Паулу прошли огромный путь от Серра-да-Мантикейра до истоков реки Сан-Франсиску и там, в руслах и на отмелях нескольких протекающих здесь рек и речушек, заметили признаки наносного золота, хотя и в небольших количествах. Дожди тысячелетиями размывали золотоносные жилы в скалах, унося крупинки в реки, в долины и низины. Под слоем песка, почвы или глины в каменистых недрах залегали крупинки золота, извлечь которые из осколков кварцевых жил не составляло труда; правда, методы добычи усложнялись по мере истощения поверхностных залежей. Так район Минас-Жерайс, неожиданно для себя, стремительно вошел в историю: здесь было открыто самое большое в мире количество золота, известного до тех пор, которое и добыто было за рекордно короткие сроки.

«Золота здесь было, что леса, — говорил мне нищий, блуждая взглядом над башнями церквей. — Оно валялось под ногами, росло, словно трава». Нищему теперь 75 лет, он считает себя живой легендой Марианы (Рибейран-ду-Карму) — шахтерского городка вблизи Ууру-Прету, где время будто остановилось, как и в самом Ууру-Прету. «Смерть точно придет, это известно, но вот когда — неизвестно. Каждому свой час назначен», — говорит мне нищий. Он сплевывает на каменные ступени лестницы и трясет головой. «Денег у них было слишком много, — говорит он так, словно их сам видел. — Не знали они, куда их девать, вот и строили одну церковь за другой...»

[62] «Бандейрас» из Сан-Паулу представляли собой разные по численности мобильные вооруженные отряды. Их экспедиции по завоеванию внутренних земель сыграли серьезную роль в колонизации Бразилии.

В прежние времена этот край был самым важным в Бразилии. А теперь... «Теперь не то, — говорит старик. — Теперь здесь мертво. Молодых нет. Уходят молодые». Он идет рядом со мной, медленно ступая босыми ногами, под мягкими лучами вечернего солнца. «Видите, вон, на фасаде церкви, солнце и луна. Это означает, что рабы работали здесь день и ночь. Этот собор строили негры, а тот — белые. А вот дом монсеньора Алипиу, который умер точно девяносто девяти лет от роду».

На протяжении одного лишь XVIII в. добыча вожделенного металла в Бразилии превзошла общий объем золота, которое Испания добыла в своих колониях за два предшествовавших века [63]. Сюда хлынули толпы авантюристов и ловцов счастья. В 1700 г. в Бразилии насчитывалось 300 тыс. жителей; столетие спустя, после стольких «золотых» лет, население ее увеличилось в одиннадцать раз. Не менее 300 тыс. португальцев эмигрировало в Бразилию в XVIII в. — «это больше, чем количество людей, переселившихся из Испании во все ее американские колонии» [64]. Предполагается, что общее число негров, вывезенных из Африки от начала завоевания Бразилии и до самой отмены рабства, составило примерно 10 млн. человек. И хотя мы не располагаем точными цифрами для XVIII в., нужно принять во внимание, что период золота поглощал рабочую силу невольников в огромных масштабах.

Благодаря богатым урожаям сахарного тростника, которые давал Северо-Восток, Салвадор (Баия) был процветающей столицей, но «золотой век» в Минас-Жерайс привел к перемещению политико-экономической оси страны на юг, и в 1763 г. портовый город Рио-де-Жанейро стал новой столицей Бразилии. В центре этого района, где бурно развивалась молодая горнорудная промышленность, стремительно вырастали города и поселения, порожденные бумом и головокружительной легкостью обогащения «скопища мошенников, бродяг и преступников», как изволил изящно выразиться один из представителей колониальных властей того времени. Вила-Рика-ди-Оуру-Прету получил статус города в 1711 г.; толпы, хлынувшие на золотые рудники, превратили это место в средоточие цивилизации золота. Симан Феррейра Машаду, описывая

[63] C. Furtado. Op. cit.
[64] C. Furtado. Formación económica del Brasil. México, 1959.

этот город 23 года спустя, говорил, что могущество самых процветающих лиссабонских купцов — ничто по сравнению с тем, что приобрели дельцы из Оуру-Прету: «Сюда, как в порт, плывет и оседает в королевской казне грандиозное количество золота со всех рудников. Здесь живут люди более образованные, чем в других местах, как светские, так и духовного звания. Здесь — вся аристократия, тут сосредоточены войска. В силу естественных условий этот город — всей Америке голова, а по неслыханному богатству — драгоценная жемчужина Бразилии». Другой писатель того времени, Франсиску Таварес ди Бриту, в 1732 г. дал Оуру-Прету определение «золотой Потоси» [65].

В Лиссабон постоянно поступали жалобы и протесты по поводу греховной жизни в Оуру-Прету, Сабаре, Сан-Жоао-д'Эл-Рее, Рибейран-ду-Карму и вообще во всем бурлящем районе золотодобытчиков. Здесь наживали состояние и разорялись в мгновение ока. Падре Антонил доносил, что находится немало владельцев горных разработок, которые не задумываясь выкладывают целое состояние за негра, хорошо играющего на трубе, или за проститутку-мулатку, «чтобы бесконечно предаваться с нею омерзительным греховным удовольствиям». Однако люди в сутанах вели себя не лучше: официальная переписка той эпохи приводит немало фактов, свидетельствовавших против «дурных священников», пагубно влиявших на население. Они обвинялись в том, что, пользуясь своей неприкосновенностью, прятали контрабандное золото в маленьких деревянных изображениях святых. В 1705 г., как утверждали, в Минас-Жерайс не было ни одного святого отца, которого интересовало бы, верит ли его паства в Христа, а 6 лет спустя королевский двор запретил пребывание в этом районе какого бы то ни было религиозного ордена.

Тем не менее здесь во множестве строились прекрасные по архитектурному решению и отделке соборы в характерном для района стиле барокко. В Минас-Жерайс стекались лучшие мастера того времени. Внешний вид соборов был строгий, сдержанный; но внутреннее убранство, символ божьего духа, сияло чистым золотом алтарей, запрестольных украшений и барельефов; украшая интерьеры, не скупились на драгоценные металлы, для

[65] C. R. Boxer. The Golden age of Brasil (1695—1750). California, 1969.

того чтобы богатство церквей было подобно «богатствам Неба», как советовал монах Мигел ди Сан-Франсиску в 1710 г. Церковная служба стоила невероятно дорого, но на рудниках все было фантастически дорого. Так же как Потоси, Оуру-Прету лихорадочно проматывал свалившееся на него богатство. Религиозные процессии и представления были поводом для демонстрации роскошных нарядов и ослепительных украшений. В 1733 г. один из религиозных праздников продолжался больше недели. Кроме процессий — пеших, конных, в праздничных повозках, украшенных перламутром, шелком и золотом, участники которых выступали в фантастических и аллегорических костюмах, устраивались также конные турниры, корриды и танцы на улицах под аккомпанемент флейт и гитар [66].

Владельцы горных разработок с пренебрежением относились к крестьянскому труду, и в разгар процветания в 1700 и 1713 гг. этому району пришлось пережить голод. Миллионеры вынуждены были есть кошек, собак, крыс, муравьев и ястребов. Рабы теряли силы и здоровье на промывке золота. «Здесь они работают, — писал Луис Гомес Феррейра, — здесь и едят, а подчас и спят; и поскольку, работая, они обливаются потом и стоят босыми ногами на холодной земле, на камнях или в воде, то во время еды или отдыха поры у них закрываются и происходит такое сильное охлаждение, что они быстро и очень опасно заболевают: тяжелые плевриты, апоплексия, судороги, паралич, пневмония и многие другие недуги одолевают их» [67]. Болезнь была божьей милостью, потому что приближала смерть. «Лесные капитаны» в Минас-Жерайс получали вознаграждение золотом за каждую голову беглого раба.

Когда рабов измеряли, взвешивали и грузили на суда в Луанде, их именовали «товаром для Вест-Индии»; по прибытии в Бразилию выжившие рабы превращались в «руки и ноги» белого господина. Ангола в обмен на одежду, алкогольные напитки и огнестрельное оружие экспортировала рабов-банту и слоновую кость, но горняки из Оуру-Прету предпочитали негров из маленького прибрежного поселка Вайда на побережье Гвинеи, потому что они

[66] A. de Lima Júnior. Vila Rica de Ouro Preto. Sintese histórica e descritiva. Belo Horizonte, 1957.

[67] C. R. Boxer. Op. cit.

были покрепче, повыносливей, чем другие, и умели отыскивать золото с помощью колдовства. Кроме того, каждый горнопромышленник желал иметь по крайней мере одну черную любовницу из Вайда — чтобы удача никогда не покидала его на приисках [68].

Добыча золота не только вела к расширению работорговли, но и поглощала значительную часть черной рабочей силы, занятой прежде на плантациях сахарного тростника и табака в других районах Бразилии, оставшихся теперь без рабочих рук. Королевский указ 1711 г. запретил продажу рабов, занятых на сельскохозяйственных работах, в рудники, за исключением тех, что проявили «испорченность характера». Но ненасытный Оуру-Прету требовал все новых рабов. Негры умирали быстро, лишь в редких случаях выдерживая лет 7 непрерывной работы. Но что правда, то правда: прежде чем переправить негров через Атлантику, португальцы всех их крестили. В Бразилии рабы были обязаны посещать мессу, хотя им запрещалось приближаться к алтарю и садиться на скамьи.

В середине XVIII в. многие золотоискатели ушли на Серраду-Фриу в поисках алмазов. Стеклянные камешки, которые охотники за золотом отбрасывали в сторону, когда обследовали русла рек, оказались алмазами. В Минас-Жерайс на свадьбу дарили золото и алмазы в одинаковой пропорции. Процветающий поселок Тижуку превратился в центр алмазного района, и там, точно так же как в Оуру-Прету, богачи одевались по последней европейской моде и покупали за океаном самое роскошное платье, оружие и мебель. То было время безумств и мотовства! Одна рабыня-мулатка, по имени Франсиска да Силва, завоевала свою свободу, став любовницей Жоана Фернандеса ди Оливейра, миллионера и фактического суверена Тижуку; эту женщину, некрасивую и уже имевшую двоих детей, называли «красоткой, которая всем заправляет» [69]. Она никогда не видела моря и пожелала жить у морского берега, и тогда ее рыцарь приказал вырыть большое искусственное озеро и спустить на воду корабль с полным экипажем и всем прочим. На склоне сьерры Сан-Франсиску он воздвиг для нее замок, возле

[68] C. R. Boxer. Op. cit.

[69] J. F. dos Santos. Memórias do Distrito Diamantino. Río de Janeiro, 1956.

которого был разбит сад с экзотическими растениями и искусственными водопадами; он устраивал грандиозные банкеты в честь своей возлюбленной, где рекой лились лучшие вина, где много ночей подряд танцевали без устали, показывались театральные представления и концерты. Еще в 1818 г. Тижуку праздновал на широкую ногу женитьбу португальского принца. А ведь десятью годами раньше англичанин Джон Моуэ, посетивший Ouру-Прету, был поражен его нищетой; пред ним предстали пустые, никому не нужные дома, на которых болтались бесполезные объявления об их продаже; пищу он ел нечистую и скудную [70]. Незадолго до этого вспыхнуло восстание, совпавшее с кризисом в «золотом крае». Жозе Жоакин да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис * был повешен и разрублен на куски, а другие борцы за независимость отправились из Ouру-Прету в тюрьмы или в изгнание.

Значение бразильского золота для развития Великобритании

Поток золота из Бразилии хлынул как раз в тот момент, когда Португалия и Англия подписали Метуэнский договор (1703 г.). Этот договор подтвердил ряд льгот, которых добились британские коммерсанты в Португалии. В обмен на незначительное снижение пошлин на ввоз португальских вин на английский рынок Португалия открыла свой собственный рынок, а также свои колонии для ввоза английских мануфактурных изделий. Из-за существовавшего уже в то время отставания Португалии в промышленном развитии договор этот обрек на банкротство местное мануфактурное хозяйство. Практически за английские ткани платили не вином, а золотом, бразильским золотом. В Португалии стали останавливаться ткацкие станки, не только убив тем самым собственную промышленность, но и погубив начавшееся было развитие мануфактурного хозяйства в Бразилии. В 1715 г. королевство закрыло там все сахарные заводы; в 1729 г. оно наложило запрет на строительство новых путей сообщения в горнодобывающих районах; в 1785 г. приказало предать огню ткацкие и прядильные мастерские в Бразилии.

Англия и Голландия, занимавшиеся фактически контрабандой золота и нажившие огромные богатства проти-

[70] A. de Lima Júnior Op. cit.

возаконной торговлей «черным товаром», прибрали к рукам более половины драгоценного металла из «королевской пятой части» — налога, выплачиваемого Бразилией португальской короне. Отклоняя поток бразильского золота в направлении Лондона, Великобритания пользовалась не только нелегальными методами торговли. В ее распоряжении были и законные методы. Золотая лихорадка, вызвавшая приток большого числа португальских переселенцев в Минас-Жерайс, резко повысила в колониях спрос на промышленные товары, обеспечив одновременно и надежную покупательную способность. Подобно тому как серебро Потоси рикошетом отскакивало от Испании, золото из Минас-Жерайс бывало в Португалии лишь проездом. Метрополия превратилась в простого посредника. В 1755 г. маркиз ди Помбал, премьер-министр Португалии, попытался проводить протекционистскую политику, но было уже поздно: по его сообщению, англичане завоевали Португалию легко и без помех, они удовлетворяют две трети потребностей страны, а британские агенты распоряжаются всей португальской торговлей. Португалия не производила практически ничего, и мнимое ее богатство привело к тому, что даже черные рабы в колониальных рудниках были одеты во все английское [71].

Сельсо Фуртадо отмечает, что Англия, проводившая дальновидную политику промышленного развития, использовала бразильское золото для оплаты основного импорта из других стран и смогла сосредоточить свои капиталовложения в мануфактурном деле. Быстрые и эффективные нововведения в технологии стали возможны именно благодаря исторической любезности Португалии. Финансовый центр Европы переместился из Амстердама в Лондон [72]. *Согласно британским источникам, поступления бразильского золота в Лондон в отдельные периоды составляли до 50 тыс. фунтов в неделю. Без этого огромнейшего накопления золотого запаса Англии не удалось бы впоследствии противостоять экспансии Наполеона.*

А на бразильской земле от мощного импульса, который давала ей добыча золота, ничего не осталось, кроме соборов и произведений искусства. В конце XVIII в., хотя запасы алмазов еще не были исчерпаны, положение стра-

[71] A. K. Manchester. British Preeminence in Brazil: its Rise and Fall. Carolina del Norte, 1933.

[72] C. Furtado. Op. cit.

ны оказалось плачевным. Национальный доход на душу населения трех с лишним миллионов бразильцев, по подсчетам Фуртадо, составлял не более 50 долл. в год. Это самый низкий уровень за весь колониальный период. Провинция Минас-Жерайс достигла предела упадка и банкротства. Может показаться невероятным, но один бразильский автор выражает восторженную благодарность англичанам и считает, что полученный в Минас-Жерайс английский капитал «содействовал созданию широкой сети банков, благоприятствовавшей торговле между нациями, и сделал возможным улучшение жизненного уровня народов, которые оказались способными достичь прогресса»[73]. Обреченные на нищету во имя чужого прогресса, «неспособные» народы-рудокопы оказались на обочине истории и вынуждены были довольствоваться тем, что могли им дать обедневшие, лишенные драгоценных металлов и камней земли. Сельскохозяйственный труд, обеспечивающий лишь самые насущные потребности, занял место горнорудного дела[74]. В наши дни поля Минас-Жерайс, как и земли Северо-Востока, представляют собой царство латифундий и «полковников-асендадо», неприступные бастионы отсталости. Продажа работников из рудников Минас-Жерайс в поместья других провинций стала такой же привычной вещью, как когда-то работорговля на Северо-Востоке. Франклин ди Оливейра, недавно объехавший Минас-Жерайс, увидел ветхие деревянные домишки, деревушки без света и воды в долине Жекитиньенья, проституток, средний возраст которых 13 лет, голодных и помешанных на обочинах дорог. Он рассказывает об этом в своей недавно вышедшей книге «Трагедия бразильского обновления». По справедливому замечанию Анри Горсе, у Минас-Жерайс «золотое сердце бьется в железной груди»[75], но разработка ее сказочного «железного четырехугольника» находится в наше время в руках «Ханна майнинг компани» и «Бетлехем стил», тесно между собой связанных: месторождения были отданы им в 1964 г. в результате весьма зловещей истории. И железо, попавшее в руки иностранцев, даст стране не больше, чем в свое время дало золото.

[73] A. de Lima Júnior. Op. cit.

[74] R. C. Simonsen. História econômica do Brasil (1500—1820). São Paulo, 1962.

[75] E. Ruas. Ouro Preto. Sua história, seus templos e monumentos. Río de Janeiro, 1950.

Эпоха золотой лихорадки напоминает о себе лишь плодами буйного расцвета талантов того времени, да еще заброшенными шахтами и опустевшими городишками. Португалия также не смогла породить иных созидательных сил, кроме тех, которые проявили себя в области искусства. Монастырь в Мафре, гордость Жоана V, вершина тонкого эстетического вкуса Португалии: 37 колоколов его колокольни, чаши и канделябры до сих пор сияют золотом, привезенным из Минас-Жерайс. А в самой Минас соборы основательно разграблены, и церковной утвари, которую можно унести, в них почти не сохранилось; и все же навечно остались среди развалин строения колониальной эпохи: монументальные творения в стиле барокко, фронтоны и амвоны, галереи и статуи, которые расписал, высек из камня или изваял Антониу Франсиску Лисбоа по прозвищу Алейжадинью и Тульидиту, гениальный сын рабыни и ремесленника. Уже на исходе XVIII в. Алейжадинью начал работу по созданию ансамбля из статуй святых возле святилища Бон-Жезус-ди-Матозиньюс в городе Конгоньяс-ду-Кампу. Время золотой лихорадки уже миновало: свое творение художник назвал «Пророки», но какую славу могли они пророчить? Великолепие и радость давно развеялись, надежде не осталось места. Самый талантливый в истории бразильского искусства художник оставил будущим поколениям последний памятник, подобный грандиозному надгробью, этой быстротечной цивилизации золота, рожденной, чтобы погибнуть. Алейжадинью, изуродованный и изувеченный проказой, ежедневно на заре доползал на коленях до мастерской и работал над своим шедевром, привязывая резец и молот к рукам, лишенным пальцев.

Легенда утверждает, что в церкви Носса-Сеньора-дас-Мерсес-и-Мизерикордия в Минас-Жерайс мертвые рудокопы до сих пор в холодные дождливые ночи слушают мессу и, когда священник оборачивается, воздевая руки у алтаря, видно, что вместо головы у него голый череп.

КОРОЛЬ-САХАР И ДРУГИЕ АГРАРНЫЕ МОНАРХИ

Плантации, латифундии и судьбы

Стремление найти золото и серебро было, конечно, основной движущей силой конкисты. Но во время своего второго путешествия Христофор Колумб вывез с Канарских островов ростки сахарного тростника и посадил их на землях, ныне занимаемых Доминиканской Республикой. К великой радости адмирала, саженцы принялись и быстро пошли в рост [1]. Сахар, который культивировался в небольших количествах на Сицилии, на островах Зеленого Мыса и на Мадейре и приобретался за большие деньги на Востоке, был у европейцев в такой цене, что даже входил в состав приданого невест королевской крови. Его продавали в аптеках, развешивая на граммы [2]. В течение почти трех веков после открытия Америки для европейских купцов не было сельскохозяйственного продукта ценнее, чем сахар, производившийся на землях Южной Америки. Сахарные плантации быстро распространились по влажному и жаркому побережью Северо-Востока Бразилии, а затем тростник перекинулся на острова Карибского моря — Барбадос, Ямайку, Гаити и Доминику, Гваделупу, Кубу, Пуэрто-Рико, — на земли возле Веракруса и на перуанские берега, оказавшиеся прекрасным местом для добычи «белого золота» в гигантских масштабах. Несметные полчища рабов прибывали из Африки, дабы дать Его Величеству Сахару нужную ему огромную и даровую рабочую силу, человеческое топливо для его котлов. Широчайшие земельные площади расчищались для этого нахального растения, заполнявшего Новый Свет, изводя леса, истощая плодородные почвы, высасывая из них естественные удобрения, накопленные веками. Долгий «сахарный период» принес Латинской Америке убийственно

[1] F. Ortiz. Contrapunteo cubano del tabaco y el azucar. La Habana, 1963.

[2] C. Prado Júnior. Historia económica del Brasil. Buenos Aires, 1960.

высокие доходы, такие же, какие принесла и неистовая серебряная и золотая лихорадка в Потоси, Оуру-Прету, Сакатекасе и Гуанахуато. Одновременно был дан — прямо или косвенно — сильный толчок промышленному развитию Голландии, Франции, Англии и Соединенных Штатов.

Развитие плантационного хозяйства, порожденное спросом на сахар в Европе, было обусловлено стремлением хозяев к наживе и подчинено законам мирового рынка, которым заправляла Европа. Однако это хозяйство обладало многими чертами, присущими феодализму, поскольку значительная часть его продукции шла на удовлетворение внутренних потребностей. Кроме того, оно базировалось на рабском труде. Таким образом, три разных исторических этапа — товарное хозяйство, феодализм, рабовладение — сливались в одно социальное и экономическое единство, и все же основой основ плантационной системы с самого начала был мировой рынок.

Именно от колониальной плантации, подчиненной иностранным интересам и, как правило, финансируемой извне, ведет прямая дорожка к латифундии наших дней. Эти их унаследованные черты являются основным препятствием экономическому развитию Латинской Америки и способствуют обнищанию ее народных масс. Современная латифундия, достаточно механизированная для того, чтобы создать избыток рабочих рук, располагает огромными резервами дешевой рабочей силы. Она уже не зависит ни от импорта африканских рабов, ни от индейской «энкомьенды» * и вполне довольна нынешним положением: платит за труд смехотворные гроши, или расплачивается натурой, или пользуется бесплатным трудом в обмен за предоставляемый в аренду клочок земли. Она крепнет за счет размножения минифундий, порождаемых ее же собственной экспансией, а также за счет постоянной внутренней миграции массы работников, которые, спасаясь от голода, кочуют во время сафры от одних плантаций к другим.

Как функционировало плантационное хозяйство со своей сложной структурой, так же функционирует и латифундия — наподобие сита, процеживающего природные богатства. Включаясь в мировой товарооборот, каждый регион переживал пору подъема, а затем в результате конкуренции с замещающими продуктами, вследствие истощения земель или освоения других зон с более благоприятными условиями наступала пора упадка. Сельско-

хозяйственная культура, не спасающая от нищеты, экономика, обусловливающая жалкое существование и застой, — такова цена, в которую по прошествии многих лет обошелся нашим странам первоначальный сахарный бум. Северо-Восток некогда был самой богатой зоной Бразилии, а сегодня это самый бедный район; Барбадос и Гаити — ныне муравейники, кишащие людьми, приговоренными к нужде. Сахар стал отмычкой Соединенных Штатов к овладению Кубой, которая сделалась страной монокультуры и вконец истощенных земель. Но так было не только с сахаром. Аналогична история какао, ставшего источником огромных богатств олигархии Каракаса; история производства хлопка в Мараньяне, блистательный взлет которого завершился стремительным падением; история каучуковых плантаций в Амазонии, ставших кладбищами для рабочих с Северо-Востока, прельщенных мизерными заработками; история вырубленных лесов кебрачо на севере Аргентины и в Парагвае; история хенекеновых посадок на Юкатане, где из-за них индейцы яки были буквально обречены на вымирание. Такова и история кофе, который в своем победном шествии оставляет за собой пустынные земли; история фруктовых плантаций в Бразилии, в Колумбии, в Эквадоре и в горемычных странах Центральной Америки. Так или иначе, каждый сырьевой продукт становится судьбой (иной раз — преходящей) стран, областей и людей. Подобный же перечень легко составить и для зон, богатых полезными ископаемыми. *Чем больше тот или иной продукт ценится на мировом рынке, тем больше бед он приносит тому латиноамериканскому народу, который, жертвуя собой, его производит.* Ла-Платский регион, менее других пострадавший от этого железного закона и вначале лихо кидавший шкуры, а затем шерсть и мясо в чрево мирового рынка, также не смог избежать западни слаборазвитости.

Убийство земель на Северо-Востоке Бразилии

Испанские колонии прежде всего стали поставщиками металла. В них сразу же были найдены несметные сокровища и богатейшие жилы. Сахар, ждавший своей очереди, вначале стал культивироваться в Санто-Доминго, затем в Веракрусе, позже — на перуанском побережье и на Кубе. Бразилия же, напротив, с самого начала и до середины XVII в. была крупнейшим мировым поставщиком

сахара. Одновременно эта португальская колония в Америке была главным «потребителем» рабов. Индейцев, использовавшихся в качестве рабочей силы, насчитывалось немного, к тому же они скоро вымерли от непосильного труда, а сахар требовал огромного количества рабочих рук для очистки и подготовки земельных площадей, посадки, рубки и перевозки тростника, для его перемалывания и получения чистого сока. Бразильское колониальное общество — этот «субпродукт» сахарного производства — процветало в Баие и Пернамбуку, пока открытие золота не привлекло весь цвет общества в Минас-Жерайс.

Португальская корона предоставляла земли в пользование своим «первопроходцам», делая их первыми крупными землевладельцами Бразилии. «Геройские» дела завоевателей должны были сочетаться с налаживанием производства всевозможной продукции. Всего лишь 12 «капитанов» получили во владение необъятные колониальные земли, чтобы использовать их для нужд королевского двора[3]. Однако предприятия финансировались в основном голландцами и в итоге оказывались больше фламандскими, чем португальскими. Голландские фирмы не только участвовали в создании сахароварен и в приобретении рабов, они, помимо всего прочего, закупали в Лиссабоне неочищенный сахар, рафинировали его и сбывали в Европе, получая трехкратную прибыль[4]. В 1630 г. «Датч Вест-Индия компани» вторглась в Бразилию и захватила ее северо-восточное побережье, установив прямой контроль над производством сахара. Но надо было увеличивать число сахарных плантаций, чтобы множить источники доходов, и компания предоставила англичанам на Барбадосе все привилегии, чтобы стимулировать выращивание тростника на Антилах. Она привозила в Бразилию колонов с островов Карибского моря, чтобы здесь, на ее процветающих плантациях, они набирались, так сказать, необходимых производственных навыков и организационного опыта. Когда голландцы были, наконец, изгнаны в 1654 г. из северо-восточных бразильских областей, на Барбадосе у них уже была подготовлена прекрасная база, чтобы составить Бразилии опаснейшую конкуренцию. На Барбадос заранее были доставлены негры и

[3] S. Bagú. Economía de la sociedad colonial. Ensayo de historia comparada de América Latina. Buenos Aires, 1949.

[4] C. Furtado. Formación económica del Brasil. México-Buenos Aires, 1959.

тростниковые саженцы, там уже были построены сахарные заводы, оснащенные всем необходимым оборудованием. К концу XVII в. бразильский экспорт сахара сократился вдвое и одновременно наполовину снизились цены. В то же время за какие-то два десятилетия негритянское население Барбадоса увеличилось в десять раз. Добавим, что Антильские острова расположены ближе к европейским рынкам, что Барбадос еще располагал нетронутыми землями и в производственном отношении был лучше оснащен. Бразильские почвы истощились. Огромный размах повстанческого движения бразильских рабов и открытие золота на юге страны, вызвавшее отлив рабочей силы с плантаций, также ускорили кризис на сахаропроизводящем Северо-Востоке. Этот кризис стал необратимым. Словно заражая один век за другим, он продолжается до наших дней.

Сахар загубил Северо-Восток. Прибрежная полоса, орошаемая частыми дождями, имела чрезвычайно плодородные земли, насыщенные гумусом и минеральными солями, покрытые лесами от Баии до Сеары. Эта область тропических лесов превратилась, по свидетельству Жозуэ де Кастро, в область полупустынь[5]. Созданная самой природой для производства продуктов питания, она стала районом голода. Там, где все цвело и зеленело, сахарная латифундия, эта губительная, порабощающая сила, оставила голые камни, тощие земли, эрозированные почвы. Вначале тут пытались разбить апельсиновые и манговые плантации, но «из этой затеи ничего не вышло — от них остались лишь небольшие сады, окружающие дом сахарозаводчика и радующие взор семейства белого плантатора»[6]. Пожары, освобождавшие от леса место для сахарного тростника, уничтожали флору, а вместе с ней гибла и фауна: исчезли олени, кабаны, тапиры, кролики, бразильские свинки-пака́ и броненосцы. Природный зеленый покров, флора и фауна были принесены в жертву, брошены на алтарь монокультуры — сахарного тростника. Его экстенсивное производство быстро калечило землю.

К концу XVI в. в Бразилии было не менее 120 сахароварен, приносивших прибыль в размере около 2 млн. фунтов стерлингов, но их хозяева, владевшие лучшими землями, не производили никаких других продуктов питания.

[5] J. de Castro. Geografía da fome. São Paulo, 1963.
[6] Ibid.

Продукты импортировались, как импортировался широкий ассортимент предметов роскоши, которые ввозились из-за океана вместе с рабами и мешками соли. Обилие и процветание немногих обычно шли рука об руку с нищетой большинства населения, жившего в состоянии хронического недоедания. Животноводство отступило в глубинные засушливые районы, так называемые сертаны, где на каждый квадратный километр приходилось по паре коров, дававших и продолжающих давать очень мало жесткого и безвкусного мяса.

С тех далеких колониальных времен на Северо-Востоке Бразилии утвердился обычай — бытующий и в наше время — есть землю. Недостаток железа в организме вызывает анемию. Инстинкт побуждает детей жевать землю, имеющую в своем составе те неорганические элементы, которые отсутствуют в их обычном рационе, то есть в лепешках из маниоки и в бобах, если не считать случайного кусочка вяленого мяса. В прежние времена маленьких детей наказывали за этот «африканский порок», завязывали им рот или подвешивали в плетеных люльках высоко над землей [7].

В настоящее время Северо-Восток Бразилии является самой слаборазвитой областью Западного полушария [8]. *Огромный концентрационный лагерь на 30 млн. человек страдает ныне от губительного наследия монокультуры — сахара. На землях Северо-Востока зародилось самое прибыльное сельскохозяйственное производство Латинской Америки колониальной поры.* А сейчас менее одной пятой части влажной зоны Пернамбуку отдано сахарному тростнику, остальные площади пустуют [9], ибо хозяева крупных сахарных заводов, одновременно являющиеся

[7] Ibid. Английский путешественник Генри Костер объяснял привычку белых детей есть землю контактом с негритятами, которые «распространяли этот африканский порок».

[8] Северо-Восток постигла судьба внутренней колонии, подчиненной интересам промышленного юга. Внутри же самой северо-восточной зоны область сертан подчиняется сахаро-производящей области и снабжает последнюю всем необходимым, а сахарные латифундии зависят от сахарообрабатывающих предприятий. Прежнее положение «инхенио» претерпевает весьма серьезные изменения: крупные сахарные заводы разрушают плантационное хозяйство.

[9] Данные института "Joaquim Nabuco de Pesquisas Sociais" (в Пернамбуку), которые приводит Кит Симс Тейлор в работе «Бразильский Северо-Восток: сахар и прибавочная стоимость» ("Monthly Review", № 63, Santiago de Chile, jun. 1969).

владельцами самых обширных тростниковых плантаций, могут позволить себе предать остальные земли запустению, превратить гигантские латифундии в непродуктивные хозяйства. Однако неверно думать, будто более всего люди голодают в засушливых и полузасушливых внутренних зонах Северо-Востока. Да, в сертанах, этих каменистых пустынях с редким кустарником и чахлой растительностью, бывают очень голодные времена: когда приходят засухи, солнце выжигает землю, превращает земной пейзаж в лунный, заставляет людей обращаться в бегство и усеивать крестами обочины дорог. Однако именно на влажном побережье царит эндемический голод. Там, где роскошь наиболее роскошна, там скудость оказывается наиболее скудной — такова эта область, полная контрастов. Прибрежная полоса, избранная самой природой для производства всех продуктов питания, не производит ни одного и, словно в насмешку, все еще продолжает носить название «Лесная зона» — в память о далеком прошлом и во славу убогих и хилых рощиц, переживших «сахарные столетия». Сахарная латифундия, это явно нерентабельное хозяйство, до сих пор не может обойтись без ввоза продовольствия из других зон, прежде всего из центрально-южной области страны, к тому же по все возрастающим ценам. Стоимость жизни в Ресифе самая высокая в Бразилии. Фасоль на Северо-Востоке более дорога, чем в Ипанеме, этом районе богачей, живущих на берегу столичной бухты. Цена полкило муки из маниоки равна дневному заработку взрослого рабочего на сахарной плантации, гнущего спину от зари до зари; если рабочий осмелится протестовать, надсмотрщик-капатас шлет за плотником, чтобы снять с бедняги мерку для гроба. Во многих областях еще сохраняется «право первой ночи» для хозяев или управителей. Треть населения Ресифе влачит жалкое существование в лачугах; в районе Саза-Амарела более половины рождающихся детей не доживают до года [10]. Детская проституция (девочки 10—12 лет продаются своими родителями) — частое явление на Северо-Востоке. Дневной заработок на иных плантациях ниже самых низких заработков в Индии. В отчете ФАО в 1957 г. утверждалось, что в местности Витория — неподалеку от Ресифе — нехватка протеинов вызывает у детей

[10] F. de Oliveira. Revolución y contrarevolución en Brasil. Buenos Aires, 1965.

потерю веса, на 40% большую, чем в среднем отмечается по Африке. Многие плантации еще имеют свои тюрьмы, «но те, кто несет ответственность за преступления голодающих людей, — говорит Рене Дюмон, — там не сидят, потому что именно они хранят ключи от таких тюрем» [11].

Пернамбуку дает сейчас менее половины сахара, производимого всем штатом Сан-Паулу, и с каждого гектара там получают самый низкий доход, однако Пернамбуку живет за счет сахара, за счет него живут все его жители, густо населяющие влажную зону, хотя в штате Сан-Паулу расположен самый мощный промышленный центр во всей Латинской Америке. На Северо-Востоке даже прогресс не является «прогрессивным», ибо его двигатель — кучка земельных собственников. Пропитание меньшинства оборачивается голодом для большинства. Начиная с 1870 г. сахарное производство заметно модернизировалось, построены большие сахароваренные заводы, и тогда «быстрота поглощения земель латифундиями приняла угрожающие размеры, усиливая продовольственный кризис в этой зоне» [12]. В пятидесятые годы нашего века подъем индустриализации вызвал рост потребления сахара в Бразилии. Производство Северо-Востока получило сильный толчок, хотя прибыль с гектара не увеличилась. Под тростниковые плантации пошли новые земли, хотя и худшего качества, а сахар снова пожирал те немногие площади, которые еще оставались для производства продуктов питания. Превратившись в поденщика, крестьянин, ранее сам обрабатывавший свой крохотный участок, отнюдь не стал жить лучше, так как ему не хватает заработанных денег на покупку тех самых продуктов, которые он производил [13]. Как уже бывало, сахарная экспансия породила экспансию голода.

Галопом по островам Карибского моря

Антилы стали «Sugar Islands» — сахарными островами. Последовательно включаясь в мировой товарооборот в качестве производителей сахара, Барбадос, Подветренные острова, Тринидад и Тобаго, Гваделупа, Пуэрто-Рико и Гаити, остров Санто-Доминго, на котором расположены

[11] R. Dumont. Tierras vivas. Problemas de la reforma agraria en el mundo. México, 1963.

[12] J. de Castro. Op. cit.

[13] C. Furtado. Dialética do desenvolvimento. Río de Janeiro, 1964.

Доминиканская Республика и Гаити, так и остались прикованными к сахару вплоть до наших дней. Пленники тростниковой монокультуры, которую латифундии выращивают на обширных истощенных землях, эти острова страдают от безработицы и нищеты; сахар тут выращивается везде, на всем здесь лежит проклятие сахара. Куба тоже продолжает в известной мере зависеть от экспорта сахара, но после аграрной реформы 1959 г. на этом острове начался интенсивный процесс диверсификации экономики, положен конец безработице. Кубинцы работают теперь не какие-нибудь 5 месяцев в году, лишь в периоды сафр, а круглогодично имеют работу. При этом они заняты отнюдь не простым делом построения нового общества.

«Вы, может быть, полагаете, господа, что производство кофе и сахара является природным призванием Вест-Индии. Двести лет тому назад природа, которой нет никакого дела до торговли, совсем не выращивала там ни кофейных деревьев, ни сахарного тростника» [14]. Международное разделение труда было создано не по воле и милости святого духа, а усилиями самих людей или, точнее сказать, в ходе развития мирового капитализма.

По правде говоря, Барбадос был первым островом Карибского моря, откуда сахар начали вывозить в большом объеме уже с 1641 г., хотя в нынешней Доминиканской Республике и на Кубе испанцы стали выращивать сахарный тростник гораздо раньше. Как было сказано выше, именно голландцы первыми разбили сахарные плантации на Барбадосе; в 1666 г. на этом маленьком британском острове было уже 800 плантаций и более 8 тыс. рабов. Рождающаяся латифундия вширь и вглубь овладевала Барбадосом, уготавливая ему не лучшую судьбу, чем Северо-Востоку Бразилии. До этого хозяйство острова было многоотраслевым: там выращивались, хотя и в малых количествах, хлопок, табак и апельсины, было развито животноводство и свиноводство. Сахарный тростник задавил прочие сельскохозяйственные культуры, плантации уничтожили густые леса ради триумфа, оказавшегося эфемерным. Весьма скоро обнаружилось, что земли острова истощены, нечем кормить население, а производство сахара на экспорт становится убыточным [15].

[14] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 404.
[15] V. T. Harlow. A History of Barbados. London, 1926.

А сахар уже перебрался на другие острова — на Подветренные и на Ямайку, а также на континент — в тогдашние Гвианы. В начале XVIII в. на Ямайке рабов было в десять раз больше, чем белых колонов-батраков. И ее почвы тоже истощились за короткое время. Во второй половине века лучший в мире сахар шел с рыхлых почв равнинного побережья Гаити, бывшего тогда французской колонией. Север и запад Гаити кишели рабами: сахар упорно требовал рабочих рук. В 1786 г. в эту колонию прибыло 27 тыс. рабов, а на следующий год — 40 тыс. Осенью 1791 г. там вспыхнул мятеж. Только в одном месяце — сентябре — огонь превратил в пепел 200 тростниковых плантаций. Восставшие рабы продолжали поджоги и так рьяно сражались, что сумели прижать французские войска к самому океану. Корабли отчаливали, увозя с собой все больше французов и все меньше сахара. В ходе войны кровь лилась ручьями, плантации опустошались. Война оказалась затяжной. Хозяйство дотла сожженной страны было парализовано, к концу века производство сахара почти прекратилось. «В ноябре 1803 года вся ранее процветавшая колония превратилась в одно большое кладбище, в прах и мусор», — пишет Лепковский [16]. Гаитянская революция совпала по времени с Великой Французской революцией, и Гаити на собственной шкуре пришлось испытать последствия блокады Франции силами коалиции европейских монархов, поскольку Англия властвовала на морях. А затем Гаити пришлось пережить — по мере того как все яснее становилось, что она готова бороться до конца за независимость, — блокаду и со стороны самой Франции. Уступив французскому нажиму, конгресс Соединенных Штатов наложил в 1806 г. эмбарго на торговлю с Гаити. Лишь в 1825 г. Франция признала независимость своей старой колонии, но потребовала огромную денежную контрибуцию. В 1802 г., вскоре после захвата Туссена-Лувертюра, вождя армии рабов, генерал Леклерк писал с острова своему шурину Наполеону: «Мое мнение относительно этой страны таково: ликвидировать всех негров, засевших в горах, — и мужчин, и женщин, за исключением детей младше двенадцати лет; уничтожить половину негров на равнинах. И не брать в колониальное войско ни единого мулата» [17]. Тропики отомстили Леклерку, он умер от «черной рвоты», несмотря на все маги-

[16] T. Lepkowski. Haití. T. I, La Habana, 1968.
[17] Ibid.

ческие заклинания Полины Бонапарт [18], так и не сумев привести в исполнение свой план. Однако денежная контрибуция тяжким бременем легла на спины независимых гаитян, переживших кровавые бани, которые устроили им несколько военных карательных экспедиций. Страна восстала из руин, но так и не смогла до конца оправиться: поныне она остается самым бедным государством Латинской Америки.

Гаитянский кризис вызвал подъем сахарного производства на Кубе, быстро превратившейся в основного поставщика сахара на мировом рынке. Производство кубинского кофе, этой второй статьи повышенного спроса за океаном, также получило толчок к развитию вследствие упадка гаитянского производства, однако сахар толкнул Кубу на путь монокультуры, и в 1862 г. Куба уже была вынуждена импортировать кофе из-за границы. Один из достопочтенных представителей кубинской «сахарократии» в свое время высказался по поводу «вполне обоснованных выгод, которые можно извлекать из чужих бед» [19]. После гаитянского восстания цены на сахар достигли небывалых высот на европейском рынке, и в 1806 г. Куба удвоила и производство сахара, и число сахароварен с плантациями.

Сахарные замки на выжженных землях Кубы

В 1762 г. англичане внезапно овладели Гаваной. В ту пору небольшие табачные плантации и животноводство были основой сельского хозяйства Кубы. Гавана, эта военная крепость, была одновременно городом, где развиты ремесла и литейное производство, городом, где отливались пушки и — на первой в Латинской Америке корабельной верфи — строились многочисленные торговые суда и военные корабли. За 11 месяцев британские оккупанты ввезли в страну такую массу рабов, какую по тогдашним меркам при других условиях ввозили бы в течение 11 лет, и с той поры кубинская экономика стала формироваться под влиянием спроса на сахар на мировом рынке. Рабы должны были производить этот весьма ходовой товар,

[18] У Алехо Карпентьера есть прекрасный роман «Царство земное» об этом фантастическом периоде гаитянской истории; в нем есть великолепные места, посвященные похождениям Полины и ее супруга на карибских землях.

[19] Цит. по: M. Moreno Fraginals. El ingenio. La Habana, 1964.

направляемый за границу, а огромные барыши предназначались для местной олигархии и имперской казны.

Морено Фрахинальс рассказывает, подтверждая свои слова красноречивыми данными, об умопомрачительном сахарном буме в годы, последовавшие за британской оккупацией. Испанская торговая монополия развалилась буквально на куски, а вместе с пей исчезли последние препоны, мешавшие ввозу рабов. Сахароварня с плантацией поглощала все — и земли, и людей. Рабочие с верфей и из плавильных цехов, а также бесчисленные мелкие ремесленники, которые могли бы внести весомый вклад в развитие других отраслей хозяйства, шли на сахарные заводы. Крестьяне — мелкие производители табака и фруктов — тоже вливались в сахаропроизводство, ибо становились жертвами поистине дьявольской прожорливости, с какой тростниковые плантации заглатывали людей и землю. Экстенсивное плантационное хозяйство истощало плодородие почв, на кубинских равнинах одна за другой вырастали трубы сахарных заводиков, каждый из них требовал все больше и больше земель. Огонь пожирал табачные посадки и леса, выжигал пастбища. Вяленое мясо «тасахо», которое еще несколько лет назад было статьей кубинского экспорта, в 1792 г. уже ввозилось на остров в больших количествах из-за границы, и в дальнейшем Куба не прекратила его импорта [20]. Зачахли верфи и литейные мастерские, резко упало производство табака. Рабы трудились на сахарных плантациях по 20 часов в сутки. На дымящихся землях консолидировалась власть «сахарократии». К концу XVIII в. эйфория цен достигла преде-

[20] В эту пору уже существовали солильни в регионе Рио-де-ла-Платы. Аргентина и Уругвай, которые тогда еще не были разными государствами и не носили современных названий, приспособили свою экономику к широкому экспорту вяленого мяса и солонины, шкур, сала и жира. Бразилия и Куба, две самых больших рабовладельческих области Латинской Америки XIX в., были прекрасными рынками сбыта вяленого мяса, очень дешевого продукта питания, удобного для транспортировки и складирования, так как оно не портится в тропическую жару. Кубинцы все еще называют вяленое мясо словом «Монтевидео», хотя Уругвай прекратил его поставки в 1965 г., присоединившись к блокаде Кубы Организацией американских государств. Таким образом, Уругвай легкомысленно потерял последний рынок сбыта этого продукта. Куба в конце XVIII в. была первым рынком, открывшимся перед уругвайским мясом, которое перевозилось — в виде длинных сухих полос — на морских судах (I. P. Barrán y B. Nahum. Historia rural del Uruguay moderno (1851—1885). Montevideo, 1967).

ла, спекуляция процветала: цены на землю в Гуинесе увеличились в двадцать раз, в Гаване деньги девальвировались в восьмикратном размере, на всей Кубе даже оплата похорон, крещений и месс возрастала соответственно безудержному росту цен на негров и быков.

Летописцы былых времен сообщали, что можно было проехать всю Кубу от края до края под сенью гигантских пальм и роскошных лесов, где в обилии произрастали красное дерево—каоба и сосны, черное дерево — эбено и дагаме. До сих пор ценные породы кубинской древесины украшают столы и окна в Эскуриале и двери королевского дворца в Мадриде. А в самой Кубе нашествие тростника сопровождалось пожарищами, испепелявшими безжалостно лучшие девственные леса, некогда покрывавшие ее земли. В те же годы, когда гибли массивы ее собственных деревьев, Куба превращалась в основного закупщика древесины у Соединенных Штатов. Экстенсивная тростниковая культура, культура хищная, не только умерщвляла леса, но и мало-помалу «смертельно истощала весь сказочно плодородный остров» [21]. Там, где леса были преданы огню, эрозия не пощадила незащищенную почву, высохли тысячи речек. Ныне доход с гектара кубинской сахарной плантации в три раза ниже, чем в Перу, и в четыре с половиной раза ниже, чем на Гавайских островах [22]. Кубинская революция поставила перед собой задачу обеспечить орошение и внесение удобрений в земли страны. Множатся большие и малые ирригационные установки, поля взрезаются каналами, в истощенные земли вносится удобрение.

«Сахарократия» выставляла напоказ свое мнимое благополучие как раз в ту пору, когда Кубу все крепче затягивала петля зависимости, когда остров утверждался в роли блистательной фактории с хозяйством, подточенным такой болезнью, как диабет. Среди тех, кто зверски губил богатейшие земли, были люди высокой культуры, с европейским образованием, которые могли отличить

[21] M. Moreno Fraginals. Op. cit. До не столь давнего времени по реке Сагуа плавали на лодках так называемые «паланкерос» (букв. «подъемники»). Они орудовали длинными баграми, которые вонзали в древесные стволы под водой... Так день за днем они вытаскивали из реки останки деревьев, убитых тростником. Люди жили за счет древесных трупов.

[22] C. Furtado. La economía latinoamericana desde la Conquista ibérica hasta la Revolución Cubana. México, 1969.

подлинного Брейгеля от подделки и приобрести его картины; они привозили из своих частых путешествий в Париж этрусские вазы и греческие амфоры, французские гобелены и ширмы, разрисованные народными художниками Китая, пейзажи и портреты самых дорогих британских мастеров. Я с удивлением обнаружил на кухне одного гаванского особняка сейф с секретным кодом и узнал, что некая графиня хранила в нем столовый сервиз. До 1959 г. возводили не просто сахарные заводы, а целые сахарные крепости: сахар делал и свергал диктаторов, давал или отбирал работу у бедняков, определял танцевальные ритмы и обрушивал страшные кризисы на миллионы людей. Город Тринидад ныне представляет собой пышно декорированный труп. В середине XIX в. в Тринидаде было более 40 сахарных заводов, производивших 700 тыс. арроб сахара. Крестьяне-бедняки, выращивавшие табак, силой сгонялись с земли, и эта зона, бывшая также и животноводческой, экспортировавшей мясо, стала потреблять мясо, ввозимое извне. Всюду вырастали колониальные дворцы с великолепными порталами, нарядными залами с высоченными потолками, роскошными хрустальными люстрами, персидскими коврами, с задрапированными бархатом стенами, обеспечивавшими тишину, нарушаемую лишь легким менуэтом, с зеркалами в салонах, отражавшими кабальеро в париках и в туфлях с пряжками. Теперь об этом напоминают только огромные мраморные и просто каменные руины, молчание горделивых колоколен, обросшие травой кареты. Тринидад называют сейчас «городом сеньоров бывших», потому что белые потомки, упоминая о своих предках, всегда говорят, что такой-то «был богатым и прославленным». Но разразился кризис 1857 г., цены на сахар упали, и город пал вместе с ними, чтобы никогда больше не подняться [23].

Век спустя, когда партизаны Сьерры-Маэстры пришли к власти, судьба Кубы еще определялась ценами на сахар. Народ, существование которого зависит от одного продукта, сам себя губит, пророчески заметил национальный кубинский герой Хосе Марти. В 1920 г., например, про-

[23] Морено Фрахинальс тонко подметил, что названия сахарных заводов, построенных в XIX в., отражали колебания сахарной кривой: «Надежда», «Новая надежда», «Дерзкий», «Случайный», «Устремленный», «Конкиста», «Вера», «Удача», «Горесть», «Печаль», «Разочарование». Известны четыре завода с симптоматичным названием «Разочарование».

давая сахар по 22 сентаво за фунт, Куба побила мировые рекорды экспорта сахара на душу населения, превзойдя даже Англию, получив самые высокие доходы на душу населения в Латинской Америке. Но в декабре того же 1920 г. цена на сахар упала на 4 сентаво, и на следующий год над островом ураганом пронесся кризис: остановились многочисленные сахарные заводы, построенные в расчете на североамериканский рынок; лопнули все кубинские и испанские банки, объявил себя неплатежеспособным даже Национальный банк. Выжили лишь филиалы банков США [24]. Такая зависимая и неустойчивая экономика, как кубинская, позже не смогла избежать страшных ударов кризиса 1929 г., разразившегося в США: цена на сахар упала ниже одного сентаво в 1932 г. и за 3 года объем экспорта по стоимости сократился в четыре раза. Уровень безработицы на Кубе в ту пору «едва ли мог бы быть сравним с уровнем в какой-либо другой стране» [25]. Катастрофа 1921 г. была вызвана падением цен на сахар в Соединенных Штатах, и Вашингтон милостиво согласился предоставить Кубе кредит в 50 млн. долл., но верхом на этом кредите въехал в Гавану и генерал Кроудер, которому под предлогом контроля над использованием предоставленных средств было поручено управлять страной. Благодаря его отеческим заботам к власти в 1924 г. пришел диктатор Мачадо, но Великая депрессия тридцатых годов и всеобщая забастовка на Кубе привели к свержению этого жесточайшего кровавого режима.

Падение цен сопровождалось сокращением объема экспорта. В 1948 г. Куба восстановила свою экспортную квоту и стала удовлетворять треть потребностей внутреннего североамериканского рынка в сахаре, продавая его по ценам, которые были ниже цен на сахар, производимый в самих США, но выше и устойчивее цен мирового рынка. При этом Соединенные Штаты создали благоприятные условия для ввоза кубинского сахара в обмен на аналогичные привилегии для североамериканских товаров, ввозимых Кубой. Все эти «любезности» лишь усиливали кубинскую зависимость. Народ, который покупает, — правит, народ, который продает, — подчиняется; надо уравновесить торговлю, чтобы упрочить свободу; на-

[24] R. Dumont. Cuba (intento de crítica constuctiva). Barcelona, 1965.

[25] C. Furtado. La economía latinoamericana desde la Conquista ibérica hasta la Revolución Cubana. México, 1969.

род, который желает умереть, торгует только с одной страной, а тот, кто хочет спастись, торгует со многими — эту мысль проводил Марти и потом повторял Че Гевара на конференции ОАГ в Пунта-дель-Эсте в 1961 г. Производство в эту пору диктовалось нуждами Вашингтона. Уровень 1925 г. — какие-то 5 млн. тонн — в среднем сохранялся и в пятидесятые годы. Диктатору Фульхенсио Батисте дали захватить власть в 1952 г. после самой обильной сафры за всю историю страны — более 7 млн. тонн — с условием нажать на тормоза. В следующем году производство — в соответствии со спросом северного соседа — упало до 4 млн. тонн [26].

Революция и структуры, порождающие бессилие

Географическая близость к Антилам и распространение в Европе технологии получения сахара из свеклы, появившейся на полях Франции и Германии в эпоху наполеоновских войн, превратили Соединенные Штаты в основного потребителя сахара Антильских островов. Уже в 1850 г. на США приходилась одна треть торгового оборота Кубы. США покупали у Кубы и продавали ей товаров больше, чем Испания, хотя остров был тогда испанской колонией. Звездно-полосатый флаг трепетал на мачтах более половины судов, заходивших в кубинские порты. Примерно в 1859 г. один испанский путешественник обнаружил в самой глубине Кубы, в ее захолустных селениях, швейные машины, сделанные в США [27]. Главные улицы Гаваны были замощены брусчаткой, привезенной из Бостона.

На заре XX в. «Луизиана плейнтер» писала: «Мало-помалу весь остров Куба переходит в руки североамериканских граждан, что является самым простым и надежным способом его присоединения к США». В американском сенате уже поговаривали о новой звездочке на государственном флаге. После поражения Испании генерал Леонард Вуд стал править Кубой. Одновременно в

[26] Руководитель программы по сахару в Министерстве сельского хозяйства США объявил через некоторое время после Кубинской революции: «С тех пор, как Куба сошла со сцены, мы больше не можем рассчитывать на содействие этой страны, самого крупного мирового экспортера сахара, который всегда располагал резервами, чтобы снабжать, когда это требовалось, наш рынок» (E. Ruiz García. América Latina: anatomía de una revolución. Madrid, 1966).

[27] L. H. Jenks. Nuestra colonia de Cuba. Buenos Aires, 1960.

руки североамериканцев попали Филиппины и Пуэрто-Рико[28]. «Они стали нашими военными трофеями, — сказал президент Мак-Кинли, имея в виду также и Кубу, — и, с божьей помощью и во имя прогресса человечества и цивилизации, наш долг — достойным образом ответить на это большое доверие». В 1902 г. Томас Эстрада Пальма был вынужден отказаться от американского гражданства, которое он принял, живя в США, поскольку североамериканская оккупационная армия назначила его первым президентом Кубы. В 1960 г. бывший посол США на Кубе Эрл Смит заявил в сенатской комиссии: «До того как к власти пришел Кастро, Соединенные Штаты имели на Кубе такое неоспоримое влияние, что американский посол был вторым человеком в государстве, а порой и лицом даже более значительным, чем кубинский президент».

До свержения Батисты Куба продавала почти весь свой сахар в США. Пятью годами раньше молодой адвокат-революционер точно предсказал, выступая перед теми, кто его судил за нападение на казармы Монкада, что история его оправдает; он заявил в своей проникновен-

[28] Пуэрто-Рико, еще одна сахарная фактория, стала пленником США. С точки зрения американцев, пуэрториканцы не имеют права иметь собственную родину, однако обязаны гибнуть во Вьетнаме во имя чужой родины. Демографическая статистика свидетельствует, что «свободно присоединившееся государство» Пуэрто-Рико послало сражаться в Юго-Восточную Азию больше солдат, чем какой-либо штат США. Пуэрториканцев, отказывавшихся нести обязательную военную службу во Вьетнаме, ссылали на 5 лет в тюрьмы Атланты. Кроме такой унизительной обязанности, как военная служба в армии США, Пуэрто-Рико терпит и другие унижения, унаследованные от оккупации 1898 г. и освященные законом (законом конгресса Соединенных Штатов). Дело в том, что Пуэрто-Рико имеет символическое представительство в американском конгрессе — без права голоса. В обмен на это «право» остров фактически приобрел статус колонии: до американского вторжения здесь имели хождение собственные денежные знаки и велась оживленная торговля с крупными странами. Теперь тут господствует доллар, а таможенные пошлины устанавливаются в Вашингтоне, где решается все, что связано с внешней и внутренней торговлей острова. То же самое относится и к внешнеполитическим связям, средствам сообщения, заработной плате и условиям труда. Пуэрториканцы подвластны юрисдикции Федерального суда США, местная армия является соединением вооруженных сил США. Промышленность и торговля — в руках частного североамериканского капитала. Эмиграция призвана окончательно покончить с национальным самосознанием: нищета заставила более миллиона пуэрториканцев искать счастья в Нью-Йорке, забыть о своей национальной принадлежности. Там они пополняют ряды люмпен-пролетариев, ютящихся в самых глухих трущобах.

ной речи: «Куба остается факторией, поставляющей сырье. Вывозится сахар, чтобы ввозить конфеты...» [29] Куба приобретала у Соединенных Штатов не только автомобили, станки и оборудование, химические товары, бумагу и одежду, но и рис, фасоль, чеснок, лук, жиры, мясо, хлопок. На Кубу доставлялось мороженое из Майами, хлеб из Атланты, роскошные деликатесы из Парижа. Страна сахара импортировала половину всего количества потреблявшихся фруктов и овощей, хотя только третья часть активного населения имела постоянную работу, а половина земель, принадлежавших сахарным заводам, были огромными пустырями, где ничего не производилось [30]. Тринадцать североамериканских сахарных заводов на Кубе располагали более чем 47% всех площадей под сахарным тростником и выручали около 180 млн. долл. в каждую сафру. Природные богатства Кубы — никель, железо, медь, марганец, хром, вольфрам — США рассматривали как свои стратегические резервы, которые до поры до времени в незначительном количестве разрабатывались их компаниями в соответствии с потребностями своей армии и промышленности. На Кубе в 1958 г. имелось больше зарегистрированных полицией проституток, чем рабочих-горняков [31]. Полтора миллиона кубинцев были полностью или частично безработными.

Хозяйственная деятельность страны подчинялась ритму сафр. Импортные возможности, зависевшие от кубинского экспорта, не превышали в 1952 и 1956 гг. уровень тридцатилетней давности [32], хотя потребности в валюте значительно возросли. В тридцатые годы, когда кризис усилил, вместо того чтобы ослабить, зависимое положение кубинской экономики, развернулись работы по демонтажу недавно воздвигнутых фабрик с целью сбыть их в другие страны. Когда в первый день 1959 г. победила революция, промышленность Кубы отличалась чрезвычайной слабостью и низкими темпами развития; более половины производства сосредоточивалось в Гаване, а небольшое количество предприятий с новейшим оборудованием управлялись из США по телефону. Кубинский экономист Рехино

[29] F. Castro. La Revolución cubana (discursos). Buenos Aires, 1959.

[30] A. Núñez Jiménez. Geografía de Cuba. La Habana, 1959.

[31] R. Dumont. Op. cit.

[32] D. Seers, A. Bianchi, R. Jolly y M. Nolff. Cuba, the Economic and Social Revolution. Chapel Hill, Carolina del Norte, 1964.

Боти, соавтор экономической программы партизан Сьерра-Маэстры, приводит в качестве примера деятельность филиала фирмы «Нестле», производившего сгущенное молоко в Байямо: «При аварии техник звонил по телефону в Коннектикут и сообщал, в каком секторе дело застопорилось. Тотчас же он получал соответствующие инструкции и, не понимая смысла своих действий, устранял поломку... Если наладить аппарат не удавалось, через четыре часа из США прибывал самолет со специалистами высокой квалификации, хорошо знавшими технологию. После национализации уже некуда было звонить с просьбой о помощи, а те немногочисленные техники, которые сами могли бы справиться с несложной поломкой, уехали из страны» [33]. Этот пример убедительно показывает, с какими трудностями пришлось столкнуться революции, нацеленной на то, чтобы родина кубинцев перестала быть колонией.

Куба была связана зависимым положением по рукам и ногам, и ей поэтому было очень трудно стать самостоятельной. Половина кубинских детей до 1958 г. не ходили в школу, и все же, как много раз подчеркивал Фидель Кастро, невежество гораздо более распространенное зло и оно опаснее, чем неграмотность. Во время начавшейся в 1961 г. кампании по ликвидации неграмотности масса добровольцев из среды молодежи вызвалась научить читать и писать всех кубинцев. Результаты ошеломили весь мир: в настоящее время на Кубе, по данным Международного департамента ЮНЕСКО по образованию, наименьший процент неграмотных и наибольший процент учащихся в школах (начальных и средних) в Латинской Америке. Однако другое проклятое наследие — невежество — не изживешь ни за сутки, ни за дюжину лет. Нехватка научно-технических кадров, некомпетентность управленческого аппарата и низкий уровень организации производства, бюрократический страх перед творческой инициативой и свободой решений продолжают создавать препятствия на пути строительства социализма. Но несмотря на «систему бессилия», созданную за четыре с половиной века угнетения, Куба с неослабевающим энтузиазмом возрождается в новом качестве, напрягая все свои силы — радостно и энергично, — чтобы устранить все препоны со своего пути.

[33] K. S. Karol. Les guérrilleros au pouvoir. L'itinéraire politique de la révolution cubaine. Paris, 1970.

Сахар был ножом, а империя — убийцей

«Разве на сахаре строить лучше, чем на песке?» — риторически вопрошал Жан Поль Сартр в 1960 г. на Кубе.

Над молом в порту Гуаябаль, откуда экспортируется сахар, возле огромных складов кружат пеликаны. Я вхожу туда и в изумлении останавливаюсь перед золотистой сахарной пирамидой. Снизу то и дело открываются дверцы, через которые сахар, минуя стадию упаковки в мешки, попадает прямо в трюм корабля, а сверху, через отверстие в потолке льются все новые золотые струи сахара, привезенного с инхенио. На струях пляшут солнечные зайчики. Эта сыпучая гора, которой я касаюсь, с трудом охватывая взглядом, стóит около 4 млн. долл. И мне представляется, что в ней воплотились весь восторг и вся драма рекордной сафры 1970 г., в ходе которой стремились, но не смогли, несмотря на сверхчеловеческие усилия, получить 10 млн. тонн. Перед моим мысленным взором проходит гораздо более давняя история, связанная с сахаром. Я вспоминаю о предприятиях, еще недавно принадлежавших «Франсиско шугар К°», компании Аллена Даллеса, где мне довелось пробыть неделю, послушать рассказы о прошлом и увидеть рождение будущего: вот Хосефина, дочь Каридад Родригес, которая учится в школе, бывшей казарме, и сидит она как раз на том самом месте, где пытали перед смертью ее арестованного отца; вот Антонио Бастидас, семидесятилетний негр, который в этом году как-то ранним утром уцепился обеими руками за рычаг заводского гудка, ибо инхенио перевыполнил задание. «Черт возьми! — кричал он. — Выполнили, черт возьми!» — И никто не мог оторвать его руки от гудка, который разбудил весь поселок, разбудил всю Кубу. Я слышал истории о канувшем в лету прошлом, в которых фигурировали выселения, подкупы, убийства, голод, странные профессии, порождавшиеся безработицей, которая терзала рабочих 6 месяцев в году, «ловец сверчков» например. Я думаю — и теперь это всем известно — о том, какие неимоверные страдания пережила эта страна. Нет, не зря погибли те, кто погиб: Амансио Родригес, в упор расстрелянный штрейкбрехерами на собрании, когда он с негодованием отверг чек компании на крупную сумму, хотя товарищи, укладывавшие его в гроб, не пашли у него в доме второй пары штанов и носков; или, например,

Педро Пласа, которому было 20 лет, когда его арестовали, а он указал путь грузовику с солдатами прямо на мины, которые сам же и закладывал, и взорвался вместе с грузовиком и солдатами. И многое другое я слышал в этом месте и в других местах. «Здесь в семьях очень чтут мучеников, — сказал мне один старый рабочий, — но только после их смерти. А при жизни они слышали только жалобы». Я думаю, что не случайно партизанские отряды Фиделя Кастро на три четверти состояли из крестьян, рубщиков тростника, и не случайно провинция Орьенте была и самым крупным поставщиком сахара и одновременно самым крупным очагом восстаний за всю историю Кубы. Я понимаю, почему здесь накопилось столько ожесточения: после небывалой сафры 1961 г. революция предпочла покончить со страданиями, приносимыми сахаром. Сахар был постоянным напоминанием о былых унижениях. Неужто сахар навеки должен остаться судьбой страны? Не пора ли ему расплатиться за свои прегрешения? Или и ныне ему быть рычагом, катализатором прогресса в экономике?

Движимая естественным нетерпением, революция вырубила многие тростниковые плантации, захотела в мгновение ока диверсифицировать сельскохозяйственное производство, но, хотя каждое социализированное хозяйство сразу занялось выращиванием чрезмерного количества культур, революция не допустила традиционной ошибки, она не раздробила латифундии на непродуктивные минифундии. Для индустриализации страны надо было значительно увеличить импорт, повысить продуктивность сельского хозяйства и удовлетворить потребности населения в продуктах питания, значительно выросшие после революционных преобразований в стране. Но как без сахарных сафр добывать валюту для импорта? Кроме того, развитие горнодобывающей промышленности, прежде всего никелевой, потребовало огромных капиталовложений, которые уже сейчас в нее делаются; лов рыбы увеличился в восемь раз, а это также требует больших затрат; долгосрочные планы производства цитрусовых уже осуществляются, но от посадки деревьев до сбора плодов должны пройти годы, требующие терпения. И вот тогда революция поняла, что она спутала нож с убийцей. Сахар, ранее бывший фактором слаборазвитости, отныне превращается в инструмент развития. Не было иного выхода, как использовать монокультуру, породившую зависимость Кубы от

мировых рынков, именно для того, чтобы разорвать путы этой зависимости.

Дело в том, что доходы от сахара теперь направлены отнюдь не на упрочение системы эксплуатации[34]. Импорт машин и промышленного оборудования вырос с 1958 г. на 40%. Приносимая сахаром прибыль служит развитию тяжелой индустрии и тому, чтобы не было ни пустующих земель, ни безработных. Когда пала диктатура Батисты, на Кубе было 5 тыс. тракторов и 300 тыс. автомобилей. Сейчас — 50 тыс. тракторов, хотя значительная их часть простаивает из-за слабой организации труда, а из старого автомобильного парка, состоявшего в большинстве своем из дорогих моделей, остались отдельные экземпляры, пригодные разве что для лавки древностей. Цементная промышленность и энергетика развиваются удивительно быстро. Новые фабрики по производству удобрений дают сейчас продукции в пять раз больше, чем в 1958 г. Повсюду в стране создаются водохранилища, их емкость после 1958 г. увеличилась в семьдесят три раза[35], орошаемые площади расширяются не по дням, а по часам. Новые дороги, проложенные по всей Кубе, покончили с изоляцией многих областей, которые, казалось, были приговорены к вечному одиночеству. Чтобы качественно улучшить малоудойное стадо зебу, Куба ввезла быков голштинской породы и путем искусственного осеменения получила 800 тыс. коров смешанной породы.

Большого успеха кубинцы добились в механизации уборки и отгрузки сахарного тростника на основе техники, разработанной в основном на Кубе, хотя оборудование это еще требует совершенствования. Преодолевая сложности, в стране складывается новая профессиональная структура населения, призванная заменить старую, сломанную

[34] Твердые цены на сахар, установленные социалистическими странами, играют в этом смысле решающую роль. Важен и провал блокады, введенной Соединенными Штатами и разбитой интенсивным товарообменом с Испанией и другими странами Западной Европы. Треть кубинского экспорта приносит стране доллары, то есть конвертируемую валюту; остальные две трети направляются на условиях обмена в Советский Союз и в страны СЭВ. Сложившаяся система товарооборота имеет и свои трудности: так, если советские турбины для теплоэлектростанций отличаются прекрасным качеством, как и вся остальная продукция тяжелого машиностроения, поставляемая Советским Союзом, то в отношении изделий легкой промышленности этого нельзя утверждать.

[35] Informe de Cuba a la XI Conferencia Regional de la FAO. Versión de Prensa Latina, 13 oct. 1970.

революцией. Рубщики тростника, «мачетерос», эти сахарные каторжники, ныне стали представителями вымирающей профессии на Кубе. Ведь и им революция дала возможность выбора других, менее тяжелых работ, а их сыновьям — возможность учиться в городах и получать стипендию. Правда, освобождение рубщиков тростника от «каторги» породило определенные трудности в экономике острова. В 1970 г. Куба вынуждена была утроить число работников для сафры, большинство которых составили добровольцы, солдаты, трудящиеся других секторов народного хозяйства, что притормозило некоторые работы в городе и деревне: сбор плодовых культур, фабричное производство. При этом следует иметь в виду, что в социалистическом обществе в отличие от общества капиталистического активность трудящихся обусловливается не боязнью безработицы и не жаждой наживы. Иные стимулы — солидарность, коллективная ответственность, осознание своих обязанностей и прав, выходящие за узкие рамки человеческого эгоизма, — должны стать движителями прогресса. Однако психология целого народа не меняется в мгновение ока. Когда революция взяла власть в свои руки, большинство кубинцев, как сказал Фидель Кастро, еще даже не проникло антиимпериалистическим сознанием.

Мышление кубинцев радикализировалось по мере углубления их революции, по мере того, как Гавана отвечала вызовом на вызов, ударом на удар Вашингтона, и по мере того, как идеалы социальной справедливости претворялись в конкретные дела. Построено 170 больниц и множество поликлиник, медицинская помощь стала бесплатной; в три раза увеличилось число учащихся в школах и университетах, обучение тоже стало бесплатным; более 300 тыс. детей и молодых людей получают стипендии; появилось множество интернатов и детских садов. Значительная часть населения пользуется бесплатным жильем, и уже не надо платить за пользование водой, светом, телефоном, за посещение спортивных мероприятий. Расходы государства на социальное обеспечение возросли в пять раз за последние несколько лет. Но теперь, когда все имеют возможность учиться и носить нормальную обувь, потребности растут в геометрической прогрессии, а производство — только в арифметической. Рост объема и расширение структуры потребления, ибо теперь потребление — привилегия всех, а не немногих, также застав-

ляют Кубу быстро увеличивать экспорт, и, таким образом, сахар продолжает оставаться главным источником доходов.

Революция не скрывает, что переживает трудное, суровое время становления. Кубинцы понимают, что построить социализм не так просто, революция — не увеселительная прогулка. Надо признать, что сейчас ощущается нехватка самых разных товаров: в 1970 г. недостает фруктов, холодильников, одежды. Но встречающиеся на улицах очереди не только результат недочетов экономики. Главная причина нехваток заключается в росте количества потребителей: ныне страна принадлежит всем. Следовательно, речь идет о принципиально иной нехватке, нежели та, от которой страдают остальные страны Латинской Америки.

С таких позиций следует рассматривать и расходы страны на оборону. Куба вынуждена даже спать с открытыми глазами, а экономически это тоже обходится довольно дорого. Кубинская революция, хотя ее никак не могут оставить в покое, беспрестанно беспокоят вооруженными нападениями и саботажем, тем не менее крепко стоит на ногах, ибо ее защищает народ, которому доверили оружие. Но экспроприированные экспроприаторы не унимаются. Бригада наемников, высадившаяся в апреле 1961 г. на Плая-Хирон, была сформирована не только из прежних солдат и полицейских Батисты; в ее состав входили владельцы более 370 тыс. гектаров земли, почти 10 тыс. домов, 70 фабрик, 10 сахарных заводов, 3 банков, 5 рудников и 12 кабаре. Диктатор Гватемалы Мигель Идигорас, как он сам позже признался, предоставил лагеря для военной подготовки этих наемников в обмен на данные ему североамериканцами обещания уплатить наличными денежками и повысить гватемальскую квоту на сахар в импортных закупках США.

В 1965 г. другая страна — поставщик сахара, Доминиканская Республика, подверглась вторжению 40 тыс. американских морских пехотинцев, вознамерившихся «бессрочно пребывать в этой стране, ввиду царящего там хаоса», как объявил их командир, генерал Брюс Палмер. Резкое падение цен на сахар стало одной из причин, вызвавших народные волнения в Доминиканской Республике; народ восстал против военной диктатуры, а североамериканские войска поспешили «навести там порядок». Четыре тысячи трупов оставили они, пытаясь сломить со-

противление патриотов на клочке земли между рекой Осама и берегом Карибского моря под городом Санто-Доминго[36]. ОАГ, у которой поистине ослиная память, ибо она не забывает, из чьих рук кормится, благословила и всемерно поддержала вторжение. Надо было в зародыше убить «новую Кубу».

Машина Джеймса Уатта и пушки Вашингтона появились благодаря труду рабов Карибского бассейна

Че Гевара говорил, что слаборазвитость — это карлик с огромной головой и вздутым животом, чьи слабые ноги и короткие руки дисгармонируют с туловищем. Гавана сверкала огнями, по ее роскошным проспектам шуршали шины «кадиллаков», в самом большом в мире кабаре извивались под музыку самые прекрасные кинодивы. В то же время на кубинских полях только 1 из 10 сельскохозяйственных рабочих пил молоко; около 4 человек из сотни ели мясо и, как свидетельствует Национальный совет по экономике, три пятых сельских рабочих получали заработную плату в три или четыре раза ниже прожиточного минимума.

Но сахар плодил не только карликов. Он порождал и гигантов или по меньшей мере весьма содействовал их росту и развитию. Сахар латиноамериканских тропиков во многом способствовал накоплению капитала для промышленного развития Англии, Франции, Голландии, а также Соединенных Штатов и одновременно погубил экономику Северо-Востока Бразилии и островов Карибского моря,

[36] Элсуорт Банкер, президент «Нэшнл шугар рифайнинг К°», был направлен в Доминиканскую Республику Джонсоном в качестве личного посланца сразу после военного вторжения. Интересы «Нэшнл шугар» были надежно защищены Банкером в этой маленькой стране: войска оккупантов удалились только тогда, когда в результате весьма «демократических выборов» к власти пришел Хоакин Балагер, который был правой рукой Трухильо в течение всего его зверского диктаторского правления. Население Санто-Доминго сражалось на улицах и на крышах домов палками, мачете и ружьями против танков, базук и вертолетов иностранных интервентов за возвращение своего конституционного президента Хуана Боша, свергнутого в результате военного переворота. История любит подшутить над иными пророчествами. В тот день, когда Хуан Бош приступил к своей оказавшейся недолгой президентской деятельности после тридцатилетней тирании Трухильо, Линдон Джонсон, бывший тогда вице-президентом США, прислал в Санто-Доминго официальный дар своего правительства: санитарную машину.

надолго принес беды и разорение Африке. В основании «треугольника» торговли между Европой, Африкой и Америкой лежал торговый путь, которым везли рабов на сахарные плантации. «По одному кристаллу сахара мы можем проследить историю всей политэкономии, политики и даже морали», — говорил Аугусто Кочин.

Племена Западной Африки постоянно воевали между собой, чтобы, забирая в плен рабов, продавать их европейцам. Происходило это в колониальных владениях Португалии, но у самих португальцев не было ни судов, ни сферы приложения рабского труда в эпоху расцвета торговли черными невольниками, и они превратились в простых посредников между капитанами-работорговцами других держав, с одной стороны, и африканскими царьками — с другой. Англия, пока считала это выгодным, была главным торговцем человеческим товаром. Однако голландцы занимались работорговлей еще до нее, так как Карл V предоставил им монопольное право перевозки товаров в Америку раньше, чем подобное право получила Англия и тоже занялась переправкой рабов в далекие колонии. Что касается Франции, то Людовик XIV, Король-Солнце, делил пополам с королем Испании доходы, получаемые от «Гвинейской компании», которая была основана в 1701 г. для снабжения Америки рабами, а его министр финансов Кольбер, рьяно заботившийся об экономике Франции, изыскал аргументы в защиту мнения, будто торговля неграми «полезна для развития национального коммерческого флота» [37].

Адам Смит говорил, что открытие Америки позволило торговому делу обрести такой размах и такое совершенство, каких оно в иных условиях никогда бы не получило. По мнению Серхио Багу, самым мощным источником накопления европейского торгового капитала было рабство в Америке; со своей стороны этот капитал стал «краеугольным камнем здания, являющего собой гигантский промышленный капитал современности» [38]. Воскрешение рабовладения в Новом Свете на манер, принятый в Афинах и Римской империи, имело удивительную особенность: оно вызвало появление на свет множества кораблей, фабрик, железных дорог и банков в тех странах, которые не

[37] L. Capitan y H. Lorin. El trabajo en América, antes y después de Colón. Buenos Aires, 1948.

[38] S. Bagú. Op. cit.

занимались — за исключением Соединенных Штатов — впрямую работорговлей и не отвечали за дальнейшую судьбу рабов, пересекавших Атлантику. В период между началом широкого использования рабского труда в XVI в. и его агонией в XIX в. несколько миллионов африканцев — точная цифра не установлена — пересекли океан, но зато достоверно известно, что их было значительно больше, чем белых иммигрантов, выходцев из Европы, хотя — это и понятно — выжило их значительно меньше по сравнению с белыми переселенцами. От Потомака до Рио-де-ла-Платы рабы строили дома для своих хозяев, сводили леса, рубили и мололи сахарный тростник, возделывали хлопок, культивировали какао, табак и кофе, рылись в земле в поисках золота. Насколько человек больше, чем в Хиросиме, погибло тогда рабов? Как сказал один плантатор с Ямайки, «негров легче купить, чем прокормить». Кайо Прада подсчитал, что к началу XIX в. в Бразилию было ввезено от 5 до 6 млн. африканцев; ну а Куба к тому моменту стала таким огромным рынком рабов, каким вначале было все Западное полушарие [39].

В 1562 г. капитан Джон Хоукинс контрабандой вывез 300 негров из Португальской Гвинеи. Королева Елизавета сильно разгневалась: «Это безрассудство, — изрекла она,— небо не простит». Но Хоукинс сообщил ей, что на островах Карибского моря он обменял рабов на сахар и кожу, жемчуг и имбирь. Тогда королева простила пирата и стала его торговым партнером. Век спустя герцог Йоркский метил каленым железом — клеймом со своими инициалами — левую ягодицу или грудь 3 тыс. негров, которых его торговое предприятие ежегодно поставляло на «сахарные острова». «Королевская Африканская компания», среди акционеров которой фигурировал и король Карл II, давала до 300% прибыли, несмотря на то что из 70 тыс. рабов, погруженных на суда с 1680 по 1688 г., лишь 46 тыс. добрались до Америки живыми. Во время морского путешествия множество африканцев умирало от эпидемий или от истощения, кончало с собой, отказываясь от пищи, вешаясь на собственных цепях или бросаясь за борт в океан, ощетинившийся акульими плавниками. Медленно, но верно Англия подтачивала голландскую гегемонию в работорговле. «Соут Зеа компани» стала основной обладательни-

[39] D. P. Mannix y M. Cowley. Historia de la trata de negros. Madrid, 1962.

цей «права на поставки», дарованного англичанам Испанией; с этой компанией были накрепко связаны самые известные личности из политической и финансовой сфер Британии; сказочно прибыльное дело лихорадило Лондонскую биржу и служило базой для крупнейших спекулятивных сделок.

Перевозка рабов сделала Бристоль, судостроительный центр, вторым по значению городом Англии, а Ливерпуль превратила в важнейший мировой порт. Трюмы уходящих судов были доверху набиты оружием, тканями, джином, ромом, цветными безделушками и стекляшками, которыми оплачивали человеческий товар в Африке, в свою очередь приносивший прибыль в виде сахара, хлопка, кофе и какао на колониальных плантациях в Америке. Англичане устанавливали свое владычество на морях. К концу XVIII в. Африка и острова Карибского моря давали работу 180 тыс. текстильных рабочих Манчестера; в Шеффилде наладили массовое производство ножей, в Бирмингеме ежегодно изготавливали 150 тыс. мушкетов [40]. Африканские племенные вожди получали британские товары и поставляли партии рабов капитанам-работорговцам. Таким образом они раздобывали все новое оружие и спиртные напитки, чтобы опять устраивать в деревнях охоту на людей. Из Африки вывозили также всякие смолы, слоновую кость и пальмовое масло. Многие рабы были выходцами из джунглей и никогда не видели моря, шум океана они принимали за рев неведомого зверя, желавшего сожрать их, или, по свидетельству одного купца тех времен, им казалось — и, в общем, они были правы,— что «их везут, как ягнят, на бойню, ибо их мясо по вкусу европейцам» [41]. Бичи и хвостатые плетки-семихвостки не очень-то помогали удерживать отчаявшихся африканцев от самоубийства.

«Груз», перенесший голод, болезни и давку в корабельных трюмах, доставлялся — кости да кожа, покрытые лохмотьями, — на площадь, но раньше африканцев проводили по улицам колониального селения под звук волынок. Тех, кто от слабости не мог волочить ноги, подкармливали в портовых бараках, перед тем как показать покупателям; тех, кто был болен, бросали умирать прямо

[40] E. Williams. Capitalism and Slavery. Chapel Hill, Carolina del Norte, 1944.
[41] D. P. Mannix y M. Cowley. Op. cit.

у причала. Рабы продавались за наличные или в рассрочку до трех лет. Суда возвращались в Ливерпуль, взяв на борт различную продукцию тропиков. В начале XVIII в. три четверти всего хлопка, который обрабатывала английская текстильная промышленность, шли с Антил, хотя позже его основными источниками стали Джорджия и Луизиана. В середине века в Англии работало 120 сахароочистительных заводов.

В те времена англичанин мог прожить примерно на 6 фунтов стерлингов в год; работорговцы Ливерпуля получали ежегодно доходов более чем на 1100 тыс. фунтов стерлингов, если считать только выручку, поступавшую с островов Карибского моря, и не принимая в расчет дополнительную торговую прибыль. Десять больших компаний контролировали две трети товарооборота. Ливерпуль строил новые усовершенствованные причалы, так как торговый флот усиленно пополнялся судами, причем все более грузоподъемными и с более низкой осадкой. Ювелирных дел мастера предлагали «цепочки и серебряные ошейники для негров и собак», элегантные дамы появлялись в обществе с обезьянкой в кружевном платьице и с рабом-негритенком в тюрбане и шелковых шароварах. Один тогдашний экономист характеризовал работорговлю как «главный и основополагающий принцип всего бытия, как основную пружину механизма, приводящую в движение все шестерни». Множились банки в Ливерпуле и Манчестере, Бристоле, Лондоне и Глазго; страховое агентство Ллойда наживалось на страховании рабов, судов и плантаций. Чуть ли не с первых выпусков «Лондон газетт» публиковала объявления о том, что беглые рабы должны быть доставлены в компанию Ллойда. Капиталы, сколоченные с помощью торговли неграми, легли в основу строительства большой сети железных дорог на западе и породили такие промышленные предприятия, как, например, шиферные фабрики в Уэльсе. *Накопление капитала в трехсторонней торговле — товар, рабы, сахар — сделало возможным изобретение паровой машины,* ибо Джеймса Уатта субсидировали дельцы, которые разбогатели именно на торговле рабами. Это подтверждает Эрик Вильямс в своем документальном труде, посвященном данной теме.

В начале XIX в. Великобритания стала инициатором антирабовладельческой кампании. Дело в том, что английская промышленность уже стала нуждаться в мировых рынках с большей покупательной способностью, и этому

должно было способствовать распространение системы заработной платы. Но после установления оплаты труда в английских колониях Карибского моря бразильский сахар, по-прежнему производившийся руками рабов, стал весьма успешно конкурировать с английским из-за своих низких цен [42]. Британская армада бросилась топить суда работорговцев, но торговля неграми продолжалась и даже возрастала, дабы удовлетворять потребности Бразилии и Кубы. Если английский корабль настигал пиратское судно, рабов выкидывали за борт, а англичан встречала лишь вонь в трюмах, раскаленная топка да капитан, хохочущий на палубе. Опасности морских перевозок подняли цены на рабов и несказанно увеличили доходы. В середине века работорговцы давали одно старое ружье за каждого здорового и сильного негра, которого они потом продавали на Кубе более чем за 600 долл.

Маленькие острова Карибского моря значили для Англии несравненно больше, чем ее северные колонии. Барбадосу, Ямайке и Монтсеррату было запрещено производить у себя даже иголку или подкову. Положение в Новом Свете было совершенно иным, что облегчило его экономическое развитие и обретение политической независимости.

Надо сказать, что работорговля в Новом Свете дала бóльшую часть тех капиталов, которые способствовали промышленной революции в Соединенных Штатах Америки. В середине XVIII в. суда северных работорговцев вывозили из Бостона, Ньюпорта или Провиденса бутыли с ромом и доставляли к берегам Африки; в Африке ром меняли на рабов, рабов продавали на островах Карибского моря, а оттуда везли патоку в Массачусетс, где ее очищали и превращали, завершая этот круговорот, в ром. Лучший антильский ром «Вест-индиан рум» производился не на Антилах. *Нажитые работорговлей капиталы братьев Браун из Провиденса были вложены в литейное производство, на котором и отливали пушки для генерала Джорджа Вашингтона во время Войны за независимость* [43]. Сахарные плантации островов Карибского моря, сделавшись зоной тростниковой монокультуры, стали не только

[42] Первый закон, который запретил рабство в Бразилии, не был бразильским. Он был, и отнюдь не случайно, английским. Британский парламент принял его 8 августа 1845 г. (O. Duarte Pereira. Quem faz as leis no Brasil? Río de Janeiro, 1963).

[43] D. P. Mannix y M. Cowley. Op. cit.

центром ускоренного развития «тринадцати колоний» благодаря работорговле, способствовавшей подъему кораблестроения и сахароперегонной промышленности Новой Англии. Они превратились также в огромный рынок потребления пищевых продуктов, древесины и различного оборудования для сахарных заводов, что влило животворные силы в сельское хозяйство североатлантической зоны и в рано появившееся там мануфактурное производство. Суда, построенные на верфях северных колоний, доставляли в Карибский регион свежую и копченую рыбу, зерновые, бобы, муку, масло, сыр, лук, лошадей и быков, свечи и мыло, ткани, сосновые и дубовые доски для ящиков под сахар (на Кубе появилась первая в испанской Америке механическая пила, но на острове уже не было своей промышленной древесины), а также бочарные доски, обручи, рамы, металлические кольца, гвозди.

Так происходило это гигантское «переливание крови». Так развивались нынешние развитые страны и так закреплялась слаборазвитость стран слаборазвитых.

Радуга — путь возвращения в Гвинею

В 1518 г. лиценциат Алонсо Суасо писал Карлу V из Санто-Доминго: «Напрасны опасения, что негры могут взбунтоваться; на португальских островах иные вдовы преспокойно живут, имея по восемьсот рабов; все зависит от того, как с ними обращаться. По своем приезде я обнаружил, что некоторые негры ленятся, а иные бежали в горы; я велел избить одних, отрезать уши другим, и больше никто не ропщет». Четыре года спустя вспыхнуло первое восстание американских рабов; рабы Диего Колона, сына открывателя Америки Колумба, первыми подняли мятеж, который кончился тем, что их повесили на территории инхенио[44]. Затем происходили восстания на Санто-Доминго, а после этого на других сахарных островах Карибского моря. Через пару столетий после восстания рабов Диего Колона негры на другом конце того же самого острова бежали в горные районы Гаити и там, в горах, возродили свой, африканский, образ жизни: выращивали свои плодовые культуры, поклонялись своим богам, чтили свои обычаи. Радуга до сих пор служит для народа Гаити указателем пути домой, в Гвинею. На корабле под белыми парусами... В нидерландской Гвиане за рекой Курантин

[44] F. Ortiz. Op. cit.

уже три века существуют общества «джукас», потомков негров, бежавших в леса Суринама. В этих поселениях «сохраняются святилища, похожие на те, что есть в Гвинее, и живы те танцы и обряды, которые напоминают танцы жителей Ганы. Используется перекличка барабанов, очень сходная с языком барабанов Ашанти»[45]. Первое крупное восстание рабов Гвианы произошло 100 лет спустя после бегства «джукас», и голландцы снова заняли плантации и сожгли на медленном огне вождей рабов. Но еще до ухода «джукас» беглые рабы из Бразилии создали негритянское королевство Пальмарес на Северо-Востоке Бразилии и успешно отражали на протяжении всего XVII в. натиск дюжин военных экспедиций, то и дело направлявшихся против них голландцами и португальцами. Штурм за штурмом тысяч солдат разбивался о тактику партизанской войны, делавшей неуязвимым — до 1693 г. — обширное прибежище негров. Независимое королевство Пальмарес — призыв к мятежу, знамя свободы — было организовано «наподобие многих государств, существовавших в Африке в XVII веке»[46]. Окруженное густыми лесами, оно простиралось от поселений Кабо-де-Санто-Агостинью в Пернамбуку до северных областей по берегам реки Сан-Франциско в Алагоасе и равнялось одной трети территории Португалии. Главный вождь избирался среди самых ловких и умелых, короче говоря, царствовал человек, «имевший наибольшие заслуги и авторитет в военных делах и правлении»[47]. В эпоху расцвета всемогущих сахарных плантаций Пальмарес был единственной областью Бразилии, где выращивались самые разные сельскохозяйственные культуры. Основываясь на собственном опыте или на опыте своих предков, возделывавших землю в саваннах или тропических джунглях Африки, негры сажали маис, сладкий картофель, фасоль, маниоку, банапы и т. п. Недаром уничтожение этих культур прежде всего было предписано колониальным войскам, стремившимся вернуть в рабство людей, которые пересекли океан с цепями на ногах и бежали с плантаций.

Изобилие продовольственных продуктов в Пальмаресе выглядело резким контрастом с жизнью впроголодь,

[45] Ph. Reno. El drama de la Guayana británica. Un pueblo desde la esclavitud a la lucha porelsocialismo. — "Monthly Review", № 17/18, Buenos Aires, 1965.

[46] E. Garneiro. O quilombo dos Palmares. Río de Janeiro, 1966.

[47] N. Rodrigues. Os africanos no Brasil. Río de Janeiro, 1932.

которая даже в пору процветания сахарных зон была характерна для Атлантического побережья Бразилии. Рабы, завоевавшие свободу, защищали ее стойко и мужественно потому, что сами распределяли между собой плоды рук своих: земля была общинной, денег в негритянском государстве не существовало. «Мировая история не знает другого восстания рабов, которое продолжалось бы так долго, как пальмаресское. Восстание Спартака, потрясшее самую мощную рабовладельческую систему древности, длилось меньше»[48]. В последнее сражение против повстанцев португальская корона ввела огромную армию; еще более многочисленная была использована уже значительно позже, когда пытались сломить борьбу бразильцев за свою независимость. Последнюю крепость Пальмареса защищало не менее 10 тыс. человек; те из них, кто остался живым, были обезглавлены, сброшены в пропасть или проданы торговцам из Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса. Два года спустя пал жертвой предательства вождь Зумби, которого рабы считали бессмертным. Его захватили в сельве и отрубили ему голову. В скором времени капитан Бартоломеу Буэно до Прадо вернется с реки Мортеш, везя с собой трофеи после подавления нового мятежа рабов: 3900 пар человеческих ушей в сумах, перекинутых через лошадиные седла. На Кубе также все время вспыхивали восстания. Целыми группами рабы кончали жизнь самоубийством; это было их своеобразной местью хозяину, которого они наказывали «своей вечной забастовкой и своим безвозвратным бегством в мир иной», — говорит Фернандо Ортис. Они верили, что потом воскреснут — духом и телом — в Африке. Только после того, как хозяева стали уродовать трупы, чтобы рабы воскресали кастрированными, безрукими и обезглавленными, они добились того, что многие негры стали отказываться от мысли о самоубийстве. К 1870 г., как не столь давно поведал один бывший раб, в молодости бежавший в горы Лас-Вильяс, кубинские негры уже не кончали с собой. Они надевали «волшебный пояс и улетали, летели по небу и видели свою родину» или скрывались в горах, потому что «уставали жить». Тот, кто свыкался с жизнью на плантации, слабел духом, а жизнь в горах давала силу»[49].

[48] D. de Freitas. A guerra dos escravos. (Inédito).

[49] Эстебану Монтехо было более 100 лет, когда он рассказал свою историю Мигелю Барнету (M. Barnet. Biografía de un cimarrón. Buenos Aires, 1968).

Африканские религии продолжали жить среди рабов Америки, как и питаемые постальгией легенды и мифы утраченной родины. Совершенно ясно, что негры таким образом выражали — в своих церемониях, в своих танцах, в своих молениях — стремление к утверждению культурного единства с предками, отвергаемого христианством. Но сыграл свою роль и тот факт, что церковь была материально заинтересована в той эксплуатации, которой подвергались рабы. В начале XVIII в. на островах, принадлежавших Англии, рабов, обвиняемых в преступлении, бросали живьем в жернова, перемалывавшие тростник, во французских колониях их живьем сжигали или четвертовали. А иезуит Антониль давал такие отеческие наставления хозяевам бразильских сахароварен, советуя избегать крайностей: «Управляющим никак не следовало бы бить ногами беременных женщин именно по животу или сильно избивать рабов, ибо в гневе своем они не соизмеряют силу своих ударов и могут разбить голову здоровому рабу, стоящему больших денег, и потерять его» [50]. На Кубе управляющие-майорали обрушивали кожаные плетки или тростниковые хлысты на спины провинившихся беременных рабынь, предварительно бросив их на землю, лицом вниз и животом в яму, дабы при экзекуции не попортить будущего раба. Церковники, взимавшие в качестве подати 5% произведенного сахара, давали свое христианское отпущение грехов: майораль, мол, имеет право наказывать, как наказывал грешников Иисус Христос. Папский миссионер Хуан Перпинья-и-Пибернат обращал к неграм такие проповеди: «О, несчастные! Не пугайтесь того, что, будучи рабами, вы испытаете много страданий. Ваше тело — в рабстве, но душа ваша свободна, и настанет день, когда отлетит она в счастливое прибежище избранных душ» [51].

Бог для парий не всегда совпадает с богом той системы, что породила парий. Хотя католическая религия охва-

[50] R. C. Simonsen. História econômica do Brasil (1500—1820). São Paulo, 1962.

[51] M. Moreno Fraginals. Op. cit. Однажды, в святой четверг, граф Каса Байона, обуянный христианским рвением, решил смирить свою гордыню перед собственными рабами. Он обмыл ноги двенадцати неграм и посадил их рядом с собой за стол ужинать. Это была в полном смысле слова последняя вечеря. На следующий день рабы восстали и сожгли сахарный завод. Но потом их головы были насажены на двенадцать копий, установленных на площади.

тывает, по официальным данным, 94% населения Бразилии, в действительности негритянское население сохраняет свои африканские традиции и свои религиозные верования, часто закамуфлированные под святые христианские образы[52]. Культы африканского происхождения широко распространены среди угнетенных любого цвета кожи. То же самое происходит и на Антилах. Божества культов «воду» в Гаити, «бембе» на Кубе, «умбанда» и «кимбанда» в Бразилии почти не отличаются друг от друга, хотя боги и ритуалы предков претерпели некоторые изменения, приживаясь на землях Америки. И на островах Карибского моря, и в Баии звучат обрядовые песнопения на йоруба, конго, наго и других африканских языках. В предместьях больших городов южной Бразилии, напротив, преобладает португальский язык, но там буквально кишат добрые и злые божества, попавшие сюда с берегов Западной Африки и пережившие века, чтобы превратиться в призрачных мстителей за всех угнетенных, за бедных униженных людей, которые жалобно причитают в фавелах Рио-де-Жанейро:

Силы Баии,
Силы Африки,
Силы чудотворные,
Придите сюда,
Помогите нам.

Как продавали крестьян

В 1888 г. в Бразилии рабство было отменено. Но латифундия отменена не была, и в том же самом году, по свидетельству одного современника из Сеары, «продолжал действовать рынок по купле-продаже рабочего скота, то есть рабов, и все еще царил голод, так как спрос на продовольствие не падал. Редкий день пароход не привозил многочисленных покупателей-сеаранцев»[53]. Полмиллиона человек к концу века эмигрировали с Северо-Востока в Амазонию, привлеченные иллюзорными перспективами заработать на каучуке. Позже такие людские исходы происходили периодически, в зависимости от засух, которые регулярно выжигали сертаны, и от соответствующих экспансионистских действий сахарных лати-

[52] E. Galeano. Los dioses y los diablos en las favelas de Río. "Amaru", № 10, Lima, 1969.

[53] R. Teófilo. Historia de Sêca do Ceará (1877—1880). Río de Janeiro, 1922.

фундий. В 1900 г. 40 тыс. пострадавших от засухи покинули Сеару. И пошли по тогдашнему обычному пути: с севера в сельву. Позже пути миграции изменились. В наши дни люди с Северо-Востока направляются к центру и к югу Бразилии. Засуха 1970 г. бросила толпы голодающих в города Северо-Востока. Они грабили поезда и лавки, громко молили святого Иосифа ниспослать дождь. Дороги были запружены паломниками-беженцами. В сообщении Франс Пресс от 21 апреля 1970 г. говорится: «Полиция штата Пернамбуку в последнее воскресенье задержала в муниципии Белем-ду-Сан-Франсиску 210 крестьян, которые были проданы землевладельцам штата Минас-Жерайс по 18 долларов за голову»[54]. Крестьяне были уроженцы Парайбы и Риу-Гранди-ду-Норти, двух штатов, наиболее пострадавших от засухи. В июне телетайп передал объяснение начальника федеральной полиции: его службы, мол, еще не располагают эффективными средствами, чтобы окончательно покончить с работорговлей, и, хотя в последние месяцы возбуждено десять судебных расследований, продажа работников с Северо-Востока земледельцам других областей продолжается.

Каучуковый бум и кофейный ажиотаж вызвали массовый приток крестьян. Правительство тоже использовало этот источник дешевой рабочей силы, развернув широкий фронт общественных работ. С Северо-Востока пригнали, как скот, раздетых и разутых людей, которые в мгновение ока воздвигли в центре пустыни город Бразилиа. Этот город, самый современный в архитектурном отношении в мире, ныне опоясан широким «поясом нищеты»: после окончания работ «кандангос» возвращаются в поселения-спутники. Там живут 300 тыс. «северо-восточных», всегда готовых на любую поденщину, и кормятся отбросами блестящей столицы.

С помощью рабского труда бывших жителей Северо-Востока прокладывается Трансамазонская шоссейная магистраль, которая разрежет надвое Бразилию и дойдет

[54] "France Presse", 21 de abril de 1970. В 1938 г. скитания скотовода по каменистым дорогам сертан стали сюжетом одного из лучших бразильских романов (Грасилиану Рамус, «Иссушенные земли»). Такие стихийные бедствия, как засухи в центре страны, вредящие животноводческим латифундиям, которые подчинены сахарным заводам побережья, не прекращаются, и соответственно не меняются их последствия. Мир «Иссушенных земель» остается прежним: попугай передразнивает лай собак, потому что его обессилевшие хозяева почти не говорят между собой.

через сельву до границы с Боливией. В этом плане предусматривается и освоение новых сельскохозяйственных районов, призванных раздвинуть «рубежи цивилизации»: каждый крестьянин получит по 10 гектаров, если не погибнет от тропической лихорадки, господствующей в девственных лесах. На Северо-Востоке живут 6 млн. безземельных крестьян, тогда как 15 тыс. человек владеют половиной всей территории в этой зоне. Аграрная реформа проводится отнюдь не в освоенных областях, где продолжает соблюдаться святое право собственности латифундистов, а в непроходимой сельве. Это означает, что беженцы с Северо-Востока фактически помогут латифундиям утвердиться на новых землях. Ведь что могут дать крестьянину какие-то 10 гектаров, удаленные на 2 или 3 тыс. километров от центров потребления, если он не имеет ни капитала, ни орудий для обработки почвы? Настоящие цели правительства совсем иные: оно намерено обеспечить рабочей силой латифундистов из США, которые скупили или узурпировали половину всех земель к северу от Риу-Негру, а также концерн «Юнайтед стейтс стил», который получил из рук генерала Гаррастазу Медиси огромные месторождения железа и марганца в Амазонии [55].

Время каучука: Карузо поет на открытии грандиозного театра в глубине сельвы

По оценке некоторых авторов, не менее полумиллиона выходцев с Северо-Востока погибли от разных эпидемий, от желтой лихорадки, от туберкулеза или от болезни бери-бери во времена каучукового бума. «Это страшное кладбище — цена за создание резиновой промышленности» [56]. Не взяв с собой продовольствия, крестьяне из засушливых земель предпринимали долгое путешествие в глубь сырой сельвы. Там, в болотистых местах, где произрастают каучуконосы, их подстерегала желтая лихорадка. Доставляли их туда по рекам пароходами в таких страшно тесных и душных трюмах, что многие умирали, не добравшись до места, тем самым ускоряя неотвратимый конец. Дру-

[55] P. Schilling. Un nuevo genocidio. — "Marcha", № 1, 501, Montevideo, 1970. В октябре 1970 г. епископы из Пары сообщили президенту Бразилии о зверской эксплуатации рабочих с Северо-Востока компаниями, строящими Трансамазонское шоссе, которое правительство называет «стройкой века».

[56] A. Pinheiro. A margem do Amazonas. São Paulo, 1937.

гим же не удавалось даже сесть на пароход. В 1878 г. 120 тыс. из 800 тыс. жителей Сеары направились пешком к реке Амазонке, но до цели дошло не более половины: остальных свалили болезни или голод на дорогах сертан или в пригороде Форталезы [57]. Годом раньше началась одна из тех семи великих засух, которые обрушились на Северо-Восток в прошлом веке.

Страшна была не только лихорадка; в сельве людей ждал труд, весьма схожий с рабским. Работа оплачивалась натурой — вяленое мясо, мука из маниоки, сахар, спиртное — пока работник — «серинжейро» — не выплатит долги, а такое чудо случалось редко. Предприниматели сговорились не давать работу тем, кто увяз в долгах, а сельская полиция, размещенная по берегам рек, открывала огонь по беглецам. Одни долги приплюсовывались к другим. К изначальной задолженности — за переезд с Северо-Востока — прибавлялся долг за рабочие инструменты, мачете, ножи, посуду, а поскольку работник к тому же нуждался в еде, а также и крепко пил, ибо на плантациях было вдоволь спиртного, то чем дольше работник работал, тем больше становился его долг. Неграмотные крестьяне с Северо-Востока были целиком и полностью во власти трюкачей-счетоводов из конторы администрации.

Еще Пристли в 1770 г. заметил, что резина стирает следы карандаша на бумаге. Семьдесят лет спустя Чарльз Гудьир открыл — одновременно с англичанином Гэнкоком — способ вулканизации каучука, делавшей резину упругой и устойчивой к изменению температуры. Уже в 1850 г. резиновыми покрышками снабдили колеса повозок. А к концу века в США и в Европе возникла автомобильная промышленность, и вместе с ней родилась огромная потребность в камерах и шинах. Мировой спрос на каучук резко возрос. В 1890 г. каучук давал Бразилии десятую часть всех ее доходов от экспорта; через 20 лет эта прибыль составила уже 40%, а по объему продаж каучук почти догнал кофе, хотя кофейная индустрия достигла к 1910 г. апогея. Большая часть производства каучука приходилась в ту пору на территории Акре, которую Бразилия отторгла от Боливии в результате молниеносной военной операции [58].

[57] R. Teófilo. Op. cit.

[58] У Боливии отрезали почти 200 тыс. кв. км. В 1902 г. она получила 2 млн. ф. ст. в качестве возмещения, а также железную дорогу, дававшую выход к рекам Мадейра и Амазонка.

Захватив Акре, Бразилия стала обладательницей почти всех мировых запасов каучука; мировые цены на него достигли пика, и, казалось, благополучию нет конца и края. Правда, о благополучии «серинжейро» говорить не приходилось, хотя именно они выходили на рассвете из своих хижин с чашками и плошками, закрепленными ремнями за спиной, и карабкались на деревья, на гигантские бразильские гевеи, чтобы взять у них сок. На стволе и на толстых ветвях под самой кроной делались надрезы, из ран сочился латекс — белый липкий сок, наполнявший посуду за какие-нибудь два часа. К ночи уже были сварены плоские каучуковые лепешки, которые затем отправлялись на склад к управляющему данного земельного владения. Отвратительный кислый запах пропитал весь город Манаус, мировую столицу торговли каучуком. В 1849 г. в Манаусе было 5 тыс. жителей; почти за полвека население выросло до 70 тыс. Каучуковые магнаты воздвигали там свои особняки, бьющие в глаза экстравагантной архитектурой и до отказа набитые ценной восточной древесиной, португальской майоликой, колоннами из каррарского мрамора и мебелью, сработанной французскими краснодеревщиками. Нувориши из сельвы выписывали дорогие деликатесы из Рио-де-Жанейро, заказывали костюмы и платья у лучших портных Европы, посылали своих сыновей учиться в английские колледжи. Театр «Амазония» в стиле барокко не очень строгого вкуса стал символом тех громадных состояний, что были нажиты в начале века. Тенор Карузо за баснословный гонорар пел для обитателей Манауса в ночь открытия театра, добравшись сюда по Амазонке сквозь сельву. Должна была выступать тут и Павлова, но не смогла проехать дальше Белема, однако прислала свои извинения.

В 1913 г. одним ударом бразильский каучук был сброшен с пьедестала. Мировые цены, которые три года назад достигали 12 шилл., внезапно упали до 3 шилл. В 1900 г. с Востока экспортировалось всего-навсего 4 тонны каучука в год, но уже в 1914 г. плантации Цейлона и Малайи выбросили более 70 тыс. тонн на мировой рынок, пятью годами позже их экспорт уже достиг 400 тыс. тонн. К 1919 г. Бразилия, которая раньше была процветающим монополистом в добыче каучука, обеспечивала лишь одну восьмую часть его мирового потребления. А спустя полвека Бразилия уже покупает за границей более половины необходимого ей каучука.

Что же произошло? В 1873 г. Генри Уикхэм, англичанин, владевший каучуконосными лесами по берегам бразильской реки Тапатос и известный своим пристрастием к ботанике, послал описания и листья каучукового дерева директору ботанического сада в Кью под Лондоном. Затем он получил распоряжение собрать достаточно большое количество семян, зернышек, которые бразильская гевея хранит в своих желтых плодах. Вывезти их можно было только контрабандой, потому что Бразилия сурово карала за кражу семян, а поэтому это было делом нелегким: власти буквально прочесывали все суда. Однако, словно по волшебству, пароход «Айнтэн Лайн» сумел углубиться на 2 тыс. километров дальше обычного вверх по течению Амазонки. По возвращении в числе его пассажиров был и Генри Уикхэм, который вез с собой лучшие семена, извлеченные из плодов и высушенные в одной индейской деревушке. Он поместил семена в запертой каюте, завернув в банановые листы и подвесив к потолку, дабы они не стали добычей корабельных крыс. В Белем-ду-Пара, находящемся в устье реки, Уикхэм пригласил портовые власти на банкет. За англичанином водилась слава чудака: вся Амазония знала, что он коллекционирует орхидеи. И вот он рассказал, что везет, по заказу короля Великобритании, клубни редчайших орхидей для сада в Кью. Поскольку, говорил он, это чрезвычайно нежные растения, он держит их в плотно закрытом помещении, поддерживая там постоянную температуру: если дверь открыть, цветы погибнут. Таким образом все семена в целости и сохранности прибыли в порт Ливерпуль. Сорок лет спустя англичане наводнили мировой рынок малайским каучуком. Азиатские плантации, созданные с помощью зеленых саженцев из Кью и рационально используемые, без всякого труда потеснили экстрактивное производство Бразилии.

Амазонское благоденствие словно испарилось. Сельва снова сомкнулась над тропами. Охотники за наживой отправились в другие области, прежде шумные поселки смолкли. Остались только те, кто теперь влачил жалкое существование, стараясь выжить, — работники, привезенные издалека и вынужденные трудиться до седьмого пота во имя чужих интересов. Чужих даже для самой Бразилии, которая только и делала, что внимала сладким песням мировых импортеров сырья, но не принимала серьезного участия в реализации каучука — финансировании

его добычи, развитии коммерции, переработке продукта и распределении готовой продукции. Сладкая сирена разом онемела. До тех самых пор, пока вторая мировая война снова, хотя и не надолго, подняла цены на каучук из бразильской Амазонии. Когда японцы оккупировали Малайский архипелаг, союзные державы предприняли отчаянные попытки обеспечить себя резиной. В сороковые годы нужда в каучуке разбудила и перуанскую сельву [59]. В Бразилии так называемая «битва за каучук» снова бросила в сельву крестьян Северо-Востока. По представленным конгрессу данным оказалось, что во время этой «битвы» от всяких болезней и голода погибли 50 тыс. человек, оставшихся гнить в болотах.

Производители какао раскуривали свои сигары банкнотами по 500 тыс. рейсов каждая

Венесуэла долгое время отождествлялась с какао, родина которого — Америка. «Мы, венесуэльцы, созданы, чтобы продавать какао и ввозить на свою землю всякую всячину из-за границы», — говорит Ранхель [60]. Олигархи-какао, ростовщики и коммерсанты составляли «святую троицу отсталости». С какао сосуществовали, образуя его кортеж, животноводство (в степях льянос), производство индиго, сахара, табака и добыча некоторых полезных ископаемых. Но не случайно народ прозвал — и очень удачно — рабовладельческую олигархию Каракаса «Большое Какао». Эта олигархия разбогатела за счет труда негров, снабжая какао мексиканских горнопромышленников и испанскую метрополию. С 1873 г. в Венесуэле пустил корни и кофе. Кофе, подобно какао, нуждался в землях на горных склонах или в жарких долинах. Несмотря на вторжение наглого пришельца, какао все-таки продолжало свои захватнические действия, забирая влажные почвы Карупано. Венесуэла долго была аграрной страной, приговоренной к пыткам на колесе то взлетающих, то падающих цен на кофе и какао; эти оба продукта приносили

[59] В начале века горы, покрытые каучуконосами, обещали стать для Перу новым Эльдорадо. Франсиско Гарсия Кальдерон в «Современном Перу» (1908) писал, что каучук — это богатство будущего. В своем романе «Зеленый дом» Марио Варгас Льоса воссоздает атмосферу ажиотажа, царившего в Икитосе и в сельве, где авантюристы обирали индейцев и грабили друг друга. Природа мстила: ее оружием служили проказа и другие болезни.

[60] D. A. Rangel. El proceso del capitalismo contemporáneo en Venezuela. Caracas, 1968.

доходы, позволявшие вести их хозяевам, их продавцам и ростовщикам паразитическую жизнь, буквально сорить деньгами. Но вот в 1922 г. в стране вдруг обнаружили нефть, и с тех пор она стала определять жизнь Венесуэлы. Внезапное открытие нового сокровища словно бы оправдало надежды четырехвековой давности испанских первооткрывателей, безуспешно разыскивавших вождя, якобы купавшегося в золоте. В одном из таких походов они, совсем помешавшись умом, приняли деревушку Маракаибо за Венецию, благодаря чему Венесуэла и получила свое имя[61].

В последние десятилетия XIX в. европейцы и североамериканцы стали предпочитать шоколад всем другим сладостям, превратившись в настоящих лакомок. Развитие промышленности дало сильный толчок расширению плантаций какао в Бразилии и стимулировало производство на старых плантациях Венесуэлы и Эквадора. Бразильское какао так же стремительно, как и каучук, примерно в то же самое время появилось на мировой экономической арене. Подобно каучуку, оно обеспечило работой крестьян Северо-Востока. Город Салвадор в Баия-де-Тодуш-лос-Сантуш превратился в один из самых значимых городов континента — как столица Бразилии и сахара, а затем и как столица какао. К югу от Баии — от Реконкаво до штата Эспириту-Санту, — между низинами побережья и горной цепью, латифундии до сих пор продолжают производить значительную часть сырья для удовлетворения мировой потребности в шоколаде. Как и сахарный тростник, какао привело к утверждению в стране системы монокультуры, выжиганию лесов, жизненной зависимости от мировых цен и беспросветной нужде рабочих. Собственники плантаций, живущие на набережных Рио-де-Жанейро и больше понимающие толк в коммерции, чем в сельском хозяйстве, не разрешают отводить ни дюйма своих земель под другие культуры. Их управляющие обычно выплачивают жалованье натурой — вяленым мясом, мукой, бобами; когда расчет производится деньгами, то крестьянин получает за полный день работы сумму, равную стоимости литра пива, и должен трудиться полтора дня, чтобы заработать на банку сухого молока.

Бразилия немало попользовалась милостями мирового рынка. Но уже в пору своего процветания она встре-

[61] D. A. Rangel. Capital y desarrollo. T. I. Caracas, 1969.

тила серьезного конкурента в лице Африки. С двадцатых годов Гана вышла на первое место — англичане разбили огромные плантации какао с помощью самых современных методов в этой стране, которая тогда была колонией и называлась Золотым Берегом. Бразилию потеснили на второе место, а через несколько лет и на третье в мировом производстве какао. А ведь были времена, когда никто не мог предположить, какая жалкая судьба ожидает плодородные земли Баии. Выдержав натиск колонизаторов, почвы продолжали давать богатые урожаи: пеоны вскрывали ножами плоды какао, сгребали зерна в кучи, грузили в повозки, а ослы отвозили груз к сушильным корытам, и все больше валили деревьев, разбивали новые плантации и отвоевывали новые территории ударами мачете и ружейными выстрелами. Ничего не знали пеоны ни о цепах, ни о рынках. Они даже не знали, кто правит Бразилией: еще совсем недавно встречались работники в фазендах, убежденные, что император Педро II все еще сидит на троне. Хозяева какао потирали руки: они-то знали или думали, что знают. Потребление какао росло, а с ним росли цены и прибыли. Порт Ильеус, где отгружалось на суда почти все какао, называли «Королем юга», и, хотя ныне он зачах, там остались массивные дворцы помещиков, «фазендейро», являющие собой образцы дурного и претенциозного вкуса. У Жоржи Амаду есть несколько романов на эту тему. Вот как он изображает один из периодов высоких цен на какао: «Ильеус и вся зона какао купались в золоте, плавали в шампанском, спали с француженками, специально привезенными из Рио-де-Жанейро. В «Трианоне», самом шикарном кабаре города, полковник Манека Данташ зажигал сигары банкнотами в пятьсот тысяч рейсов, как делали все богатые фазендейро страны в прежние времена взлета цен на кофе, каучук, хлопок и сахар» [62].

[62] Звание «полковник» обычно присваивается в Бразилии старым латифундистам и вообще именитым персонам. Цитата взята из романа Жоржи Амаду «Сан Жоржи дос Ильеус» (1944 г., рус. перевод — «Земля золотых плодов»). В то же время «даже дети не прикасались к плодам какао. Они испытывали страх перед желтыми шарами со сладкими косточками, сделавшими их рабами этой жизни, которая заездила, иссушила людей». Ибо по сути своей «какао было «большим сеньором», которого даже полковники боялись» (Ж. Амаду. Какао. Буэнос-Айрес, 1935). В романе «Габриэла» один из персонажей категорически заявляет, подняв указательный палец: «В настоящее время на севере страны

Повышения цен вели к увеличению продукции, но затем цены падали. Подобные колебания с каждым разом становились все более резкими, и земли начинали терять своих прежних хозяев. Наступало время «нищих миллионеров»: плантаторы уступали место экспортерам, которые отбирали у них земли за долги.

Приведем лишь один пример: всего за 3 года, 1959—1961, цена на бразильские какао-бобы упала на одну треть. Позже хотя и отмечалась тенденция роста цен, но она отнюдь не обнадеживала; ЭКЛА также предрекла недолгое благоденствие [63]. Главные потребители какао — США, Англия, ФРГ, Голландия, Франция — поощряют конкуренцию между африканским какао, с одной стороны, и бразильским и эквадорским — с другой, чтобы закупать дешевое сырье. Оказывая влияние на уровень цен, они, таким образом, вызывают периоды депрессии, во время которых рабочие, связанные с производством какао, оказываются на улице. Безработные спят в тени деревьев и едят зеленые бананы, пытаясь обмануть голод; во всяком случае, они не едят дорогой европейский шоколад, который Бразилия, третий мировой производитель какао, как ни странно, импортирует из Франции и Швейцарии. При этом шоколад все более дорожает, а какао в относительном стоимостном выражении все дешевеет. В период за 1950—1960 гг. продажи эквадорского какао возросли по объему более чем на 30%, а по стоимости — лишь на 15%. Остальные 15% явились подарком Эквадора богатым странам, которые в тот же период направляли в Эквадор свою промышленную продукцию по возраставшим ценам. Эквадорская экономика зависит от экспорта бананов, кофе и какао — продукции, весьма подверженной резким колебаниям цен. По официальным данным, каждые 7 из 10 эквадорцев страдают от недоедания, а уровень смертности по стране один из самых высоких в мире.

Дешевые руки для хлопка

Бразилия занимает четвертое место в мире по производству хлопка, Мексика — пятое. В целом Латинская Америка поставляет пятую часть хлопка, который необхо-

нет города, который бы так быстро развивался». В наше время от прежнего Ильеуса не осталось и тени.

[63] Относительно повышения цен на како и кофе ЭКЛА заявила, что «оно имеет неустойчивый характер» и зависит в основном «от временных неурожаев» (CEPAL, Estudio económico de América Latina, 1969, T. II, Santiago de Chile, 1970).

дим текстильной промышленности всей планеты. В конце XVIII в. хлопок превратился в ценнейшее сырье для промышленности Европы; Англия за 30 лет увеличила в пять раз свои закупки этого натурального волокна. Прядильная машина, изобретенная Аркрайтом одновременно с Уаттом, запатентовавшим свою паровую машину, а также созданный несколько позже механический ткацкий станок Картрайта послужили толчком развитию ткацкого дела и обеспечили хлопку, этому исконно американскому растению, ненасытные рынки за океаном. Порт Сан-Луис-де-Мараньян, лениво дремавший во время своей долгой тропической сиесты, которая нарушалась лишь посещениями двух-трех судов в год, внезапно был разбужен шумным вторжением хлопка: на плантации северной Бразилии хлынули рабы, а из Сан-Луиса ежегодно стали уходить по 150—200 кораблей, груженных каждый миллионом фунтов текстильного сырья. На заре прошлого века в результате кризиса горнодобывающей промышленности хлопок получил в свое распоряжение огромные массы рабов; исчерпав все золото и бриллианты на юге, Бразилия, казалось, возрождается на севере. Порт Сан-Луис переживал пору расцвета и плодил столько поэтов, что его прозвали «Бразильскими Афинами»[64], но вместе с процветанием в область Мараньян пришел голод, ибо здесь забросили выращивание продовольственных культур. Бывали периоды, когда для еды можно было купить только рис[65]. Эта история так же быстро кончилась, как и началась: за эйфорией внезапно последовал коллапс. Крупномасштабное производство хлопка на плантациях США, где земли плодороднее и работы по очистке и складированию сырья механизированы, сбило цены более чем на 30%, и Бразилия вышла из игры. Новый расцвет наступил во времена Гражданской войны между северными и южными штатами в США, прервавшей североамериканские поставки хлопка на мировой рынок, но он был недолог. Лишь в XX в., в 1934—1939 гг., бразильское производство хлопка сделало впечатляющий скачок вверх, однако затем снова произошла катастрофа: США выбросили свои излишки на мировой рынок и опять сбили цены.

Североамериканские сельскохозяйственные излишки образуются, как известно, в результате щедрого субсидиро-

[64] R. C. Simonsen. Op. cit.

[65] C. Prado Júnior. Formaçao do Brasil contemporâneo. São Paulo, 1942.

вания государством производителей, эти излишки заполняют мир по демпинговым ценам и в рамках «программ помощи». Так, например, хлопок был вначале главной статьей парагвайского экспорта, но затем конкуренция с североамериканским хлопком оказалась губительной. Парагвай лишился рынков сбыта, и его производство в стране сократилось начиная с 1952 г. наполовину. Таким же образом Уругвай потерял канадский рынок для своего риса. По тем же причинам Аргентина, которая была поставщиком пшеницы для всей планеты, потеряла свои главенствующие позиции на международных рынках. Североамериканский демпинг на хлопковом рынке не помешал, однако, сохранить североамериканскому предприятию «Андерсон Клейтон энд компани» господствующее положение в производстве хлопка в Латинской Америке, он не мешает закупать Соединенным Штатам с помощью этого предприятия мексиканский хлопок, чтобы перепродавать его другим странам.

Если латиноамериканский хлопок еще продолжает кое-как удерживаться в мировом товарообороте, то лишь за счет чрезвычайно низкой стоимости производства. Даже официальная статистика, эта маска, скрывающая действительность, свидетельствует о мизерной оплате труда хлопкоробов. На плантациях Бразилии практически крепостной труд оплачивается грошами; в Гватемале землевладельцы похваляются тем, что платят рабочим в месяц не более 19 кетцалей (один кетцаль номинально равен доллару), и, словно считая, что это чрезмерно большая сумма, они поясняют, что часть зарплаты выдается продуктами по ими же установленным ценам[66]; в Мексике бродячие поденщики зарабатывают полтора доллара за рабочий день и страдают не только от неполной занятости, но и соответственно от недоедания. Однако еще тяжелее приходится хлопкоробам Никарагуа, а сальвадорцы, которые снабжают хлопком текстильные фабрики Японии, потребляют меньше калорий и протеинов, чем голодающие индейцы. Для экономики Перу хлопок служит вторым — в сельском хозяйстве — источником получения валюты. Хосе Карлос Мариатеги отметил, что иностранный капитал в своих постоянных поисках земель, рабочей силы и рынков сбыта стремился прибрать к рукам экспортные культуры Перу, навязывая

[66] Comité Interamericano de Desarrollo Agrícola, Guatemala. Tenencia de la tierra y desarrollo socioeconómico del sector agrícola. Washington, 1965.

ипотеки увязшим в долгах помещикам[67]. Когда националистическое правительство генерала Веласко Альварадо в 1968 г. пришло к власти, в стране было освоено меньше одной шестой части площадей, годных для интенсивного земледелия, доход на душу населения был в пятнадцать раз меньше, чем в США, а потребление калорий было одним из самых низких в мире, но производство хлопка, равно как и сахара, определялось критериями, не имевшими ничего общего с интересами Перу, о чем писал еще Мариатеги. Лучшие земли, участки на побережье, принадлежали североамериканским предприятиям или землевладельцам, которые могли считаться перуанцами лишь по месту жительства, так же как и буржуазия Лимы. Пять крупных фирм — и среди них две североамериканские, «Андерсон Клейтон» и «Грейс», — сосредоточили в своих руках экспорт хлопка и сахара и, кроме того, располагали собственными «агропромышленными комплексами» в сфере производства этих продуктов. Сахарные и хлопковые плантации побережья (так называемой «Косты»), эти пресловутые «очаги процветания и прогресса», если сравнивать их с латифундиями гористых местностей («Сьерры»), платили пеонам нищенские гроши вплоть до реформы 1969 г., когда они были экспроприированы и переданы труженикам, объединенным в кооперативы. По данным Межамериканского комитета по сельскохозяйственному развитию, в районе «Косты» на каждого работающего члена семьи приходилось лишь по 5 долл. в месяц[68]. «Андерсон Клейтон» сохраняет в Латинской Америке 30 своих дочерних предприятий и занимается не только продажей хлопка, но и, будучи монополией с «горизонтальной» структурой, контролирует деятельность сети своих банков и предприятий, обрабатывающих волокно и его субпродукты, а также производящих в большом объеме продукты питания. В Мексике, например, хотя эта монополия не имеет своих земель, она тем не менее владычествует в сфере производства хлопка; фактически все 80 тыс. мексиканцев, собирающих хлопок, служат ей. Монополия закупает прекрасное мексиканское хлопковое волокно по очень низким ценам, поскольку заранее предоставляет производителям кредиты

[67] J. C. Mariátegui. Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana. Montevideo, 1970.

[68] Comité Interamericano de Desarrollo Agrícola, Perú. Tenencia de la tierra y desarrollo socioeconómico del sector agrícola. Washington, 1966.

на условиях, позволяющих приобретать урожай по ценам, позволяющим ей завоевывать рынки сбыта. К денежному авансу приплюсовывается стоимость удобрений, семян, инсектицидов; монополия сохраняет за собой право оценивать качество работ по удобрению почвы, по посеву и уборке урожая. Она сама устанавливает уровень оплаты за очистку хлопка, а семена использует на своих фабриках, изготавливающих масло, жиры и маргарин. В последние годы предприятие «Клейтон» уже не довольствуется тем, что занимает ведущее место в торговле хлопком, а захватывает позиции даже в производстве сладостей и шоколада [69].

В настоящее время фирма «Андерсон Клейтон» является основным экспортером бразильского кофе. В 1950 г. она заинтересовалась этим бизнесом, а 3 года спустя уже низвергла с трона «Американ кофи корпорейшн». В Бразилии она к тому же является основным производителем продовольственных товаров и фигурирует в числе 35 наиболее могущественных фирм страны.

Дешевые руки для кофе

Существует мнение, что кофе так же высоко котируется на мировых рынках, как нефть. В начале пятидесятых годов Латинская Америка поставляла до четырех пятых всего кофе, потребляемого в мире. Не выдержав конкуренции с грубым кофе из Африки — худшего качества, но более дешевым, — латиноамериканские поставщики были вынуждены сократить в последующие годы свой экспорт. Тем не менее и сейчас кофе дает региону одну шестую часть всех валютных поступлений из-за границы, и колебания цен отражаются на экономике 15 стран, расположенных к югу от Рио-Гранде. Бразилия является крупнейшим в мире производителем кофе, который обеспечивает ей половину всех доходов от экспорта. Сальвадор, Гватемала, Коста-Рика и Гаити тоже в большой степени зависят от кофе, а Колумбии он приносит две трети ее ежегодных валютных поступлений.

Именно с появлением кофе в Бразилию пришла инфляция; в период между 1824—1854 гг. цена за человека увеличилась вдвое. Но ни хлопок на севере, ни сахар на Северо-Востоке, уже пережившие тогда пору расцвета, не

[69] A. Aguilar M. y F. Carmona. México: riqueza y miseria. México, 1968.

давали возможности так дорого платить за рабов. На первый план выдвинулся бразильский юг. Кроме рабского труда, в производстве использовалась рабочая сила европейских иммигрантов, которые отдавали землевладельцам половину урожая, как положено при испольщине — она и по сей день преобладает в глубинных областях Бразилии. Туристы, ныне проезжающие леса Тижуки, чтобы попасть на песчаные морские пляжи Рио-де-Жанейро, не знают, что на горах, окружающих город, более века назад были огромные кофейные плантации. Они расползались по склонам в направлении штата Сан-Паулу, пожирая гумус целинных земель. Прошлый век уже шел на убыль, когда кофейные плантаторы — новая элита Бразилии — заточили карандаши, произвели подсчеты. Оказалось, что им дешевле выплачивать наемным рабочим мизерное жалованье, чем покупать и кормить даже немногих рабов. Рабство было отменено в 1888 г., взамен появилась комбинированная система труда, сохраняющаяся до наших дней, при которой феодальные отношения сосуществуют с выплатой денежного вознаграждения. Легионы «свободных» батраков отныне будут следовать за кофе в его дальнейших переселениях. Долина реки Параибы превратилась в богатейшую зону страны, но была быстро обескровлена этим губительным деревцем или, точнее, губительным методом его культивирования, который вел к тому, что после кофе оставалась голая земля: леса уничтожались, природные богатства исчерпывались, наступали полный упадок и запустение. Эрозия безжалостно разрушала богатейшие земли, год за годом снижая их плодородие, лишая сил растения, которые не могли противостоять эпидемиям. Кофейная латифундия заполонила обширное плоскогорье к западу от Сан-Паулу и, применяя менее хищнические методы эксплуатации, превратила это пурпурное плоскогорье в «кофейное море», а затем продолжала продвигаться на запад. Достигнув берегов Параны, кофейная латифундия уперлась в саванны Мату-Гроссу, затем повернула на юг, а в последние годы снова двинулась к западу вдоль границ с Парагваем.

В настоящее время Сан-Паулу представляет собой самый развитый штат Бразилии, самый мощный индустриальный центр страны. Однако на его кофейных плантациях еще полным-полно «вассальных работников», которые своим трудом и трудом своих детей расплачиваются за аренду земли. В годы процветания, последовавшие за первой

мировой войной, алчные кофейные плантаторы наложили негласный запрет на выращивание батраками плодовых культур для питания. Отныне у них могли быть огороды, если они выплачивали определенную мзду, а точнее, бесплатно работали на хозяина. Кроме того, латифундист нанимает батраков на условиях, согласно которым им разрешается выращивать сезонные культуры, но взамен предписывается разбивать для хозяина новые кофейные плантации. По прошествии 4 лет, когда желтые зерна расцветят кусты, а стоимость земли увеличится, эти батраки вынуждены снова собираться в путь на поиски новой работы.

В Гватемале на кофейных плантациях заработки еще меньше, чем на хлопковых. В южных горных районах землевладельцы, по их словам, платят по 15 долл. в месяц тысячам индейцев, ежегодно приходящих с плоскогорья на юг, чтобы предложить свои руки для уборки урожая. В поместьях имеется частная полиция; там, как мне говорили, «человек стоит дешевле, чем его могила», и задача аппарата подавления состоит в том, чтобы заставлять людей работать из последних сил. В области Альта-Верапакрус положение батраков еще хуже. Там нет ни грузовиков, ни повозок, ибо помещикам они не нужны: транспортировка кофе на спинах индейцев обходится дешево.

В экономике Сальвадора, маленькой страны, находящейся в руках кучки олигархических семейств, кофе играет определяющую роль. Эта монокультура заставляет страну приобретать за границей фасоль — единственный источник протеинов среди продуктов народного потребления, а также маис, овощи и другие продукты питания, ранее традиционно производившиеся в стране. Четвертая часть всех сальвадорцев страдает авитаминозом. Что касается Гаити, то у нее самый высокий показатель смертности в Латинской Америке; более половины детей больны анемией. Регулирование зарплаты законом относится в Гаити в области досужих выдумок; на кофейных плантациях реальный дневной заработок колеблется между 7 и 15 центами.

В Колумбии с ее гористой территорией производство кофе доминирует в экономике. Как сообщал журнал «Тайм» в 1962 г., рабочие получают в качестве зарплаты лишь 5% той стоимости, какую приобретает кофе в своем путешествии от кофейного куста до желудка североаме-

риканского потребителя[70]. В отличие от Бразилии колумбийский кофе производится большей частью не латифундиями, а минифундиями, в свою очередь имеющими тенденцию к дроблению. В период между 1955—1960 гг. появилось 100 тыс. новых плантаций, большинство которых крохотных размеров — менее гектара. Мелкие и очень мелкие сельскохозяйственные производители дают три четверти всего кофе Колумбии; 96% плантаций составляют минифундии[71]. Уменьшение средних размеров плантации снижает уровень жизни сельских тружеников, уровень их мизерных доходов и облегчает манипуляции Национальной федерации кофейных предпринимателей, представляющей интересы крупных землевладельцев и фактически монополизирующей обработку и продажу кофе. Парцеллы площадью менее гектара не могут обеспечить сытой жизни, принося в среднем доход до 130 долл. *в год*[72].

Цена на кофе определяет, бросать ли урожай в огонь или устраивать свадьбы

Что это? Электроэнцефалограмма сумасшедшего? В 1889 г. кофе стоил 2 цента, а 6 лет спустя цена подскочила до 9 центов; еще через 3 года спустилась до 4, а через 5 лет вновь упала до 2 центов. Это — особенно показательный период[73]. Кривая цен на кофе, как и на другие тропические продукты, схожа с клинической картиной эпилепсии, но наиболее резко падают показатели при клиринговых расчетах, когда в обмен на кофе поставляются машины и промышленное оборудование. Карлос Льерас Рестрепо, президент Колумбии, жаловался в 1967 г.: его страна должна заплатить 57 мешков кофе за один джип, а в 1950 г. вполне хватало 17 мешков. В то же самое время министр сельского хозяйства штата Сан-Паулу Герберт Леви приводил еще более драматичные цифры: чтобы приобрести в 1967 г. один трактор, Бразилия должна была

[70] M. Arrubla. Estudios sobre el subdesarrollo colombiano. Medellín, 1969. Стоимость распределяется так: 40% — посредникам, экспортерам и импортерам, 10 — налоги странам ввоза и вывоза, 10 — транспортировка, 5 — реклама, 30 — хозяевам плантаций и 5% — зарплата рабочих.

[71] Banco Cafetero. La industria cafetera en Colombia. Bogotá, 1962.

[72] "Panorama económico Latinoamericano". № 87, La Habana, 1963.

[73] P. Monbeig. Pionniers et planteurs de São Paulo. París, 1952.

отдать 350 мешков кофе, а за 14 лет до этого — всего 70. Президент Жетулио Варгас в 1954 г. пустил себе пулю в сердце, и цены на кофе имели прямое отношение к трагедии. «Наступил кризис в производстве кофе, — писал Варгас в своем завещании, — и наш основной продукт обесценился. Мы хотели отстоять его цену, но ответом был грубый нажим на нашу экономику, и нам пришлось сдаться». Варгас хотел своей кровью повысить цену уступки.

Если бы урожай кофе 1964 г. был продан на североамериканском рынке по ценам 1955 г., Бразилия получила бы 200 млн. долл. Понижение цен на кофе на один цент означает потерю 65 млн. долл. для всех стран-производителей. С 1964 по 1968 г. цены на кофе продолжали падать, и все больше долларов отбирали Соединенные Штаты, страна-потребитель, у Бразилии, страны-поставщика. Но кто конкретно извлекал из этого выгоду? Во всяком случае, не рядовой гражданин, пьющий кофе. В июле 1968 г. оптовая цена на бразильский кофе по сравнению с январем 1964 г. упала в США на 30%. Однако североамериканский любитель кофе стал платить за него не меньше, напротив, на 13% больше. Таким образом, посредники прикарманили в период за 1964—1968 гг. и эти 13%, и те 30%, то есть дважды получили барыш. Одновременно сумма, полученная бразильскими производителями за каждый мешок кофе, сократилась наполовину[74]. Кто же эти посредники? Шесть североамериканских фирм контролируют более одной трети кофе, экспортируемого Бразилией, и еще шесть североамериканских фирм контролируют более одной трети кофе, импортируемого Соединенными Штатами. Они-то и являются господами, контролирующими весь процесс производства и сбыта[75]. «Юнайтед фрут» (которая, пока писалась эта книга, переименована в «Юнайтед брэндс») монополизирует продажу бананов из Центральной Америки, Колумбии и Эквадора и вместе с тем обладает монополией на импорт и распространение бананов в США. Ее примеру следуют и другие североамериканские компании, контролирующие торговлю кофе, а Бразилия выступает лишь в качестве поставщика и в роли жертвы. Ведь именно бразильское государство вынуждено забивать склады излишками кофе, когда происходит его перепроизводство.

[74] Banco Central, Instituto Brasileiro do Café у FAO, "Revista Fator". № 2, Río de Janeiro, 1968.

[75] Federal Trade Commission, Cid Silveira, Café: um drama na economia nacional. Río de Janeiro, 1962.

Однако разве не существует Международное соглашение по кофе, призванное контролировать рыночные цены? Мировой центр информации по кофе опубликовал в Вашингтоне в 1970 г. подробный документ, имевший целью убедить законодателей Соединенных Штатов продлить в текущем сентябре срок действия дополнительного закона, относящегося к указанному соглашению. В докладе утверждается, что это соглашение приносит выгоду в первую очередь Соединенным Штатам, потребляющим более половины всего кофе, продаваемого в мире. Закупка кофейных зерен продолжает оставаться выгодным делом. Повышение цен на кофе на внутреннем североамериканском рынке (в интересах, как мы уже знаем, посредников) не имеет никакого отношения к динамике стоимости жизни и уровня реальной заработной платы, стоимость экспорта США выросла в 1960—1969 гг. на одну шестую, за тот же период в стоимостном выражении импорт кофе сократился, вместо того чтобы увеличиться. При этом следует иметь в виду, что латиноамериканские страны оплачивают той же самой уцененной валютой, которую они выручают за кофе, вздорожавшие североамериканские товары.

Кофе приносит больше прибыли тем, кто его потребляет, чем тем, кто его производит. В США и в Европе кофе приносит доходы и рабочие места, приводит в движение большие капиталы; в Латинской Америке — дает нищенские заработки и усиливает экономическую диспропорцию стран, ему подчиненных. *В США кофе дает работу более чем 600 тыс. людей; при этом североамериканцы, продающие латиноамериканский кофе, получают зарплату, неизмеримо более высокую, чем бразильцы, колумбийцы, гватемальцы, сальвадорцы или гаитянцы, которые сажают и снимают кофейные зерна на плантациях. Одновременно, как показывают данные ЭКЛА, кофе больше приносит доходов государственной казне европейских стран, чем странам-производителям.* Действительно, «в 1960 и 1961 годах таможенные обложения, которым страны Европейского экономического сообщества подвергли латиноамериканский кофе, в целом достигли почти семисот миллионов долларов, тогда как доходы стран-поставщиков от поставок того же экспортного объема на условиях фоб составили всего шестьсот миллионов долларов» [76]. Богатые

[76] CEPAL, El comercio internacional y el desarrollo de América Latina. México—Buenos Aires, 1964.

страны, настаивающие на свободе торговли, применяют самые жесткие протекционистские меры против стран бедных; они обращают все то, до чего дотрагиваются, в золото — для себя и в медяки — для всех остальных. Мировой рынок кофе копирует таким образом ту модель ярма, которое Бразилия недавно позволила на себя надеть, согласившись с высокими экспортными пошлинами для своего растворимого кофе, — копирует, чтобы охранять — протекционизм наизнанку! — интересы североамериканских фабрикантов этого же продукта. Растворимый кофе, производимый Бразилией, более дешев и лучшего качества, чем тот, что производит благоденствующая промышленность США, но, как видно, в условиях режима «свободной» конкуренции одни все же пользуются большей свободой, чем другие.

В этом царстве сознательно поддерживаемого абсурда стихийные бедствия превращаются для стран-поставщиков в благословение божье. Капризы природы поднимают цены и позволяют выбрасывать на рынок скопившиеся запасы. Жестокие холода, погубившие в 1969 г. урожай кофе в Бразилии, принесли разорение множеству производителей, прежде всего мелких, но зато резко подняли мировые цены на кофе и заметно уменьшили затоваренность в 60 млн. мешков — это стоимость двух третьих внешнего долга Бразилии, — которые государство держало на складах, чтобы не дать ценам упасть слишком низко. Долго хранящийся на складах кофе может испортиться, потерять всякую ценность, придется сжигать его. Государство в принципе в этом не заинтересовано, но так бывало не раз. В начале кризиса 1929 г., когда цены резко упали, а потребление сократилось, Бразилия сожгла 78 млн. мешков кофе: пламя пожирало плоды труда 200 тыс. человек, всего пять урожаев[77]. *Как типичный для колониальной экономической системы кризис, он был привнесен извне.* Резкое снижение доходов плантаторов и экспортеров кофе в тридцатые годы привело к тому, что сгорел не только кофе, сгорели и деньги. И все же обычный механизм, действующий в Латинской Америке для «обобществления потерь» в сфере экспорта, таков: то, что теряется в валюте, возмещается путем девальвации в национальных денежных знаках.

[77] R. C. Simonsen. Op. cit.

Однако и взлет цен приводит не к лучшим последствиям. Бурно растет производство кофе, множатся площади, отводимые под удачливую культуру. Ажиотаж оборачивается бумерангом, поскольку изобилие продукта сбивает цены и влечет за собой катастрофу. Так случилось в 1958 г. в Колумбии, когда там собрали большой урожай кофе с кустов, посаженных с великим энтузиазмом четырьмя годами раньше; аналогичные случаи повторяются на протяжении всей истории этой страны. Колумбия зависит от кофе и от того, как он котируется на мировом рынке, до такой степени, что «в Антиокии кривая заключаемых браков живо реагирует на изменения кривой цен на кофе. Это типичное для зависимой структуры явление: даже момент, подходящий для объяснения в любви где-нибудь на холме в районе Антиокии, устанавливается на бирже Нью-Йорка» [78].

Десять лет, обескровивших Колумбию

В сороковые годы видный колумбийский экономист Луис Эдуардо Нието Артета написал апологетический трактат о кофе. Мол, кофейным зернам удалось сделать то, что не смогли сделать за всю историю экономического развития страны ни ее рудники, ни табак, ни индиго, ни хина, а именно: установить в стране продуманный и прогрессивный порядок. Не случайно текстильные фабрики и другие предприятия легкой промышленности выросли в департаментах, производящих кофе: в Антиокии, Кальдасе, Валье-дель-Каукe, Кундинамарке. Демократический быт мелких сельскохозяйственных производителей сделал всех колумбийцев «людьми умеренными и трезвыми». «Самой важной предпосылкой, — говорил он, — для нормализации политической жизни Колумбии стало достижение свойственной нам экономической стабильности. Кофе ее породил, а с ней пришли покой и довольство» [79].

Но прошло немного времени, и взметнулась волна «виоленсии». Вообще-то панегирики, посвященные кофе, никогда не прерывали, словно по волшебству, долгую историю переворотов и кровавых репрессий в Колумбии. На сей же раз, в десятилетие от 1948 до 1957 г., крестьянская война охватила минифундии и латифундии, дикие земли и

[78] M. Arrubla. Op. cit.
[79] L. E. Nieto Arteta. Ensayos sobre economía colombiana. Medellín, 1969.

плантации, долины, леса и области Анд, заставляла уходить с насиженных мест целые общины, плодила отряды народных мстителей и банды разбойников, превращала всю страну в кладбище; подсчитано, что в эти годы погибло 180 тыс. человек [80]. *Эта кровавая баня по времени совпадает с периодом экономической эйфории господствующего класса. Спрашивается в таком случае, можно ли принимать благоденствие одного класса за процветание всей страны?*

«Виоленсия» началась как столкновение между либералами и консерваторами, но нарастание классовой ненависти все более придавало ей характер классовой борьбы. Вождь из либералов, Хорхе Элиесер Гайтан, которого олигархия его собственной партии называла — полупрезрительно, полубоязливо — Волком или Бадулаке, пользовался огромным уважением в народе и представлял собой угрозу существующему режиму, и, когда он был убит, разразилась настоящая буря. Сначала безудержные людские массы стихийно хлынули на улицы столицы, буйствуя в Боготе несколько дней, а затем «виоленсия» охватила сельскую местность, где задолго до этого созданные консерваторами банды терроризировали население. Давно сдерживаемая ненависть крестьян вырвалась наружу. И в то время, когда правительство посылало полицейских и солдат кастрировать мужчин, вспарывать животы беременным женщинам или, подбрасывая в воздух детей, насаживать их затем на штык, дабы «изничтожить само семя», уважаемые доктора из либеральной партии закрылись в своих домах, продолжая жить, как живут добропорядочные люди, писать свои велеречивые манифесты, или в крайнем случае отправлялись в эмиграцию. А крестьяне гибли. Это была война, невероятная по своей жестокости, подогреваемой жаждой мести. Появлялись новые виды казни, например «вырви-галстук», когда вырывали язык и прикрепляли его к затылку. Происходили нескончаемые насилия, поджоги, грабежи; людей четвертовали или сжигали живыми, отрубали голову или по очереди отсекали одну часть тела за другой; армейские части сравнивали с землей деревни и плантации; реки были окрашены кровью, разбойники даровали жизнь в обмен на денежный выкуп или мешки кофе, а карательные отряды выгоняли из дому и пресле-

[80] G. Guzmán Campos, O. Fals Borda y E. Umaña Luña. La violencia en Colombia. Estudio de un proceso social. Bogotá, 1963—1964.

довали бесчисленные крестьянские семьи, бежавшие в горы в поисках убежища; женщины там рожали прямо в лесу. Первые партизанские вожди, горевшие жаждой справедливой мести, но не очень-то разбиравшиеся в политических тонкостях, прибегали к отмщению, разрушая ради разрушения, все уничтожая огнем и мечом. Главные действующие лица «виоленсии» (лейтенант Горилла, Дурная Тень, Кондор, Краснокожий, Вампир, Черная Птица, Ужас Степей) вовсе не творили революционную эпопею. Однако социальная суть восстания проявлялась даже в куплетах, которые тогда распевали:

Я — крестьянский сын от сохи,
Не хотел я драться, поверьте:
Кто в буйную пляску меня втравил,
Пусть сам пляшет до смерти.

Такой же кровавый террор, сопровождаемый требованиями социальной справедливости, творился и в годы мексиканской революции, — достаточно вспомнить Эмилиано Сапату и Панчо Вилью. Колумбия взрывалась народной яростью и в прошлые времена, но не случайно десятилетие «виоленсии» породило затем ряд партизанских движений с четкой политической окраской, выступавших уже под знаменами социальной революции и распространявшихся на обширные районы страны. Уставшие от репрессий крестьяне бежали в горы, занимались там сельским хозяйством, организовывали самооборону. Так называемые «независимые республики» предоставляли убежище преследуемым еще задолго до того, как консерваторы и либералы наконец-то подписали в Мадриде мирный договор. Руководители обеих партий, провозглашая тосты за здравие друг друга и обмениваясь сердечными улыбками, постановили впредь поочередно пребывать у власти во имя национального согласия и тут же объявили о проведении — уже совместными усилиями — кампании «по очистке» страны от подрывных элементов. Только в одной из операций — против мятежников Маркеталии — участвовало 16 тыс. солдат, было выпущено 1,5 млн. снарядов, сброшено 20 тыс. бомб [81].

В разгар «виоленсии» один офицер заявил: «Вы мне сказки не рассказывайте, вы мне уши приносите». Следует ли считать патологическим явлением садизм репрессивных

[81] G. Guzman Campos. La violencia en Colombia (Parte descriptiva). Bogotá, 1968.

сил и зверства повстанцев? Один человек отрезал священнику руки, бросил его тело в огонь, поджег его дом, разметал пепелище, а потом, когда война кончилась, кричал: «Я ни в чем не виноват! Я не виноват! Оставьте меня!» Он явно потерял рассудок и в то же время в известной степени был прав: ужасы «виолепсии» всего-навсего отражали ужасы системы. Кофе отнюдь не принес с собой счастье и гармонию, как проповедовал Нието Артета. Верно, что благодаря кофе активизировалось судоходство на реке Магдалене, были построены новые железнодорожные линии и шоссе, накоплены капиталы, которые стимулировали развитие некоторых отраслей промышленности, но внутренний олигархический режим и экономическая зависимость от иностранных центров власти не только не ослабли во времена кофейного бума, а, напротив, неизмеримо бо́льшим гнетом легли на плечи колумбийцев.

ООН опубликовала результаты своего исследования по вопросам питания в Колумбии, показывающие, что и к концу десятилетия «виолепсии» положение никоим образом не улучшилось: 88% школьников Боготы продолжали страдать от авитаминоза, 78% не получали достаточное количество рибофлавина и более половины детей имели вес ниже нормального; среди рабочих было больных авитаминозом 71%, среди крестьян долины Тенса — 78% [82]. Опрос выявил «явную нехватку основных продуктов питания — молока и молочных продуктов, яиц, мяса, рыбы и некоторых фруктов и овощей, — которые содержат протеины, витамины и минеральные соли». Не одни только вспышки винтовочных выстрелов делают зримыми социальные трагедии. Статистика отмечает, что количество самоубийств в Колумбии в семь раз больше, чем в Соединенных Штатах, и при этом указывает, что четвертая часть работоспособных колумбийцев заняты не полностью. Ежегодно 250 тыс. человек тщетно ищут работу; промышленность не создает новых рабочих мест, а в сельском хозяйстве латифундии и минифундии больше не требуют рабочих рук, напротив, беспрерывно поставляют в города новых безработных. В Колумбии более миллиона детей не ходят в школу. Но это не помеха тому, что система может себе позволить такую роскошь, как содержать более 40 го-

[82] Naciones Unidas, Análisis y proyecciones del desarrollo económico. — In: El desarrollo económico, de Colombia. T. III, Nueva York, 1957.

сударственных и частных университетов, в каждом из которых — самые разнообразные факультеты и отделения. Делается это для того, чтобы дети элиты и отдельные выходцы из средних слоев получали высшее образование [83].

Центральная Америка пробуждается по мановению волшебной палочки мирового рынка

Земли Центральноамериканского перешейка до половины прошлого века не страдали от особых неприятностей. Кроме продуктов потребления Центральная Америка производила кошениль и индиго, вкладывая не слишком много капиталов, используя минимум рабочей силы и не обременяя себя лишними заботами. Кошениль, насекомое, которое родилось и плодилось без всяких хлопот на колючих лапах кактуса нопаля, пользовалось, как и индиго, постоянным спросом европейской текстильной индустрии. Оба этих естественных красителя умерли насильственной смертью, когда в 1850 г. немецкие химики изобрели анилиновые краски и другие более дешевые вещества для окрашивания тканей. Через 30 лет после этой победы лаборатории над природой в Центральную Америку ворвался кофе, и она преобразилась. Ее новоиспеченные плантации давали в 1880 г. чуть ли не шестую часть мировых поставок кофе. Именно этот продукт открыл региону широкий доступ на международные рынки. К английским импортерам присоединились импортеры немецкие и североамериканские. Зарубежные потребители способствовали появлению на свет местной кофейной буржуазии, которая встала у кормила политической власти, совершив в начале семидесятых годов либеральную революцию во главе с Хусто Руфино Барриосом. Развитие специализированной аграрной экономики, навязанной извне, пробудило неистовое желание приобретать земли и людей, хотя существующая и в наши дни латифундия родилась в Центральной Америке под флагом свободы труда.

Таким образом, в частные руки перешли огромные неосвоенные площади, бесхозные или принадлежавшие церкви либо государству, и начался безудержный грабеж

[83] Преподаватель Херман Рама обнаружил, что некоторые из этих почтенных учебных заведений имеют в своих библиотеках такие «важные» научные пособия, как комплекты роскошно переплетенных сборников «Ридерс дайджест» (G. W. Rama. Educación y movilidad social en Colombia, Revista "Eco". № 116, Bogotá, 1969).

индейских общин. Крестьян, которые отказывались продавать свою землю, силой угоняли в армию, плантации превращались в кладбища для индейцев, воскрешались указы колониальных времен, насильственная вербовка работников и законы против бродяжничества. При попытке к бегству батраков убивали. Либеральные правительства модернизировали трудовые отношения, вводя заработную плату, но наемные работники тем не менее превращались в собственность новоиспеченных кофейных предпринимателей. Ни разу в течение всего прошлого века повышение цен на кофе не отражалось на заработках поденщиков, которые жили впроголодь. Это было одним из факторов, препятствовавших расширению внутренних рынков в центральноамериканских странах [84]. Как и везде, безудержная экспансия кофе подавила развитие производства продуктов сельского хозяйства, предназначенных для внутреннего потребления. Страны региона были обречены на хроническую нехватку риса, фасоли, маиса, пшеницы и мяса. Сумело выжить лишь сельское хозяйство подсобного типа в горных районах, куда латифундия загнала индейцев, отняв у них более плодородные земли на побережье. В горах, выращивая на своих крохотных участках кукурузу и фасоль, чтобы не умереть с голоду, живут часть года индейцы, нанимающиеся на время сбора урожая кофе на плантации. Ситуация не изменилась и поныне: латифундия и минифундия существуют бок о бок, составляя единство системы, которая держится на нещадной эксплуатации труда местного населения. И в целом, в регионе, и в конкретных условиях Гватемалы такая форма присвоения результатов чужого труда вполне отвечает всем требованиям системы расового угнетения: индейцы так же страдают от внутреннего колониализма белых и метисов, идеологически освященного господствующей культурой, как сами центрально-американские страны страдают от колониализма иностранного [85].

С начала века в Гондурасе, Гватемале и Коста-Рике появились и банановые концерны. Для транспортировки кофе к портам национальным капиталом ранее уже были проложены железнодорожные ветки. Североамериканские предприятия завладели этими железными дорогами и

[84] E. Torres-Rivas. Procesos y estructuras de una sociedad dependiente (Centroamérica). Santiago de Chile, 1959.

[85] C. Guzmán Böckler y J.-L. Herbert. Guatemala: una interpretación histórico-social. México, 1970.

построили новые, специально для вывоза бананов со своих плантаций, а также монополизировали электроснабжение, почту, телеграф, телефон и такой, не менее важный элемент инфраструктуры, как политика. В Гондурасе, например, «мул стоит больше, чем депутатское кресло», а во всей Центральной Америке послы Соединенных Штатов значат больше, чем главы государств. «Юнайтед фрут» поглотила всех своих конкурентов по производству и продаже бананов и превратилась в основного латифундиста Центральной Америки; ее филиалы завладели железнодорожным и морским транспортом, ей принадлежат порты, она располагает собственными таможнями и полицией. Доллар стал, по существу, национальной центральноамериканской валютой.

Флибустьеры идут на абордаж

Согласно геополитической концепции империализма, Центральная Америка является всего-навсего естественным придатком Соединенных Штатов. Даже Авраам Линкольн, который тоже подумывал об аннексии ее территорий, не смог противостоять велениям доктрины «предначертания судьбы»* в отношении соседей[86].

В середине прошлого века флибустьер Уокер, действовавший от имени банкиров Моргана и Гаррисона, вторгся в Центральную Америку во главе банды душегубов, называвших себя «Американская фаланга бессмертных». Пользуясь официальной поддержкой Соединенных Штатов, Уокер грабил, убивал, поджигал и после очередной экспедиции объявлял себя президентом Никарагуа, Сальвадора и Гондураса. Он возродил рабство на территориях, подвергшихся его опустошительному нашествию, и стал таким образом продолжателем «филантропических» традиций своей родины, традиций, насаждавшихся в штатах, незадолго до этого отторгнутых от Мексики**.

По возвращении Уокер был встречен в Соединенных Штатах как национальный герой. С той поры стали правилом вторжения, интервенции, бомбардировки, насильно навязываемые займы и соглашения, подписываемые под дулом пушек. В 1912 г. президент Вильям Г. Тафт утверждал: «Недалек тот день, когда три звездно-полосатых

[86] D. Ribeiro. Las Américas y la civilización. — In: Los pueblos trasplantados. Civilización y desarrollo. T. III, Buenos Aires, 1970.

флага взметнутся один за другим на нашей территории, обозначая ее протяжение: один — на Северном полюсе, другой — у Панамского канала и третий — на Южном полюсе. Все полушарие будет принадлежать нам реально, так же как в силу нашего расового превосходства оно уже принадлежит нам морально» [87]. Тафт говорил, что честный путь справедливой внешней политики США «ни в коем случае не исключает активную интервенцию в целях обеспечения рынков сбыта нашим товарам и благоприятных условий для выгодных операций нашим капиталистам». Тогда же экс-президент Теодор Рузвельт напоминал во всеуслышание о проведенной им успешной ампутации части колумбийской территории: «Я просто взял канал» — так поведал новоиспеченный лауреат Нобелевской премии мира о том, как ему удалось создать независимую Панаму [88]. Колумбия же получила немного позже возмещение в 25 млн. долл: такова была цена территории, отторженной у нее для того, чтобы США навязали руководителям новой Панамской республики кабальное соглашение о строительстве водного пути между двумя океанами.

Концерны США расхватывали земли, таможни, сокровища и правительства, морские пехотинцы высаживались повсюду, чтобы «защищать жизнь и интересы североамериканских граждан» — к этому «юридическому» оправданию прибегли и в 1965 г., дабы прикрыть суть преступного вторжения в Доминиканскую Республику. Национальный флаг становился оберткой для новых товаров. Генерал Смидли Д. Батлер, возглавлявший многие военные экспедиции, так рассказывал в 1935 г., уже будучи в отставке, о своей деятельности: «Я провел тридцать три года и четыре месяца на действительной военной службе в составе самых мобильных сил страны — в морской пехоте. Я прошел всю иерархическую лестницу, от второго лейтенанта до дивизионного генерала. И за весь этот период большую часть времени я выполнял обязанности наемного убийцы первого класса во имя Великих дел, для Уолл-стрита и банкиров. Одним словом, был наемником капитализма... В 1914 году я, например, помог сделать так, что Мексика, точнее Тампико, стала легкой добычей североамериканских нефтяных королей. Я помог сделать так,

[87] G. Selser. Diplomacia, garrote y dólares en América Latina. Buenos Aires, 1962.

[88] C. Julien. L'Empire Americain. París, 1968.

чтобы Гаити и Куба стали удобными местами для доходных операций «Нэшнл сити бэнк»... В 1909—1912 годах я помог расчистить Никарагуа для операций международного банка «Браун бразерс». В 1916 году я образумил Доминиканскую Республику во имя интересов североамериканских сахарозаводчиков. В 1903 году я помогал «умиротворять» Гондурас к выгоде североамериканских фруктовых компаний» [89].

В самом начале нашего века философ Уильям Джеймс изрек сентенцию, известную далеко не всем: «Страну стошнило от Декларации независимости, раз и навсегда...» Чтобы не быть голословным, приведу один пример: США в течение 20 лет оккупировали Гаити и там, в этой негритянской стране, ставшей ареной первого победоносного восстания рабов, ввели расовую сегрегацию и режим принудительных работ, убили 1,5 тыс. рабочих в одной из своих карательных операций (согласно расследованию сената США в 1922 г.), а когда местное правительство отказалось превратить Национальный банк в филиал нью-йоркского «Нэшнл сити бэнк», США прекратили выплачивать жалованье президенту и его министрам, дабы они не забывались [90].

Сходные операции под стук «большой дубинки» или под аккомпанемент «дипломатии доллара» осуществлялись на других островах Карибского моря и во всей Центральной Америке, ставшей геополитическим пространством имперского «Mare Nostrum» *.

Коран причисляет банановое дерево к тем, что растут в раю, но «бананизация» Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики, Панамы, Колумбии и Эквадора позволяет полагать, что речь скорее идет об адском дереве. В Колумбии «Юнайтед фрут» уже была хозяйкой самой крупной латифундии, когда в 1928 г. на Атлантическом побережье вспыхнула большая забастовка. Рабочих банановых плантаций расстреливали вдоль полотна железной дороги. Официальный декрет гласил: «Блюстители общественного порядка уполномочены карать, применяя оружие...», — и никакой другой декрет никогда не сотрет из народной па-

[89] V. L. Huberman. Man's Wordly Goods. The Story of the Wealth of Nation. — "Common Sense", nov. 1936.

[90] W. Krehm. Democracia y tiranías en el Caribe. Buenos Aires, 1959.

мяти эту кровавую бойню [91]. Мигель Анхель Астуриас подробно рассказал о том, как завоевывали и грабили Центральную Америку. Зеленым Папой он назвал Майнора Кита, некоронованного короля целого региона, отца «Юнайтед фрут», пожирателя стран. «В наших руках причалы, железные дороги, земли, здания, источники, — перечислял президент, — здесь имеет хождение доллар, говорят по-английски и поднимают наш флаг...»; «Чикаго не мог не гордиться этим своим сыном, который ушел с парой пистолетов и вернулся, чтобы потребовать себе место среди императоров мяса, королей железных дорог, королей меди, королей жевательной резинки» [92].

В романе «42-я параллель» Джон Дос Пассос дал блестящую биографию Кита, биографию его концерна: «В Европе и Соединенных Штатах люди начали есть бананы, а потому вдоль и поперек Латинской Америки стали валить леса, чтобы выращивать бананы, и строить железные дороги, чтобы вывозить бананы, и с каждым годом все больше пароходов шли к северу, битком набитые бананами, и в этом — вся история североамериканского господства в Карибском бассейне и вся история Панамского канала, и будущего канала в Никарагуа, и морских пехотинцев, и крейсеров, и штыков...»

Земля так же истощалась, как и работники: у земли отнимали гумус, у работников — здоровье, но всегда находились новые земли для эксплуатации и новые работники на свою погибель. Диктаторы, эти опереточные генералы, с ножом в зубах охраняли благополучие «Юнайтед фрут».

[91] Эта история послужила темой для романа Альваро Сепеды Самудио «Большой дом» (Буэнос-Айрес, 1967), а также вошла в одну из глав романа «Сто лет одиночества» (Буэнос-Айрес, 1967) Габриеля Гарсиа Маркеса («Несомненно, это был сон», — настаивали офицеры»).

[92] Составившие трилогию романы «Ураган», «Зеленый Папа» и «Глаза погребенных» опубликованы в Буэнос-Айресе в пятидесятые годы. Один из персонажей романа «Ураган» мистер Пайл пророчески говорит: «Если бы вместо создания новых плантаций мы покупали у частных производителей их фрукты, нас ожидал бы большой выигрыш в будущем». Это как раз то, что ныне происходит в Гватемале: «Юнайтед фрут» — теперешняя «Юнайтед брэндс» — осуществляет свою банановую монополию посредством коммерческих манипуляций, более действенных и менее рискованных, чем непосредственное производство. Следует заметить, что производство бананов резко сократилось в шестидесятые годы, начиная с того времени, когда «Юнайтед фрут» решила продавать и (или) отдавать в аренду свои гватемальские плантации, которые грозил охватить пожар социальных волнений.

Со временем производство бананов сокращалось, могущество фруктового концерна то и дело подрывалось кризисами, но Центральная Америка и поныне остается землей обетованной для авантюристов, хотя кофе, хлопок и сахар низвергли бананы с трона. В 1970 г. бананы были главным источником валюты для Гондураса и Панамы, а в Южной Америке — и для Эквадора. К 1930 г. Центральная Америка экспортировала 38 млн. банановых ветвей ежегодно, и «Юнайтед фрут» платила Гондурасу в качестве налога один цент за каждую ветвь. Но взымать и этот мини-налог, который позже несколько увеличился, было почти невозможно, ибо даже сейчас «Юнайтед фрут» экспортирует и импортирует все, что пожелает, в обход государственных таможен. Торговый и платежный балансы страны являются фикцией, создаваемой мастерами с богатым воображением.

Кризис тридцатых годов: «Убить человека — меньшее преступление, чем раздавить муравья»

Кофе зависел от североамериканского рынка, от его емкости и от его цен; бананы были коммерческим предприятием североамериканцев и для североамериканцев. И вдруг разразился кризис 1929 г. Крах нью-йоркской биржи, пошатнувший основы мирового капитализма, громко отозвался в Карибском море — словно огромный камень угодил в лужу. Резко упали цены на кофе и бананы, но не менее резко сократился объем продаж. Крестьян без всякой жалости и с лихорадочной поспешностью сгоняли с земли, безработица охватывала города и сельскую местность, всюду вспыхивали забастовки; сильно сократились выдача банковских ссуд и предоставление кредитов, капиталовложения, государственные и социальные расходы; в Гондурасе, Гватемале и Никарагуа жалованье государственных чиновников уменьшилось почти наполовину[93]. Команда диктаторов незамедлительно направилась к соседу, прихватив с собой большие ложки: начиналась эпоха вашингтонской политики «доброго соседа» *. И одновременно надо было заливать кровью социальные пожары, разгоравшиеся повсюду. Около 20 лет—одни больше, другие меньше — находились у власти диктаторы Хорхе Убико в Гватемале, Максимильяно Эрнандес Мартинес в

[93] E. Torres-Rivas. Op. cit.

Сальвадоре, Тибурсио Кариас в Гондурасе и Анастасио Сомоса в Никарагуа.

Эпопея Аугусто Сесара Сандино потрясла мир. Долгая борьба вождя партизан Никарагуа велась за возвращение крестьянам земли и питалась великой яростью крестьянства. В течение 7 лет маленькое, одетое в лохмотья войско Сандино сражалось с 12 тыс. североамериканских захватчиков и солдатами национальной гвардии. Гранаты мастерились из консервных банок, начиненных камнями, ружья отбирались у врага, не бездействовали и мачете; древком для знамени служила необструганная палка; вместо сапог крестьяне, воевавшие в основном в горах, носили «кайте» — самодельную обувь из кусков кожи. Под музыку «Аделиты» * партизаны пели:

В Никарагуа, сеньоры,
Мышка кошке дает дёру... [94]

Ни огневая мощь морской пехоты, ни бомбежки с воздуха не приносили желанных результатов — разгромить мятежников с гор Лас-Сеговиаса не удавалось. Не помогали и потоки лжи, которую разливали по всему свету информационные агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, корреспондентами которых были в Никарагуа два североамериканца, прибравшие к рукам никарагуанскую таможню [95]. В 1932 г. Сандино говорил: «Мне недолго осталось жить». Годом позже под нажимом североамериканской политики «доброго соседа» был заключен мир. Партизанский вождь был приглашен президентом на решающую встречу в Манагуа, попал в засаду и был убит. Убийца, Анастасио Сомоса, позже недвусмысленно давал понять, что убийство было организовано послом США Артуром Блиссом Лейном. Сомоса, в ту пору один из местных военачальников национальной гвардии, быстрехонько пролез к власти и правил Никарагуа в течение четверти века, после чего его сыновья получали президентскую должность по наследству. Перед тем как украсить свою грудь президентской лентой, Сомоса наградил себя крестом «За храбрость», медалью Почета и Президентской медалью за заслуги. Во время пребывания у власти он не раз устраивал кровавые бойни и пышные празднества, где

[94] G. Selser. Sandino, general de hombres libres. Buenos Aires, 1959.

[95] C. Beals. América ante América. Santiago de Chile, 1940.

его солдаты, наряженные римлянами, маршировали в шлемах и сандалиях. Диктатор превратился в крупнейшего производителя кофе, владея 46 плантациями, а также в скотовода, отведя остальные свои 50 усадеб под животноводство. Тем не менее ему всегда хватало времени, чтобы сеять еще и ужас. В течение своего длительного правления он, говоря по правде, не испытывал особых лишений и с некоторой грустью вспоминал свои молодые годы, когда ему приходилось подделывать золотые монеты, чтобы раздобыть денег для кутежей.

В Сальвадоре кризис также стал детонатором социального взрыва. Почти половина всех рабочих на банановых плантациях Гондураса были сальвадорцы, и многим из них пришлось вернуться на родину, где никакой работы не нашлось. В области Исалько в 1932 г. разразилось огромное крестьянское восстание, которое быстро охватило весь запад страны. Диктатор Мартинес послал солдат, вооруженных новейшим оружием, сражаться против «большевиков». Индейцы шли с мачете на пулеметы, а концом всей истории была смерть 10 тыс. крестьян. Мартинес, ханжа-вегетарианец и теософ, утверждал, что «большее преступление — убить муравья, нежели человека, ибо человек после смерти может перевоплотиться, а муравей умирает раз и навсегда» [96]. Он говорил также, что находится под защитой легионов «невидимых духов», которые сообщают ему обо всех заговорах; что он поддерживает прямую телепатическую связь с президентом Соединенных Штатов; что часы с маятником, помещенные над тарелкой, указывают ему, не отравлено ли кушанье, а над картой — указывают места, где прячутся его политические враги и зарыты пиратские сокровища. Он обычно посылал личное соболезнование родителям своих жертв, а в саду его дворца щипали травку олени. Правил Мартинес до 1944 г.

Массовые убийства стали обычным явлением. В 1933 г. Хорхе Убико расстрелял в Гватемале более 100 профсоюзных, студенческих и политических лидеров и снова ввел закон «против бродяжничества» индейцев. Каждый индеец должен был иметь при себе книжку, где отмечалось, сколько дней он работал; если отметок было мало, он отрабатывал долг в тюрьме или бесплатно гнул спину на

[96] W. Krehem. Op. cit. Крэм жил долгие годы в Центральной Америке в качестве корреспондента журнала «Тайм».

чьей-нибудь земле в течение полугода. На гнилом побережье Тихого океана люди, работавшие по колено в грязи, получали 30 центов в день, а «Юнайтед фрут» заявила, что Убико обязал ее еще больше снизить оплату труда. В 1944 г., незадолго до свержения диктатора, «Ридерс дайджест» опубликовала восторженную статью: мол, этот пророк Международного валютного фонда сумел избежать инфляции, снизив зарплату с 1 доллара до 25 центов в день на строительстве шоссе для переброски войск, и с 1 доллара до 60 центов — на строительстве аэропорта в столице. В то же самое время Убико предоставил кофейным владыкам и банановым вельможам право убивать: «Не подлежат уголовной ответственности владельцы поместий...» Декрет этот имел номер 2795 и был снова введен в действие в 1967 г. «демократическим и представительным» правительством Мендеса Монтенегро.

Как все тираны Карибского бассейна, Убико мнил себя Наполеоном. Он жил среди бюстов и портретов императора, с которым, по его словам, у него было явное сходство. Он обожал военную дисциплину и муштровал даже почтовых служащих, школьников и оркестрантов. Музыканты симфонических оркестров, облаченные в мундиры, играли — за 9 долл. в месяц — те вещи, которые выбирал сам Убико, в том темпе и на тех инструментах, которые ему нравились. Он считал, что больницы нужны только немощным мозглякам, и потому многочисленные больные попросту валялись на полу коридоров и проходов немногих госпиталей, если они имели несчастье быть не только больными, но еще и бедными.

Кто развязал террор в Гватемале?

В 1944 г. Убико снесли с пьедестала ветры революции либерального толка, возглавлявшейся молодыми офицерами и университетскими деятелями из средних слоев. Хуан Хосе Аревало, избранный президентом, начал проводить широкую реформу в сфере образования и ввел в действие новый «Трудовой кодекс», защищавший права трудящихся города и сельской местности. Нарождались профсоюзы. «Юнайтед фрут», хозяйка огромных территорий, железной дороги и порта, фактически освобожденная от налогов и не подлежащая никакому контролю, перестала быть всемогущей на собственных землях. В 1951 г. в своей прощальной речи Аревало заявил, что в его президентство раскрыты 32 заговора, финансировавшиеся этим концер-

ном. Правительство Хакобо Арбенса продолжило и углубило реформы. Новые дороги и новый порт Сан-Хосе положили конец монополии «Юнайтед фрут» на экспорт и транспортировку бананов. С помощью одного лишь национального капитала, не обращаясь за поддержкой к иностранным банкам, страна, добиваясь полной независимости, стала осуществлять план своего развития. В июне 1952 г. была проведена аграрная реформа, которая удовлетворила нужды более чем 100 тыс. семей, хотя касалась лишь необрабатываемых земель и предусматривала выплату компенсации в боиах экспроприированным собственникам. Заметим при этом, что «Юнайтед фрут» обрабатывала всего лишь 8% своих земель, протянувшихся от одного океана до другого.

Аграрная реформа выдвигала план «развития свободного крестьянского хозяйства и капиталистического сельского хозяйства в целом», однако в ответ была развернута яростная пропагандистская кампания против Гватемалы. «Железный занавес опускается над Гватемалой», — вопили радиоголоса, газеты и «борцы за свободу» из ОАГ[97]. Полковник Кастильо Армас, получивший свое воинское звание в Форт-Ливенворт (Канзас), возглавил вторжение в свою собственную страну армии наемников ЦРУ, прошедших подготовку и вооружившихся до зубов в Соединенных Штатах. Вторжению предшествовала бомбардировка, совершенная североамериканскими летчиками на самолетах «Ф-47». «Мы должны были разделаться с коммунистическим правительством, захватившим власть», — скажет спустя 9 лет Дуайт Эйзенхауэр[98]. Заявление, сделанное в подкомиссии сената Соединенных Штатов 27 июля 1961 г. послом США в Гондурасе, пролило дополнительный свет на «освободительную» акцию 1954 г.: оказалось, что ее осуществляла группа, в состав которой, кроме посла в Гондурасе, входили также послы США в Гватемале, Коста-Рике и Никарагуа. Аллен Даллес, который в ту пору был фигурой номер один в ЦРУ, направил им всем поздравительные телеграммы по поводу удачно проведенной операции. А несколько ранее «добряк Аллен» уже вошел в состав правления «Юнайтед фрут». Год спустя после вторжения в Гватемалу он уступил свое долж-

[97] E. Galeano. Guatemala, país ocupado. México, 1967.

[98] Из речи, произнесенной в "American Booksellers Association (Washington, 10.6.1963). Цит. по: D. Wise, T. Ross. El gobierno invisible. Buenos Aires, 1966.

постное кресло другому руководящему лицу ЦРУ, генералу Уолтеру Беделлу Смиту. Фостер Даллес, брат Аллена, просто сгорал от нетерпения на конференции ОАГ, ожидая, когда та санкционирует военную интервенцию в Гватемалу. Кстати сказать, именно в кабинетах его адвокатской конторы во времена диктатора Убико составлялись проекты контрактов с «Юнайтед фрут».

После падения Арбенса вся дальнейшая история страны мечена огнем. Те же самые убийцы, что бомбили города Гватемалу, Пуэрто-Барриос и порт Сан-Хосе 18 июня 1954 г., до сих пор держат страну в своих руках. Жесточайшие диктатуры сменяли друг друга после иностранного вторжения, включая и правление Хулио Сесара Мендеса Монтенегро (1966—1970), который лишь пытался придать диктатуре видимость демократического режима. Мендес Монтенегро обещал провести аграрную реформу, но ограничился тем, что дал разрешение землевладельцам носить оружие, а при надобности и применять его. От аграрной реформы Арбенса не осталось и следа — Кастильо Армас, выполняя свою миссию, возвратил землю «Юнайтед фрут» и другим экспроприированным землевладельцам.

1967 г. был самым страшным из всех лет «виолесии» в Гватемале, начавшейся в 1954 г. Североамериканский католический священник отец Томас Мельвиль, изгнанный из Гватемалы, писал в «Нэшнл католик рипортер» в январе 1968 г., что почти за год правые террористические группы убили более 28 тыс. представителей интеллигенции, студентов, профсоюзных руководителей и крестьян, которые «попытались было покончить с недугами гватемальского общества». Свои подсчеты отец Мельвиль делал на основе газетных сообщений, но о большинстве найденных трупов никто никуда не сообщал: это были индейцы, чьи имена и адреса часто никому не известны и кого солдаты иногда включали — но лишь общим числом — в отчеты о своих победах над подрывными элементами. Огульные репрессии стали непременной частью военной кампании по окружению и уничтожению сражающихся партизан. Согласно новому уголовному кодексу, сотрудники органов безопасности не несли никакой ответственности за убийства, а полицейские или военные части вершили суд по собственному усмотрению. Помещики и их управляющие были уравнены в правах с местными властями, могли носить оружие, формировать карательные отряды. Зарубежные телетайпы не возмущались непрекращающейся

резней в Гватемале, туда не устремлялись жадные до сенсаций журналисты, не раздавались осуждающие голоса. Мир оставался глух и нем, хотя Гватемала переживала долгую Варфоломеевскую ночь. В деревне Кахон-дель-Рио вырезали всех мужчин, а мужчинам деревни Титуке перед смертью вспарывали ножом животы, в деревне Пьедра-Парада с живых сдирали кожу или живьем сжигали, перебив жертвам сначала ноги пулями, как это было в Агуа-Бланка-де-Ипала; а в Сан-Хорхе посреди площади воткнули кол и насадили на него голову крестьянина-повстанца. В Серро-Гордо Хайме Веласкесу в зрачки втыкали булавки, тело Рикардо Миранды нашли с 38 ножевыми ранами, а голову Арольдо Сильвы нашли у обочины шоссе на Сан-Сальвадор — уже отделенную от тела; в Лос-Мискосе у Эрнесто Чинчильи отрезали язык, возле источника Охо-де-Агуа братьям Олива Альдана завязали глаза, скрутили за спиной руки и затем изрешетили их тела пулями; череп Хосе Гусана разбили на мелкие куски, которые разбросали на дороге; колодцы в Сан-Лукас-Сакатепекесе вместо воды были полны трупов, а в усадьбе Мирафлорес людям, схваченным на рассвете, отрубили ноги и руки. За угрозами следовали казни, но чаще смерть приходила без извещения, с выстрелом в затылок; в городах двери приговоренных отмечались черными крестами. При выходе из дому людей косили пулеметными очередями, а трупы бросали в пропасть.

«Виоленсия» в Гватемале так и не кончилась. Все время после 1954 г., когда в стране воцарились презрение к людям и ненависть, «виоленсия» была — и остается — естественным состоянием. Продолжают появляться—каждые 5 часов — трупы в реках или у дорог, с обезображенными пыткой лицами, которые никто и никогда не опознает. Происходят — в еще больших масштабах — тайные массовые убийства: осуществляется непрекращающийся геноцид, обращенный против бедных. Еще один изгнанный священник, отец Блаз Бонпан, обличил в «Вашингтон пост» (в 1968 г.) это больное общество: «Из 60 тысяч человек, ежегодно погибающих в Гватемале, 30 тысяч — дети. Уровень детской смертности в Гватемале в сорок раз превышает уровень в Соединенных Штатах».

Первая аграрная реформа в Латинской Америке, или Полтора века поражений Хосе Артигаса

С копьем или с мачете, но именно обездоленные сражались на заре XIX в. против испанского господства на просторах Америки. Независимость их не вознаградила; не сбылись надежды тех, кто проливал свою кровь. С приходом мирного времени снова началась пора бед и страданий. Хозяева земли и крупные торговцы увеличивали свое богатство, а народные массы все более беднели. В то же время в результате интриг новых хозяев Латинской Америки четыре вице-королевства Испанской империи разбились вдребезги, родилось множество новых стран — осколков бывшего национального целого. Идея «единой нации», выдвинутая тогда латиноамериканскими патрициями, слишком уж была похожа на замысел создать для них шумный порт, в котором постоянно толпятся британские купцы и ростовщики, а вокруг этого оживленного порта — сплошные латифундии и горные разработки. Целый легион паразитов, получавших сообщения о ходе действий во время Войны за независимость, танцуя менуэт в салонах, поднимали бокалы из английского хрусталя, чокаясь за грядущие успехи торговли с Англией. Быстро вошли в моду самые звонкие республиканские лозунги европейской буржуазии, наши страны подряжались обучаться у английских промышленников и французских мыслителей. Но что представляла собой наша «национальная буржуазия», которую составляли помещики, крупные торговцы, коммерсанты и спекулянты, а также политиканы в сюртуках и юристы без гроша в кармане? Латинская Америка вскоре обзавелась своими буржуазными конституциями, изобиловавшими либеральными формулировками, но так и не смогла создать деятельной буржуазии в европейском или североамериканском духе, которая видела бы свою историческую миссию в развитии национального капиталистического хозяйства. Буржуазия нашего континента родилась как всего-навсего орудие международного капитализма, как необходимая шестеренка мирового механизма, обескровливающая колонии и полуколонии. Буржуа-лавочники, ростовщики и торгаши, захватившие политическую власть, не проявляли ни малейшего интереса к усилению местного мануфактурного производства, погибшего в зародыше, как только закон о свободе торговли распахнул двери перед лавиной британских това-

ров. А компаньоны этих буржуа, хозяева земли, в свою очередь ничуть не были заинтересованы в решении аграрного вопроса, он волновал их лишь в той мере, в которой соответствовал их собственной выгоде. На протяжении всего XIX в. латифундия крепла с помощью грабежей. Аграрная реформа в регионе была всего лишь знаменем, которое подняли слишком рано.

Крах экономический, крах социальный, крах национальный увенчали историю предательств, последовавшую за достижением независимости, и Латинская Америка, разорванная на части новыми границами, была по-прежнему обречена на язвы монокультуры и на зависимое положение. В 1824 г. Симон Боливар обнародовал свой «Декрет Трухильо», желая защитить перуанских индейцев и реорганизовать в Перу систему землевладения. Однако его законодательные акты никак не затронули привилегии перуанской олигархии, остававшиеся неприкосновенными вопреки благим намерениям Освободителя, а эксплуатация индейцев продолжалась как ни в чем не бывало. В Мексике незадолго до этого потерпели поражение Идальго и Морелос, и прошел еще целый век, прежде чем их борьба за права обездоленных и за возвращение узурпированных у них земель принесла хоть какие-то плоды.

На юге континента Хосе Артигас взялся за проведение аграрной революции. Этот народный предводитель, столь гнусно оклеветанный и представленный в ложном свете официальными историками, в 1811—1820 гг. возглавил народные массы на территориях, ныне занимаемых Уругваем и аргентинскими провинциями Санта-Фе, Коррьентес, Энтре-Риос, Мисьонес и Кордоба. Артигас хотел заложить экономические, социальные и политические основы новой нации в границах старого вице-королевства Рио-де-ла-Плата. Он был самым выдающимся и проницательным из федералистских руководителей, боровшихся против губительного централизма города-порта Буэнос-Айреса. Артигас сражался против испанцев и португальцев, но в конце концов его силы были раздавлены жерновами Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса, выступавшими тогда как орудия Британской империи, и в этом им помогала олигархия: следуя привычному рефлексу, она тотчас же предала Артигаса, как только он выдвинул программу социальных преобразований, не отвечавшую ее интересам.

За Артигасом шли патриоты, вооруженные копьями. В большинстве своем это были бедные селяне, вольные

гаучо*, индейцы, обретавшие в сражениях утраченное чувство собственного достоинства, и рабы, получавшие свободу при вступлении в армию, воевавшую за независимость. Революция пастухов, которые как будто родились в седлах, объяла необозримые пастбища этого края. Предательство Буэнос-Айреса, оставившего в руках испанских властей и португальских войск в 1811 г. территорию, ныне занимаемую Уругваем, вызвало массовый исход населения на север. Народ воюющий стал народом уходящим: мужчины и женщины, старики и дети бросали все и шли бесконечной вереницей вслед за вождем. На севере, у реки Уругвай, встал лагерем Артигас со всеми лошадьми и повозками, а через какое-то время здесь, на севере, он создал и свое правительство. В 1815 г. Артигас контролировал обширные земли из своего укрепленного лагеря Пурификасьон в Пайсанду. «Что бы, вы думали, я там увидел? — рассказывал один английский путешественник. — Его Превосходительство, сеньор Протектор половины Нового Света сидит на бычьей голове перед огнем, разожженным в рапчо с земляным полом, и ест жареное мясо, запивая спиртным из коровьего рога! А окружает его дюжина офицеров-оборванцев...»[99] Отовсюду к нему галопом скакали воины, помощники, проводники. Заложив руки за спину и расхаживая по комнате, Артигас диктовал революционные декреты своего правительства. Два секретаря — тогда ведь не было копировальной бумаги — записывали его слова. Так рождалась первая аграрная реформа Латинской Америки, осуществлявшаяся в течение года в «Восточной провинции» — нынешнем Уругвае — и обращенная в прах новым португальским вторжением, когда олигархия открыла ворота Монтевидео перед генералом Лекором, встретила этого «освободителя» с распростертыми объятиями и повезла его под балдахином в собор на торжественный молебен... в честь захватчика. Ранее Артигас обнародовал и свод таможенных правил, согласно которому устанавливались высокие пошлины на иностранные импортные товары, конкурировавшие с продукцией мануфактур и ремесленных мастерских внутренних районов, ныне принадлежащих Аргентине, а тогда находившихся под властью Артигаса и где ремесленное производство достигло значительного развития. Одновременно был освобожден от вся-

[99] J. P. y G. P. Robertson. La Argentina en la época de la Revolución. Cartas sobre el Paraguay. Buenos Aires, 1920.

кого обложения импорт продукции, необходимой для экономического прогресса, а такие американские товары, как табак и мате из Парагвая, были обложены незначительными пошлинами [100]. Могильщики революции похоронили и этот таможенный устав.

Аграрное законодательство 1815 г., провозглашавшее свободу людей на свободной земле, было «самым передовым и славным документом» [101] среди всех, которые когда-либо знали уругвайцы. Идеи Кампоманеса и Ховельянеса, получившие свое развитие в период реформистского правления Карла III, без сомнения, повлияли на законодательство Артигаса, но появилось оно прежде всего как революционный ответ на национальную потребность в экономическом и социальном возрождении. Были изданы декреты об экспроприации и разделе земель «плохих европейцев и еще худших американцев», эмигрировавших в начале событий и осужденных новой властью. Земли врагов изымались без всякого возмещения, а врагам принадлежало — что очень важно — подавляющее большинство латифундий. Дети не отвечали за родителей: закон давал им столько же земель, сколько и неимущим патриотам. Земля распределялась по принципу: «Тот, кто меньше имел, получит больше». Индейцам принадлежало, согласно концепции Артигаса, «первейшее право». Основной смысл этой аграрной реформы состоял в том, чтобы привязать к земле сельскую бедноту, превратив в крестьянина пастуха-гаучо, привыкшего к бродячей жизни в военной время и к наказуемым занятиям и контрабанде в мирное время. Последующие правительства лаплатских стран огнем и мечом подавляли вольный дух гаучо, силой делая их батраками в крупных поместьях; Артигас же хотел сделать гаучо владельцами земли: «Гордые гаучо начинали входить во вкус честного труда, строили ранчо и коррали, засевали свои первые поля» [102].

Всему этому положила конец иностранная интервенция. Олигархия подняла голову и принялась мстить. До-

[100] W. Reyes Abadie, O. H. Bruschera y T. Melogno. El ciclo artiguista. T. IV, Montevideo, 1968.

[101] N. de la Torre, J. C. Rodríguez y L. S. de Touron. Artigas: tierra y revolución. Montevideo, 1967.

[102] N. de la Torre, J. C. Rodríguez y L. Sala de Touron. Op. cit. Тех же авторов: Evolución económica de la Banda Oriental. Montevideo, 1967; Estructura económico-social de la Colonia. Montevideo, 1968.

кументы на право владения землей, выданные Артигасом, были объявлены недействительными новыми законодателями. С 1820 г. и до конца века под дулами ружей сгоняли с земли неимущие патриоты, которых одарила аграрная реформа. И оставалась у них только «землица для собственной могилы». После своего поражения Артигас перебрался в Парагвай, где и умер в одиночестве после долгих и тягостных лет жизни в изгнании. Предоставленные им права собственности на землю более не имели цены; государственный прокурор Бернардо Бустаманте, например, утверждал, что «неправомерность данных бумаг неоспорима». А правительство тем временем, восстановив «порядок», поспешило ввести в действие первую конституцию «самостийного» Уругвая, отрезанного от той Великой родины, за которую сражался Артигас.

Свод законов 1815 г., разработанный Артигасом, содержал специальные пункты, направленные на то, чтобы не допустить чрезмерного сосредоточения земель в руках немногих собственников. В наши дни сельский ландшафт Уругвая — это пустынная равнина: всего 500 семей владеют половиной всех земельных площадей и, будучи властями предержащими, контролируют три четверти капиталов, вложенных в промышленность и банковское дело [103]. Проектам аграрной реформы тесно в общей могиле парламентских бумаг, а сельская местность меж тем пустеет; армия безработных увеличивается, но все меньше людей остается в сельском хозяйстве — таков драматический итог двух последних переписей. Страна живет за счет шерсти и мяса, но на ее лугах в наши дни пасется меньше овец и меньше коров, чем в начале века. Отсталые методы ведения хозяйства тормозят развитие животноводства — оно зависит лишь от степени бодрости быков и баранов по весне, количества выпавших дождей и естественного плодородия почвы, — а также мешают повысить урожайность сельскохозяйственных культур. Производство мяса из расчета на одну голову скота не достигает и половины того, что производят Франция или Германия; то же самое можно сказать о молоке в сравнении с надоями в Новой Зеландии, Дании и Голландии; с каждой овцы в Уругвае получают на килограмм меньше шерсти, чем в Австралии. Урожай

[103] V. Trias. Reforma agraria en el Uruguay. Montevideo, 1962. В этой книге приводится поименный перечень представителей уругвайской олигархии.

пшеницы с гектара в три раза ниже, чем во Франции, а кукурузы — в семь раз ниже, чем в Соединенных Штатах [104]. Крупные земельные собственники, переводящие свои прибыли за границу, лето проводят на курорте в Пунта-дель-Эсте, а зимой, согласно привычному жизненному распорядку, тоже не живут в латифундиях, куда лишь от случая к случаю наведываются на своих собственных самолетах. Еще век назад, когда было создано «Аграрное общество», две трети его членов уже прочно обосновались в столице. Экстенсивное сельское хозяйство, отданное на откуп природе и голодным пеонам, не доставляет им особых беспокойств.

Однако доходы такое хозяйство приносит. В настоящее время получаемая арендная плата и прибыли капиталистов-скотоводов составляют не менее 75 млн. долл в год [105]. Показатели продуктивности сельскохозяйственных отраслей низки, но доходы очень высоки — за счет ничтожнейших расходов. Эта земля без людей, и людей без земли. Крупные латифундии обеспечивают работу — да и то не на весь год — из расчета примерно двух человек на каждую

[104] E. Galeano. Uruguay: Promise and Betrayal. — In: Latin America. Reform of Revolution? New York, 1968.

[105] Instituto de Economia. El proceso económico del Uruguay, Contribución al estudio de su evolución y perspectivas. Montevideo, 1969. В периоды подъема национальной промышленности, активно субсидируемой и поддерживаемой государством, большая часть доходов от сельского хозяйства шла на создание новых фабрик. Когда же промышленность вошла в полосу жестокого кризиса, излишки капитала, полученные от скотоводства, потекли в других направлениях. В Пунта-дель-Эсте появились роскошные, но бесполезные здания — *порождение национального бедствия*. Финансово-спекулятивная лихорадка охватила любителей ловить рыбку в мутной водице инфляции. Но — и это самое важное — стали уплывать за границу капиталы вместе с прибылями, которые из года в год дает экономика страны. В 1962—1966 гг., по официальным данным, из Уругвая уплыли 250 млн. долл., чтобы осесть в надежных банках Швейцарии и США. Молодые люди, которые пришли с полей в город 20 лет назад, чтобы предложить свой труд развивающейся промышленности, ныне перебираются, по суше или по морю, за границу. Конечно, судьба у долларов и у людей разная. Капиталы встречают с распростертыми объятиями, а странникам выпадает иная доля, их ждет неустроенность и бездомность, туманное будущее. Уругвай семидесятых годов, сотрясаемый жестоким кризисом, уже не мифологический оазис мира и прогресса, каким он некогда представлялся европейским иммигрантам, а взбаламученная страна, изгоняющая своих собственных обитателей, страна, поощряющая насилие и экспортирующая людей так же естественно, как она экспортирует мясо и шерсть.

тысячу гектаров. В поселках на границах поместий собирается масса бедняков — резервная армия, всегда готовая продать свой труд. Гаучо с эстампов на «народные темы», изображаемый поэтами и художниками, ничего общего не имеет с реальным пеоном, работающим на чужой и обширной земле: вместо кожаных сапог на нем альпаргаты на шнурках, вместо широкого кушака с золотыми и серебряными украшениями — обычный поясок или простая веревка. Те, кто производит мясо, потеряли возможность есть его: исконные местные обитатели — креолы — чрезвычайно редко могут отведать свое национальное блюдо — креольское асадо, — сочное и нежное мясо, зажаренное на углях. Хотя статистики международных организаций издевательски приводят заведомо фальшивые «средние данные» о потреблении мяса в Уругвае, истинная картина выглядит иначе: похлебка из лапши и конских потрохов — «энсопадо» — является главным блюдом в почти безбелковом рационе уругвайских крестьян[106].

Артемио Крус и вторая смерть Эмилиано Сапаты

Ровно через столетие после обнародования земельного законодательства Артигаса, Эмилиано Сапата стал проводить на юге Мексики, где он установил революционную власть, глубокую аграрную реформу.

Пятью годами раньше диктатор Порфирио Диас пышно отпраздновал столетнюю годовщину «Клича Долорес»*: ее отмечали элегантные кабальеро в смокингах, представлявшие официальную Мексику, не желавшие знать с высот своего Олимпа нищую Мексику, которая их кормила и поила. В этой республике парий доходы тружеников не увеличились ни на один сентаво с времен исторического восстания священника Мигеля Идальго. В 1910 г. чуть более 800 латифундистов, многие из которых были иностранцами, владели почти всей территорией страны. Эти сеньоры из города жили в столице или в Европе и только изредка наезжали в главные усадьбы своих латифундий, где преспокойно спали, укрывшись за высокими каменными стенами с могучими контрфорсами [107]. По другую сторону стен задыхались от тесноты пеоны в своих деревенских

[106] G. Wettstein, J. Rudolf. La sociedad rural. — "Nuestra Tierra", № 16, Montevideo, 1969.

[107] J. Silva Herzog. Breve historia de la Revolución mexicana. México—Buenos Aires, 1960.

домишках из саманного кирпича. 12 млн. человек из 15 млн. обитателей тогдашней Мексики зависели от заработков в сельском хозяйстве; при этом их заработная плата почти целиком оставалась в лавке помещика, где по невероятно высоким ценам им продавали фасоль, муку и водку. Тюрьма, казарма и церковь усердно боролись с «врожденными пороками» индейцев, которые, по словам представителя одного известного в свое время семейства, рождались «ленивыми, склонными к пьянству и воровству». Рабство, в которое обращали работника при помощи унаследованных им долгов или нового контракта, было реально существующей системой труда на хенекеновых плантациях Юкатана, на табачных плантациях Вальье-Насьоналя, в лесах и садах Чьяпса и Табаско и на каучуковых, кофейных, сахарных, табачных и фруктовых плантациях Веракруса, Оахаки и Морелоса. Джон Тернер, североамериканский писатель, писал после посещения Мексики, что «Соединенные Штаты втайне превратили Порфирио Диаса в своего политического вассала, а Мексику, следовательно, в свою рабскую колонию» [108]. Североамериканский капитализм извлекал, прямо или косвенно, огромную выгоду от поддержки диктатуры. «Североамериканизация Мексики, которой похвалялся Уолл-стрит, — говорил Тернер, — осуществляется так, словно США за что-то мстят этой стране».

В 1845 г. Соединенные Штаты аннексировали мексиканские территории Техаса и Калифорнии, где установили рабство «именем цивилизации»; в этой войне Мексика потеряла площади, занятые нынешними североамериканскими штатами Колорадо, Аризоной, Нью-Мексико, Невадой и Ютой, — то есть более половины страны. Узурпированные северным соседом территории равны площади всей современной Аргентины. «Бедная Мексика! — говорят с тех пор. — Так далеко она от бога и так близко от Соединенных Штатов». Ее искромсанная земля затем претерпела вторжение и североамериканских капиталовложений — в медь, нефть, каучук, сахар, банки и транспорт. «Американ кордейдж траст», филиал «Стандард ойл», имеет самое прямое отношение к гибели индейцев майя и яки на плантациях хенекена в Юкатане, этих настоящих концлагерей, где взрослых и детей продавали и покупали как скот, ибо этот концерн приобретал более половины всего производи-

[108] J. K. Turner. México Bárbaro. México, 1967.

мого в Мексике хенекена, и ему было желательно иметь самое дешевое волокно. Иной раз об использовании рабского труда говорилось без стеснения, в открытую, как подтверждает Тернер. Один североамериканский управляющий рассказал ему, что оплатил партии завербованных пеонов по 50 песо за голову, «и мы будем их держать, пока они живы... В течение трех месяцев похороним более половины» [109].

В 1910 г. наступил час расплаты. Мексика с оружием в руках поднялась против Порфирио Диаса. На юге страны возглавил мятеж крестьянский вождь Эмилиано Сапата, самый праведный из лидеров революции, самый приверженный делу бедноты, самый упорный в своем стремлении к достижению социальной справедливости.

В последние десятилетия XIX в. грабеж сельских общин в Мексике был особенно зверским; в городках и деревнях штата Морелос шла настоящая охота за землями, водными источниками и людьми, необходимыми сахарным плантациям, которые неудержимо росли. Сахаропроизводящие земли играли в жизни страны определяющую роль, их процветание вызвало к жизни механизированные сахароварни, большие спиртоочистительные заводы и железные дороги для транспортировки товаров. В общине Аненекуилько, где жил Сапата и которой принадлежал душой и телом, обираемые до нитки крестьяне-индейцы 7 веков не разгибаясь трудились на своей земле: они работали так еще до прихода Эрнана Кортеса. Тех, кто осмеливался громко жаловаться, отправляли в лагеря принудительных работ на Юкатане. Как и всюду, в штате Морелос, где плодородные земли принадлежали всего 17 собственникам, труженики жили несравненно хуже скаковых лошадей, которых латифундисты холили и лелеяли в роскошных конюшнях. По закону 1909 г. новые земли отбирались у их законных хозяев. Это и подлило масла в уже полыхавший огонь социальных противоречий. Эмилиано Сапата, замечательный наездник, скупой на слова, которого все знали как лучшего объездчика лошадей, всеми уважаемый за честность и смелость, сделался пар-

[109] J. K. Turner. Op. cit. Мексика была излюбленной страной приложения североамериканских капиталов; к концу прошлого века там сосредоточилась почти треть всех иностранных капиталовложений США. В штате Чиуауа и других северных областях Уильям Рандольф Херст, знаменитый «гражданин Кейн» из фильма Уэллса, владел более чем 3 млн. гектаров земли.

тизаном. «След в след за конем командира Сапаты», как тогда говорили, люди с юга шли сражаться за свободу, образуя освободительное войско [110].

Диас пал, и революция вынесла Франсиско Мадеро на берег власти. Обещания аграрной реформы растворились в расплывчатых, туманных фразах. В день своей свадьбы Сапата вынужден был прервать праздник и пойти в бой: правительство послало войска генерала Викторнано Уэрты для подавления повстанцев. Герой превращался в «бандита», как выражались городские «доктора». В ноябре 1911 г. Сапата обнародовал свой «План Аялы» и заявил: «Я готов продолжать борьбу против всего и против всех». В «Плане» говорилось, что «огромное большинство деревень и граждан Мексики владеют ныне только той землей, на которой стоят», и объявлялась полная национализация всего имущества врагов революции, возвращение узурпированных латифундистами земель их законным владельцам и экспроприация одной трети земель у остальных помещиков. «План Аяла» превратился в неодолимый магнит, привлекавший тысячи и тысячи крестьян в армию крестьянского вождя. Сапата назвал «подлым намерением» попытку ограничить революцию лишь сменой лиц в правительстве: не для того она делалась.

Борьба продолжалась около 10 лет — сначала против Диаса, против Мадеро, затем против душегуба Уэрты и в конечном итоге против Венустиано Каррансы. Долгие годы войны сопровождались непрекращающимся североамериканским вмешательством: морские пехотинцы дважды высаживались на мексиканскую землю, она нередко подвергалась обстрелу, дипломаты плели политические интриги, а посол Генри Лейн Уилсон организовал ликвидацию президента Мадеро и вице-президента. Однако смена лиц у кормила власти в Мексике никак не умеряла ненависть власть имущих против Сапаты и его приверженцев, ибо борьба между ними была настоящей борьбой классов в недрах национальной революции, то есть подрывала устои правящих классов. Правительства и газеты поносили «орды вандалов» генерала из штата Морелос. Мощные армии одна за другой выступали против Сапаты. Поджоги, убийства, уничтожение деревень — по сапатисты не сдавались. Мужчин, женщин и детей расстреливали или вешали как

[110] Y. Womack Jr. Zapata y la Revolucion mexicana. México, 1969.

«сапатистских лазутчиков», а за каждой резней следовало заявление о победе, любая карательная акция выдавалась за успех. Но спустя некоторое время революционеры снова зажигали костры своих походных бивуаков в горах юга. Не раз отряды Сапаты успешно контратаковали врага даже в предместьях столицы. После падения режима Уэрты Эмилиано Сапата и Панчо Вилья — Аттила Юга и Кентавр Севера — вместе вошли победителями в город Мехико и в течение недолгого времени делили власть. В конце 1914 г. выдался короткий период затишья, позволивший Сапате приступить к осуществлению в штате Морелос аграрной реформы, еще более радикальной, чем провозглашенная «Планом Аяла». Основатель социалистической партии и вместе с ним группа анархо-синдикалистов оказали свое влияние на процесс этих преобразований; в силу этого идеология лидера крестьянского движения стала более левой, хотя эта левизна и так естественным образом вытекала из основ его мировоззрения — такая помощь придала большую целенаправленность его организационным действиям.

Аграрная реформа поставила своей задачей «полностью и навсегда покончить с несправедливой монополией на землю и создать общественное устройство, абсолютно гарантирующее естественное право каждого человека на земельный надел, который может прокормить его самого и его семью». Возвращались земли общинам и людям, ограбленным на основании закона 1856 г. о деамортизации; устанавливались максимальные размеры наделов в зависимости от климата и плодородия почвы, земля врагов революции была объявлена национальной собственностью. Последняя из этих политических установок имела, как и аналогичный пункт аграрной реформы Артигаса, явную экономическую подоплеку: враги — это латифундисты. Были созданы школы для подготовки специалистов, фабрики сельскохозяйственных орудий и банк сельскохозяйственного кредитования; национализированы сахарные и спиртоочистительные заводы, ставшие общественным достоянием. Система местных демократических преобразований дала народу доступ к участию в политической жизни и возможность улучшить свое экономическое положение. Создавались и множились сапатистские школы, организовывались народные хунты для защиты и пропаганды революции, подлинная демократия обретала лицо и набирала силу. Муниципалитеты были основными органа-

ми управления, и народ сам избирал местные власти, свои суды и полицию. Военачальники должны были подчиняться воле народного гражданского правления. Система жизни и система производства устанавливалась наконец-то не по воле бюрократов и генералов. Революция не порывала и с традициями, она действовала «в соответствии с обычаями каждого селения... если, например, данная деревня предпочитала общинное землевладение, то там создавалась община; если другая деревня хотела поделить землю на небольшие собственные наделы, то земля дробилась» [111].

Весной 1915 г. все поля Морелоса были засажены в основном кукурузой и другими продовольственными культурами. А в это время город Мехико испытывал недостаток в продовольствии, над ним нависала угроза голода. Венустиано Карранса, ставший президентом, провозгласил свою аграрную реформу, но его приближенные не преминули воспользоваться этим законом в корыстных интересах, а в 1916 г. они наточив зубы бросились на Куэрнаваку, столицу штата Морелос, и на другие сапатистские области. Богатые урожаи, минералы, меха и ряд орудий производства сделались богатой добычей военщины, которая шла сюда, все сжигая на своем пути и при том заявляя о своей приверженности к «возрождению и прогрессу».

В 1919 г. коварная провокация, построенная на предательстве, оборвала жизнь Эмилиано Сапаты. Взяв его на мушку, тысяча человек разрядили в него из засады винтовки. Он погиб в том же возрасте, что и Че Гевара, но осталась жить легенда: одинокий гнедой конь до сих пор без устали скачет к югу по горной цепи. Жива не только легенда. Весь штат Морелос решил «завершить дело преобразователя, отомстить за кровь мученика, следовать примеру героя», и страна откликнулась на это решение. Прошло время, и в период президентства Ласаро Карденаса (1934—1940) сапатистские традиции снова обрели жизненность и значимость в результате проведения аграрной реформы во всей Мексике. В основном за период правления Карденаса было экспроприировано 57 млн. гектаров, принадлежавших иностранным или национальным предприятиям, крестьяне не только получили землю, кредиты, школы, но и узнали новые формы организации сельскохозяйственного производства. Экономика быстро

[111] J. Womack Jr. Op. cit.

пошла на подъем, население страны увеличивалось; сельскохозяйственное производство диверсифицировалось, Мексика в целом индустриализировалась и модернизировала свое хозяйство. Росли города и расширялся — вширь и вглубь — внутренний рынок потребления.

Но мексиканский национализм не перерос в социализм, поэтому, как и в других странах, которые не сделали важнейшего шага, не смог до конца решить поставленные задачи, достигнуть экономической независимости и социальной справедливости. Миллион погибших за долгие годы революции и войны принесли свою кровь «на алтарь более жесткого, свирепого и ненасытного Уицилопочтли, чем тот, которого чтили наши предки, — на алтарь капиталистического развития Мексики в условиях, созданных зависимостью от империализма» [112]. Многие исследователи отмечают признаки обветшания прежних боевых знамен. Эдмундо Флорес утверждает в одной из своих недавних публикаций, что «сейчас 60% всего населения Мексики имеют доход менее 120 долларов в год и голодают» [113]. Восемь миллионов мексиканцев практически не знают другой еды, кроме фасоли, маисовых лепешек и жгучего перца [114]. Глубокие противоречия системы громко заявляют о себе не только когда под пулями погибают 500 студентов, как случилось во время побоища в Тлателолко *. На основе официальных данных Алонсо Агилар пришел к выводу, что в Мехико 2 млн. крестьян не имеют земли, 3 млн. детей не посещают школу, около 11 млн. не умеют читать и писать, 5 млн. ходят босыми [115]. Коллективные земельные владения эхидатариев ** постоянно дробятся, а число минифундий, которые также раздираются на клочки, растет, и вместе с тем появляется латифундизм новой формации, новая аграрная буржуазия, занявшаяся крупномасштабным коммерческим сельским хозяйством. Местные же землевладельцы и посредники, которые захватили главенствующее положение, нарушая дух и букву закона, в свою очередь заняли подчиненное положение: в одной недавно

[112] F. Carmona. Op. cit.

[113] E. Flores. ¿Adónde va la economía de México?—"Comercio exterior", № 1. México, enero de 1970.

[114] A. M. Flores. La magnitud del hambre en México. México, 1961.

[115] A. Aguilar y F. Carmona. Op. cit.; A. Aguilar, F. Carmona, G. Montano, G. Carrión. El milagro mexicano. Mexico, 1970.

опубликованной книге указывается, что они объединены общим термином «...энд К°» при фирме «Андерсон Клейтон энд К°» [116]. В этой же книге сын Ласаро Карденаса говорит, что «скрывающие свою истинную суть латифундии захватывают по преимуществу самые лучшие, самые плодородные земли».

Писатель Карлос Фуэнтес воссоздал в ретроспекции, начиная со смертного часа своего героя, жизнь капитана из армии Каррансы, проложившего себе путь наверх с помощью подлых дел и убийств — и на войне, и в мирное время [117]. Человек из низов, Артемио Крус, с течением лет отбрасывает прочь идеализм и героизм своей молодости; он присваивает чужие земли, учреждает многочисленные предприятия, становится депутатом и в своем блестящем восхождении достигает верхних ступеней социальной лестницы, одновременно сколачивая огромное состояние, приобретая власть и влияние с помощью темных делишек, подкупов, спекуляций, рискованных операций и уничтожения индейцев огнем и мечом. История литературного персонажа походит на историю его партии *, ставшей символом нынешнего бессилия мексиканской революции, которая, по сути, монополизирует политическую жизнь страны в наши дни. Поднимаясь вверх, они оба низко пали...

Латифундия приумножает рты, но не хлеб

На каждого жителя Латинской Америки сейчас приходится меньше сельскохозяйственной продукции, чем накануне второй мировой войны. Прошло 30 долгих лет, и за этот период производство продовольственных товаров в мире выросло в той же пропорции, что сократилось в наших странах. Причина отставания латиноамериканского сельского хозяйства — в укоренившейся системе расточительства: в расточительном отношении к рабочей силе, к плодородным землям, к капиталам, к продукции и прежде всего к представлявшимся историческим возможностям развития. Латифундия и ее бедный родственник, минифундия, являют собой то самое узкое место, которое не дает развиваться ни сельскому хозяйству, ни экономике в це-

[116] R. Stavenhagen, F. Paz Sánchez, C. Cardenas, A. Bonilla. Neolatifundismo y explotación. De Emiliano Zapata a Anderson Clayton y Co. México, 1968.

[117] C. Fuentes. La muerte de Artemio Cruz. México, 1962. Русск. перевод: К. Фуэнтес. Смерть Артемио Круса. М., 1967.

лом. Режим землепользования накладывает свой отпечаток на систему производства: 1,5% латиноамериканских землевладельцев владеют половиной всей обрабатываемой земли, и Латинская Америка ежегодно тратит более 500 млн. долл. на ввоз из-за границы продуктов питания, которые она могла бы без особых усилий производить на своих бескрайних плодородных землях. Лишь около 5% всей ее территории занято под сельскохозяйственные культуры — *это самое низкое соотношение в мире и, следовательно, показатель самой высокой степени расточительности* [118]. Кроме того, немногочисленные обрабатываемые земли дают очень низкие урожаи. Во многих регионах деревянный плуг встречается чаще, чем трактор. Чрезвычайно редко можно видеть на полях современную сельскохозяйственную технику, а техника — это не только механизация сельскохозяйственных угодий, но и усиление отдачи земли, помощь земле, нуждающейся в удобрениях, гербицидах, качественном посевном материале, пестицидах и искусственном орошении [119]. Латифундия входит — как своего рода Король-Солнце — в созвездие власть имущих, которые, по удачному выражению Масы Савалы, приумножают голодных, но не хлеб [120]. Вместо того чтобы использовать рабочую силу, латифундия ее выбрасывает за борт: в течение 40 лет число латиноамериканских сельскохозяйственных рабочих сократилось более чем на 20%. Нет числа технократам, бездумно хватающим шаблонные формулы и готовым утверждать, что это, мол, показатели прогресса: ускоренные темпы урбанизации, массовые миграции сельского населения. Действительно, безработные, которых сельское хозяйство плодит без устали, устремляются в город и растекаются по его предместьям. Но и фабрики, которые тоже вышвыривают безработных по мере модернизации, не поглощают эту избыточную неквалифицированную рабочую силу. Применение передовой технологии в сельском хозяйстве, когда таковое имеет место, лишь обостряет проблему. Доходы помещиков, использующих более современные средства в своем землепользовании, увеличиваются, но и незанятых рабочих рук становится

[118] FAO. "Anuario de la producción", vol. 19, 1965.

[119] A. Baltra Cortés. Problemas del subdesarrollo económico latinoamericano. Buenos Aires, 1966.

[120] D. F. Maza Zavala. Explosión demográfica y crecimiento económico. Caracas, 1970.

больше, и таким образом еще более углубляется пропасть, разделяющая бедных и богатых. Применение, например, механизации, не увеличивает, а сокращает число рабочих мест в сельской местности. *Латиноамериканцы, которые, работая с утра до ночи, производят продовольственные товары, сами, как правило, недоедают: их заработная плата мизерна, а доходы, приносимые полями, тратятся в городах или уплывают за границу.* Современная техника, повышающая скудные урожаи, но оставляющая в неприкосновенности существующую систему землепользования, понятно, не является благословением божьим для крестьян, хотя и содействует общему прогрессу. Не увеличиваются ни заработки крестьян, ни их заинтересованность в больших урожаях. Поле — источник бедности для многих и богатства для очень немногих. Личные двухместные самолеты летают над скудными необозримыми полями, бесплодные цветы роскоши цветут на модных курортах, а Европа кишит богатыми латиноамериканскими туристами, которые отнюдь не интересуются плодовыми культурами своих земель, но весьма пекутся — а как же иначе — о повышении уровня своей духовной культуры.

Пауль Байрах относит слабость экономики «третьего мира» за счет того, что в среднем его сельскохозяйственное производство лишь наполовину достигло уровня, какого накануне промышленной революции достигли нынешние развитые страны [121]. Действительно, чтобы промышленность развивалась гармонично, ей требуется гораздо более высокий уровень производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Продукты — для городов, которым надо расти и кормиться; сырье — для фабрик и на экспорт, чтобы уменьшить импорт сельскохозяйственных товаров и увеличить объем продаж для получения валюты, идущей на развитие промышленности. С другой стороны, система латифундий и минифундий становится причиной рахитичности внутреннего рынка, без расширения емкости которого нарождающаяся промышленность также не может встать на ноги. Нищенские заработки в сельской местности и растущая резервная армия безработных вместе работают на то, чтобы еще более ухудшить положение: беглецы из деревни, стучащиеся в ворота го-

[121] P. Bairach. Diagnostic de l'évolution économique du Tiers Monde. 1900—1966. Paris, 1967.

родов, еще более снижают общий уровень доходов трудящихся.

С тех пор как «Союз ради прогресса» с большой помпой провозгласил необходимость проведения аграрной реформы, олигархия и технократия не переставали вырабатывать всевозможные проекты. Дюжины проектов — толстых, тонких, пространных, кратких — дремлют в архивах парламентов всех латиноамериканских стран. *Аграрная реформа уже не предается анафеме: политиканы поняли, что лучший способ не проводить реформу состоит в том, чтобы постоянно ее обсуждать.* А тем временем процессы концентрации и дробления земель спокойно продолжаются в большинстве латиноамериканских стран. Однако все чаще на их пути появляются препятствия. Ибо сельская местность служит не только рассадником нищеты; это также и источник мятежей, хотя острота социальных отношений нередко завуалирована видимой покорностью масс. Северо-Восток Бразилии, например, производит на первый взгляд впечатление настоящей твердыни фатализма, где люди так же пассивно готовы встретить голодную смерть, как встречают приход ночи на закате дня. Но в конечном итоге недалеко то время, когда произойдет настоящий взрыв стихийного бунта жителей Северо-Востока, возможно окрашенного мистицизмом, потому что они привыкли бороться, идя за своими мессиями и чудаковатыми апостолами, потрясая крестами и винтовками, не страшась целых армий, обуреваемые стремлением сотворить на этой земле царство небесное; недалеко время и новой страшной вспышки вооруженной борьбы, которую развяжут «кангасейро». В Бразилии всегда фанатики и бандиты, идеалисты и мстители шли рука об руку, когда слепой социальный протест отчаявшихся крестьян прорывал все плотины [122]. Позже крестьянские лиги переняли эти традиции, углубив и развив их в новых условиях.

Военная диктатура, захватившая власть в Бразилии в 1964 г., также поспешила объявить о своей аграрной реформе. Бразильский институт аграрной реформы является, как заметил Пауло Шиллинг, единственным в своем роде учреждением: вместо того чтобы распределять землю среди крестьян, он занимается тем, что сгоняет их с земли, которая была экспроприирована прежними правительствами у латифундистов или самовольно занята крестьяна-

[122] R. Facó. Cangaceiros e fanáticos. Rio de Janeiro, 1965.

ми, и возвращает эту землю помещикам. В 1966—1967 гг., когда печать еще не подвергалась строжайшей цензуре, газеты сообщали о грабежах, поджогах и карательных операциях, совершавшихся отрядами военной полиции во исполнение приказов упомянутого института. Другая аграрная реформа, достойная того, чтобы попасть в хрестоматию, проводилась в Эквадоре в 1964 г. Правительство раздавало только негодные для обработки земли и одновременно содействовало концентрации плодородных земель в руках крупных собственников. Половина всех земель, распределенных в результате аграрной реформы среди крестьян в Венесуэле начиная с 1960 г., была до этого общественной собственностью, огромные плантации при этом вовсе не были затронуты, а те латифундисты, которые лишались части своих земель, получали такие крупные возмещения убытков, что оставались только в выигрыше и приобретали новые земли в других местах.

Аргентинский диктатор Хуан Карлос Онгания чуть было не ускорил на 2 года свое свержение, когда в 1968 г. вознамерился ввести новые порядки в налогообложении на земельную собственность. Проект предусматривал значительное увеличение налогов на неиспользуемые «пустые земли» по сравнению с обрабатываемыми площадями. Скотоводческая олигархия призвала в помощь небо, мобилизовала своих покровителей в армии, и Онгания быстро позабыл о своих еретических планах. Аргентина, как и Уругвай, располагает естественными богатыми пастбищами, которые в сочетании с благодатным климатом позволяют ей относительно благоденствовать по сравнению с другими странами континента. Однако эрозия безжалостно пожирает бескрайние заброшенные равнины, которые не используются ни под посевы, ни под выпасы; то же самое происходит и с большей частью территорий, раскинувшихся на миллионы гектаров и используемых под экстенсивное животноводство. Как и в Уругвае, хотя и в меньшей степени, экстенсивное землепользование послужило главной причиной кризиса, который потряс аргентинскую экономику в семидесятые годы. Аргентинские латифундисты не проявляют достаточного интереса к техническим нововведениям. Продуктивность сельского хозяйства низка, но это устраивает собственников земли, ибо закон высоких барышей превыше всех законов. Расширение земельных владений путем приобретения новых площадей более доходно и менее рискованно, чем применение современной

технологии в целях интенсификации производства [123].

В 1931 г. «Аграрное общество» пыталось противопоставить лошадь трактору. «Земледельцы и животноводы! — призывали его руководители. — Обрабатывая поля с помощью лошадей, вы защищаете ваши собственные интересы и интересы страны!» Двадцать лет спустя это же общество заявляло в своих публикациях: «Гораздо легче кормить лошадь травой, чем тяжелый грузовик — бензином» [124].

По данным ЭКЛА, Аргентина имеет — пропорционально возделываемым площадям (в гектарах) — в семнадцать раз меньше тракторов, чем Франция, и в девятнадцать раз меньше, чем Великобритания. Страна применяет — в этой же пропорции — в сто сорок раз меньше удобрений, чем ФРГ [125]. Урожайность пшеницы, кукурузы и хлопка, получаемая Аргентиной, значительно меньше, чем урожайность этих культур в развитых странах.

Хуан Доминго Перон бросил вызов земельной олигархии Аргентины, определив статус пеона и установив минимум зарплаты в сельском хозяйстве. В 1944 г. «Аграрное общество» утверждало: «При назначении оплаты за труд главное — точно определить жизненный уровень среднего батрака-пеона. Порой его материальные потребности так ограниченны, что с общественной точки зрения увеличение их может оказаться излишним». «Аграрное общество» рассуждает о пеонах, словно о каких-то животных. Но глубокомысленные слова о низком уровне потребления сельских тружеников невольно служат ключом к пониманию причин слабого развития аргентинской индустрии: внутренний рынок не может в нужной степени расти ни вширь, ни

[123] Искусственное пастбище требует, с точки зрения капиталиста-скотовода, капиталовложений более крупных, более рискованных, и одновременно оно менее рентабельно, чем пастбище натуральное, требующее обычных небольших затрат. Таким вот образом частные интересы производителя входят в противоречие с интересами общества, поскольку привесы и продуктивность скота могут в определенной мере увеличиться лишь с повышением питательных свойств почвы. Стране нужно, чтобы коровы давали больше мяса, овцы — больше шерсти, но хозяева земли получают больше чем достаточно при нынешнем уровне доходности экстенсивного сельского хозяйства. Выводы Института экономики Университета Уругвая (Op. cit.) могут быть в определенном смысле применены и к Аргентине.

[124] D. Cúneo. Comportamiento y crisis de la clase empresaria. Buenos Aires, 1967.

[125] CEPAL. Estudio económico de América Latina. Santiago de Chile, 1964. 1966; El uso de fertilizantes en América Latina. Santiago de Chile. 1966.

вглубь. Политика экономического развития, за которую ратовал Перон, так и не одолела аграрную отсталость. В июне 1952 г. в речи, произнесенной в театре «Колон», Перон заявил, что не собирается проводить аграрную реформу, и «Аграрное общество» откликнулось официальным комментарием: «Это — самая правильная установка».

В Боливии аграрная реформа 1952 г. позволила значительно улучшить питание населения высокогорных районов: у крестьян-индейцев даже было отмечено увеличение роста. Однако в целом боливийцы пока еще потребляют лишь около 60% протеинов и 20% калия из того, что составляет минимум в рационе питания, а в сельских местностях эти показатели гораздо ниже средних по стране. Нельзя сказать, что аграрная реформа не дала результатов, но и распределение земель в высокогорье не изменило положения: Боливия и сейчас тратит пятую часть своей валютной выручки на импорт продуктов питания.

Аграрная реформа, которую с 1969 г. проводит военное правительство Перу, являет собой попытку глубинных преобразований. Что касается экспроприации земель у некоторых чилийских латифундистов, предпринятой правительством Эдуардо Фрея, то следует признать, что она открыла путь радикальной аграрной реформе, которую проводит новый президент Сальвадор Альенде как раз в то время, когда я пишу эти строки.

Про 13 северных колоний и про то, как важно не быть важной колонией

Присвоение земель в Латинской Америке всегда опережало их эффективное использование. Самые яркие черты отсталости в системе нашего современного землевладения вызваны вовсе не кризисами — они зарождались как раз в периоды наивысшего процветания. Периоды экономического спада, напротив, умеряли неуемный аппетит латифундистов к новым земельным приобретениям. В Бразилии, например, упадок сахарного производства и видимое истощение месторождений золота и изумрудов вызвали к жизни в 1820—1850 гг. законодательство о введении во владение землей каждого, кто ее займет и начнет обрабатывать. В 1850 г. возведение кофе на трон «Короля-Продукта» обусловило появление «Закона о землях», сотворенного в интересах политиков и военных олигархическим режимом и лишавшего собственности на землю тех, кто ее обрабатывает, вынуждавшего их идти на юг и на восток осваивать

огромные внутренние территории страны. Этот закон «был введен в действие и в дальнейшем подкреплен многочисленными законодательными актами, которые определяли куплю в качестве единственно возможной формы приобретения земли и вводили систему нотариальной регистрации, что почти исключало получение земледельцем права пользования своей землей по фактическому признаку...» [126].

Североамериканское законодательство той же самой эпохи преследовало иные цели, способствуя внутренней колонизации Соединенных Штатов. Денно и нощно скрипели повозки первопроходцев, которые раздвигали границы страны, безжалостно истребляя индейцев и захватывая все новые девственные земли Запада. Закон Линкольна от 1862 г., согласно которому они получали земли, предоставлял каждой семье в собственность по 65 гектаров. Тот, кто получал в пользование землю, был обязан обработать свой надел за 5 лет [127]. И эти территории осваивались с поразительной быстротой, население увеличивалось и распространялось, подобно огромному масляному пятну на географической карте. Земли доступные, богатые и почти даровые притягивали европейских крестьян как неодолимый магнит. Они пересекали океан, затем — Аппалачи, устремляясь на открытые равнины. Те, кто занимал новые территории на западе и в центре, становились, таким образом, свободными фермерами. В то время как страна увеличивала свою площадь и население, создавались активные очаги сельскохозяйственного труда и одновременно формировался внутренний рынок, значительную емкость которого обеспечивали широкие массы фермеров-собственников, поддерживавший интенсивность промышленного развития.

Между тем сельские работники, которые веком раньше осваивали «новые рубежи» Бразилии, раздвигая ее внутренние границы, не были и не стали свободными крестьянами, искавшими кусок собственной земли, как замечает Рибейро, а остались законтрактованными батраками, служившими латифундистам, которые заранее сумели присвоить огромные пустые пространства. Внутренние целинные земли никогда не были доступны — ни в этом случае и ни в других — сельским труженикам. Ради чужих выгод ра-

[126] D. Ribeiro. Las Américas y la civilización. T. II, Buenos Aires, 1969.

[127] E. C. Kirkland. Historia económica de Estados Unidos. México, 1941.

ботинки, ударами мачете прорубая путь в сельве, осваивали страну. Колонизация превратилась просто в расширение латифундистских территорий. В период 1950—1960 гг. 65 бразильских латифундистов прибрали к рукам четвертую часть новых земель, включенных в сельскохозяйственное производство [128].

Противоположность принципов внутренней колонизации отражает одно из самых главных различий в моделях развития Соединенных Штатов и Латинской Америки. Почему север богат, а юг беден? Рио-Гранде — не просто географическая граница. Породила ли глубокие различия между северной и южной частью Западного полушария в наши дни, словно бы подтверждающие предсказание Гегеля о неизбежной войне между этой и той Америкой, империалистическая экспансия Соединенных Штатов или они имеют более глубокие корни? Совершенно очевидно, что на севере и на юге еще в колониальные времена возникли очень несхожие по структуре, образу жизни и целям общества [129]. Те, кто приплыл на «Мэйфлауэре», пересекли океан не для того, чтобы отыскивать сказочные сокровища или уничтожать индейские цивилизации, не существовавшие на севере Америки, а для того, чтобы обосноваться там со своими семьями и воспроизвести в Новом Свете ту систему жизни и труда, к какой они привыкли в Европе. Это были не джентльмены удачи, а первопроходцы, они приходили не завоевывать, а колонизовать; они создавали «колонии поселенцев». Известно, конечно, что в ходе дальнейшего освоения земель к югу от бухты Делавэр они создали и рабское плантационное хозяйство, сходное с тем, что появилось в Латинской Америке, но с той разницей, что в Соединенных Штатах центром тяжести с самого начала были фермы и мастерские Новой Англии, откуда потом вышли солдаты победоносных армий в Гражданской войне XIX в. между северными и южными штатами. Поселенцы Новой Англии, этого изначального ядра североамериканской цивилизации, никогда не выступали в роли колониальных агентов европейского капитализма, с самого начала они добивались своего собственного развития и развития своих новых земель. Тринадцать северных коло-

[128] C. Furtado. Um projeto para o Brasil. Río de Janeiro, 1969.

[129] I. Hanke y otros autores. Do the Americas Have a Common History? New York, 1964. Авторы напрасно дают волю фантазии, стараясь отыскать параллели между историческими процессами, происходившими на Севере и на Юге.

ний служили прибежищем для масс европейских крестьян и ремесленников, которых развивающаяся метрополия выбрасывала с рынка труда. *Свободные* работники составили основу нового общества за океаном.

Испания и Португалия, напротив, имели в избытке рабскую рабочую силу в Латинской Америке. К рабам-индейцам добавились массы рабов-африканцев. На протяжении столетий армии безработных крестьян были готовы к перемещению в центры производства: процветающие зоны всегда сосуществовали с зонами застоя — в зависимости от увеличения или уменьшения экспорта драгоценных металлов или сахара, — и застойные зоны отдавали рабочие руки районам, шедшим на подъем. Такая структура существует и в наши дни, и она и в настоящее время определяет низкий уровень заработков из-за избытка безработных на рынке труда и не позволяет расширяться внутреннему рынку потребления. К тому же в отличие от пуритан Севера господствующие классы колониального латиноамериканского общества никогда не ориентировались на внутреннее экономическое развитие. Их доходы устремлялись вовне, они были больше привязаны к иностранному рынку, чем к собственному дому. Земельные собственники, владельцы рудников, торговцы были рождены, чтобы делать одно дело: снабжать Европу золотом, серебром и продовольствием. Грузы двигались по дорогам в одном-единственном направлении: к портам, чтобы уплыть затем на заокеанские рынки. Это так же служит ключом к объяснению развития США, как и к пониманию причин раздробленности Латинской Америки, поскольку наши центры производства не соединялись друг с другом, а словно бы расположились на концах раскрытого веера, ручка которого находится далеко отсюда.

С полным правом можно сказать, что 13 северным колониям не было бы счастья, да несчастье помогло. Их исторический опыт показал, как много значит родиться незначительной колонией. Ибо в Северной Америке не было ни золота, ни серебра, ни индейских цивилизаций с плотно населенными центрами и готовой рабочей силой, ни тропических, сказочно плодородных почв в прибрежной полосе, — ничего этого не нашли там английские колонисты. Природа не была к ним милостива, да и история тоже, драгоценные металлы там не валялись под ногами, не было и рук рабов, чтобы вырывать металлы из чрева земли. Такова судьба. В целом же от Мэриленда через

Новую Англию и до Новой Шотландии северные колонии производили — в соответствии со своими почвенно-климатическими особенностями — абсолютно то же самое, что и британское сельское хозяйство, то есть не предлагали метрополии, как замечает Багу, *дополняющей* продукции [130]. Совсем иначе сложилась ситуация на Антилах и в иберийских колониях на нашем континенте. Из тропических земель широкими потоками шли сахар, табак, хлопок, индиго, скипидар; маленький остров в Карибском море значил для Англии больше — с точки зрения экономики, — чем все ее 13 колоний, образовавших затем Соединенные Штаты.

Эти условия объясняют подъем и консолидацию Соединенных Штатов как экономически автономной системы, из которых не утекали наружу богатства, копившиеся внутри нее. Для метрополии такая колония представляла собой мало интереса. Напротив, для получения прибыли на Барбадосе или на Ямайке достаточно было вкладывать капиталы лишь в закупку новых рабов по мере утраты прежних. Как мы видим, не расовые факторы определяли развитие одних колоний и слаборазвитость других, ибо на британских Антильских островах никогда не было ни испанцев, ни португальцев. Дело в том, что не имевшие экономического значения 13 северных колоний смогли рано диверсифицировать свой экспорт и способствовать бурному развитию мануфактурного хозяйства. Североамериканская индустриализация официально поощрялась и находилась под покровительством властей еще до эпохи независимости. Англия весьма терпимо к ней относилась, в то же самое время строжайше запрещая производство хотя бы одной-единственной иголки в своих Антильских владениях.

[130] S. B a g ú. Op. cit.

ПОДЗЕМНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ

Богатства недр Латинской Америки необходимы экономике США, как воздух — легким

В июле 1969 г., вскоре после того, как астронавты впервые в истории человечества вступили на поверхность Луны, Вернер фон Браун, ставший одним из «отцов» космической программы США, во всеуслышание заявил в американской печати, что Вашингтон ставит перед собой цель создать в космосе постоянно действующую станцию с весьма четкими и прозаическими задачами. «С этой чудесной космической платформы, позволяющей вести наблюдение, — заявил он, — мы сможем определять все богатства Земли: неизвестные нам еще нефтяные месторождения, медные рудники, залежи цинка...»

Нефть является главным топливом в нашу эпоху, а североамериканцы ввозят седьмую часть потребляемого ими этого горючего. Чтобы убивать вьетнамцев, им необходимы пули, а для их изготовления необходима медь: за пределами своих границ Соединенные Штаты покупают одну пятую часть потребляемого ими этого металла. Нехватка цинка ощущается ими особенно остро: около половины его приходится ввозить из-за границы. Без алюминия нельзя выпускать самолеты, а без бокситов алюминий не получишь: между тем у Соединенных Штатов своих бокситов почти нет. Основным металлургическим центрам этой страны, расположенным в Питтсбурге, Кливленде, Детройте, не хватает железной руды, добываемой на месторождениях в Миннесоте, которые почти исчерпали себя; недостает им и марганца на своей территории. Североамериканская экономика вынуждена импортировать треть потребляемого ею железа и весь марганец, в котором она нуждается. Для производства реактивных двигателей необходимы никель и хром, которых почти нет в североамериканских недрах. Для изготовления специальных сталей нужен молибден: четвертую часть этого металла североамериканцы ввозят.

Такого рода постоянно растущая зависимость США от снабжения из-за границы определяет в свою очередь растущую заинтересованность североамериканских капиталистов в Латинской Америке, делает связи с ней составной частью системы национальной безопасности Соединенных Штатов. Внутренняя стабильность крупнейшей в мире капиталистической державы, таким образом, оказывается тесно связанной с североамериканскими капиталовложениями к югу от Рио-Гранде. Около половины этих вложений приходится на добычу нефти и разработку горных ископаемых, «необходимых для экономики Соединенных Штатов как во времена мира, так и во времена войны» [1]. Вот что говорит председатель Международного совета Торговой палаты Севера США об этих капиталовложениях: «Исторически так сложилось, что одной из основных причин, по которой Соединенные Штаты вкладывают свои капиталы за границей, является потребность в природном сырье, и в первую очередь в нефти. Совершенно очевидно, что роль этого стимула, определяющего рост зарубежных капиталовложений, постоянно усиливается. Чем больше увеличивается наше население и повышается его жизненный уровень, тем значительнее наши потребности в сырье. И в то же время наши собственные ресурсы истощаются...» [2] Лихорадочный ритм, в котором государственные, университетские и частные научные лаборатории, принадлежащие крупным корпорациям, совершают новые открытия и делают новые изобретения, поражают воображение. Однако даже самая новейшая технология не открыла еще способа обходиться без основного сырья, которое человеку дает только природа.

Между тем возможности обеспечивать дальнейшее экономическое развитие Соединенных Штатов за счет недр самой этой страны слабеют изо дня в день [3].

[1] E. Lieuwen. The United States and the Challenge to Security in Latin America. Ohio, 1966.

[2] P. Courtney. Доклад, представленный на II Международный конгресс по накоплению и вкладу капиталов. Брюссель, 1959.

[3] H. Magdoff. La era del imperialismo. — "Monthly Review", Santiago de Chile, febr. 1969.

Недра амазонской сельвы приводят к государственным переворотам, порождают истории про шпионов и авантюристов

До того как в 1964 г. маршал Кастело Бранко, совершив государственный переворот, захватил власть в Бразилии, тут же любезно уступив богатейшие железорудные месторождения в долине Параопеба монополии «Ханна майнинг корпорейшн», эти же богатства бразильских недр уже привели к свержению двух бразильских президентов — Жанио Куадроса и Жоао Гуларта. За несколько лет до этого другой президент, являвшийся близким другом посла США в Бразилии, Эурико Дутра (он правил с 1945 по 1951 г.), также уступил — на этот раз «Бетлехем стил корпорейшн» — 40 млн. тонн марганца в штате Амапа, представляющие собой одно из крупнейших месторождений этого минерала в мире. Взамен бразильскому государству были предоставлены 4% от доходов, получаемых от экспорта марганца. С этого момента «Бетлехем» с таким рвением стала перевозить в Соединенных Штаты целые горы этого минерала, что многие не без основания опасаются, как бы Бразилия лет через 15 не осталась совсем без марганца, необходимого ей для обеспечения собственной металлургии. Таким образом, из 100 долл., вкладываемых «Бетлехем» в экспорт этого рудного богатства, 88 долл. достаются ей за счет щедрости бразильского правительства: во имя интересов «развития региона» корпорация фактически освобождена от налогов. Опыт с золотом, которое разбазарили в штате Минас-Жерайс, от чего Бразилия фактически ничего не получила («золото белое, золото черное, золото погибельное», как писал о нем поэт Мануэл Бандейра), как мы видим, ничему не научил: Бразилия продолжает почти даром раздавать свои природные ресурсы, необходимые ей для собственного развития[4]. А диктатор Рене Баррьентос, захвативший власть в Боливии в 1964 г., в промежутке между очередными усмирениями шахтеров, которых он убивал тысячами, отдал компании

[4] Между тем правительство Мексики сумело вовремя установить, что запасы серы в стране, являющиеся одними из самых крупных в мире, находятся на грани истощения. Разрабатывавшие их «Тексас галф салфер компани» и «Пан-Американ салфер» пытались ввести правительство в заблуждение, уверяя, будто в месторождениях, отданных им в концессию, имеется в шесть раз больше запасов, чем на самом деле. В 1965 г. правительство Мексики ограничило продажу этого сырья за границу.

«Филлипс бразерс» концессию на разработку рудника «Матильде», на котором добывают руду с содержанием свинца, серебра и цинка, в двенадцать раз более высоким, нежели на аналогичных месторождениях США. Эта североамериканская фирма получила право на вывоз чистого цинка, который она затем перерабатывала на своих заводах за пределами Боливии, выплачивая при этом боливийскому государству сумму, равную всего лишь 1,5% стоимости продажи металла [5]. В Перу в 1968 г. при таинственных обстоятельствах была потеряна 11-я страница соглашения, которое президент Белаунде Терри, видимо стоя на коленях, подписал с одним из филиалов «Стандард ойл»; это привело к тому, что генерал Веласко Альварадо сверг главу государства, взял в руки бразды правления страной и национализировал нефтяные скважины и нефтеочистительные заводы этой компании. В Венесуэле, превращенной «Стандард ойл» и «Галф» в огромное нефтяное озеро, не случайно базируется самая крупная в Латинской Америке военная миссия США. Непрекращающиеся военные перевороты в Аргентине происходят, как правило, незадолго до предоставления очередной нефтяной концессии или же сразу после того, как такая концессия предоставлена. Совсем не случайно до победы на выборах в Чили левых сил, возглавляемых Сальвадором Альенде, эта страна получала непомерную военную помощь — тут сыграла свою роль и заинтересованность США в чилийской меди, поскольку запасы этого металла в самих Соединенных Штатах с 1965 по 1969 г. сократились на 60%. Во время моего разговора с Че Геварой, происходившего в 1964 г. в его кабинете в Гаване, он подчеркнул, что Куба при Батисте была для США не только важным и выгодным поставщиком сахара: по его словам, потеря американцами крупных кубинских месторождений никеля и марганца не в меньшей мере объясняла ненависть имперских властей в Вашингтоне к кубинской революции. С того времени, когда состоялся этот разговор, резервы никеля в США сократились на треть — сказалось то обстоятельство, что североамериканская компания «Никро-найкэл» на Кубе была национализирована; дело дошло до того, что президент Джонсон пригрозил французским металлургическим компаниям наложить эмбарго на их экспорт в США, если те будут продолжать покупать никель у Кубы.

[5] S. Almaraz Paz. Réquiem para una república. La Paz, 1969.

Падение социалистического правительства Чедди Джагана, вновь получившего в конце 1964 г. большинство голосов на выборах, состоявшихся в бывшей английской колонии Британской Гвиане, в значительной мере было обусловлено богатствами недр этого края. Страна, ныне называемая Гайаной, занимает четвертое место в мире по добыче бокситов и третье место в Латинской Америке по производству марганца. ЦРУ сыграло решающую роль в том, что Джаган потерпел поражение на выборах. Главный организатор забастовки, которая послужила предлогом для непризнания победы Джагана у избирательных урн, и последующей серии провокаций против его правительства, некто Арнольд Цандер, позже открыто признавал, что его профсоюз «озолотили» долларовым дождем, позволившим ему провести эту стачку, причем доллары поступали из фондов Центрального разведывательного управления США [6]. Новый режим Гайаны дал гарантии «Алюминиум компани оф Америка», что ее интересы в стране отныне не будут ущемляться: с тех пор эта монополия смогла позволить себе, ничего и никого не страшась, вывозить гайанские бокситы, а затем продавать их самой себе по ценам 1938 г., хотя с того времени цены на алюминий возросли в несколько раз [7]. Этот бизнес стал теперь для американцев безопасным. На территории Соединенных Штатов вообще мало бокситов, а добываемые в Арканзасе — вдвое дороже, чем гайанские, и все же, используя чужое и невероятно дешевое сырье, США ухитряются производить почти половину всего алюминия в капиталистическом мире.

США зависят от расположенных за границей источников в таком важном деле, как обеспечение большей части стратегического сырья, жизненно необходимого для поддержания своего военного потенциала. «Реактивные двигатели, газовые турбины и ядерные реакторы вызывают огромный спрос на сырье, которое можно получить только

[6] C. Julien. Op. cit.

[7] Артур Дэвис, бывший на протяжении долгого времени президентом «Алюминиум компани», скончался в 1962 г., оставив наследство в 300 млн. долл., которые велел потратить на благотворительные цели, однако только в пределах США. Гайане не удалось добиться, чтобы ей была возвращена хотя бы часть богатств, которые из нее были вывезены. Ph. Reno. Aluninium Profits and Caribbean People. — "Monthly Review". Nueva York, oct. 1963; его же: El drama de la Guayana Británica. Un pueblo desde la esclavitud a la lucha por el socialismo. — "Monthly Review", Buenos Aires, en.-feb. 1965.

за рубежом», — утверждает Магдофф, касаясь этой проблемы [8]. Настоятельная потребность в стратегическом сырье, без которого невозможно поддерживать и развивать ядерный и вообще военный потенциал Соединенных Штатов, особенно наглядно проявляется в той массовой скупке земель, которая происходит ныне в бразильской Амазонии, причем с самым грубым нарушением всех законов и правил. В шестидесятых годах огромное число американских фирм, во главе которых, как правило, стояли профессиональные авантюристы и контрабандисты, нагрянули в гигантскую сельву бассейна Амазонки и стали лихорадочно прибирать ее к рукам. Еще до этого, согласно подписанному в 1964 г. соглашению, самолеты военно-воздушных сил США совершили тщательный облет и детальную аэрофотосъемку всего этого района. При этом использовалось специальное оборудование для обнаружения в первую очередь запасов радиоактивной руды, а также железорудных и нерудных пород. При «добром» посредничестве Главного геологического управления США полученные фотографии и другие данные, дававшие представления о размерах месторождений и глубине залегания этих скрытых богатств Амазонии, попали в руки заинтересованных американских фирм [9]. На огромных пространствах бассейна Амазонки было установлено наличие запасов золота, серебра, алмазов, гипса, красного железняка, магния, тантала, титана, тория, урана, кварца, цинка, марганца, свинца, сульфатов, калия, бокситов, циркония, хрома и ртути.

Простирающееся от девственных лесов Мату-Гроссу до южных равнин Гойяс небо над сельвой настолько широко распахивается перед человеческим взором, что, как писал в горячечном восторге журнал «Таймс», там можно сразу увидеть блистающее солнце и молнии от полудюжины гроз, гремящих над этими необозримыми пространствами. Ради того, чтобы быстрее освоить и колонизировать эти невероятные дикие просторы, бразильское правительство решило освободить от налогов компании, которые этим займутся, предоставить им и другие льготы. Согласно сообщению «Таймс», до 1967 г. иностранные капиталисты скупили здесь по цене в среднем 7 центов за акр столько земель, что общая их площадь превышает территорию

[8] H. Magdoff. Op. cit.

[9] H. Alves. Aerofotogrametria. — "Correio da Manhã". Rio de Janeiro, 8 jun. 1967.

американских штатов Коннектикут, Род-Айленд, Делавэр, Массачусетс и Нью-Гемпшир, вместе взятых. «Мы должны продолжать держать широко раскрытыми двери перед иностранными капиталовложениями, — утверждал тогдашний директор правительственного управления, которому поручили развивать Амазонию, — ибо мы нуждаемся для освоения этого района в гораздо бо́льших средствах, чем можем выделить сами». Впрочем, еще когда авиация США производила аэрофотосъемку и геологическое исследование Амазонии, правительство Бразилии, стремясь объяснить этот факт, утверждало, что у него самого для этого не хватает ресурсов. Эта нелепая практика в Латинской Америке стала своего рода нормой: собственные ресурсы отдаются чужакам, и оправдывается это тем, что своих ресурсов не хватает.

Конгресс Бразилии провел специальное исследование, материалы которого изданы в виде пространного доклада [10]. В нем перечислены случаи незаконного приобретения земель общей площадью в 20 млн.гектаров. При этом выяснилось, что в Амазонии эти земли расположены с такой закономерностью, что, согласно мнению проводившей расследование комиссии, они «образуют своего рода коридор, отделяющий этот район от остальной части Бразилии». «Противозаконная добыча весьма ценных минералов», как сказано в докладе, является одной из главных причин, объясняющих алчность бизнесменов США, которые стремятся установить свои «новые рубежи» в Бразилии. В документе министерства обороны, включенном в тот же доклад, особый упор делается на то, что «правительство США явно пытается установить контроль и укрепить его в будущем над обширной частью территории, с тем чтобы использовать ее затем для добычи ископаемых, прежде всего радиоактивных, или же в качестве плацдарма для целенаправленной колонизации земель в этом районе». Национальный совет безопасности утверждает: «Обращает на себя внимание и вызывает опасения тот факт, что на занятых иностранцами землях или на тех, которые они намереваются приобрести, представители зарубежных организаций систематически занимаются опытами по стерилизации бразильских женщин». Действительно, как

[10] Доклад парламентской исследовательской комиссии о продаже бразильских земель иностранным лицам и организациям, Бразилия, 3 июня 1968 г.

сообщает газета «Коррейо да Манья», «более двадцати иностранных религиозных миссий, главным образом связанных с протестантской церковью в Соединенных Штатах, действуют в Амазонии, и наиболее активным образом в тех ее районах, что особенно богаты радиоактивными металлами, золотом и алмазами... Они обучают индейцев английскому языку и усиленно прививают им навыки использования противозачаточных средств, применяя для этого самые разные способы... Находящиеся под контролем этих миссий участки охраняются вооруженными людьми, не позволяющими посторонним проникать в них» [11]. Надо отметить, что Амазония представляет собой наиболее обширную область на всей планете с минимальной плотностью населения. Контроль над рождаемостью, таким образом, осуществляется в этом и без того почти пустынном районе, чтобы в будущем вообще свести к нулю местный демографический фактор, а проще говоря, убрать отсюда и тех немногих бразильцев, которые из поколения в поколение живут в укромных уголках амазонской сельвы.

С другой стороны, генерал Риограндино Крюэл заявил перед исследовательской комиссией конгресса, что «объем контрабандного вывоза руды, содержащей торий и уран, достиг астрономической цифры в миллион тонн». Незадолго до этого, в сентябре 1966 г., тот же Крюэл, занимавший пост начальника федеральной полиции, выступил с разоблачением «возмутительного систематического вмешательства» консула Соединенных Штатов в судебный процесс, который велся против четырех граждан США, обвиненных в контрабанде бразильских минералов, содержавших расщепляющиеся элементы. По мнению генерала, тот факт, что при этих людях обнаружено 4 тонны радиоактивной руды, вполне достаточен для их осуждения. Но прошло немного времени, и трое из контрабандистов самым загадочным образом исчезли из Бразилии. Впрочем, контрабанда уже тогда вовсе не была новым явлением в стране, хотя надо сказать, что объем ее резко возрос именно в последние годы. Только за счет нелегального вывоза необработанных алмазов Бразилия ежегодно теряет более 100 млн. долл. [12] Хотя надо признать, что относительный вред от такой контрабанды не так уж и велик, если учесть, что концессии, полученные иностранцами у бразильских властей, дают им весьма удобные и «законные» возможно-

[11] "Correio da Manhã". Rio de Janeiro, 30 jun. 1968.

[12] P. R. Shilling. Brasil para extranjeros. Montevideo, 1966.

сти расхищать баснословные богатства недр Бразилии. Чтобы не утомлять вас примерами, приведем лишь еще один из длинного перечня. Крупнейшее в мире месторождение ниобия, расположенное в Аракса́, принадлежит филиалу компании «Ниобиум корпорейшн», руководство которой находится в Нью-Йорке. Из ниобия получают целый ряд сплавов, которые в силу их большой стойкости к высоким температурам используются при строительстве ядерных реакторов, создании ракет, космических кораблей и спутников, а также обычных реактивных самолетов. Одновременно с ниобием эта компания добывает, также в Аракса, большие количества тантала, тория, урана, пирохлора и руд с высоким содержанием редкоземельных элементов.

Про немецкого химика, разгромившего победителей в тихоокеанской войне

История про то, как селитра привлекла к себе огромный интерес во всем мире, а затем была предана забвению, весьма показательна и дает возможность лучше понять, насколько иллюзорны надежды латиноамериканцев добиться благосостояния путем продажи на мировом рынке богатств своих недр: *это всегда напоминает эфемерное дуновение ветерка, обещающего счастье, и вдруг заканчивающегося тяжелой и необратимой катастрофой.*

В середине прошлого века Старый Свет был насмерть перепуган мрачными пророчествами Мальтуса. Население Европы росло стремительными темпами; в усталые земли, почва которых истощалась, необходимо было вдохнуть новую жизнь, чтобы увеличить производство продуктов питания в той же пропорции, в какой росло число жителей континента. Именно тогда в британских лабораториях были раскрыты поразительные качества гуано как удобрения. С 1840 г. начался его массовый импорт. Гуано просто собирали на берегах Перу. На протяжении столетий на них, а также на прилегающих островах обитающие здесь пеликаны и чайки, которые питались рыбой — ею очень были богаты течения, подходящие к побережью, — оставляли настоящие горы экскрементов, содержащих азот, аммиак, фосфаты и щелочные соли. А поскольку на побережье Перу дождей практически не бывает, гуано сохранялось тут испокон веков[13]. Вскоре после того, как перуанское

[13] E. Samhaber. Sudamérica, biografía de un continente. Buenos-Aires, 1946. Птицы, дающие гуано, писал Роберт Чесен Мэрфи

гуано начали вывозить в массовых масштабах, специалисты по сельскохозяйственной химии определили, что те же питательные качества, но в еще большей степени, свойственны и селитре. Уже к 1850 г. она стала широчайшим образом использоваться в качестве удобрения на полях Европы. Земли старого континента, истощившиеся в силу многовекового сеяния на них пшеницы, разрушаемые к тому же и эрозией, жадно впитывали груды естественного удобрения в виде селитры, привозимой с богатейших залежей перуанской провинции Тарапака, а затем и из провинции Антофагаста, принадлежавшей тогда Боливии [14]. Благодаря селитре и гуано, лежавшим на берегах Тихого океана «чуть ли не у бортов приплывших за ними судов»[15], признак надвигающегося голода отступил от Европы.

Олигархия Лимы, как никакая другая преисполненная гордыни и обожающая роскошь, продолжала безудержно обогащаться. По-прежнему похваляясь своей властью, она строила посреди песчаной пустыни дворцы и мавзолеи из каррарского мрамора. Когда-то самые богатые роды Лимы богатели за счет того, что продавали серебро, добываемое на рудниках Потоси: теперь они безбедно жили за счет птичьего дерьма и светло-серебристых сгустков минерала, которым богаты селитряные залежи. Им казалось, что Перу — независимая страна, однако на самом деле место Испании теперь заняла Англия. «Страна ощущала себя богатой, — писал Мариатеги. — Государство не скупилось на кредиты, жило расточительно, отдавая в заклад свое будущее английскому финансовому капиталу». По данным Ромеро, к 1868 г. расходы и долги перуанского государства были намного выше общей суммы его продаж за границу. Гуановые богатства гарантировали британские займы. Но Европа играла ценами на гуано, как ей вздумается; хищничество экспортеров не знало границ: богатство, которое благодаря прихоти природы тысячелетиями скапливалось

много лет спустя после гуанового бума, являются одними из самых ценных в мире, поскольку, по его словам «их испражнения в долларах оцениваются выше любого другого». Во всяком случае, в денежном исчислении они стоят дороже соловья Шекспира, певшего на балконе Джульетты, голубя, летавшего над Ноевым ковчегом и, безусловно, дороже печальных ласточек Беккера.

[14] O. Bermúdez. Historia del salitre desde sus orígenes hasta la Guerra del Pacífico. Santiago de Chile, 1963.

[15] J. C. Mariátegui. Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana. Montevideo, 1970.

на прибрежных островах, пускалось на ветер, и его не могло хватить больше чем на несколько десятилетий. А в селитряной пампе, как рассказывает Бермудес, рабочие жили хуже животных, прозябая в «нищенских лачугах, часто ниже человеческого роста, сложенных из камней, пустой породы из-под селитры и просто комков грязи, причем ютились они целыми семьями в одной клетушке».

Добыча селитры быстро распространилась и на боливийскую провинцию Антофагаста, хотя бизнесом этим заправляли здесь не боливийцы, а перуанцы, а впоследствии его стали прибирать к рукам чилийцы. И когда правительство Боливии вознамерилось обложить налогом действовавшие на территории страны селитряные компании, армия Чили вторглась в провинцию, и чилийцы остались хозяевами этой земли навсегда. До тех пор безжизненная пустыня фактически была как бы «ничьей землей», что смягчало издавна существовавшие пограничные трения между Чили, Перу и Боливией из-за этого района. Открытие селитры резко изменило ситуацию — драка стала неизбежной. Тихоокеанская война вспыхнула в 1879 г. и длилась до 1883 г. Чилийские вооруженные силы уже в 1879 г. оккупировали перуанские порты Патильос, Икике, Писагуа и Хунин, откуда морем вывозили селитру, и в конце концов вошли победителями в Лиму, а на следующий день сдалась и крепость Кальяо. Поражение обернулось для Перу потерей значительной части ее территории, утратой важнейших источников богатства страны. Перуанская экономика лишилась основных ресурсов, ее производительные силы замерли, курс перуанской валюты резко упал, стране стали отказывать в заграничных кредитах [16]. Но эта эконо-

[16] Перу потеряла селитряную провинцию Тарапакà и некоторые из крупнейших гуановых островов, хотя сохранила ряд важных залежей гуано на северном побережье. Гуано продолжало оставаться главным удобрением перуанского сельского хозяйства до тех пор, пока с 1960 г. возникший спрос на рыбную муку не привел к гибели пеликанов и чаек. Рыбные компании, главным образом из США, быстро покончили с гигантскими косяками анчоусов, державшимися близко к берегам,—рыбу перемалывали на муку, чтобы кормить свиней и гусей в Соединенных Штатах и Европе. Птицы, от которых получали гуано, уходили за добычей вслед за рыбаками, улетая все дальше и дальше в море. Обессилев, они падали в воду на обратном пути. Другие оставались на месте, и потому в 1962 и 1963 гг. на главных улицах Лимы можно было увидеть стаи пеликанов, рывшихся в пищевых отбросах: когда они слабели и не могли подняться в воздух, то гибли прямо на улицах перуанской столицы.

мическая катастрофа, как отмечал Мариатеги, не привела к разрыву с прошлым: несмотря на поражение в войне, структура колониальной экономики Перу осталась неприкосновенной. Что касается Боливии, то она тогда не могла еще в полной мере оценить свои истинные потери, понесенные в войне: «Чукикамата», самый крупный медный рудник капиталистического мира, находится как раз в провинции Антофагаста, с тех пор принадлежащей Чили.

А что сталось с победителями? В 1880 г. экспорт селитры и йода составлял в доходе чилийского государства 5%; 10 лет спустя больше половины налогов государственная казна получала от вывоза селитры с завоеванных Чили территорий. За то же время английские капиталовложения в этой стране возросли в три с лишним раза: селитряная зона превратилась в огромный британский индустриальный комплекс [17]. Англичане присвоили селитру почти задаром. Дело в том, что правительство Перу еще в 1875 г. экспроприировало селитряные залежи, выплатив компенсацию бонами. Война ударила по стоимости этих бумаг, сократив ее до одной десятой первоначальной. И тогда известные авантюристы Джон Томас Норт и его компаньон Роберт Харви воспользовались конъюнктурой. Пока чилийцы, перуанцы и боливийцы решетили друг друга пулями на полях сражений, англичане скупали боны, причем используя для этого кредиты, которые им весьма охотно предоставляли «Банко де Вальпараисо» и другие чилийские банки. Солдаты воевали за интересы именно этих банков и вообще британских дельцов, хотя, конечно, об этом и понятия не имели. Позже чилийское правительство по достоинству оценило «самопожертвование» Норта, Харви и их трудолюбивых соратников на ниве бизнеса — Инглиша, Джеймса, Буша, Робертсона: в 1881 г. было принято решение, согласно которому залежи селитры должны быть возвращены законным хозяевам. К этому моменту половина всех бонов находилась в руках ловких британских спекулянтов. Англия практически не потратила и пенса на то, чтобы приобрести несметное богатство, — это был просто грабеж.

К началу девяностых годов прошлого века Чили отправляла в Англию три четверти всей экспортируемой продукции и получала из Англии без малого половину

[17] H. Ramírez Necochea. Historia del imperialismo en Chile. Santiago de Chile, 1960.

своего импорта: коммерческая зависимость Чили от Британии была даже большей, нежели зависимость Индии. В результате тихоокеанской войны Чили стала монопольной обладательницей естественных нитратов всего мира, однако подлинным королем селитры стал Джон Томас Норт. Одно из принадлежавших ему предприятий, «Ливерпуль нитрат компани», выплачивало своим пайщикам до 40% дивидендов на каждую акцию. А между тем этот прохвост сошел с борта судна в Вальпараисо в 1866 г., имея в кармане своего поношенного костюма всего 10 фунтов стерлингов. А 30 лет спустя принцы и герцоги, наиболее известные политики и крупнейшие промышленники почитали за честь быть приглашенными к его столу в лондонском доме. Норт к тому времени присвоил себе звание полковника и, как положено истинному джентльмену, стал членом консервативной партии, записался в масонскую ложу в Кенте. Лорд Дорчестер, лорд Рандольф Черчилль и маркиз Стокпул принимали участие в его экстравагантных праздниках, во время которых Норт танцевал, нарядившись в костюм короля Генриха VIII [18]. А между тем в его далеком селитряном королевстве чилийские рабочие вообще не знали, что такое выходной день, работали по 16 часов в сутки, вместо жалованья получая билеты, которые оценивались в два раза дешевле обозначенной в них стоимости в столовых и трактирах, принадлежащих компании.

По словам Рамиреса Некочеа, между 1886 и 1890 гг., когда президентом был Хосе Мануэль Бальмаседа, страна приступила к претворению в жизнь «самых смелых планов прогресса, какие она ставила перед собой за всю свою историю». Бальмаседа способствовал развитию ряда отраслей промышленности, развернул широкое общественное строительство, провел реформу просвещения, предпринял ряд мер, ограничивавших монопольные права английской железнодорожной компании в Тарапака́, договорился с Германией о получении кредита, ставшего первым и последним (кстати, это был также и единственный внешний кредит, который Чили получила на протяжении всего прошлого века не от Англии). В 1888 г. президент заявил, что намерен национализировать селитряные залежи, передав их чилийскими компаниям, и отказался продать англича-

[18] H. Ramírez Necochea. Balmaceda y la contrarrevolución de 1891. Santiago de Chile, 1969.

нам богатые селитрой земли, принадлежавшие государству. Три года спустя в стране вспыхнула гражданская война. Норт и его коллеги щедро финансировали оппозицию [19], британские военные корабли блокировали чилийское побережье, а в Лондоне пресса метала громы и молнии против Бальмаседы, клеймя его как «самого заурядного диктатора» и «мясника». Потерпев поражение в этой борьбе, Бальмаседа покончил жизнь самоубийством. Английский посол сообщал в Форин оффис: «Британская община в Чили не скрывает своего удовлетворения падением Бальмаседы, ибо его победа, как полагают живущие здесь англичане, нанесла бы серьезный ущерб британским экономическим интересам». После свержения этого президента были резко сокращены государственные вложения в строительство дорог, железнодорожных путей, освоение новых земель, расходы на образование и общественные работы, в то время как британские компании укрепляли свой контроль над экономикой страны.

В канун первой мировой войны две трети всего национального дохода Чили приносил экспорт нитратов. И тем не менее казалось, что залежи селитры в чилийской пампе неистощимы — с каждым днем открывали все новые, а селитры было не меньше, чем когда приступили к ее разработке. Правда, такое процветание вовсе не шло на пользу настоящему развитию страны и диверсификации ее экономики — напротив, структурные диспропорции в ней еще больше усугубились. Чили превратилась в своего рода придаток британской экономики: она была самым крупным поставщиком удобрений на европейский рынок, однако не имела права на самостоятельную жизнь. И вот тогда немецкий химик, колдуя в лаборатории над пробирками,

[19] Большинство конгресса находилось в оппозиции к президенту, причем законодатели Чили проявляли явную слабость к фунтам стерлингов. По словам тех же англичан, взятки среди представителей чилийской власти «стали делом привычным в стране». Именно так высказался в 1897 г. компаньон Норта Роберт Харви, когда группа держателей мелких акций «Нитрат рейлвейс компани» возбудила судебное дело против него и других руководителей фирмы. Объясняя исчезновение 100 тыс. ф. ст., которые, как сказал Харви, были потрачены на взятки, он отметил: «Как вы знаете, служащие чилийского государства очень коррумпированы... Я не хочу сказать, что все судьи там продажны, однако многие члены сената, поскольку доходы их невелики, получили толику от этих денег, используя выгодным нам образом свое влияние, которое им дают поданные за них голоса» (H. Ramírez Necochea. Op. cit.).

нанес победоносным чилийским генералам жестокий удар, сведя на нет все их завоевания, которые они достигли за несколько десятилетий до этого, сражаясь на полях тихоокеанской войны. Создание промышленного метода Габера—Боша, позволившего получать нитраты из азота и водорода, сделало разработку селитры нерентабельной и привело к сокрушительному банкротству чилийской экономики. Кризис селитры стал и кризисом Чили. Он подобен зияющей ране на теле страны, ибо Чили жила селитрой и ради селитры, хотя она и находилась в руках иностранцев, которые, кстати, при этом ничего не потеряли.

Попав в пересохшую пустыню Тамаругаль, где земля так сверкает, что смотреть больно, я видел своими глазами последствия краха провинции Тарапака. Во время селитряного бума здесь действовало 120 предприятий, занимавшихся добычей селитры, теперь осталось только одно. В пампе нет сырости и жучков-вредителей, а потому остановившиеся машины стали идеальным металлоломом, а великолепные доски из орегонской сосны, из которых строили лучшие дома в этом районе, а также каламиновые плиты, даже прекрасно сохранившиеся болты и гвозди — замечательным вторсырьем. Здесь появилась новая разновидность рабочих, специализирующихся на том, что они доска за доской, гвоздь за гвоздем разбирают бывшие строения: это единственные работники, которые находят применение своим рукам в этих заброшенных и обреченных на гибель просторах. Я сам видел горы отбросов и чудовищные ямы, оставшиеся от разработок; покинутые жителями поселки, напоминающие призрачные видения, замершие навсегда железнодорожные пути, онемевшие провода телеграфа, остовы производственных зданий, которых, кажется, разбомбило само время, кресты на кладбищах, которые холодными ночами овевает ледяной ветер, хребты пустой породы, накопившиеся рядом с огромными норами бывших разработок. «Прежде деньги здесь текли рекой, все мы думали, что так будет продолжаться вечно», — сказал один из местных жителей, которому еще удается как-то перебиваться с хлеба на воду. Теперь, когда многие местные сравнивают нынешний день и день минувший, прошлое представляется им чуть ли не раем; особенно любят вспоминать о воскресеньях, хотя до 1889 г., когда в результате упорной стачечной борьбы рабочим удалось добиться права на один выходной в неделю, и по воскресным дням все работали. Эти дни вспоминаются как нечто

сказочное и феерическое: «Воскресенье в селитряной пампе, — рассказывал мне один очень старый рабочий, — было для нас как национальный праздник, как еженедельное празднование 18 сентября». Крупнейший порт Икике, через который вывозили селитру (он тогда официально именовался «портом первой категории»), не раз был местом массовых расправ над непокорными рабочими. Зато в его муниципальный театр в первую очередь, минуя Сантьяго, приезжали на гастроли лучшие оперные певцы из Европы, лишь после этого они выступали в столице.

Медные челюсти сжимают горло Чили

Прошло некоторое время, и место селитры в Чили заняла медь. Она стала теперь основой чилийской экономики. К этому моменту британская гегемония в стране уже сменилась экономическим владычеством США. Накануне мирового экономического кризиса 1929 г. капиталовложения Соединенных Штатов в Чили достигли 400 млн. долл.; почти все они были вложены в добычу и транспортировку меди. До 1970 г., когда на выборах победили силы Народного единства, крупнейшие месторождения красного металла находились в руках «Анаконда коппер майнинг корпорейшн» и «Кеннекот коппер корпорейшн» — двух монополий, теснейшим образом связанных между собой и образующих фактически один консорциум, действующий в масштабах всего капиталистического мира. За полстолетия, что они обосновались в Чили, эти две монополии выкачали из страны и переправили в США 4 млрд. долл. Для этого они использовали самые разнообразные средства, а в обмен на такой беспрецедентный вывоз капитала вложили в чилийскую экономику (по их собственным и явно сильно преувеличенным данным) всего около 800 млн. долл., при этом почти целиком за счет доходов, извлеченных из страны [20]. Такой поток капиталов, напоминающий неудержимое кровотечение, возрастал по мере того, как расширялась добыча меди, в последние годы достигнув 100 млн. долл. в год.

Тот, кто владеет медью, владеет и Чили. В понедельник 21 декабря 1970 г. Сальвадор Альенде обратился с балкона президентского дворца с речью к участникам народной манифестации, охваченным радостным волнением. Он

[20] J. Cademartori. La economía chilena. Santiago de Chile, 1968.

заявил, что подписал проект конституционной реформы, согласно которой будет произведена национализация горнорудной промышленности. Президент сообщил, что в 1969 г. «Анаконда» получила прибылей на сумму 79 млн. долл., а это равняется 80% всех ее доходов в мире; тем не менее, добавил президент, «Анаконда» вкладывает в Чили менее шестой части своих капиталовложений за границей. Психологическая война, развязанная правыми — планомерная и продуманная кампания, с целью, посеяв страх и панику, сорвать провозглашенные левыми силами национализацию меди и другие структурные реформы, — нарастала, подобно тому как усиливалось сопротивление реакции левым перед последними выборами. На страницах газет печатали фотографии тяжелых советских танков, якобы окружающих президентский дворец «Ла Монеда», на стенах Сантьяго кто-то развешивал рисованные пасквили, на которых обросшие бородами партизаны волокли на заклание ни в чем не повинных отроков; какие-то сеньоры, заходя в зажиточные дома, вели такие разговоры: «У вас четверо детей? Так вот, двоих увезут в Советский Союз, а двоих — на Кубу». Но все эти усилия напрасны: медь непременно, как выразился Альенде, «наденет пончо и нацепит шпоры», другими словами, станет подлинно чилийской.

Со своей стороны Соединенные Штаты, глубоко увязнув в трясине войны, ими же самими развязанной на Юго-Востоке Азии, даже на официальном уровне не скрывали недовольства развитием событий за Кордильерами. Но в Чили не так-то просто высадить десант морской пехоты США, да и президент Альенде — глава государства, избранный по всем правилам представительной демократии, за которую США на словах ратуют. Империализм переживает первые этапы нового циклического, причем весьма острого кризиса, симптомы которого уже заметно проявляются в его экономике; быть мировым жандармом становится для него все труднее и дороже. К тому же на мировом рынке война цен не всегда оборачивается в пользу США. Чилийская медь теперь продается не только на североамериканском рынке, она может открыть для себя также и другие рынки, если ее согласятся покупать социалистические страны. У Соединенных Штатов нет достаточных средств и возможностей, чтобы на всемирном уровне блокировать продажу чилийцами своей меди, от которой они намереваются получить значительные доходы. Совсем иное

положение сложилось за 12 лет до этого с кубинским сахаром, — до того он полностью закупался США, а потому целиком зависел от цен, назначаемых североамериканцами. Когда Эдуардо Фрей в 1961 г. победил на выборах, цены на медь мгновенно подскочили, ибо в США с облегчением вздохнули, узнав об этой победе, а когда Альенде победил в 1970 г., цены на медь, уже падавшие к тому моменту, еще больше опустились. И все же цены на медь, которые вообще подвержены очень резким колебаниям, в последние годы в целом были довольно высокими, а так как спрос на этот металл обычно превышает предложение, то цены на него слишком низко не опускаются. Правда, алюминий в значительной мере потеснил медь как металл, используемый в электропромышленности, но пока в железорудной и химической промышленности не найдены еще достаточно дешевые и эффективные материалы, способные заменить ее, красный металл по-прежнему остается важнейшим сырьем для заводов, производящих взрывчатые вещества, латунь, проволоку [21].

Вдоль всего подножия чилийских Кордильер расположены самые крупные в мире запасы меди — примерно третья часть всех разведанных на данный момент в капиталистическом мире. Как правило, месторождения меди в Чили содержат также и сопутствующие металлы, такие, как золото, серебро и молибден. Это — дополнительный фактор, стимулирующий его добычу. При этом труд чилийских рабочих весьма недорого обходится предприятиям: благодаря дешевизне рабочих рук в Чили «Анаконда» и «Кеннекот» имеют возможность финансировать свои предприятия в США, с лихвой возмещая затраты на гораздо более дорогую рабочую силу в Соединенных Штатах. Одни лишь льготы, предоставляемые североамериканским законодательством тем дельцам США, которые вкладывают капиталы за границей — а в случае с чилийской медью они составляют сумму 10 млн. долл. в год, — позволяют полностью компенсировать затраты на содержание обеими компаниями своих штаб-квартир в Нью-Йорке. В среднем заработная плата на чилийских рудниках к 1964 г. составляла меньше одной восьмой от той, которую медеплавильные заводы «Кеннекот» выплачивали своим рабочим в Соединенных Штатах, хотя производительность их труда не

[21] R. I. Grant-Suttie. Sucedáneos del cobre. Finanzas y Desarrollo, revista del FMI y BIRF. Washington, junio 1969.

превышала производительности труда чилийских рабочих той же компании[22]. Еще более значительна разница в уровне жизни тех и других. Как правило, чилийские горняки живут в крохотных комнатках, не имеющих даже окон, вдали от семей, которые ютятся в жалких лачугах на окраинах поселков. Само собой разумеется, они отделены от иностранного персонала, который на крупных рудниках живет своим особым миром, напоминающим государство в государстве, — там говорят только по-английски, даже издают свои газеты. По мере того как компании все больше внедряли механизацию на рудниках, производительность труда чилийских рабочих из года в год увеличивалась. Так, с 1945 г. добыча меди в Чили возросла на 50%, хотя количество рабочих, занятых на них, сократилось на треть. Национализация должна положить конец такому состоянию, ставшему нестерпимым для страны, позволит избежать того, чтобы из-за меди Чили пережила вновь ту сокрушительную катастрофу, которую она пережила с селитрой. Ведь налоги, которые иностранные предприятия выплачивают чилийскому государству, ни в коей мере не компенсируют необратимого истощения минеральных ресурсов, данных природой стране, — эти ресурсы она не сможет даровать Чили вновь. С другой стороны, и сумма этих налогов в относительном исчислении сокращается, особенно с 1955 г., когда была введена новая система их взимания, согласно которой налоги снижались, хотя производство возрастало. В еще большей степени уменьшились налоги после того, как правительство Фрея провело так называемую «чилизацию» меди. Проделав эту операцию, Фрей в 1965 г. просто-напросто превратил государство в компаньона «Кеннекот», а это позволило предприятиям корпорации увеличить свои прибыли, ибо налоговая система стала для монополии особенно выгодной. По новой системе налогообложения предусматривалось, что средняя цена за фунт меди составляет 29 центов, хотя в это время в силу растущего спроса на медь во всем мире эта цена подскочила до 70 центов. Как признал Радомиро Томич, выдвинутый христианско-демократической партией кандидатом в президенты на последующий период вместо Фрея, за счет такой разницы при уплате налогов (с учетом оговоренных твердых цен и реальных цен на мировом рынке)

[22] M. Vera y E. Catalán. La encrucijada del cobre. Santiago de Chile, 1965.

Чили потеряла огромную сумму в долларах. А в 1969 г. правительство Фрея подписало с «Анакондой» соглашение, по которому государство должно было выкупить у компании 51% ее акций, выплачивая выкуп в течение каждых трех месяцев. Это соглашение сопровождалось такими унизительными условиями, что вызвало политический скандал, способствовало росту влияния левых сил в стране. Как сообщала пресса, в ходе переговоров президент «Анаконды» заявил президенту Чили: «Ваше превосходительство, мы, капиталисты, держимся за нашу собственность не из-за сентиментальных соображений, а по соображениям чисто экономическим. По-человечески мы вполне понимаем, что в некоторых семействах бережно хранят, скажем, старую вешалку, потому что ею пользовался еще дед. Но современное предприятие дедов не признает. «Анаконда» готова продать всю свою собственность в Чили. Все будет зависеть только от цены, которую ей предложат».

Горняки оловянных рудников: как им живется под землей и на земле

Примерно 100 лет тому назад изможденный от голода искатель сражался посреди безжизненного плоскогорья Боливии с горной породой, надеясь найти богатую жилу. После взрыва очередного заряда динамита он подошел подобрать измельченные взрывом куски породы и остановился как вкопанный, поразившись увиденному. Перед ним сверкали куски чистого олова, образцы самого богатого в мире месторождения этого металла. На рассвете следующего дня счастливчик верхом направился в город Уанини. Анализ проб подтвердил: он обнаружил несметное богатство. Это олово, не проходя обычный процесс обогащения, могло прямиком грузиться для отправки по месту назначения. Тот искатель стал королем олова, и, когда он скончался, журнал «Форчун» утверждал, что он принадлежал к числу десяти самых богатых мультимиллиардеров планеты. Звали его Симон Патиньо. На протяжении многих лет после этого, живя в Европе, он назначал и свергал президентов и министров в Боливии, обрекал горняков на голод и организовывал их массовые расстрелы, увеличивая при этом изо дня в день свое богатство, которое со временем зиждилось не только на олове — вся Боливия стала страной, попавшей к нему в услужение.

После революционных событий в апреле 1952 г. * Боливия национализировала олово. Но рудники, когда-то бывшие богатейшими в мире, к этому моменту истощились. На горе Хуан-дель-Валье, где Патиньо обнаружил свою легендарную жилу, содержание олова в руде уменьшилось в сто двадцать раз. Из 156 тыс. тонн, которые ежемесячно добываются на руднике, лишь 400 тонн подходят для дальнейшей обработки. Общая длина подземных выработок горы теперь в два раза больше, нежели расстояние, отделяющее рудник от города Ла-Пас; сама гора Хуан-дель-Валье похожа на своеобразный муравейник — она продырявлена бесконечными туннелями, галереями, переходами, вентиляционными трубами, превращаясь постепенно в скорлупу, пустую внутри. Гора с каждым годом все больше теряет высоту, медленно оседая, вершина ее кажется изъеденной гигантскими насекомыми; когда глядишь на нее со стороны, она кажется огромным зубом, разрушенным кариесом.

Антенор Патиньо после 1952 г. получил существенный выкуп за рудники, из которых его отец уже выжал все возможное, мало того, даже после национализации ему удалось сохранить контроль над ценами на олово; он определял также, куда будет экспортирован этот металл. Сидя в Европе, Антенор широко улыбался. «Мистер Патиньо, куртуазный король боливийского олова» — так в светской хронике называли его газеты даже много лет спустя после национализации горнорудных богатств Боливии [23]. Ибо национализация, бывшая главным завоевани-

[23] Именно в таких выражениях писала газета «Нью-Йорк таймс» от 13 августа 1969 г. о Патиньо. Захлебываясь от восторга, она расписывала праздное времяпрепровождение герцога и герцогини Виндзор в замке XVI в., который «оловянный король» купил близ Лондона. «Мы стараемся, чтобы у наших слуг всегда была еда и постель»,—объясняла сеньора Патиньо корреспондентке Шарлотте Кэртис, описывая далее, как они проводят день.

Чета Патиньо часто проводит время в горах Швейцарии — фотографы и журналисты следуют за ними, как и за аристократами и модными артистами, отдыхающими в Сент-Морисе. Вот на фото 50-летняя миллионерша, только что потерявшая мужа, вице-президента компании «Форд», улыбающаяся перед камерой: она сообщает о предстоящем новом замужестве, держа под руку жениха. Тот смотрит испуганными глазами. Тут же — другая пара из высшего света. Мужчина — небольшого роста, с явно индейскими чертами лица: густые брови, жесткий взгляд, приплюснутый нос, выступающие скулы. Антенор Патиньо по-прежнему внешне похож на боливийца. В одном из журналов он появляется, одетый под восточного принца, в тюрбане и прочем. Вокруг него — настоящие прип-

ем революции 1952 г., не изменила роли, отведенной Боливии в международном разделении труда. Страна по-прежнему экспортирует лишь руду, почти все ее олово обогащается в печах Ливерпуля, принадлежащих фирме «Вильямс, Харви энд компани», которая в свою очередь является собственностью Патиньо. Как показывает горький опыт, ограничиться одной только национализацией источников какого бы то ни было сырья вовсе не достаточно. Даже если страна номинально становится хозяйкой своих недр, это еще не значит, что она стала себе самой хозяйкой. На протяжении всей своей истории Боливия поставляла только сырье и изысканные речи. В этой стране, где пустые филиппики соседствуют с глубокой нищетой, бездарные писатели и ученые в докторских мантиях, как часто бывает, посвятили себя оправданию тех, кто повинен в таком положении. Из каждых 10 боливийцев 6 не умеют читать, половина детей в Боливии не ходит в школу. Лишь к 1971 г. в стране должна быть построена собственная печь для переработки оловянной руды — ее возводят в Оруро. История рождения этой единственной, пока не действующей государственной печи — история бесконечных предательств, саботажа, интриг, пролитой крови [24]. И при этом страна, которая до сих пор не сумела

цы, собравшиеся во дворце барона Алексиса де Редэ: принц Энрик, Мария Савойская и ее двоюродный брат принц Мишель Бурбонский и Пармский, принц Лобкович и другие «труженики».

[24] Когда в июле 1966 г. генерал Альфредо Овандо заявил, что его правительство добилось соглашения с западногерманской компанией «Клёкнер» о строительстве государственной печи, он подчеркнул, что отныне «этим злосчастным рудникам, которые до сих пор годились только для того, чтобы вызывать каверны в легких наших братьев—горняков», предназначена новая судьба.

Эти люди, которые добывают оловяпную руду, как писал Сержио Альмарас (El poder y la caída. El estaño en la historia de Bolivia. La Paz—Cachabamba, 1967), «никакими правами на олово не обладают. И прежде не обладали, даже после 1952 г. Ибо в конечном итоге олово чего-то стоит, только если оно представлено в форме слитка, а руда сама по себе имеет незначительную ценность. Этот минерал, имеющий первоначальный вид тяжелого песка землистого оттенка, и годится лишь для того, чтобы сваливать его в отверстие оловоплавильной печи».

Альмарас рассказывает об истории боливийского промышленника Мариано Перо, который на протяжении более 30 лет в одиночку боролся за то, чтобы боливийское олово очищалось не в Ливерпуле, а в Оруро. В 1946 г., несколько дней спустя после свержения националистически настроенного президента Гуальберто Вильярроэля, Перо пошел во дворец «Кемадо» забрать образцы слитков олова, впервые полученные боливийцами в принадлежавшей ему

наладить собственное производство олова, позволяет себе роскошь иметь 8 юридических факультетов в разных университетах — в них готовят будущих судейских крючкотворов, которые, получив диплом, словно паразиты живут за счет индейцев.

Рассказывают, что будто бы лет 100 назад боливийский диктатор Мариано Мельгарехо заставил английского посла в Ла-Пасе выпить чуть ли не целую бочку жидкого шоколада в наказание за то, что тот не пожелал угоститься стаканчиком местной водки — чичи. После этого посла, посадив задом наперед на осла, прокатили по главной улице столицы и затем выслали обратно в Лондон. Говорят, что королева Виктория, узнав о случившемся, вышла из себя, потребовала принести карту Южной Америки и в гневе перечеркнула крестом Боливию, заявив при этом: «Боливии больше не существует». Можно подумать, что действительно для всего мира как в прошлом, так и в настоящем Боливии будто и не существует на свете. Это всего лишь далекий край, из которого когда-то хищнически извлекали серебро, а теперь не менее хищнически вывозят олово, причем делают это так, будто речь идет о каком-то «естественном праве», дарованном свыше небесами богатым странам. Ведь не надо забывать, что жесть, из которой изготовляют консервные банки в Соединенных Штатах, ставшие не менее распространенным символом этой страны, чем хищный орел на ее гербе или яблочный пудинг, делают из олова. Но упаковка из жести — не только символ США: *это также символ, хотя об этом мало кому известно, силикоза в рудниках «Сигло XX» и Уанини; жесть делают из олова, а боливийские горняки умирают с разрушенными легкими во имя того, чтобы весь мир мог потреблять дешевое олово. И лишь полдюжины всемогущих дельцов устанавливает цены на этот металл.* Но какое дело потребителям консервов или биржевым маклерам до боливийских горняков, что им до невыносимых условий их существования? Североамериканцы скупают бóльшую

печи в Оруро. После переворота не было уже никакого смысла в том, чтобы эти образцы, ставшие своего рода национальными символами, продолжали лежать на письменном столе убитого президента, которого затем повесили на одном из уличных фонарей на площади Мурильо у дворца. К власти снова вернулись представители старой олигархии, которая свергла главу государства. Мариано Перо забрал слитки и ушел с ними. Они были покрыты запекшейся кровью.

часть олова, которое производится на нашей планете; более того, стараясь сохранить на него низкие цены, они систематически угрожают тем, что выбросят на мировой рынок огромные «стратегические» резервы этого металла, купленные ими по очень низким ценам еще в годы второй мировой войны, — тогда Вашингтон заставил своих союзников продать им во имя «защиты демократии» почти задаром огромное количество олова. Согласно данным Продовольственной комиссии ООН, в среднем жители США потребляют в пять раз больше мяса и в двадцать раз больше яиц, чем житель Боливии. А горняки живут в таких условиях, которые ниже даже средних по этой стране. На кладбище в Катави, где слепые по твердому тарифу молятся за усопших, среди потемневших от времени надгробий, под которыми похоронены взрослые, с болью видишь огромное количество белых крестов, украшающих детские могилки. Из каждых двух младенцев, рождающихся на рудниках, один умирает вскоре после того, как раскроет глаза. Тот, которому удастся выжить, когда он вырастет, наверняка станет горняком, а когда ему исполнится тридцать пять лет, легких у него фактически уже не будет.

Кладбище издает какой-то страшный скрип. Дело в том, что даже под могилами прорыты бесконечные туннели, выходы из которых зияют повсюду, как норы; в них с трудом, напоминая насекомых, протискиваются люди, которые затем ползут под землей в поисках руды. Со временем в массиве пустой породы от олова, имевшего в прошлом богатое содержание, снова возникли новые рудники — теперь разрабатывают и бедную руду; тысячи и тысячи тонн пустой породы возвышаются вокруг, похожие на вулканы. Когда дождь с силой обрушивается на землю из низких туч, можно видеть, как безработные сгибаются пополам, разыскивая под ногами куски руды с оловом, которые дождевые потоки волокут по земляной мостовой улицы Льяльягуа, где горняки напиваются мертвецки пьяными в расположенных тут же питейных заведениях. Олово здесь — какое-то подобие жестяного божка, правящего всем — людьми и вещами: оно присутствует везде и во всем. Оно находится не только в чреве горы, где еще начинал свое дело Патиньо. Олово поблескивает даже на стенах домов в горняцких поселках, сложенных из подручных материалов, камней и грязи, — металл выдает мерцающий черным отсветом касситерит. Содержится оно и в мутных

потоках, вытекающих теперь вместо родников из гор, неся с собой отбросы породы; содержится оно в земле и в скальных породах, на поверхности и в недрах, в песках и среди камней в русле реки Секо. На этих безжизненных и каменистых землях, находящихся на высоте без малого 4 тыс. метров над уровнем моря, нет даже пастбищ, и все вокруг, включая людей, окрашено в мутно-темный цвет олова. Тут горняки из поколения в поколение страдают от голода, не зная элементарных радостей жизни. Живут они в поселках, спят вповалку в лачугах с земляным полом, как правило в одной комнате, по которой гуляет ветер, проникающий сквозь щели. В одном исследовании, проведенном студентами университета, со слов опрашиваемых отмечается, что из каждых 10 молодых людей 6 вынуждены спать в одной постели с сестрами. Авторы исследования пишут: «Многие родители чувствуют себя неловко, когда чуть ли не на глазах своих детей зачинают для них новых братьев и сестер». Горняки понятия не имеют о том, что такое ванна или баня, вместо туалетов у них — грязные общественные уборные, забитые нечистотами и кишащие мухами; люди предпочитают оправляться прямо на пустырях, где, хотя тоже много мусора и экскрементов, среди которых радостно возятся свиньи, по крайней мере можно дышать вольным ветром. Вода подается в поселки с частыми перебоями, жителям приходится по много часов выстаивать в длинных очередях, чтобы затем как попало заполнить кувшины или канистры из-под бензина. Едят тут в основном картошку, вермишель, рис, хлеб из крахмала, молотый маис, изредка мясо самого худшего сорта, причем отвратительно приготовленное.

Мы проникли глубоко внутрь горы Хуан-дель-Валье. Прошло уже несколько часов, как нас разбудил пронзительный вопль гудка, созывавший на работу горняков первой смены. Двигаясь по подземным галереям, переходя из тропической жары в полярный холод, а затем снова попадая в пекло, мы шли так час за часом, задыхаясь в отравленном воздухе земных недр. Вдыхая этот спертый воздух, в котором перемешались сырость, газы, пыль, дым, понимаешь, почему горняки довольно скоро теряют обоняние, у них пропадает вкус. Все они, работая, постоянно жуют перемешанные с золой листья коки — это тоже способствует наступлению преждевременной смерти; как известно, употребляя коку, человек меньше чувствует усталость, но он тупеет, теряет бдительность, в нем как

бы отключается система сигналов, оповещающих о тревоге, если он попадает в чрезвычайные обстоятельства. Но самое страшное — пыль. Она, как плотный белый занавес, стоит перед лучами наших фонариков, прикрепленных прямо к каскам, отражаясь от черных стен. Это смертоносная мельчайшая силициевая пыль, вызывающая силикоз. Смертельное дыхание подземных недр исподволь проникает в самое нутро человека. Уже через год он начинает ощущать первые признаки заболевания, а 10 лет спустя большинство постоянно дышащих такой пылью оказываются на кладбище. На руднике сейчас применяются шведские отбойные молотки последних моделей, но вентиляционная система осталась прежней, а техника безопасности и вообще условия труда — фактически те же, что существовали во времена Патиньо-отца. Горняки, которых не взяла компания и они работают на поверхности на свой страх и риск, используют кирки и тяжелые двенадцатифунтовые долота, которыми, как и 100 лет назад, разбивают скальную породу, применяют самые примитивные орудия труда, очищая породу. Работают они как вьючные животные, а получают за это гроши. Но эти горняки по меньшей мере хоть работают на открытом воздухе. А те, что трудятся внутри рудника, — узники, приговоренные без права помилования к медленной смерти, так как со временем у них отказывают легкие.

Грохот буров только что умолк, рабочие выжидали, когда прозвучит очередная серия взрывов — они только что заложили в шурфы 20 зарядов динамита. Иногда рудник проявляет «милосердие», убивая горняков быстро и шумно. Для этого бывает достаточно неправильно подсчитать количество взрывов, или же такое происходит, если бикфордов шнур горит дольше, чем ему полагается. Случается, что и просто череп размозжит упавшим сверху куском породы. Или же рудник вдруг принимается изрыгать металл, отлитый в пули — так случилось в зловещую Иоаннову ночь в 1967 г. Впрочем, это был лишь один из многочисленных случаев массовых расстрелов горняков, учиненных пригнанными в горы войсками. Заняв позиции на склонах, на рассвете солдаты обрушили лавину смертоносного огня на горняцкие поселки, где еще полыхали костры по случаю праздника[25]. Но тихая и медленная

[25] «Когда я сажусь на постели, меня мотает, словно я пьяный, посчитаю — раз, два, три — только после этого начинаю людей различать. Один я даже поесть не могу. Прямо как дитя какое, ну,

смерть — это, так сказать, «фирменное блюдо» рудника. О приближении ее возвещают кровохарканье, глубокий кашель, ощущение свинцовой тяжести в спине и непереносимое стеснение в груди. После первого обследования у врача начинаются странствования по бюрократам, которым не видать конца. Больным дают 3 месяца на то, чтобы освободить свое жилье для здоровых.

Грохот буров давно смолк, все мы ожидали, когда взрыв вскроет ускользающую жилу, имевшую форму змеи, начиненную породой кофейного цвета. У каждого рабочего под щекой вздувался комок коки, по подбородку стекали струйки зеленоватой жидкости. Мимо деловито прошел, шлепая по грязи вдоль рельсов, один из горняков. «Это новичок, — сказали мне. — Видели? Он еще после армии форменные брюки не сносил, да и свитер новый, цвет желтый можно различить. Недавно поступил, вот и старается. Ловко пока двигается. Еще не прочувствовал, что у нас за работа».

Технократы и бюрократы от силикоза не умирают, но живут припеваючи благодаря во многом этой болезни. Генеральный директор Боливийской горнорудной корпорации (КОМИБОЛ) получает жалованье в сто раз большее, чем рабочий. С края пропасти, почти отвесно обрывающейся в реку, с самого конца улицы Льяльягуа, видна пампа Ма-

совсем ребенок». Сатурнино Кондори, старый каменщик из горняцкого поселка «Сигло XX», прикован более 3 лет к постели в госпитале, что в городе Катави. Он — одна из жертв бойни, устроенной в Иоаннову ночь в 1967 г. Он тогда и на празднике не побывал, поскольку работал в субботу 24-го числа; ему предложили тройную оплату, и он решил, в отличие от других, не предаваться пьяному веселью. После работы улегся спать рано и приснилось ему, что какой-то сеньор бросает в него иглы, которые впиваются в тело. «Вот такие вот огромные иголки». Несколько раз он пытался сбросить с себя сон, так как ливень пуль обрушился на поселок начиная с пяти утра. «Чувствую, совсем обмяк от страха, ослабел совсем, двинуться не могу с места, просто совсем силы от страха потерял, да, страх на меня напал ужасный. Жена мне говорит: давай беги. Но я ведь ничего такого не сделал. Никуда и не выходил, все дома сидел. А она говорит: беги, беги, пока не поздно. Еще темно было, когда начали стрелять, с чего бы это, думаю, а кругом тра-та-та, тра-та-та. А я то просыпаюсь, то снова засыпаю— очень устал, бежать мне и в голову не приходило, хотя жена все твердила: да беги же ты, беги, скройся, пока есть время. А что мне сделают, говорю я ей, я же всего-навсего каменщик, сам по себе работаю, что мне могут сделать». Окончательно проснулся он около восьми утра. Поднялся с постели. И тогда пуля, проникнув через крышу и продырявив сомбреро его жены, вошла в него, перебив позвоночник.

рии Барсолы. Так назвали эту часть высокогорной степи в честь профсоюзной активистки, которая 30 лет назад шла со знаменем Боливии в руках, возглавляя рабочую демонстрацию, — пулеметные очереди буквально пришили полотно знамени к ее телу. А сразу же за пампой Марии Барсолы можно разглядеть самое шикарное поле для гольфа в Боливии: на нем развлекаются инженеры и высокопоставленные служащие, приезжающие сюда из Катави. В 1964 г. диктатор Рене Барриентос наполовину сократил и без того нищенскую зарплату горняков, одновременно с этим повысив жалованье квалифицированным специалистам и служащим. Суммы, получаемые руководителями рудников, являются государственной тайной. Кроме того, выплачиваются они в долларах. Создана всемогущая группа советников, в которую входят специалисты из Межамериканского банка развития, «Союза ради прогресса» и иностранных банков, предоставляющих кредиты. На их рецепты и ориентируется национализированная горнорудная промышленность Боливии, причем настолько беспрекословно, что КОМИБОЛ, ставшая своего рода государством в государстве, являет собой живой пример того, как не следует национализировать что бы то ни было на свете. Власть старой олигархии, которую боливийцы называли «роска», теперь заменила власть многочисленных представителей «нового класса», посвятивших всю свою энергию саботажу государственных интересов в горнорудной промышленности, лишь номинально являющейся государственной. Эти инженеры не только торпедировали все попытки и проекты, направленные на создание национальной оловоперерабатывающей промышленности, но всячески способствуют тому, чтобы государственные рудники продолжали действовать лишь в старых рамках владений Патиньо, Арамайо и Хохшильда, хотя эти месторождения быстро и вконец истощаются. Между концом 1964 г. и апрелем 1969 г. генерал Барриентос со скоростью звука провернул передачу ресурсов боливийских недр иностранному капиталу, причем опирался он при этом на открытое пособничество местных специалистов и администраторов. В одной из своих книг Серхио Альмарас поведал историю про то, как отвалы отработанных оловянных руд были переданы в концессию «Интернэшнл майнинг просессинг компани» [26]. Это предприятие со столь звучным

[26] S. Almaraz Paz. Op. cit.

наименованием и ничтожным начальным капиталом в 5 тыс. долл. подписало контракт, который позволил ему получить прибыли на сумму более 900 млн. долл.

Железные челюсти сжимают горло Бразилии

Железная руда, добываемая Соединенными Штатами в Бразилии или Венесуэле, обходится североамериканцам много дешевле, чем полученная в собственных недрах. Но не это — главная причина отчаянного стремления США поставить под свой контроль максимальное число железорудных месторождений за пределами их границ. Покупка таких залежей за границей или установление над ними контроля является не только делом бизнеса: в еще большей степени это диктуется своего рода императивом, обусловленным интересами национальной безопасности США. Как мы уже отмечали, недра этой страны иссякают. Без железа сталь производить невозможно, а 85% всей промышленной продукции Соединенных Штатов в той или иной степени сталь содержит. Когда в 1969 г. сократились поставки железа из Канады, немедленно было отмечено повышение его импорта из Латинской Америки.

Гора Боливар в Венесуэле настолько богата железом, что «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» грузит взятую из нее породу прямо в трюмы судов, направляющихся в США. Склоны горы изъедены бульдозерами, подножие ее уже почти исчезло. По рассчетам корпорации, стоимость содержащегося здесь железа составляет около 8 млрд. долл. Лишь за 1960 г. «Юнайтед стил» и «Бетлехем стил» получили больше 30% прибыли на вложенный ими в разработку железорудных месторождений в Венесуэле капитал, а сумма доходов, распределенная среди пайщиков обеих корпораций, оказалась равной сумме налогов, которую они заплатили венесуэльскому государству за 10 лет, с 1950 г.[27] Поскольку обе компании продают добытую ими железную руду своим же металлургическим предприятиям, расположенным в Соединенных Штатах, им невыгодно поднимать на нее цены; напротив, они заинтересованы в том, чтобы сырье для их металлургии было как можно более дешевым. Цены на железную руду и железо на мировых рынках, стремительно и резко падавшие между 1958 и 1964 гг., стабилизировались в последующие годы и теперь застыли

[27] S. de la Plaza. En el volumen colectivo Perfiles de la economia venezolana. Caracas, 1964.

на месте, в то же время цены на сталь неуклонно повышались. *Ибо сталь производят в богатых странах, а железо — на бедных окраинах; сталелитейная промышленность хорошо платит своей «рабочей аристократии», в то время как железодобывающая платит своим ровно столько, чтобы они не умерли с голоду.*

Благодаря информации, добытой и распространенной еще в 1910 г. собравшимся в Стокгольме Международным геологическим конгрессом, деловые люди в Соединенных Штатах впервые получили возможность узнать о размерах природных богатств, таящихся в недрах ряда стран. Одними из наиболее соблазнительных, пожалуй, оказались те, что имеются в Бразилии. Много лет спустя, в 1948 г., при посольстве Соединенных Штатов в Бразилии была создана новая должность атташе по минеральным ресурсам. У этого дипломата сразу же оказалось не меньше работы, чем у военного атташе или советника по вопросам культуры: работы было так много, что вскоре вместо одного «минерального» атташе назначили двух[28]. Спустя немного времени «Бетлехем стил» получила от правительства президента Дутры прекрасные месторождения марганца в Амапá. В 1952 г., согласно подписанному между США и Бразилией военному соглашению, последней запрещалось продавать сырье стратегического значения — в частности, железо — социалистическим странам. Именно это условие стало одной из причин трагического конца президента Жетулио Варгаса, который осмелился нарушить такой запрет, дав разрешение на продажу Польше и Чехословакии в 1953 и 1954 гг. железной руды по ценам более высоким, чем платили Соединенные Штаты.

В 1957 г. «Ханна майнинг корпорейшн» скупила за 6 млн. долл. большинство акций британской фирмы «Сент-Джон майнинг корпорейшн», которая еще с давних времен, когда Бразилия была империей, добывала золото в штате Минас-Жерайс. Теперь «Сент-Джон» разрабатывала крупнейшее в капиталистическом мире месторождение железа в долине Параопеба, запасы которого в денежном исчислении оцениваются в 200 млрд. долл. Английская фирма не имела права эксплуатировать на законных основаниях это баснословное богатство, да и у «Ханны» такого права не было, если исходить из совершенно четких

[28] O. Duarte Pereira. Ferro e independencia. Um desafío a dignidade nacional. Río de Janeiro, 1967.

конституционных установлений, подкрепленных действующими законами, которые Дуарте Перейра перечисляет в своей книге, посвященной этой теме. Тем не менее сделка была заключена. Она стала настоящей сделкой века.

Директор-президент «Ханны» Джордж Хэмфри занимал в те времена важные посты в правительстве Соединенных Штатов — он был секретарем казначейства и директором «Эксимбанка» — официального органа, координирующего финансирование операций внешней торговли США. «Сент-Джон» запросила у «Эксимбанка» кредит, но не получила его до тех пор, пока «Эксимбанку» не удалось установить свой контроль над этой фирмой. С того момента сменявшие друг друга правительства Бразилии стали испытывать все более и более яростное давление. Директора, юрисконсульты и советники «Ханны» — Лукас Лопес, Жозе Луис Бульоэш Педрейра, Роберто Кампос, Марио да Силва Пинто, Отавио Гоувейа де Бульоэш — были также членами правительства, причем весьма высокопоставленными; они в разное время занимали посты министров, послов, директоров разных управлений. «Ханна» подобрала себе недурной штаб из представителей местных политических кругов. С каждым днем нажим на правительство, чтобы «Ханне» было предоставлено право эксплуатировать железорудные богатства, которые, строго говоря, принадлежали лишь государству, становился все более мощным. 21 августа 1961 г. президент Жанио Куадрос подписал декрет, аннулировавший незаконное разрешение, данное ранее «Ханне», и возвращавший месторождение железа в Минас-Жерайс нации. Четыре дня спустя министры вынудили Куадроса отказаться от поста главы государства. «Против меня поднялись неодолимые темные силы...» — говорилось в манифесте президента об отставке.

Народное движение, поднятое в Порту-Алегри Леонелем Бризолой, положило конец начавшемуся тогда военному путчу; в результате пост главы государства, согласно конституции, занял Жоао Гуларт, бывший при Куадросе вице-президентом. Но когда в июле 1962 г. один из его министров попытался на практике применить злосчастный декрет, направленный против «Ханны» (кстати, напомним, что при публикации в официальном вестнике «Диарио офисиал» он был соответствующим образом сокращен), посол США в Бразилии Линкольн Гордон направил Гуларту телеграмму с выражением гневного протеста против покушения со стороны бразильского правительства на эко-

номические интересы североамериканского предприятия. Верховный суд страны подтвердил законность декрета, но Гуларт все еще колебался. Между тем Бразилия предприняла первые шаги для самостоятельного вывоза железной руды, собираясь через порты Адриатики поставлять сырье в Европу как капиталистическим, так и социалистическим странам. Подобная попытка торговли напрямую, без посредников, была воспринята крупными монополиями США, диктовавшими свои цены на мировом рынке, как вызов. Бразилии так и не удалось наладить столь выгодную для себя торговлю, но ряд ограничений националистического толка, несколько умерявших аппетиты иностранных компаний и сдерживающих возможности их обогащения, все же были введены. Они сыграли роль детонаторов в и без того взрывоопасной политической ситуации страны. К тому же и декрет Куадроса продолжал висеть словно дамоклов меч над головой «Ханны». Наконец в последний день марта 1964 г. произошел государственный переворот, который начался как раз в Минас-Жерайс — штате, который далеко не случайно был своего рода яблоком раздора из-за находящихся там месторождений железной руды. «Для „Ханны", — писал год спустя журнал „Форчун", — происшедший прошлой весной переворот в Бразилии был вроде того неожиданного и чудесного спасения, которое происходит в кино, когда вдруг на экране появляется всемогущий герой» [29].

Вице-президентом Бразилии стал один из людей «Ханны», а его коллеги заняли в новом правительстве три министерских кресла. В тот самый день, когда начался путч, газета «Вашингтон стар» опубликовала редакционную статью, ныне выглядящую пророческой. «Вот вам пример ситуации, — подчеркивалось в статье, — при которой хороший и эффективный государственный переворот, совершенный в добром старом стиле лидерами военных консервативного толка, может послужить интересам всего Американского континента» [30]. Еще Гуларт не отрекся от власти и находился в Бразилии, а уже Линдон Джонсон, не справившись с нетерпением, послал получившую широкую известность поздравительную телеграмму президенту бразильского конгресса, который в качестве временного главы государства взял в руки бразды правления.

[29] "Fortune", abr. 1965.

[30] Цит. по: M. A. Pedrosa. Opção brasileira. Río de Janeiro, 1966.

«Народ Соединенных Штатов, — говорилось в ней, — с большим вниманием наблюдал за политическими и экономическими трудностями, переживаемыми Вашей великой страной, и не скрывает своего восхищения той решительностью, с которой бразильское общество разрешило трудную проблему, придерживаясь в то же время рамок конституционной демократии и не доводя дело до гражданской войны» [31]. Спустя месяц с небольшим после этих событий посол Линкольн Гордон, в радостном возбуждении объезжавший бразильские казармы, заявил в своей речи в Высшей военной школе, что победа заговорщиков во главе с Кастело Бранко «вместе с планом Маршалла, срывом блокады Берлина, разгромом коммунистической агрессии в Корее и решением ракетного кризиса на Кубе может быть причислена к наиболее важным моментам в истории середины XX века» [32]. Позже стало известно, что один из членов военной миссии США в Рио-де-Жанейро предложил заговорщикам материальную помощь еще до того, как они решились на выступление против законного президента [33], а сам Линкольн Гордон дал им понять, что, если в Сан-Пауло будет образовано правительство, выступающее за автономию штата и способное продержаться хотя бы 2 дня, Соединенные Штаты признают его [34]. Нет смысла приводить здесь другие свидетельства того, какое значение имели для развития событий и их окончательного результата экономическая помощь Соединенных Штатов, о которой мы еще будем более подробно говорить ниже, а также поддержка, оказанная заговорщикам в самых разных формах, в том числе в армии и в профсоюзах [35].

[31] Послание Л. Джонсона Р. Маззили от 2 апреля 1964 г., передано агентством Ассошиэйтед Пресс.

[32] Об этом сообщила газета "O Diario de São Paulo", 4 mayo 1964.

[33] J. Stacchini. Mobilização de audácia. São Paulo, 1965.

[34] Ph. Siekman. When Executives Turned Revolutionaires.— "Fortune", julio 1964.

[35] См. свидетельства перед комиссией по внешнеполитическим делам палаты представителей конгресса США, цитированные уже Гарри Магдоффом (Op. cit.), и примечательную статью Юджина Метьюна в «Ридерс дайджест» на испанском языке от декабря 1966 г. Он сообщает, что мятежники имели возможность координировать действия своих войск через Американский институт развития свободных профсоюзов, штаб-квартира которого находится в Вашингтоне, а новый военный режим отблагодарил эту организацию, поручив трем его выпускникам «провести чистку в бразильских профсоюзах, в которые проникли красные...»

Устав бросать в костры или на дно бухты Гуанабара книги таких «опасных» русских авторов, как Достоевский, Толстой и Горький, выслав в изгнание, упрятав за решетку или отправив на тот свет огромное число бразильцев зловещая диктатура Кастело Бранко принялась за главное дело: она стала передавать США железо и все прочее. 24 декабря 1964 г. был издан специальный декрет, по которому «Ханна» получила все, чего добивалась. Такой подарок к рождеству предусматривал и всяческие гарантии компании не только при эксплуатации месторождений в Параопеба, но и поддерживал проекты «Ханны», включавшие расширение собственного порта, расположенного в 60 милях от Рио-де-Жанейро, и строительство специальной железной дороги для транспортировки туда руды. В октябре 1964 г. «Ханна» образовала с «Бетлехем стил» консорциум для совместной разработки железорудных месторождений, полученных в концессию. Такого рода объединения, весьма распространенные в Бразилии, в самих США считаются противоречащими действующим в этой стране антитрестовским законам и категорически запрещены [36]. Неутомимый Линкольн Гордон довел до конца свое дело, все были рады и счастливы, бывший посол вернулся на родину, где стал ректором университета в Балтиморе. Его преемником в апреле 1966 г. Джонсон назначил Джона Татхилла — многомесячную задержку при решении этого вопроса президент объяснил тем, что на посту посла в Бразилии нужен опытный экономист.

Но и «Юнайтед стейтс стил» не осталась в накладе. С чего бы ей было не урвать и свой кусок пирога? Прошло немного времени, и она образовала консорциум с государственной горнорудной компанией «Вале-ду-Риу-Дусе». В новом концерне бразильское название превратилось в своего рода псевдоним, так как ничего бразильского в «объединенной» компании фактически не осталось. Таким образом, «Юнайтед стейтс стил», владея всего 49% акций, согласилась принять в концессию железорудные залежи Каражас, расположенные в Амазонии. Запасы этого месторождения, по оценке специалистов, равнозначны тем, которые эксплуатируют совместно «Ханна» и «Бетлехем» в Минас-Жерайс. И, следуя давним привычным правилам, правительство Бразилии объяснило предоставление этой

[36] O. Duarte Pereira, Op. cit.

концессии нехваткой капиталов, не позволяющей самому государству разрабатывать национальные горнорудные богатства.

Нефть: проклятие и прибыли

Нефть вместе с природным газом является главным топливом, движущим современным миром, сырьем, имеющим первостепенное и постоянно возрастающее значение для развития химической промышленности, стратегическим материалом для любой военной индустрии и вооруженных сил в целом. Никакой другой магнит не притягивает к себе с такой силой иностранные инвестиции, как «черное золото», и нет на свете более выгодного помещения капиталов. Нефть — наиболее монополизированное богатство в капиталистической системе. Среди всех дельцов, которые имеют политическое влияние всемирного масштаба, первое место занимают заправилы крупных нефтяных корпораций. «Стандард ойл» и «Шелл» ставят у власти и свергают королей и президентов, финансируют дворцовые интриги и государственные перевороты, прибегают к услугам бесчисленных генералов, министров и джеймсов бондов, решающих на самых разных языках судьбы народов во всех уголках капиталистического мира. «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» («Эксон») — крупнейшее индустриальное предприятие в этом мире. За пределами Соединенных Штатов нет индустриальной монополии более могущественной, нежели «Ройял датч-Шелл». Их филиалы продают сырую нефть своим филиалам, которые очищают ее и в свою очередь продают собственным филиалам для продажи потребителям. Ни одна капля не утекает из закрытой системы сообщающихся сосудов этого нефтяного картеля, который к тому же владеет своими нефте- и газопроводами, а также большей частью нефтеналивного флота на всех морях. Эти же компании манипулируют ценами в масштабах всего мира, делают все, чтобы платить меньше налогов, получать больше прибылей, в результате чего цены на сырую нефть растут всегда медленнее, чем на нефть переработанную. Разница в этом случае складывается примерно один к десяти: из 11 долл., в которые обходится производство одного барреля сырой нефти, на долю самых крупных экспортеров наиболее важного в мире сырья приходится лишь около 1 долл.

Такое возможно потому, что прибыль стран-производителей начисляется только на первоначальные затраты, то есть расходы на добычу нефти и налоги на нее, в то время как в развитых странах капиталистического мира, где расположены штаб-квартиры нефтяных корпораций, с каждого барреля получают в десять раз больше благодаря сложной системе таможенных пошлин и налогов, а также прибыли от затрат на транспортировку, очистку, переработку и распределение, которые тоже монополизированы крупными компаниями и в десять раз превышают соответствующие расходы в странах-производителях [37].

Нефть, бьющая из скважин Соединенных Штатов, продается по довольно высокой цене. Высока и заработная плата североамериканских рабочих-нефтяников, а цены на нефть, добываемую в Венесуэле и на Среднем Востоке, с 1957 г. и на протяжении всех шестидесятых годов неуклонно падали. Баррель венесуэльской нефти, например, в 1957 г. в среднем стоил 2,65 долл., а сейчас, в конце 1970 г., когда пишутся эти строки, он стоит 1,86 долл. Правительство Рафаэля Кальдеры заявило, что в одностороннем порядке установит новую, более высокую цену. И все же в любом случае она, как свидетельствуют приводимые специалистами данные, — и хотя неприятностей из-за этого у Венесуэлы наверняка будет много — не достигнет той, которая существовала в 1967 г.

Соединенные Штаты одновременно являются основными производителями и в то же время потребителями нефти в капиталистическом мире. В те времена, когда бóльшая часть сырой нефти, продаваемой североамериканскими концернами, добывалась из недр США, цены на нее держались на высоком уровне; во время второй мировой войны, когда Соединенные Штаты стали получать извне основную часть перерабатываемой *нефти,* картель начал проводить иную политику цен, в результате чего они стали из года в год падать. *Странные причуды «законов свободного рынка»: цены на нефть падают, хотя спрос на нее во всем мире возрастает* по мере того, как возникают новые заводы, появляются новые машины, строятся новые теплоэлектростанции. И еще один парадокс: *хотя цены на нефть падают, повсеместно поднимаются цены на все виды топ-*

[37] Согласно данным Организации стран-экспортеров нефти (F. M i e r e s. El petróleo y la problemática estructural venezolana. Caracas, 1969).

лива и горючего из него, которые вынуждены платить потребители. Между ценой сырой нефти и ценой нефтепродуктов существует явно неестественная диспропорция.

Но вся эта цепь абсурдов имеет вполне прозаическое объяснение; чтобы понять их, вовсе не надо искать какие-то сверхъестественные причины. Дело в том, что, как мы уже отмечали, весь нефтяной бизнес в капиталистическом мире находится в руках всемогущего картеля. Начало ему было положено в 1928 г., в одном из замков на севере постоянно окутанной туманами Шотландии, где собрались хозяева «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Шелл» и «Бритиш петролеум», пришедшие к соглашению о разделе сфер влияния на всей планете. Позже к этому первоначальному ядру всемирного картеля присоединились «Стандард ойл оф Нью-Йорк», «Стандард ойл оф Калифорния», «Галф» и «Тексако» [38]. «Стандард ойл», основанная семейством Рокфеллеров в 1870 г., разбилась в 1911 г. на 35 разных предприятий, чтобы не подпасть под действие антитрестовского закона Шермана *. Старшей сестрой в многочисленном семействе «Стандард» в наши дни является та, что «оф Нью-Джерси». Если суммировать продажи ею нефти с продажами еще двух «Стандард» — «оф Нью-Йорк» и «оф Калифорния», — то окажется, что на их долю приходится половина продаж всего картеля в наши дни. Принадлежащие группе Рокфеллера нефтяные предприятия настолько могущественны, что на их долю приходится ни много ни мало треть всех прибылей, выколачиваемых в мире всеми североамериканскими монополиями, чем бы они ни занимались. «Джерси» представляет собой типичную транснациональную корпорацию, получающую бóльшую часть своих прибылей за границей. В Латинской Америке она получает доходы большие, нежели в Соединенных Штатах и Канаде, причем к югу от Рио-Гранде на каждый вложенный доллар она получает в четыре раза больше, чем на родине [39]. Филиалы «Стандард ойл оф Нью-Джерси» в Венесуэле в 1957 г. получили больше половины всех прибылей, добытых корпорацией во всем мире, в том же году венесуэльские филиалы «Шелл» обеспечили этой корпорации треть ее прибылей, получаемых на всем земном шаре [40].

[38] Actas secretas del cártel petrolero. Buenos Aires, 1961; H. O. Connor. El Imperio del petróleo. La Habana, 1961.

[39] P. A. Baran, P. M. Sweezy. El capital monopolista. México, 1970

[40] F. Mieres. Op. cit.

Эти транснациональные корпорации (их часто ошибочно называют также многонациональными, хотя они вовсе не принадлежат тем многим странам, в которых они действуют) являются именно транснациональными, в том смысле, что, не признавая границ, загребают отовсюду нефть и доллары в угоду основным центрам власти капиталистического мира. Им нет даже нужды экспортировать капиталы, чтобы финансировать свою деловую экспансию: прибыли, фактически похищенные у бедных стран, не только напрямую идут в те немногие города, где обитают основные пайщики корпораций, стригующие купоны, но и частично вновь вкладываются в международную сеть картеля, чтобы еще больше укреплять и расширять его. Сама структура картеля требует его присутствия и контроля во многих странах, глубокого проникновения в правительства этих стран, нефть «обволакивает» президентов и диктаторов, усиливает структурные деформации в обществе и в экономике, все подчиняет своим интересам. Боссы монополий картеля, стоя с карандашом в руках у карты мира, решают, какие районы подлежат сейчас эксплуатации, а какие следует «заморозить» на завтра; они определяют, по каким ценам будут продавать нефть производители, а по каким — платить потребители. Захватив естественные богатства Венесуэлы и других нефтедобывающих латиноамериканских стран, ставших жертвами грабежа и беззастенчивого выкачивания из них сырья, концерны подчиняют их политику своим интересам, обрекая на социальную деградацию. Это длинная история прибылей и проклятий, бесчестия и оскорблений.

В свое время Куба обеспечивала — хотя и косвенными путями — жирные дивиденды «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Дело в том, что кубинский филиал «Джерси» покупал сырую нефть у венесуэльского филиала, рафинировал ее и затем продавал на острове, при этом «Джерси» диктовала на каждом этапе те цены, которые были наиболее выгодными для компании в целом. В октябре 1959 г., в момент, когда Куба была охвачена горячим энтузиазмом после победы революции, государственный департамент США направил Гаване официальную ноту, в которой выражал озабоченность будущим североамериканских капиталовложений на острове. К этому моменту кубинскую территорию уже начали бомбить таинственные самолеты-«пираты» без опознавательных знаков, прилетавшие с севера; отношения между обеими странами стали весьма

напряженными. В январе 1960 г. Эйзенхауэр объявил о сокращении квоты на ежегодную закупку США кубинского сахара. В феврале того же года Фидель Кастро подписал торговый договор с Советским Союзом, договорившись об обмене сахара на советскую нефть, другие товары и оборудование по ценам, устраивавшим Кубу. В ответ на это «Джерси», «Шелл» и «Тексако» отказались перерабатывать советскую нефть на своих заводах, расположенных на Кубе. Тогда кубинское правительство в июле установило над ними свой контроль, а затем и национализировало без выкупа или компенсации. Нефтяные монополии, возглавляемые «Стандард ойл оф Нью-Джерси», объявили Кубе экономическую войну. Квалифицированные специалисты, оставшиеся на бывших североамериканских заводах, принялись бойкотировать революционную власть, к тому же США прекратили поставлять необходимые запасные части для нефтеперерабатывающего оборудования, отказались предоставлять кубинцам суда для перевозок морем. Суверенитету революционной Кубы был брошен открытый вызов, но Гавана с честью вышла из этого испытания [41]. Она не только отказалась быть замаскированной колонией США, но и не пожелала больше оставаться винтиком в хорошо смазанной машине «Стандард ойл».

За 20 лет до этого Мексика тоже испытала на себе последствия международного эмбарго, которое организовали против нее «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Ройял датч-Шелл». Все началось с того, что президент Ласаро Карденас национализировал их предприятия. В ответ картель на протяжении 1939—1942 гг. организовал бойкот мексиканского экспорта нефти, наложил эмбарго на поставку запасных частей и оборудования, необходимых для эксплуатации скважин и нефтеочистительных заводов. Нельсон Рокфеллер, защитивший в 1930 г. ученую степень экономиста (он написал диссертацию, в которой расписывал достоинства принадлежащей ему «Стандард ойл»), лично ездил в Мексику, чтобы добиться подходящего для картеля соглашения, но Карденас не поддался давлению и не уступил. «Стандард ойл» и «Шелл», разделившие до этого мексиканскую территорию (первой досталась северная ее часть, а второй — южная), не только отказывались

[41] M. Tanzer. The Political Economy of International Oil and the Underdeveloped Countries. Boston, 1969.

признавать решения Верховного суда Мексики, обязывавшие их выполнять мексиканское трудовое законодательство, но и самым хищническим образом истощали с невероятной алчностью и скоростью запасы так называемого знаменитого «Золотого пояса», заставляя при этом мексиканцев в Мексике платить за собственную нефть цены много более высокие, чем запрашивали за нее же в Соединенных Штатах и Европе[42]. За несколько месяцев экспортная лихорадка привела к опустошению многих скважин, которые при надлежащей эксплуатации могли бы продолжать давать нефть в течение 30—40 лет. «Они лишили Мексику, — писал О'Коннор, — самых богатых месторождений, оставив взамен несколько устаревших нефтеочистительных заводов, истощенные нефтяные поля, нищие трущобы в городе Тампико и самые дурные воспоминания о себе». Менее чем за 20 лет добыча нефти сократилась в стране на одну пятую. Мексике досталась после национализации устаревшая и слабая нефтяная промышленность, ориентированная только на экспорт, в которой было занято 14 тыс. рабочих. Специалисты уехали, транспорт был выведен из строя. Но Карденас, превратив борьбу за нефть в дело национальной чести, сумел преодолеть критическую ситуацию, проявил незаурядные находчивость и смелость. Сегодня «Пемекс» (так называется государственная компания по первым словам ее испанского наименования «Мексиканская нефть»), созданная в 1938 г., чтобы обеспечить контроль над добычей и переработкой «черного золота», — крупнейшая в Латинской Америке организация такого рода, находящаяся под национальным контролем. Благодаря прибылям, полученным «Пемексом», мексиканское правительство с 1947 по 1962 г. сумело выплатить зарубежным монополиям огромный выкуп за экспроприированное имущество, хотя, как писал Хесус Сильва Эрцог, по существу, «Мексика не должник пиратских компаний, а их кредитор; именно они обязаны были бы выплатить ей долги, если строго придерживаться

[42] H. O'Connor. La crisis mundial del petróleo. Buenos Aires, 1963. То же самое явление наблюдается по сей день и в ряде других стран. В Колумбии, например, откуда нефть экспортируется свободно и без обложения налогами, государственная компания по переработке нефти покупает у иностранных корпораций колумбийскую нефть, уплачивая 37% сверх ее цены на мировом рынке, причем оплачивает в долларах (R. Alameda Ospina. — "Esquina". Bogota, enero 1968).

закона»[43]. Даже много лет спустя после национализации, в 1949 г., «Стандард ойл» наложила вето на кредит, который Соединенные Штаты собирались предоставить «Пемексу», а спустя еще годы, когда, казалось бы, в результате щедрого выкупа США должны были забыть старые обиды, «Пемексу» по той же причине отказал в кредите Межамериканский банк развития.

Уругвай — это страна, где впервые в Латинской Америке был построен свой нефтеочистительный завод. Национальная администрация топлива, спиртов и портланд-цемента (АНКАП), созданная еще в 1931 г., занималась главным образом переработкой сырой нефти и ее продажей. Так эта страна ответила на нескончаемую череду бесцеремонных афер, которые иностранные тресты творили за ее счет на берегах Ла-Платы. Одновременно с созданием АНКАП правительство Уругвая заключило с советским правительством соглашение о покупке у СССР нефти по весьма выгодным для себя ценам. Нефтяной картель тут же начал яростную кампанию клеветы против государственной компании Уругвая, защищавшей национальные интересы; на нее стал оказываться грубый нажим, ее руководителей откровенно шантажировали. Уругвайцам внушали при этом, что они не смогут закупить соответствующие машины и оборудование, что Уругвай в конце концов вообще останется без сырой нефти, что государство в принципе не может справиться с этим делом, так как ему не по зубам столь сложный бизнес. От дворцового переворота, совершенного в 1933 г. Габриэлем Терра, за версту разило запахом нефти: пришедшая к власти диктатура первым делом аннулировала выданную ранее АНКАП лицензию на импорт нефти из СССР, а в январе 1938 г. были подписаны секретные соглашения с нефтяным картелем, позорные соглашения, остающиеся до сих пор в силе, о которых уругвайская общественность узнала лишь четверть века спустя после их заключения. В соответствии с ними страна обязывалась покупать 40% нефти там, где укажут ей «Стандард ойл», «Шелл», «Атлантик» и «Тексако», причем по тем ценам, которые они назовут, и у тех предприятий, которые они перечислят. Кроме того, государство, за которым сохранялась монополия на переработку нефти, обязывалось оплачивать все расходы этих пред-

[43] J. Silva Herzog. Historia de la expropriación de las empresas petroleras. México, 1964.

приятий, включая идущие на рекламу, на высокие жалованья их служащих и даже на роскошную обстановку офисов[44]. «Без „Эксон" нет прогресса», — твердят денно и нощно по уругвайскому телевидению, рекламируя продаваемую иностранными компаниями нефть. И такая усиленная обработка потребителей в Уругвае не стоит «Стандард ойл» ни единого цента. А департамент по связи с общественностью этой компании отдан на откуп юрисконсульту «Банка Республики»: таким образом, этот юрист получает от государства два жалованья.

И все же в 1939 г. нефтеочистительные заводы АНКАП работали вовсю, вполне успешно справляясь со своим делом, хотя, как мы убедились, при самом рождении деятельность государственной компании обставили множеством ограничений, предрекали ей крах. АНКАП удалось тем не менее противостоять давлению нефтяного картеля. В 1939 г. в Монтевидео впервые попал председатель Национального совета по нефти Бразилии генерал Орта Барбоза. Он пришел в восторг от уругвайского опыта, тем более что к тому моменту уругвайские нефтеочистительные заводы, хотя прошел лишь год, как они были запущены, сумели возместить все расходы по строительству.

Благодаря усилиям генерала Барбоза, поддержанного рядом других военных-националистов, в 1953 г. в Бразилии также была создана государственная компания «Петробраз» («Бразильская нефть»), родившаяся под девизом «Нефть — наша!». Ныне «Петробраз» — самая крупная бразильская компания[45]. Она занимается разведкой, добычей и переработкой бразильской нефти. Но и «Петробразу» всячески стремились подрезать крылья. В конце концов нефтяному картелю удалось лишить его двух важнейших источников доходов. Во-первых, у «Петробраза» отобрали право на продажу бензина, керосина, масел и других видов жидкого топлива — это очень выгодный бизнес, который «Эксон», «Шелл» и «Атлантик» контролируют ныне по своему усмотрению, пользуясь лишь телефоном, и с настолько хорошими результатами, что именно в эту от-

[44] V. Trías. Imperialismo y petróleo en Uruguay. Montevideo, 1963. См. также речь депутата Энрике Эрро в «Ведомостях» палаты представителей, № 1211, том 577, Монтевидео, 8 сентября 1966 г.

[45] «Петробраз» фигурирует под № 1 в списке пятисот крупнейших предприятий Бразилии, опубликованном в "Conjuntura econômica", № 9, Rio de Janeiro, 1970.

расль, если не считать автомобилестроения, помещено наибольшее количество североамериканских капиталовложений в Бразилии. Во-вторых, «Петробраз» потеряла контроль над нефтехимической промышленностью, являющейся подлинным кладезем прибылей; произошло это после того, как волей диктатуры маршала Кастело Бранко эта сфера бразильской экономики была денационализирована. А в последнее время нефтяной картель развязал шумную кампанию, стараясь лишить «Петробраз» и монополии на переработку нефти. Сторонники государственной компании напоминают, что, когда нефтепереработка находилась в руках частного сектора, то есть до 1953 г., дельцы не удосуживались по-настоящему заняться развитием собственных источников нефти[46]. При всяком удобном случае они напоминают общественности о ярком примере, особенно красноречиво показывающем, какова на деле «добрая воля» частных компаний. Речь идет о том, что в 1960 г. «Петробраз» поручила двум видным бразильским специалистам возглавить работу по разведке потенциальных запасов нефти по всей стране. После проведения ими этой работы маленький штат Сержипе на севере Бразилии превратился в главный нефтедобывающий район в стране. А между тем совсем незадолго до этого, в августе 1960 г., североамериканский специалист Уолтер Линк, в прошлом занимавший должность главного геолога «Стандард ойл оф Нью-Джерси», получил от бразильского государства гонорар в полмиллиона долларов в обмен на пухлую папку с пространным докладом, содержавшим следующее заключение: «Запасы нефти в штате Сержипе не заслуживают внимания». На основании этого доклада месторождение в Сержипе, которое было тогда отнесено ко второй категории по объему запасов, Линк перевел в третью категорию. Работы бразильских специалистов со всем основанием позволили перевести эти запасы в разряд первой категории[47]. По мнению О'Коннора, Линк просто-напросто являлся агентом «Стандард ойл» и намеренно подтасовал факты, стараясь утаить подлинное положение дел с нефтью, чтобы Бразилия продолжала оставаться зависимой от импорта, который Рокфеллер обеспечивал ей своими филиалами в Венесуэле.

[46] Заявление инженера Марсио Лейте Сезарино в газете «Коррейо да Манья» от 19 февраля 1967 г.

[47] «Коррейо да Манья» опубликовала пространную выдержку из этого доклада в своем номере от 19 февраля 1967 года.

И в Аргентине иностранные компании и их многочисленные местные пособники настаивают на том, что недра этой страны содержат лишь ограниченное количество нефти, хотя исследования, проведенные специалистами ИПФ («Государственные нефтяные месторождения»), со всей очевидностью показывают: почти на половине аргентинской территории имеется «черное золото», причем содержится оно также и на принадлежащей стране обширной части шельфа Атлантического побережья. Как только в очередной раз становится модным распространяться на тему о бедности недр Аргентины нефтью, правительство этой страны подписывает новую концессию в пользу какого-нибудь филиала нефтяного картеля. Государственная компания ИПФ — жертва непрестанного и систематического шантажа с момента своего основания, шантажа, который не прекращается и по сегодняшний день. Аргентина до совсем недавнего времени была одной из последних стран континента, где продолжалась вековая межимпериалистическая борьба между Англией, владычество которой неуклонно шло к закату, и Соединенными Штатами, набиравшими мощь. Соглашения внутри нефтяного картеля не мешали тому, что «Шелл» и «Стандард ойл» боролись за нефть в Аргентине, прибегая к довольно жестким методам. Во всяком случае, совсем нетрудно установить ряд красноречивых совпадений между очередными обострениями нефтяной проблемы и государственными переворотами, происшедшими в стране за минувшие 40 лет. Так, аргентинский конгресс 6 сентября 1930 г. собирался голосовать за закон о национализации нефти, и именно тогда вождь нации Иполито Иригойен был свергнут с поста президента в результате военного переворота, который возглавил генерал Хосе Феликс Урибуру. Правительство Рамона Кастильо было свергнуто в июне 1943 г., когда собиралось подписать соглашение, разрешающее добычу нефти североамериканским капиталовкладчикам. В сентябре 1955 г. Хуан Доминго Перон был вынужден удалиться в изгнание как раз в тот момент, когда конгресс собирался предоставить концессию на разработку аргентинской нефти «Калифорния ойл компани». На протяжении всего президентства Артуро Фрондиси произошло несколько острых кризисов, вызванных недовольством военных, когда президент намеревался в очередной раз продать с торгов недра страны иностранным компаниям, заинтересованным в добыче нефти; в конечном итоге в августе 1959 г. продажа с торгов бы-

ла отсрочена на неопределенное время. Потом вопрос о ней возник снова, но в октябре 1960 г. его снова отложили. Но все же Фрондиси удалось передать в концессию ряду североамериканских предприятий из нефтяного картеля несколько месторождений; нет сомнений, что Англия, интересы которой представляли офицеры военно-морского флота и сторонники партии «колорадо» в сухопутных силах, приложила руку к падению этого президента в марте 1962 г. Артуро Ильиа аннулировал эти концессии, но был свергнут в 1966 г.; на следующий год генерал Хуан Карлос Онгания, возглавивший захватившую власть военную хунту, утвердил закон о жидком топливе, благоприятный для североамериканских компаний, продолжавших ожесточенно сражаться за аргентинскую нефть.

Нефть не только приводила к государственным переворотам в Латинской Америке — из-за нее разразилась и война, длившаяся с 1932 по 1935 г. из-за района Чако. Это была война между самыми бедными странами Южной Америки — «война раздетых и разутых солдат», как назвал Рене Савалета эту ожесточенную братоубийственную резню между Боливией и Парагваем[48]. 30 мая 1934 г. сенатор от штата Луизиана Хьюз Лонг всколыхнул Соединенные Штаты резкой речью, в которой заявил, что «Стандард ойл оф Нью-Джерси» спровоцировала этот конфликт и финансирует боливийскую армию, чтобы, используя ее, захватить принадлежащий Парагваю район Чако, необходимый ей потому, что компания намерена именно через него провести нефтепровод из Боливии к речному порту. Кроме того, заявил сенатор, район Чако, судя по всему, богат нефтью. Такова еще одна причина войны. «Эти преступники, — сказал Лонг, подразумевая «Стандард ойл»,— вмешались в дела двух стран и для своего черного дела наняли там за деньги убийц»[49]. Парагвайцы со своей стороны маршировали в сторону полей сражения, на которых была устроена бойня, подталкиваемые «Шелл»; причем по мере того, как солдаты Парагвая продвигались на север,

[48] R. Zavaleta Mercado. Bolivia. El desarrollo de la conciencia nacional. Montevideo, 1967.

[49] Сенатор Лонг не пожалел для «Стандард ойл» самых нелестных эпитетов. Он примепял такие слова и выражения, как «преступница», «злоумышленница», «заговорщица», «подлая убийца», «свора грабителей», «международная заговорщица», «свора наглых жуликов», «банда варваров и воров» ("Guarania", Buenos Aires, nov. 1934).

они натыкались на нефтяные скважины, пробуренные «Стандард ойл». Это была жестокая борьба между двумя монополиями, которые, являясь членами одного картеля, соперничали между собой, однако сами кровь не проливали. Парагвай выиграл войну, однако проиграл мир. Комиссию по переговорам возглавил Спрюиль Бредэн, один из боссов «Стандард ойл». В результате Боливии, а другими словами Рокфеллеру, была передана территория в несколько тысяч квадратных километров, которую парагвайцы считали своей землей.

Совсем рядом с теми местами, где происходили последние бои той войны, находятся и нефтяные скважины, и крупные месторождения натурального газа, принадлежащие семейству Меллонов и «Галф ойл компани». В октябре 1969 г. Боливия национализировала их. Провозгласив это с балкона дворца «Кемадо», генерал Альфредо Овандо воскликнул: «Наконец мы покончили с унижением, от которого страдали боливийцы!» Ровно за 2 недели до этого, когда Овандо еще не взял власть в свои руки, он поклялся перед группой националистически настроенных представителей интеллигенции, что национализирует «Галф», и показал им декрет, который сам составил, подписал и, не проставляя даты, положил в конверт. А еще за 5 месяцев до тех событий вертолет, на котором летел президент Рене Барриентос, захвативший еще ранее власть, натолкнулся в горах Каньядон-дель-Арке на телеграфные провода и камнем упал на землю. Даже при самом богатом воображении трудно было придумать столь удобную и своевременную гибель. Рядом с Барриентосом сгорели 2 чемодана, набитые деньгами, которые он собирался разбрасывать среди толп крестьян, уговаривая голосовать за него. Несколько автоматов, раскалившись в горящем вертолете, принялись поливать свинцом подступы к упавшей машине, так что спасти диктатора оказалось невозможным — он сгорел живьем.

Овандо не только национализировал «Галф», но и аннулировал так называемый «Нефтяной кодекс», называемый также «Кодексом Давенпорта» по имени юриста, который составил его на английском языке. Боливия под этот документ получила в 1956 г. заем от Соединенных Штатов; до этого и «Эксимбанк», и частные банки Нью-Йорка, и Международный банк реконструкции и развития систематически отвечали отказом на просьбы о кредитах для дальнейшего развития ИПФБ («Государственные бо-

ливийские нефтяные месторождения»). При этом правительство Соединенных Штатов постоянно выступало в защиту интересов своих нефтяных частных корпораций, как если бы это были ее собственные интересы [50]. В соответствии с этим кодексом, «Галф» получила сроком на 40 лет концессию на эксплуатацию наиболее богатых во всей стране нефтяных полей. В кодексе оговаривалось поистине издевательское по масштабам участие государства в прибылях компании — всего 11% на протяжении многих лет. При этом боливийскому государству было навязано «партнерство» с компанией по части расходов, хотя ей не предоставлялось никакого права на контроль над этими расходами. В соглашении было, в частности, невероятно унизительное условие, в результате которого ИПФБ брала на себя весь риск, связанный с разведкой и добычей нефти, а «Галф» не рисковала ничем. В «Основной хартии», подписанной «Галф» в конце 1966 г., черным по белому было записано: после проведения совместных работ с ИПФБ, если не будет обнаружена нефть, «Галф» должна получить назад весь затраченный на эти цели капитал. А если нефть будет найдена, расходы будут компенсированы в ходе последующей эксплуатации, но с самого начала в добычу должна вложить свои средства государственная боливийская компания. Более того, «Галф» еще имела право по своему усмотрению определять сумму таких расходов [51]. И наконец, согласно хартии, «Галф» преспокойно присвоила себе газовые месторождения, которые ей

[50] Можно привести много аналогичных примеров за последние десятилетия. Ирвинг Флормэн, посол Соединенных Штатов в Боливии, сообщал 28 декабря 1950 г. высокопоставленному сотруднику Белого дома Дональду Даусону: «С тех пор как я сюда прибыл, я неустанно работал, чтобы широко открыть доступ в нефтяную промышленность Боливии североамериканским частным фирмам, способствуя тем самым нашей широкомасштабной программе обеспечения национальной безопасности». И далее: «Я знаю, что Вам будет приятно узнать: отныне нефтяная промышленность Боливии и вообще страна в целом полностью открыта для проникновения североамериканской свободной инициативы. Боливия, таким образом, стала первой в мире денационализированной страной, то есть страной, где проведена национализация наоборот, и я горжусь тем, что смог выполнить эту миссию на благо моей страны и моего правительства». Копия этого письма найдена в библиотеке Гарри Трумэна (NACLA Newsletter. Nueva York, febr. 1969).

[51] Запрос Марсело Кироги Санта-Круса, сделанный 11—12 октября 1966 г. в палате депутатов (Revista jurídica, edición extraordinaria. Cochabamba, 1967).

никто не отдавал. Отметим по ходу дела, что недра Боливии гораздо богаче газом, чем нефтью. Тогда генерал Барриентос для вида немного поспорил, но быстро успокоился. Так, после короткого фарса была тогда решена судьба наиболее важного источника энергии Боливии, необходимого самой стране. Впрочем, такого рода фарсы на том не окончились — они давно стали нормой.

За год до того, как генерал Альфредо Овандо экспроприировал «Галф» в Боливии, другой националистически настроенный генерал, перуанский, национализировал скважины и нефтеочистительные предприятия «Интернэшнл петролеум компани» — филиал «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Речь идет о генерале Хуане Веласко Альварадо, пришедшем к власти на волне грандиозного политического скандала в своей стране, стоившего президентского поста Белаунде Терри. Скандал был вызван тем, что администрация этого президента ухитрилась «потерять» заключительную страницу соглашения, подписанного в городе Таларе перуанским правительством и «Интернэшнл петролеум компани». Таинственным образом испарившаяся страница под номером одиннадцать содержала указания на минимальную гарантийную цену, которую североамериканская компания обязывалась выплачивать за переработку перуанской сырой нефти на своем нефтеочистительном предприятии. Скандал на этом не кончился. Одновременно выяснилось, что за прошедшие полстолетия филиал «Стандард ойл» утаил от Перу более миллиарда долларов, не выплачивая положенных налогов и других обложений, прибегая к самым беспардонным формам жульничества и взяточничества. Пытаясь погасить скандал, директор «Интернэшнл петролеум компани» в тот период более шестидесяти раз встречался с президентом Белаунде. Наконец он достиг с ним соглашения. Но в ответ восстали возмущенные военные. Примечательно при этом, что в течение тех 2 лет, когда правительство Белаунде Терри вело переговоры с компанией, госдепартамент США прекратил оказание Перу какой бы то ни было помощи [52]. Соглашение так и не было подписано — президент не успел пойти на уступки, его свергли. А когда компания Рокфеллера

[52] Когда скандал разразился, у посольства США в Перу не хватило такта по крайней мере промолчать. Один из его сотрудников имел наглость заявить, что вообще не существует оригиналов соглашения в Таларе (R. N. Goodwin. El conflicto con la IRC. Carta de Perú.—"Comercio exterior". México, jul. 1969).

осмелилась подать протест в перуанский Верховный суд, собравшиеся около здания люди в знак возмущения бросали медные монеты в лицо адвокатам «Интернэшнл петролеум компани».

История Латинской Америки полна самых курьезных неожиданностей. Парадоксы этого многострадального региона настолько противоречивы, что они порою просто вызывают чувство потрясения. На наших глазах в андских странах, словно мощная река, о существовании которой никто не подозревал, вдруг вырвался из подземных недр на равнину национализм военных. Часто те же самые генералы, которые сегодня, хотя и совершая зигзаги, делая отдельные шаги назад, в целом все же продвигаются вперед по пути политики реформ и укрепления патриотического начала в своих странах, совсем еще недавно уничтожали партизан. Раньше они побеждали герилью на полях сражений, в горах и в сельве, а теперь повторяют многие из лозунгов павших борцов за народное дело. Невероятно, но факт: еще в 1965 г. перуанские военные поливали партизанские районы напалмом, для производства которого на военно-воздушной базе Лас-Пальмас около Лимы именно филиал «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Интернэшнл петролеум компани» поставляли бензин и предоставляли соответствующую технологию [53].

Озеро Маракайбо: гнездо стервятников

Хотя в наши дни Венесуэла поставляет на мировой рынок нефти в два раза меньше, чем в шестидесятых годах, она и теперь, в 1970 г., остается одним из главных ее экспортеров. В этой стране североамериканский капитал получает почти половину всех прибылей, выкачиваемых из Латинской Америки. Это одна из самых богатых и в то же время одна из самых бедных стран планеты, в которой к тому же с особой силой свирепствует насилие. У нее самый большой доход на душу населения в Латинской Америке, у нее наиболее разветвленная сеть ультрасовременных шоссейных дорог; ни в одной другой стране континента не потребляется столь большое количество шотландского виски на душу населения. Одни только разведанные запасы таящихся в ее недрах нефти, газа и железа могли бы уже сейчас в десять раз увеличить богат-

[53] G. A. Geyer. Seized U. S. Oil Firm Made Napalm. — "New York Post", 7 abr. 1969.

ство, приходящееся на каждого венесуэльца, на ее девственных территориях спокойно могло бы разместиться население ФРГ и Англии, вместе взятых. За полстолетия из нефтяных скважин этой страны добыто баснословное количество нефти — доходы от нее в два раза больше того, что было потрачено по «плану Маршалла» на послевоенное восстановление Западной Европы. С того момента, как нефть мощной струей ударила из первой пробуренной скважины, население Венесуэлы увеличилось в три раза, а национальный валовой доход — в сто, однако большая часть жителей страны, ведущая ожесточенную борьбу за крохи, достающиеся ей с барского стола правящего меньшинства, питается немногим лучше, чем в ту эпоху, когда их родина жила в полной зависимости от вывоза какао и кофе[54]. За последние 30 лет столица Венесуэлы Каракас выросла в семь раз; в прошлом патриархальный город с прохладными патио, традиционной главной площадью («пласа майор») и величавым кафедральным собором теперь оброс небоскребами, словно еж иглами; число их росло по мере того, как вытекала нефть из скважин озера Маракайбо. Теперь этот город — кошмарное скопище домов, в которых люди могут жить лишь благодаря кондиционированному воздуху, город оглушающе шумный и утомительный, своего рода центр «культуры нефти», предпочитающий потребление творчеству, постоянно умножающий искусственные потребности, чтобы скрыть потребности реальные. Каракас обожает всяческую синтетику и консервированные продукты; его жители никогда не ходят пешком, а передвигаются только на автомобилях, своими выхлопными газами отравившими чистый воздух в долине, где расположен

[54] При написании этой главы автор, помимо уже цитированных книг Харви О'Коннора и Франсиско Мьереса, использовал следующие работы: O. Araújo. Operación Puerto Rico sobre Venezuela. Caracas, 1967; F. Brito. Venezuela siglo XX. La Habana, 1967; M. A. Falcon Urbano. Desarrollo e industrialización de Venezuela. Caracas, 1969; E. Hochman, H. Mujica y otros. Venezuela 1°. Caracas, 1963; W. Krohm. Democracia y tiranías en Caribe. Buenos Aires, 1959; D. F. Maza Zavala, S. de la Plaza, P. E. Mejía y L. Monticl Ortega. Perfíles de la economía venezolana. Caracas, 1964; R. Quintero. La cultura del petróleo. Caracas, 1968; D. A. Rangel. El proceso del capitalismo contemporáneo en Venezuela. Caracas, 1968; A. Uslar Pietri. ¿Tiene un porvenir la juventud venezolana?—"Cuadernos americanos", marzo—abril 1968; Naciones Unidas—CEPAL. Estudio económico de América Latina, 1969. Nueva York—Santiago de Chile, 1970.

город; столица с трудом засыпает по ночам — ей трудно погасить в себе хоть на несколько часов жадное стремление добывать и покупать, потреблять и тратить, прихватить все, что только можно ухватить. А на склонах обступающих город холмов более полумиллиона жителей столицы, брошенных на произвол судьбы, смотрят из своих лачуг, которые сложены из всякого рода отбросов, на чужое богатство и расточительство. По проспектам «золотого города» как молнии проносятся тысячи и тысячи автомобилей последних моделей. В канун праздников в порт Ла-Гуайра приплывают суда, до отказа груженные французским шампанским, виски из Шотландии, целыми лесами рождественских елок, вырубленных в лесах Канады, а между тем половина всех детей и юношей Венесуэлы, согласно данным переписи 1970 г., ни разу не переступали порога школьного класса и вообще какого бы то ни было учебного заведения.

Венесуэла ежедневно производит 3,5 млн. баррелей нефти, приводящих в действие индустриальный механизм капиталистического мира. Однако всевозможные филиалы «Стандард ойл», «Шелл», «Галф» и «Тексако», действующие на венесуэльской земле, не эксплуатируют три пятых территории страны, отданных им в концессию, приберегая их в качестве резерва на будущее, а половина полученной за экспорт выручки не возвращается назад в Венесуэлу. Рекламные брошюры «Креоле петролеум компани» (филиала «Стандард ойл») превозносят филантропические устремления корпорации в Венесуэле примерно в тех же выражениях, как в середине XVIII в. провозглашались человеколюбивые добродетели «Королевской компании Гипускоа»; при этом доходы, выкачиваемые из этой необычайно тучной нефтяной коровы, если соотнести их с вложенным капиталом, можно сравнить лишь с теми, что получали работорговцы, продавая африканских невольников, или корсары, занимаясь откровенным грабежом. Ни одна другая страна мира не производила столько богатств на благо мирового капитализма за столь короткий отрезок времени; из Венесуэлы утекли такие богатства, которые, по расчетам Ранхеля, сравнимы лишь с вывезенными испанцами из Потоси или англичанами из всей Индии. Первый конгресс экономистов Венесуэлы отмечал, что реальные доходы нефтяных корпораций в стране в 1961 г. возросли на 38%, а в 1962 г. — на 48%, хотя боссы этих компаний официально заявляли о прибыли в 15 и 17%

соответственно. Такая огромная разница получается благодаря магическим манипуляциям бухгалтеров, а также жульническим трюкам при переводе капиталов. Вообще надо отметить, что сложнейшая отчетность в нефтяном бизнесе построена таким образом, что, используя многочисленные и параллельные системы подсчета, совсем нетрудно скрывать истинные прибыли, достигаемые за счет разницы между искусственно заниженными ценами на сырую нефть, которые циркулируют от глубин скважин до бензоколонок по трубам одного и того же коммерческого механизма, и искусственно раздутыми ценами при ее продаже, на которые намеренно начисляются огромнейшие суммы на заработную плату, непомерно преувеличенные расходы на рекламу. В любом случае, как показывают даже официальные цифры, в Венесуэле за последнее десятилетие не было роста доходов от новых капиталовложений из-за границы, напротив, доходы эти из года в год сокращаются. Из Венесуэлы ежегодно вывозятся капиталы на сумму более 700 млн. долл., признанные «законными» доходами иностранных вкладчиков. Тем временем себестоимость добычи нефти резко снижается, так как корпорации постоянно занимают в ней все меньше работников. Только с 1959 по 1962 г. количество рабочих, занятых на нефтепромыслах, уменьшилось на 10 тыс., сохранили тогда работу только 30 тыс. человек. А уже к концу 1970 г. в этой отрасли было занято только 23 тыс. рабочих и служащих, хотя производство за то же десятилетие существенно возросло.

Из-за усиливающейся безработицы нефтяные поля на озере Маракайбо попали в полосу острого кризиса. Само озеро внешне выглядит как сплошной лес нефтяных вышек. Без конца качающиеся коромысла, венчающие металлические каркасы остроконечных вышек, вот уже полвека порождают величие и нищету Венесуэлы. Рядом с вышками в огне факелов попутного газа сгорает богатство, не принося стране ни цента дохода. Нефтяные насосы можно встретить даже внутри домов, на перекрестках улиц, везде, где в свое время ударили фонтаны нефти. Но сначала они забили на берегах озера: там нефть окрашивает в густой черный цвет мостовые и одежду людей, еду и стены, даже местные профессиональные в любви носят такие «нефтяные» прозвища, как Труба, Четыре Клапана, Коромысло, Буксир. Цены на одежду и еду здесь много выше, чем даже в Каракасе. Эти не так давно родившиеся

поселки, с первой минуты обреченные на жалкую участь, судорожно радуются каждой минуте своего временного процветания, хорошо понимая, что будущего у них нет. Когда скважины истощаются, люди принимаются лихорадочно бороться за выживание, возможного отныне лишь благодаря чуду; тогда в поселках остаются скелеты домов, черная и маслянистая вода в реке, убившая рыбу и облизывающая безжизненные берега. Из-за массовых увольнений, вызванных быстрой механизацией, беда приходит в города, живущие благодаря тому, что рядом добывают «черное золото». «Здесь словно девятый вал прокатилась нефть, исковеркав наши судьбы», — говорил в 1966 г. один из обитателей Лагунильяс. В Кабимас, бывшем на протяжении полувека центром самого богатого нефтью района Венесуэлы, подарившем благосостояние Каракасу и другим городам капиталистического мира, нет даже канализации. В этом городе, который теперь приходит в запустение, заасфальтированы лишь две улицы.

Нефтяная лихорадка в этих краях началась много лет назад. В 1917 г. в Венесуэле уже кое-где качали нефть, но нефтяных вышек почти не было видно среди огромных старых латифундий, пространных и никем не заселенных земельных участков, целинных земель, на которых «асиендадо» повышали производительность труда, подхлестывая пеонов бичами или просто закапывая их живыми по пояс в землю. Но в конце 1922 г. вдруг словно взорвалась скважина «Ла-Роса», которая стала давать по 100 тыс. баррелей нефти за день; после этого началось нефтяное сумасшествие. На берегах озера Маракайбо появились странные машины и люди в пробковых шлемах, здесь застучали буры и заскрипели вороты; к озеру стали стекаться окрестные крестьяне; разбив свои времянки из досок и металлических банок из-под нефти посреди горючей почвы, они стали предлагать свой труд нефтедобытчикам. Непривычный говор пришельцев из Оклахомы и Техаса впервые зазвучал на венесуэльских равнинах и в сельве. Он проник в самые укромные уголки страны. В мгновение ока возникло около сотни компаний по добыче нефти. Королем, правившим бал на этом буйстве раздачи концессий, был тогдашний диктатор Хуан Висенте Гомес, скотовод с подножья Анд, стоявший у кормила власти в этой стране целых 27 лет — с 1908 по 1935 г., — беспрерывно заделывая детей и занимаясь бизнесом. Поток «черного золота» лился как буйная река, а Гомес щедро доставал из кармана неф-

тяные акции, наделяя ими друзей, родственников и приближенных, не обходя и врачей, лечивших его предстательную железу, и генералов, обеспечивавших его личную безопасность, и поэтов, распевавших гимны в его честь, и архиепископа, охотно дававшего диктатору специальное разрешение на то, чтобы тот мог обжираться мясом даже по страстным пятницам. Великие державы награждали Гомеса все новыми орденами, которые тот радостно вешал себе на грудь, — автомобили, заполнившие во всем мире шоссейные дороги, следовало вволю поить бензином. Фавориты диктатора также раздавали налево и направо концессии компаниям «Шелл», «Стандард ойл» и «Галф», злоупотребление служебным положением и коррупция вели к тому, что началась невиданная до этого спекуляция, недра страны истощались прямо на глазах. Индейские общины согнали с принадлежавших им земель, многие крестьянские семьи — кто по-хорошему, а кто и по-плохому — были лишены своей жалкой собственности. Закон о нефти Венесуэлы от 1922 г. составлялся представителями трех корпораций Соединенных Штатов. Нефтяные поля были окружены колючей проволокой. За проволокой всем распоряжалась собственная полиция. Вход на эти охраняемые участки был запрещен всем, у кого не было соответствующих документов, выданных нефтяными компаниями, запрещалось даже проезжать по дорогам, по которым нефть вывозили в порты на экспорт. А потом, в 1935 г., Гомес скончался, и тогда рабочие-нефтяники перерезали колючую проволоку, окружавшую их поселки, и объявили всеобщую забастовку.

Падение правительства Ромуло Гальегоса в 1948 г. положило конец реформистскому циклу, начатому в стране тремя годами раньше. Захватившие власть военные быстро сократили до минимума участие венесуэльского государства в прибылях, получаемых от добычи нефти филиалами картеля. Налоги на его предприятия были снижены, и уже в 1954 г. прибыли «Стандард ойл» увеличились на 300 млн. долл. В 1953 г. один из представителей деловых кругов Соединенных Штатов, оказавшийся в Каракасе, заявил во всеуслышание: «Здесь — полная свобода делать с деньгами, что тебе заблагорассудится; с моей точки зрения, такая свобода гораздо более важна, чем любые так называемые политические и гражданские свободы, вместе взятые» [55].

[55] «Тайм», 11 сентября 1953 г. (издание для Латинской Америки).

Когда в 1958 г. был свергнут диктатор Маркос Перес Хименес, Венесуэла представляла собой огромный нефтеприиск, застроенный тюрьмами и камерами пыток, все импортировавший из Соединенных Штатов: автомобили и холодильники, сгущенное молоко, яйца, овощи, законы и декреты. Доходы самой большой из рокфеллеровских компаний, «Креоле», в 1957 г. составили по декларации сумму, почти вдвое превышающую ее капиталовложения в стране. Правительственная революционная хунта, созданная после свержения Переса Хименеса, увеличила с 25 до 45% налоги на прибыли крупнейших фирм. В качестве ответных репрессивных мер картель спровоцировал резкое падение цен на венесуэльскую нефть на мировом рынке; именно тогда и началось массовое сокращение рабочих. Цены на нефть, добытую в Венесуэле, упали так низко, что, хотя налоги на добычу были увеличены, а экспорт заметно возрос, в 1958 г. государство получило от нее на 60 млн. долл. меньше, чем в предыдущем году.

Последующие правительства не решились национализировать нефтяную промышленность, хотя и перестали с 1970 г. выдавать иностранным компаниям новые концессии на добычу «черного золота». Тем временем картель увеличил добычу на подконтрольных ему месторождениях Ближнего Востока и в Канаде, а в Венесуэле прекратил изыскания по обнаружению новых скважин, причем экспорт нефти, полученной из старых, был сведен до минимума. Таким образом, эффективность политики непредоставления новых концессий, проводимая принадлежащей государству «Венесуэльской нефтяной корпорацией» (КВП), была сведена на нет, тем более что эта организация не сумела принять в сложившихся условиях действенных мер. Корпорация ограничилась лишь тем, что кое-где бурила отдельные новые скважины, по-своему поняв напутствие, полученное от президента Ромуло Бетанкура: «Не превращаться в гигантское нефтяное предприятие, а быть посредником при предоставлении новых концессий в новых условиях». Хотя эта формула провозглашалась несколько раз, она так и не была реализована на практике.

Между тем начавшаяся было за два десятилетия до этого индустриализация страны также начала давать сбои: снова мы видим, что, как не раз показывала практика Латинской Америки, при подобных условиях нет и не может быть перспективы на серьезную индустриализацию, так как внутренний рынок, ограниченный бедностью боль-

шинства слоев населения, не способен питать далее весьма скромных пределов развитие обрабатывающей промышленности. С другой стороны, обещанная партией Демократическое действие * аграрная реформа была осуществлена лишь наполовину и не выполнила обещания, которые давали ее создатели, когда реформа разрабатывалась. Венесуэла вынуждена покупать за границей, и главным образом в Соединенных Штатах, большую часть того, что она ест. Национальным блюдом в этой стране, например, является фасоль, однако привозят ее в огромных количествах из США в больших мешках, на которых горделиво красуется английское слово «beans».

Сальвадор Гармендиа, писатель, воссоздавший в своих произведениях эту своеобразную «культуру нефти», привнесенную на наш континент конкистадорами XX в., писал мне в письме где-то в середине 1969 г.: Приводилось тебе когда-нибудь видеть коромысло, которым качают сырую нефть? У него форма большой черной птицы, остроконечная голова ее денно и нощно тяжело подымается и опускается, не останавливаясь ни на секунду: это — единственный стервятник на земле, который не довольствуется только падалью. Что происходит после того, как мы услышим характерный чавкающий звук, возвещающий о том, что в трубу перестала поступать нефть? Кошмарная увертюра таких звуков уже зазвучала на берегах озера Маракайбо, где в свое время буквально за одну ночь вырастали фантастические поселки со своими кинематографами, супермаркетами, дансингами, человеческие муравейники, с вертепами, кишащими проститутками. Здесь деньги прямо на глазах теряли цену. Совсем недавно я снова проехался по этим поселкам: ощущение у меня было такое, будто сердце сдавила чья-то ледяная рука. Атмосфера забвения, смерти и ненужности здесь теперь перебивает запах нефти. Поселки наполовину опустели; дома, разъедаемые непогодой, разрушаются, превращаясь в развалины; улицы покрыты илом; магазины стоят с провалившимися крышами. Старый рабочий, бывший когда-то водолазом компании, теперь каждый день погружается под воду с газовой горелкой — он разрезает на дне старые трубы, продавая их как металлолом. Люди здесь начинают поговаривать о прошлом так, словно это было золотое время. Они живут мистическими воспоминаниями, словно лунатики, бредящие былым богатством, проигранным одним махом во время беспробудного угара, длившегося совсем недолго.

Часть вторая

РАЗВИТИЕ — ТАКОЕ ПЛАВАНИЕ ПО МОРЯМ, ПРИ КОТОРОМ БОЛЬШЕ УТОНУВШИХ, НЕЖЕЛИ ПРИПЛЫВШИХ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ

ИСТОРИЯ РАННЕЙ СМЕРТИ

Британские военные корабли в Ла-Плате приветствуют независимость

Когда в 1823 г. Джордж Каннинг, признанный «мозгом» Британской империи, праздновал свои успехи в мировой политике, он произнес следующий тост в присутствии поверенного в делах Франции, которому пришлось молча перенести это унижение: «Пусть вам достанется слава победы, за которой последуют бедствия и разруха, а нам — бесславные успехи в промышленности и постоянно растущем благосостоянии... Время конных рыцарей миновало; настало время экономистов и счетоводов». Для Лондона начинался долгий праздник: несколько лет назад был окончательно разбит Наполеон, мир вступал в эру «Пакс Британика». В независимой Латинской Америке была закреплена власть землевладельцев и обогатившихся портовых торговцев, что ускорило разорение новых республик. Бывшие испанские колонии и Бразилия стали рынком для английских тканей, они получали фунты стерлингов под ростовщические проценты. Каннинг не ошибался, когда в 1824 г. писал: «Дело сделано, последний гвоздь вбит, Испанская Америка свободна, и, если мы не расстроим бездарно это дело, она — *английская*» [1].

Паровая машина и механический ткацкий станок привели к головокружительно быстрому созреванию промышленной революции в Англии. Росло число заводов и банков; паровые двигатели вдохнули новую жизнь в мореплавание, и множество больших кораблей поплыли во все четыре стороны света, превращая весь мир в арену английской экспансии. Британская экономика оплачивала хлопчатобумажными тканями кожу с Ла-Платы, гуано и нитраты из Перу, медь из Чили, сахар с Кубы, кофе из Бразилии. Индустриальный экспорт, фрахт, страхование, проценты от кредита и выгодных инвестиций на протяжении всего XIX в. будут поддерживать устойчивое процветание

[1] W. W. Kaufmann. La política británica y la independencia de la América Latina (1804—1828). Caracas, 1963.

Англии. Действительно, еще до эпохи Войны за независимость англичане уже контролировали значительную часть легальной торговли между Испанией и ее колониями, а помимо этого, постоянно и в больших масштабах занимались на побережье Латинской Америки контрабандной торговлей. Торговля рабами являлась хорошей ширмой для тайной коммерции, хотя в конце концов таможни по всей Латинской Америке и без того регистрировали, что подавляющее большинство товаров ввозится не из Испании. Испанской монополии на торговлю на самом деле никогда и не существовало: «...колония была потеряна для метрополии задолго до 1810 года, и революция явилась лишь политическим подтверждением такого положения дел» [2].

Британские войска захватили остров Тринидад в Карибском море, потеряв всего одного человека, но командир экспедиции сэр Ральф Аберкромби был убежден, что новые завоевания в Испанской Америке при помощи оружия будут нелегкими. Немного позже потерпела неудачу высадка англичан в районе реки Ла-Плата. Поражение подтвердило мнение Аберкромби о неэффективности военных экспедиций в эпоху, когда настал черед дипломатов, торговцев и банкиров выполнить свою историческую миссию: новый либеральный порядок в испанских колониях дал Великобритании возможность захватить девять десятых торговли в Испанской Америке [3]. Стремление к независимости охватило все латиноамериканские земли. Начиная с 1810 г. Лондон применял зигзагообразную двойную политику, колебания которой подчинялись необходимости способствовать английской торговле, препятствовать тому, чтобы Латинская Америка попала в руки североамериканцам и французам, а также предупредить возможное заражение якобинством новых стран, рождающихся с обретением свободы.

Когда в Буэнос-Айресе 25 мая 1810 г. была учреждена революционная хунта, британские военные корабли в устье Ла-Платы приветствовали ее орудийным салютом. Командир корабля «Мьютин» от имени Ее Величества произнес пламенную речь, ликование переполняло британские сердца. Буэнос-Айресу понадобилось лишь 3 дня, чтобы отме-

[2] M. Kossok. El virreinato del Río de la Plata. Su estructura económico—social. Buenos Aires, 1959.

[3] H. S. Ferns. Gran Bretaña y Argentina en el siglo XIX. Buenos Aires, 1966.

нить все запреты, осложнявшие внешнюю торговлю, и уже через 12 дней налоги, затрудняющие продажу кож и сала за границу, были сокращены с 50 до 7,5%. А спустя 6 недель утратил силу запрет экспортировать золото и серебро в монетах, так что они могли теперь беспрепятственно течь в Лондон. В сентябре 1811 г. правящую хунту сменил триумвират, налоги на экспорт и импорт были сокращены, а в некоторых случаях и отменены. Начиная с 1813 г., когда ассамблея провозгласила себя высшей властью в стране, иностранные коммерсанты были освобождены от необходимости продавать свой товар при посредстве местных торговцев. «Торговля на самом деле стала свободной»[4]. Уже в 1812 г. некоторые британские коммерсанты сообщали в Форин офис: «Мы добились того, что успешно вытесняем немецкие и французские ткани». Они вытесняли также и продукцию аргентинских ткачей, ущемляемых свободным обменом через порт Буэнос-Айрес. Тот же процесс с некоторыми вариациями отмечался и в других регионах Латинской Америки.

Из Йоркшира и Ланкашира, Шевиота и Гела беспрестанно шли сюда хлопчатобумажные и шерстяные ткани, железные, кожаные, деревянные и фарфоровые изделия. Ткацкие станки Манчестера, литейные мастерские Шеффилда, гончарные мастерские Уоркчестера и Стаффордшира наводнили товарами латиноамериканские рынки. *Свободная торговля обогащала порты, жившие экспортом, развязала до последней степени расточительность олигархии, жаждущей вовсю наслаждаться роскошью, которую ей предлагал мир. Эта торговля губила возникающее местное мануфактурное хозяйство и препятствовала расширению внутреннего рынка.* Местная промышленность, слабая и с очень низким техническим уровнем, возникла вопреки запретам монополии в колониальный период, используя некоторый подъем накануне завоевания независимости, поскольку тогда удалось ослабить стесняющие путы Испании и воспользоваться благоприятной конъюнктурой, обусловленной наполеоновскими войнами в Европе и связанными с ними потребностями Старого Света в поставках. В первые годы XIX в. начали оживать мастерские, которые до этого страдали от изданного в 1778 г. распоряжения короля, разрешавшего свободную торговлю между испанскими и американскими портами. Лавина ино-

[4] H. S. Ferns. **Op. cit.**

страшных товаров подавила колониальные текстильные мануфактуры, производство гончарных и металлических изделий, а ремесленники не успели оправиться от ударов в прошлом — независимость полностью открыла двери для свободной конкуренции со стороны уже развитой европейской промышленности. *Будущие колебания в таможенной политике правительств, пришедших к власти после Войны за независимость, несли с собой соответственно то гибель, то возрождение национальных мануфактур, но не давали им возможности устойчиво развиваться в течение значительного отрезка времени.*

Размеры промышленного детоубийства

На заре XIX в. Александр Гумбольдт оценил стоимость мануфактурной продукции Мексики в 7—8 млн. песо, большая часть которых приходилась на текстильные мастерские. Специализированные мастерские производили сукна, хлопчатобумажные ткани и полотна; более 200 ткацких станков в Керетаро требовали 1300 рабочих рук, а в Пуэбле ткали хлопок 1200 ткачей [5]. В Перу примитивная продукция колониального периода не превосходила качеством индейские ткани, делавшиеся до прихода Писарро, «но ее экономическая важность, напротив, была весьма велика» [6]. Промышленность основывалась на принудительном труде индейцев, которых заставляли работать в мастерских с рассвета до поздней ночи. Независимость уничтожила достигнутые скудные успехи. В Айякучо, Какаморсе, Тарме мастерские к тому времени были уже довольно большими. Городок Пакайкаса, сегодня не существующий, «имел значительное ткацкое предприятие, на котором работало более 1000 рабочих», — пишет Ромеро в своем труде; исчезла и Паукарколья, снабжавшая «фраседас» — одеялами из шерсти — очень обширный район, «и сейчас там уже нет ни одной фабрики» [7]. В Чили, одной из наиболее отдаленных испанских колоний, обособленность благоприятствовала активной промышленной деятельности, начавшейся с самого первого периода колонизации. Там были прядильные и ткацкие фабрики, кожевенные мастерские; чилийским такелажем оснащались корабли, бороздившие Южные моря *; в большом количестве производились

[5] A. von Humboldt. Ensayo sobre el reino de la Nueva España. México, 1944.
[6] E. Romero. Historia económica del Perú. Buenos Aires, 1949.
[7] Ibidem.

металлические изделия, начиная с перегонных кубов и пушек и кончая драгоценностями, парадной столовой посудой, часами; строились корабли и экипажи [8]. В Бразилии текстильные и металлургические предприятия, добившиеся после XVIII в. первых скромных успехов, также были подорваны импортом иностранных товаров. Эти виды мануфактурного хозяйства достигли процветания, несмотря на препятствия, обусловленные колониальным пактом с Лиссабоном; но уже с 1807 г. португальская монархия, правящая в Рио-де-Жанейро, была лишь игрушкой в руках Англии, реальную силу имела власть Лондона. «До того как были открыты порты, слабая португальская торговля ссздавала как бы протекционистский барьер вокруг маленькой местной промышленности, — говорил Кайо Прадо-младший, — бедной ремесленной промышленности, это правда, но вместе с тем способной удовлетворить часть внутреннего потребления. Эта маленькая промышленность не могла выжить в условиях свободной конкуренции с иностранцами, даже если дело касалось совсем незначительных товаров» [9].

Боливия была самым важным текстильным центром в вице-королевстве Ла-Платы. В Кочабамбе, согласно свидетельству управляющего Франсиско де Виедмы, к концу века 80 тыс. человек были заняты на производстве хлопчатобумажных тканей, сукна и скатертей. В Оруро и Ла-Пасе также возникли мастерские, предлагавшие вместе с мастерскими Кочабамбы одеяла, пончо и очень прочную байку местному населению, войскам и пограничным гарнизонам. В Мохосе, Чикитосе и Гуарайосе производились чистейшие льняные и хлопковые ткани, соломенные сомбреро, вигоневая и овечья шерсть, сукно и сигары. «Вся эта промышленность исчезла в конкуренции с аналогичными иностранными товарами», — без особой грусти констатируется в книге, посвященной столетию независимости Боливии [10].

Аргентинское побережье было наиболее отсталым и малонаселенным районом страны, пока достижение независимости не привело к перемещению в Буэнос-Айрес центра

[8] H. Ramírez Necochea. Antecedentes económicos de la independencia de Chile. Santiago de Chile, 1959.

[9] C. Prado Júnior. Historia económica del Brasil. Buenos Aires, 1960.

[10] Bolivia en el primer centenario de su independencia. — "The University Society". La Paz, 1925.

тяжести экономической и политической жизни в ущерб внутренним провинциям. В начале XIX в. лишь около десятой части аргентинского населения жило в Буэнос-Айресе, Санта-Фе и Энтре-Риос [11]. Медленно и на допотопной основе развивалась промышленность в центральных и северных районах, в то время как на побережье, как заметил прокурор Ларраменди в 1795 г., вообще не существовало «ни ремесел, ни производства». В Тукумане и Сантьяго-дель-Эсперо, которые сейчас представляют собой «очаги слаборазвитости», процветали текстильные мастерские, производящие пончо трех видов, в других мастерских делали прекрасные повозки, сигары и сигареты, кожи и подметки. В Катамарке изготовлялись полотна всех типов, чистое сукно, черная хлопчатобумажная фланель для священников; Кордова производила более 70 тыс. пончо, 20 тыс. шерстяных и 40 тыс. байковых одеял в год, туфли и другие кожаные изделия, подпруги и реи, коврики и сафьян. Самые важные мастерские по изготовлению портупей находились в Коррьентесе. Сальта славилась изящными креслами. Мендоса производила в год от 2 до 3 млн. литров вина, ничем не уступающего андалусскому, а в Сан-Хуане перегоняли 350 тыс. литров водки в год. Мендоса и Сан-Хуан образовывали «торговый перешеек» между Атлантическим и Тихим океанами в Южной Америке [12].

Торговые агенты Манчестера, Глазго и Ливерпуля объездили Аргентину и скопировали модель пончо в Сантьяго и Кордове, кожаных изделий из Коррьентеса и даже деревянных стремян, учитывая то, «какими их предпочитают согласно привычкам в стране», чтобы производить потом эти товары. Аргентинские пончо стоили 7 песо, йоркширские — 3. Более развитая мировая текстильная промышленность быстро побеждала местные ткацкие фабрики, то же происходило и в производстве бочек, шпор, лемехов, уздечек и даже гвоздей. Нищета иссушила внутренние аргентинские провинции, которые вскоре восстали против диктатуры порта Буэнос-Айрес. Главные торговцы Эскалада, Бельграно, Пуэйрредон, Вьейтес, Лас-Эрас, Сервиньо взяли потерянную Испанией власть [13], а торговля предо-

[11] L. C. A. Lascano. Imperialismo y comercio libre. Buenos Aires, 1963.

[12] P. Santos Martínez. Las industrias durante el virreinato (1776—1810). Buenos Aires, 1969.

[13] Introducción a "Documentos para la historia argentina, 1919". — In: R. Levene. Obras completas. Buenos Aires, 1962.

ставила им возможность покупать английские шелка и кожи, чистые лувьерские сукна, фламандские кружева, швейцарские сабли, голландский джин, вестфальскую ветчину и гамбургские сигары. Аргентина же в обмен вывозила кожи, сало, кость, солонину; торговцы скотом из провинции Буэнос-Айрес расширяли свои рынки благодаря свободной торговле. Английский консул в Плате Вудбин Пэриш так описал в 1837 г. сурового гаучо в пампе: «Возьмите всю его одежду, проверьте все, что его окружает: какая вещь, за исключением кожаных изделий, не окажется английской? Если у его жены есть платье, то ставлю десять против одного, что сделано оно в Манчестере. Котелок и горшок, в которых он готовит, обычная фаянсовая посуда, из которой он ест, пончо, которое он носит, — все вывезено из Англии» [14]. Аргентина получала из Англии даже брусчатку для тротуаров.

Примерно в то же время Джеймс Уэбб, посол Соединенных Штатов в Рио-де-Жанейро, говорил: «Во всех имениях Бразилии хозяева и рабы одеваются в товары, произведенные мануфактурами со свободным трудом, и девять десятых этих товаров — английские. Англия предоставляет весь необходимый капитал для внутреннего прогресса Бразилии, производит все обычные инструменты, начиная с мотыги, почти все предметы роскоши, бытовую утварь — от булавки до самого дорогого платья. Английская керамика, английские стеклянные, железные и деревянные изделия здесь так же обычны, как шерстяные сукна и хлопковые ткани. Великобритания предоставляет Бразилии свои пароходы и парусные корабли, делает ей мостовые и чинит улицы, освещает газом города, строит железные дороги, эксплуатирует шахты, она ее банкир, она возводит ей телеграфные линии, доставляет почту, производит мебель, двигатели, вагоны» [15]. Лихорадка свободного импорта буквально сводила с ума купцов из портовых городов: в те годы Бразилия получала даже гробы, уже обитые и готовые принять покойников; седла, хрустальные светильники, кастрюли и коньки, с которыми неизвестно что было делать на тропическом побережье, а также бумажники, хотя в Бразилии не было бумажных денег, и необъяс-

[14] W. Parish. Buenos Aires y las Provincias del Río de la Plata. Buenos Aires, 1958.

[15] P. Schilling. Brasil para extranjeros. Montevideo, 1966.

нимое количество измерительных инструментов [16]. Договор о торговле и навигации, подписанный в 1810 г., облагал налогами импорт английских товаров по меньшему тарифу, чем португальских, а текст его был так поспешно переведен с английского, что слово «policy», например, было переведено как «полиция», а не как «политика» [17]. Английские граждане пользовались в Бразилии правом на особое судопроизводство, что ставило их вне пределов юрисдикции национального правосудия. Бразилия была «неофициальным членом экономической империи Великобритании» [18].

В середине века один путешественник, прибывший в Вальпараисо, стал свидетелем расточительности и показной роскоши, стимулируемых свободной торговлей в Чили. «Единственная возможность возвыситься,—писал он, — это подчиниться диктату модных журналов Парижа, черному сюртуку и всем соответствующим аксессуарам. Сеньора покупает элегантное сомбреро, заставляющее ее чувствовать себя законченной парижанкой, в то время как ее муж повязывает жесткий и широкий галстук и чувствует себя законченным представителем европейской культуры» [19]. Три или четыре английские фирмы овладели рынком чилийской меди и устанавливали цены в интересах литейного производства в Суонси, Ливерпуле, Кардиффе. Генеральный консул Англии в 1838 г. информировал свое правительство о «поразительном увеличении» продажи меди, которая экспортировалась «в основном, если не всецело, на британских судах или за счет Британии» [20]. Английские коммерсанты монополизировали торговлю в Сантьяго и Вальпараисо, и Чили была вторым по важности латиноамериканским рынком для британских товаров.

Большие порты Латинской Америки, огромные масштабы вывоза полученной на земле и извлеченной из-под земли продукции в далекие заокеанские города, где сосредоточена реальная власть, — все это использовалось как средство, чтобы добиться превосходства и подчинить себе

[16] A. K. Manchester. British Preeminence in Brasil: its Rise and Decline. Northern Caroline, 1933.

[17] C. Furtado. Formación económica del Brasil. México—Buenos Aires, 1959.

[18] J. F. Normano. Evolução econômica do Brasil. São Paulo, 1934.

[19] G. Beyhaut. Raíces contemporáneas de América Latina. Buenos Aires, 1964.

[20] H. Ramírez Necochea. Historia del imperialismo en Chile. Santiago de Chile, 1960.

те самые страны, которым принадлежали большие порты, превратившиеся в гигантские свалки, страны, расточавшие свои национальные богатства. Порты и столицы хотели походить на Париж и Лондон, но тылом у них была пустыня.

Протекционизм и свободный обмен в Латинской Америке. Краткий взлет Лукаса Аламана

Расширение латиноамериканских рынков ускоряло накопление капиталов для британской промышленности. Атлантический океан давно уже превратился в ось мировой торговли, и англичане сумели использовать местоположение своего острова с его множеством портов, расположенного в непосредственной близости от Балтийского и Средиземного морей, нацеленного на берега Америки. Англия организовывала мировую торговую систему и превращалась в чудодейственный завод-поставщик всей планеты: со всего мира в нее стекалось сырье, а из нее по всему миру растекалась готовая продукция. Британская империя располагала самыми большими портами и самым могущественным финансовым аппаратом своего времени: у нее был самый высокий уровень коммерческой специализации, она обладала мировой монополией на страхование и фрахт, она господствовала на международном золотом рынке. Фридрих Лист, «отец» таможенного союза, говорил, что свободная торговля — главный предмет экспорта Великобритании[21]. Ничто так не разъяряло англичан, как таможенный протекционизм, и иногда они выступали против него с огнем и мечом, как, например, это произошло в случае с «опиумной войной» с Китаем. Но свободная конкуренция на рынках стала для Англии истиной в последней инстанции лишь *после того, как она уверилась, что она самая сильная, и после того, как она развила собственную текстильную промышленность под защитой самого сурового в Европе протекционистского законодательства. А до этого, вначале, пока британская промышленность не набрала еще силу, английский подданный, застигнутый за вывозом необработанной шерсти, приговаривался к отсечению правой руки, а при повторном преступлении — к*

[21] Фридрих Лист, немецкий экономист, родившийся в 1789 г., пропагандировал в США и у себя на родине доктрину таможенного протекционизма и поощрения промышленности. Он покончил жизнь самоубийством в 1846 г., но его идеи привились в обеих упомянутых странах.

повешению; запрещалось даже хоронить покойника, пока приходский священник не засвидетельствует, что саван соткан на английской фабрике [22].

«Все разрушительные явления, вызывающие свободную конкуренцию внутри каждой отдельной страны, — заметил Маркс, — воспроизводятся на мировом рынке в еще более огромных масштабах» [23]. Втягивание Латинской Америки в британскую орбиту, из которой она выйдет лишь для того, чтобы попасть в североамериканскую, полностью соответствовало этой общей закономерности. Именно так укреплялась зависимость новых независимых стран. Свобода обращения товаров, свобода обращения денег и трансфертов имели драматические последствия.

В 1829 г. в Мексике пришел к власти Висенте Герреро. Он взял бразды правления на волне «отчаяния ремесленников, вызванного демагогом Лоренсо де Савалой, который направил против лавок, переполненных английскими товарами, голодную и отчаявшуюся толпу» [24]. Герреро недолго оставался у власти, он пал потому, что не захотел или не сумел поставить серьезные препятствия на пути европейских товаров, «из-за обилия которых, — говорит Чавес Ороско, — страдали от безработицы городские ремесленники, жившие до независимости, а особенно во времена европейских войн, достаточно зажиточно». Мексиканской промышленности не хватало капиталов, нужного количества квалифицированных рабочих рук и современной техники; у нее не было ни соответствующей организации, ни путей сообщения и транспортных средств, чтобы быстро освоить рынки и источники снабжения. «Единственное, что у нее, видимо, было в избытке, — говорит Алонсо Агилар, — это помехи, препятствия и препоны всех сортов» [25]. И тем не менее, как замечает Гумбольдт, промыш-

[22] C. Véliz. La mesa de tres patas. — "Desarrollo económico", № 1, 2. Santiago de Chile, sept. 1963.

[23] «Нет ничего удивительного в том, что приверженцы свободы торговли не способны понять, как это одна страна может обогащаться за счет другой; ведь эти господа обнаруживают еще меньше желания понять, каким образом внутри каждой страны один класс обогащается за счет другого». К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 416—417.

[24] L. C. Orozco. La historia de transformación mexicana. — In: Colección de documentos para la historia del comercio exterior de México. T. VII, México, 1962.

[25] A. Aguilar Monteverde. Dialéctica de la economía mexicana. México, 1968.

ленность пробудилась в период застоя внешней торговли, когда были разорваны или осложнены морские коммуникации; именно в такие моменты она начала производить сталь и находить применение железу и ртути. А торговый либерализм, который принесла с собой независимость, добавлял жемчужины в британскую корону и парализовывал текстильные и металлургические мастерские в Мехико, Пуэбле и Гвадалахаре.

Лукас Аламан, очень способный политик консервативного толка, вовремя заметил, что идеи Адама Смита ядовиты для национальной экономики: будучи министром, он поощрял создание государственного кредитного банка, «Банко авиа», с целью ускорить индустриализацию. Налог на иностранные хлопковые ткани призван был дать стране средства для покупки за границей машин и технического оборудования, в которых нуждалась Мексика, чтобы обеспечить себя хлопковыми тканями собственного производства. Страна располагала сырьем, ресурсами гидроэнергии, более дешевой, чем уголь, и быстро смогла создать хорошо подготовленную рабочую силу. Банк был создан в 1830 г., и вскоре с лучших европейских фабрик стали поступать самые современные прядильные и ткацкие станки; кроме того, государство законтрактовало за рубежом специалистов по текстильной технике. В 1844 г. крупные предприятия в Пуэбле произвели 1 млн. 400 тыс. грубых одеял. Новые индустриальные возможности страны превзошли внутренний спрос: рынок потребления в «царстве неравенства», состоявшего главным образом из голодных индейцев, не мог долго поддерживать столь быстрое развитие фабрик. На эту стену наталкивались и все попытки разбить унаследованную от колониальных времен экономическую структуру. Однако промышленность была модернизирована настолько, что к 1840 г. североамериканские текстильные предприятия располагали в среднем меньшим количеством веретен, чем мексиканские[26]. Через 10 лет соотношение изменилось в обратную сторону, но с еще бо́льшим разрывом. Политическая нестабильность, давление французских и английских коммерсантов и их могущественных компаньонов внутри страны, ограниченные размеры внутреннего рынка, изначально обескровленного

[26] J. Bazant. Estudio sobre la priductividad de la industria algodonera mexicana en 1843—1845 (Lucas Alamán y la Revolución industrial en México). — In: Colección de documentos para la historia del comercio exterior de México. T. VII, México, 1962.

экономикой, ориентированной на рудники и латифундии,— все это похоронило успешный эксперимент. Еще до 1850 г. приостановилось развитие мексиканской текстильной промышленности. Создатели «Банко авиа» расширили сферу его действия, и к тому моменту, когда он вынужден был закрыться, кредиты охватывали и фабрики по производству шерсти, ковров, железных и бумажных изделий. Эстебан де Антуньано утверждал даже, что в Мексике необходимо как можно раньше развить национальное производство машин, чтобы «оказать сопротивление европейскому эгоизму». Самая большая заслуга «отцов» периода индустриализации, Аламана и Антуньано, заключается в том, что они установили идентичность «политической и экономической независимости и проповедовали необходимость придать энергичный импульс промышленности как единственному средству защиты страны от могущественных и агрессивных стран» [27]. Сам Аламан стал фабрикантом и создал самую большую в то время текстильную фабрику в Мексике (она называлась «Коколапан» и существует до сих пор); он организовал промышленников в группу, оказывающую давление на последовательно сменявшиеся правительства, каждое из которых неизменно состояло из сторонников свободного обмена [28]. Но Аламан, консерватор и католик, не смог поставить ребром вопрос о необходимости решения аграрной проблемы, потому что сам чувствовал себя идеологически связанным со старым порядком и не осознавал, что промышленное развитие

[27] L. C. Orozco. Op. cit.

[28] В III томе указанного сборника документов Национального банка внешней торговли приводятся различные протекционистские заявления, опубликованные в конце 1850 г. «Когда уже истекли три века испанской цивилизации и военного господства, Мексика вступила в новую эру, которую также можно назвать новой конкистой, но уже научной и торговой... Сила такой конкисты — в торговых кораблях, ее предпосылка — абсолютная экономическая свобода, ее самое главное правило в отношениях с менее преуспевающими народами — закон взаимности». «Привезите в Европу, — говорили нам, — все товары, какие сможете, конечно кроме запрещенных у нас, а взамен позвольте нам ввозить столько товаров, сколько мы сможем, хотя бы это и губило ваши ремесла... Если мы примем доктрину, которую они (наши хозяева по ту сторону океана и севернее Рио-Гранде) предлагают нам и не принимают сами, то наша казна, пожалуй, слегка вырастет, но в этом случае будет поощряться развитие труда не мексиканского народа, но лишь англичан, французов, швейцарцев и североамериканцев».

изначально обречено повиснуть в воздухе, не имея соответствующей опоры в этой стране бесчисленных латифундий и всеобщей нищеты.

Копья «монтонерос»* и ненависть, пережившая Хуана Мануэля де Росаса

Протекционизм против свободного обмена, страна против столицы-порта — такая борьба разгорелась фактически в форме гражданских войн в Аргентине прошлого века. Буэнос-Айрес, который в XVII в. был всего лишь большой деревней в 400 домов, начиная с майской революции** и провозглашения независимости стал во главе всей провинции. Он был единственным портом, и через его «горловину» должны были проходить все ввозимые и вывозимые товары. Перекосы, навязанные стране гегемонией столицы-порта, отчетливо сказываются в наши дни: в столице с ее пригородами живет более трети всего аргентинского населения, и она выступает по отношению к другим провинциям в качестве своего рода сводницы-посредника. В рассматриваемое время она удерживала монополию на таможенные пошлины, банки, выпуск денег, стремительно обогащаясь за счет внутренних провинций. Почти все доходы Буэнос-Айреса поступали к нему от национальной таможни, которую столица-порт полностью узурпировала к собственной выгоде; при этом большая их часть расходовалась на войны с провинциями, которые, таким образом, сами оплачивали уничтожение своей свободы [29].

Из Торговой палаты в Буэнос-Айресе, основанной в 1810 г., англичане в свои подзорные трубы наблюдали за прохождением судов; английская промышленность снабжала жителей Буэнос-Айреса сукном из чистой шерсти, искусственными цветами, кружевами, зонтиками, пуговицами и шоколадом, а внутренние рынки страны разоряли массовой распродажей пончо и стремян английского производства. Чтобы оценить важность, которую мировой рынок придавал тогда кожам Ла-Платы, необходимо перенестись в эпоху, когда не существовало пластмасс и синтетических тканей, причем о возможности их появления не подозревали даже химики. Можно ли было вообразить более благоприятные условия для развития крупномасштабного скотоводческого хозяйства, чем плодородные

[29] M. Burgin. Aspectos económicos del federalismo argentino. Buenos Aires, 1960.

равнины Ла-Платского приморья? В 1816 г. был найден новый способ обработки кож мышьяком, позволяющий хранить их неограниченно долгое время; в эти же годы расцвели и мясосолильни, число которых все увеличивалось. Бразилия, Антилы и Африка открыли свои рынки импорту вяленого мяса, и по мере того, как оно завоевывало иностранных потребителей, аргентинские потребители все явственнее замечали происходящие у них изменения: льготы на экспорт сопровождались ростом налогов на потребление мяса внутри страны, всего за несколько лет цена на говядину утроилась, возросла и стоимость земли. Раньше гаучо могли свободно охотиться за бычками на просторах пампы, где еще не было проволочных оград, по давно принятому обычаю они съедали только филейную часть, выбрасывая все остальное; единственное, что от них требовалось, — вручить хозяину шкуру убитого быка. Теперь все переменилось. Реорганизация хозяйства повлекла за собой новое закабаление вольнолюбивых гаучо: декрет 1815 г. устанавливал, что всякий сельский житель, не имеющий собственности, должен прислуживать. Слуга получал особый билет и раз в 3 месяца должен был отмечать его у хозяина. Если гаучо не хотел быть слугой, он считался бродягой, а бродяг насильно забирали в пограничные батальоны [30]. Отважный креол, смело жертвовавший собой в сражениях за независимость родины, отныне превращался в парию, жалкого пеона или гарнизонного служаку. Правда, у него оставался и еще один путь: взять в руки копье и уйти в отряд повстанцев-«монтонерос» [31].

[30] J. Alvarez. Las guerras civiles argentinas. Buenos Aires, 1912.

[31] Повстанческий отряд «рождается неожиданно, как вихрь при ясном небе. И обрушивается как смерч, яростно сметая все на своем пути. Потом так же неожиданно исчезает» (D. de la Vega Díaz. La Riojaheroica. Mendoza, 1955).

Хосе Эрнандес, который сражался за федеральное дело, воспел в поэме «Мартин Фьерро», ставшей самой популярной аргентинской книгой, несчастья гаучо, изгнанного из родных мест и преследуемого властями:

Зверь в норе укрыться может,
птица прячется в гнезде,
рыба — меж камней в воде,
только гаучо, беднягам,
неприкаянным бродягам,
нет пристанища нигде.

Потому что:

Ждут тебя тюрьма, острог,
не доищешься ты правды.

Благодаря этому суровому гаучо, лишенному всего, кроме славы и отваги, стали возможными те кавалерийские атаки, которыми повстанцы вновь и вновь бросали вызов хорошо вооруженным регулярным войскам Буэнос-Айреса. Возникновение капиталистических сельскохозяйственных имений во влажной приморской Пампе * ставило всю страну на службу экспорту кожи и мяса, что прекрасно согласовывалось с диктатурой свободного обмена столицы-порта Буэнос-Айреса. Борьбу креольских масс против торговцев и землевладельцев, связанных с мировым рынком, сначала возглавил выдающийся народный предводитель Хосе Артигас. Артигас потерпел поражение и был сослан; тем не менее много лет спустя Фелипе Варела вновь поднял крупное восстание на севере Аргентины; как говорилось в его прокламации, жить в провинции означало быть «нищим, лишенным родины, свободы, прав». Его мятеж получил широкий отклик во всех внутренних районах страны. Фелипе Варела, последний из «монтонерос», умер в нищете от туберкулеза в 1870 г.[32] Поборник Американского союза — проекта воскрешения разъединенной Великой Родины, — Фелипе Варела все еще считается разбойником, подобно тому как до недавнего времени в истории Аргентины, преподаваемой в школах, называли разбойником и Артигаса.

Будь хотя и трижды прав ты,
беден — значит, виноват.
Колокол твой деревянный:
Кто услышит твой набат?

(Перевод М. Донского)

Хорхе Абелярдо Рамос заметил (J. A. Ramos. Revolución y contrarrevolución en Argentina. Buenos Aires, 1965), что два реальных имени, появляющихся в «Мартине Фьерро», — Анчорена и Гайнса — это имена людей, представлявших олигархию, которая уничтожала оказывающих вооруженное сопротивление креолов, а в наши дни их потомки объединились в лоне одной семьи — семьи владельцев газеты «Пренса».

Своеобразной противоположностью «Мартину Фьерро» был роман Рикардо Гуиральдеса «Дон Сегундо Сомбра» (R. Güiraldes. Don Segundo Sombra. Buenos Aires, 1939). В нем появляется укрощенный гаучо, привязанный к зарплате, угождающий своему хозяину, — хороший повод для ностальгического фольклора или жалости.

[32] R. Ortega Peña y E. L. Duhalde. Felipe Varela contra el Imperio Británico. Buenos Aires, 1966. В 1870 г. подвергся вторжению и пал, потопленный в крови Парагвай, единственное латиноамериканское государство, не попавшее до тех пор в империалистическую кабалу.

Фелипе Варела родился в селенье, затерянном в горах Катамарки. Он глубоко страдал, видя нищету своей провинции, разоренной далеким надменным портом. В конце 1824 г., когда Вареле было 3 года, Катамарка не смогла даже оплатить расходы делегатов, посланных на Конституционный конгресс в Буэнос-Айресе; в таком же положении оказались Мисьонес, Сантьяго-дель-Эстеро и другие провинции. Катамаркский депутат Мануэль Антонио Асеведо разоблачил «пагубный обмен» с конкурирующими иностранными товарами: «С некоторых пор Катамарка стала свидетелем того, не имея возможности ничего исправить, что ее сельское хозяйство не оправдывает вложенных в него средств, ее промышленность не дает доходов, способных поощрить промышленников, а торговля находится при последнем издыхании» [33]. Представитель провинции Коррьентес, бригадный генерал Педро Ферре, в 1830 г. следующим образом излагал возможные последствия защищаемых им протекционистских мер: «Да, несомненно, пострадает некоторое число состоятельных людей, ибо на их столах поубавится изысканных вин и ликеров... Но менее обеспеченные слои населения не почувствуют существенных изменений, разве что их слегка заденет повышение цен на вино, и это несколько снизит его потребление, хотя последнее обстоятельство, я полагаю, не будет особенно вредным. Наши крестьяне не будут носить английские пончо, не будут пользоваться болами и лассо, сделанными в Англии; мы не будем ходить в одежде, сшитой за границей, мы будем надевать на себя только то, что сможем производить сами; но зато положение аргентинских городов изменится к лучшему, и нас перестанет преследовать угроза ужасающей нищеты, которая ныне тяготеет над нами» [34].

Важным шагом для восстановления национального единства, подорванного войной, явилось провозглашение правительством Хуана Мануэля де Росаса протекционистского таможенного закона в 1835 г. Этот закон запрещал импорт изделий из железа и жести, седел, пончо, ремней, шерстяных или хлопчатобумажных поясов, тюфяков, фермерских товаров, колес для экипажей, сальных свечей и гребней, а также облагал высокими пошлинами ввоз кроватей, обуви, веревок, одежды, принадлежностей для вер-

[33] M. Burgin. Op. cit.
[34] J. Alvarez. Op. cit.

ховой езды, сухофруктов и алкогольных напитков. Однако налогом не облагалось мясо, перевозимое на кораблях под аргентинским флагом; также поощрялись национальное производство изделий из кожи и выращивание табака. Результаты сказались немедленно. Ко времени сражения при Касеросе в 1852 г., приведшего к свержению Росаса, по рекам ходили шхуны и корабли, построенные на верфях Коррьентеса и Санта-Фе, в Буэнос-Айресе было более 100 процветающих фабрик, и все путешественники единодушно отмечали превосходное качество тканей и обуви, производимых в Кордове и Тукумане, сигарет и ремесленных изделий Сальты, вина и водки Мендосы и Сан-Хуана. Тукуманская деревообрабатывающая фабрика вывозила свои товары в Чили, Боливию и Перу [35].

Десять лет спустя после принятия этого закона военные корабли Англии и Франции пушечными выстрелами разбили протянутые через Парану цепи, чтобы открыть себе путь к внутренним рынкам, которые Росас наглухо закрыл для них. Вторжению предшествовала блокада. Десять памятных записок из индустриальных центров Англии — Йоркшира, Ливерпуля, Манчестера, Лидса, Галифакса, Бретфорда и других, — подписанных 1500 английскими банкирами, торговцами и промышленниками, торопили английское правительство принять меры против ограничений, наложенных на торговлю в Ла-Плате. Несмотря на успехи, достигнутые в результате введения таможенного закона, стала ясна ограниченность возможностей национальной промышленности Аргентины, не способной удовлетворить внутренний спрос, что с особой силой выявила блокада. На деле с 1841 г. протекционизм, вместо того чтобы набирать силу, уже начал ослабевать. Росас как никто иной выражал интересы землевладельцев, располагавших многочисленными мясосолильнями в провинции Буэнос-Айрес, а национальной буржуазии, способной подтолкнуть развитие подлинного и сильного национального капитализма, не существовало, она еще и не родилась. В условиях, когда центром экономической жизни страны были крупные поместья, не могла иметь успеха никакая политика индустриализации, даже если она и опиралась на дух независимости и предприимчивости; для осуществления индустриализации необходимо было подорвать могущество латифундий, ориентированных на экспорт. Росас

[35] J. A. Ramos. Op. cit.

в глубине души всегда оставался верен своему классу. «Самый видный мужчина во всей провинции»[36], гитарист и танцор, человек, умевший в ненастную беззвездную ночь определить направление по вкусу травы на пастбище, Росас был к тому же крупным помещиком, производителем вяленого мяса и костей, и землевладельцы признали его своим вождем. Мрачная легенда, созданная впоследствии с целью опорочить Росаса, не может затушевать национального и народного характера многих преобразований, осуществленных его правительством[37], но классовые противоречия обусловили невозможность проведения правительством вождя скотовладельцев динамичной и последовательной промышленной политики, идущей дальше чисто «таможенной хирургии». Отсутствие такой политики нельзя объяснить только нестабильностью и нищетой, вызванной гражданскими войнами и иностранной блокадой, потому что еще за 20 лет до этого Хосе Артигас проводил индустриализацию, тесно связывая ее с осуществлением аграрной реформы. Вивиан Триас в своем глубоком исследовании сравнивает протекционизм Росаса с мерами, предложенными в 1813—1815 гг. на Восточном Берегу * Артигасом для обеспечения подлинной независимости всей территории, что ранее занимало вице-королевство Ла-Платы[38]. Росас не запретил иностранным коммерсантам вести торговлю на внутреннем рынке, не вернул всей стране таможенные доходы, которые продолжал узурпировать Буэнос-Айрес, и не положил конец диктату столицы-порта. Основными положениями политики Артигаса были, напротив, национализация внутренней торговли, отмена портовой и таможенной монополии, а также решение аграрного вопроса. Артигас стоял за свободную навигацию по внутренним рекам, Росас же так и не открыл провинциям доступ к прямой торговле с заморскими странами. Росас

[36] J. L. Busaniche. Rosas visto por sus contemporáneos. Buenos Aires, 1955.

[37] Хосе Рибера Индарте, желая потрясти чувствительных европейцев, привел в своих знаменитых «Кровавых скрижалях» целый список преступлений Росаса. Как свидетельствует лондонский «Атлас», английская банковская фирма Самуэля Лафоне заплатила писателю по пенсу за каждого убитого. Росас запретил экспорт серебра и золота, что тяжело ударило по Британской империи, он распустил Национальный банк, бывший послушным орудием в руках британских торговцев (J. F. Cady. La intervención extranjera en el Río de la Plata. Buenos Aires, 1943).

[38] V. Trías. Juan Manuel de Rosas. Montevideo, 1970.

в глубине души всегда оставался верен своей привилегированной провинции. Несмотря на эту ограниченность, национализм и популизм «голубоглазого гаучо», Росас до сих пор вызывает ненависть у аргентинских господствующих классов. Он до сих пор, согласно и поныне действующему закону 1857 г., «преступник, предавший Родину», и Аргентина все еще отказывается перевезти из Европы его останки и воздать ему почести как национальному герою.

После того как была искоренена ересь Росаса, олигархия восстановила свои позиции. В 1870 г. председатель организационной комиссии сельскохозяйственной выставки, открывая экспозицию, заявил: «Мы еще в детском возрасте, потому будем довольствоваться скромной задачей посылать на европейские рынки наши продукты и сырье, чтобы они возвращались к нам переработанными. Сырье — вот что просит Европа в обмен на свои великолепные изделия» [39].

Просвещеннейший Доминго Фаустино Сармьенто и другие писатели-либералы видели в крестьянских отрядах «монтонерос» лишь варварскую силу, выражение отсталости и невежества, анахронизм диких пастухов, выступающих против городской цивилизации, бунт пончо и чирипа * против сюртука, копья и ножа — против регулярной армии, неграмотности — против просвещения [40]. В 1861 г. Сармьенто писал Митре: «Не жалейте крови гаучо, кровь — единственное, что у них есть человеческого. Их кровь — удобрение, которое надо обратить на пользу страны». Такое презрение и такая ненависть свидетельствовали о пренебрежении к собственной родине, что, разумеется, находило выражение и в экономической политике. «Мы не промышленники и не мореплаватели, — утверждал Сармьенто, — а Европа может обеспечить нас на многие века своими изделиями в обмен на наше сырье» [41].

Президент Бартоломео Митре начиная с 1862 г. вел истребительную войну против провинций и их последних

[39] Речь Х. А. де Посадаса цит. по: D. Cúneo. Compartamiento y crisis de la clase empresaria. Buenos Aires, 1967. В 1876 г. министр финансов сказал в конгрессе: «Мы не должны вводить чрезмерных налогов, делающих невозможным ввоз обуви: ведь обеспечивая здесь процветание дюжины сапожников, мы лишаем возможности тысячи иностранных производителей обуви продать здесь хоть пару туфель».

[40] A. R. Rozán. Las bases sociales de la montonera. — "Revista de historia americana y argentina", № 7, 8. Mendoza, 1962—1963.

[41] D. F. Sarmiento. Facundo. Buenos Aires, 1952.

вождей. Сармьенто назначили командующим действующей армией, и войска двинулись на север, чтобы убивать гаучо, «этих двуногих животных столь порочного нрава». В Ла-Риохе Крошка Пеньалоса, генерал равнин, державший под своим контролем Мендосу и Сан-Хуан, стал последним оплотом мятежа против столицы-порта, и в Буэнос-Айресе решили, что пришла пора покончить с ним. Ему отрубили голову и выставили ее в центре площади Ольта. Появление железной дороги и сети шоссе довершили закат Ла-Риохи, начавшийся с революции 1810 г.: свободный обмен вызвал кризис ремесел и усугубил безысходную бедность района. В XX в. риоханские крестьяне бегут из своих деревень в Буэнос-Айрес в поисках работы; как и бедные крестьяне из других провинций, они добираются лишь до ворот города. Они находят жилье в пригородах вместе с 70 тыс. жителей бедных окраин и довольствуются теми крохами, которые перепадают им с праздничного стола большого города. «Не замечаете ли вы каких-нибудь изменений у тех, кто уехал и вернулся погостить?» — недавно спросили социологи у 150 жителей одной риоханской деревни. Оставшиеся с завистью замечали, что «горожане» приоделись, у них стали лучше манеры и речь. Некоторые находили даже, что они стали «более белыми» [42].

Война Тройственного союза против Парагвая: как искореняли опыт независимого развития

Человек молча сидел рядом со мной. Под полуденным солнцем, бившим в окошко автобуса, его лицо казалось очерченным резкими штрихами: заострившийся нос, выступающие скулы. Мы ехали с южной границы по направлению к Асунсьону. В автобус, рассчитанный на 20 человек, набилось не меньше 50. Через несколько часов мы сошли. Присели отдохнуть в открытом дворике в тени дерева с мясистыми листьями. Перед нами бесконечные и безлюдные пространства нетронутого краснозема, освещенные ослепительным солнцем: куда ни глянь, до самого горизонта только прозрачный воздух. Мы закурили. Мой спутник, крестьянин-гуарани, с трудом подбирая слова, сказал мне по-испански: «Мы, парагвайцы, бедные, и нас мало». Он объяснил, что ездил в Энкарнасьон искать рабо-

[42] M. Margulis. Migración y marginalidad en la sociedad argentina. Buenos Aires, 1968.

ту, но не нашел. Ему едва удалось наскрести несколько песо на обратный путь. Много лет назад, еще в юности, он пробовал попытать счастья в Буэнос-Айресе и на юге Бразилии. Сейчас хлопкоуборочный сезон, и многие парагвайцы, как всегда, уехали в Аргентину на плантации. «Но мне шестьдесят три года. Мое сердце уже не выдержит».

В течение последних 20 лет полмиллиона парагвайцев навсегда покинули родину. *Нищета гонит в чужие края жителей страны, которая еще столетие назад была самой передовой в Южной Америке.* Население Парагвая выросло всего лишь вдвое по сравнению с теми временами. Парагвай и Боливия — наиболее отсталые и бедные из южноамериканских государств. Парагвайцы до сих пор страдают от последствий опустошительной войны, вошедшей в историю Латинской Америки как самая постыдная ее глава. Она известна как война Тройственного союза. Бразилия, Аргентина и Уругвай устроили тогда настоящий геноцид. Они не оставили здесь камня на камне и практически покончили с мужским населением в Парагвае. Хотя Англия не приняла непосредственного участия в свершении этого чудовищного «подвига», на нем нажились именно британские торговцы, банкиры и промышленники. *Агрессия была финансирована от начала до конца Лондонским банком, банкирским домом «Бэринг браверс» и банками Ротшильда на условиях, которые в последующем закабалили и страны-победительницы*[43].

До того как его превратили в руины, Парагвай представлял собой исключение среди латиноамериканских стран: парагвайцы были единственной нацией, не изуродованной иностранным капиталом. Долгие годы (с 1814 по 1840), железной рукой поддерживая порядок, диктатор Гаспар Родригес де Франсиа растил, словно в инкубаторе,

[43] Работая над этой главой, автор воспользовался следующими источниками: J. B. Alberdi. Historia de la guerra del Paraguay. Buenos Aires, 1962; P. H. Box. Los orígenes de la Guerra de la Triple Alianza. Buenos Aires—Asunción, 1958; E. Cardozo. El imperio del Brasil y el Río de la Plata. Buenos Aires, 1961; J. C. Chaves. El presidente López. Buenos Aires, 1955; C. Pereyra. Francisco Solano López y la guerra del Paraguay. Buenos Aires, 1945; J. F. Pérez Acosta. Carlos Antonio López, obrero máximo. Labor administrativa y constructiva. Asunción, 1948; J. M. Rosa. La guerra del Paraguay y las montoneras argentinas. Buenos Aires, 1965; B. Mitre y J. C. Gómez. Cartas polémicas sobre la guerra del Paraguay, con prólogo de J. N. González. Buenos Aires, 1940. И наконец, следует упомянуть неизданный труд В. Триас, посвященный этой теме.

независимую и устойчивую экономику, развивавшуюся в полной изоляции от мира. Государство, имевшее неограниченную власть и проводившее политику патернализма, вытеснило национальную буржуазию, заняло ее место и взяло на себя ее роль: сформировать нацию, распределить ее ресурсы и распорядиться ее судьбой. Выполняя задачу подавления парагвайской олигархии, Франсиа опирался на крестьянские массы. Он добился мира внутри страны, установив жесткий «санитарный кордон» между Парагваем и остальными странами, образовавшимися на территории бывшего вице-королевства Ла-Плата. Экспроприация, ссылки, тюрьмы, преследования и денежные штрафы — все это было пущено в ход не для того, чтобы упрочить господство землевладельцев и торговцев в стране, а, наоборот, для его ликвидации. В Парагвае отсутствовали, да и потом не появились, какие бы то ни было политические свободы и оппозиции, но в тот исторический период только те, кто потерял былые привилегии, тосковали по демократии. Когда Франсиа умер, в стране не было крупных частных состояний, и Парагвай был единственным государством в Латинской Америке, не знавшим нищенства, голода, воровства [44]; путешественники находили здесь оазис спокойной жизни посреди континента, сотрясаемого бесконечными войнами. Побывавший здесь североамериканский агент Гопкинс в 1845 г. информировал свое правительство о том, что в Парагвае «нет ни одного ребенка, не умеющего читать и писать...». Это была единственная страна, взор которой не был прикован к заморским берегам. Внешняя торговля не стала здесь стержнем национальной жизни; доктрине либерализма, которая идеологически соответствовала потребности в создании мирового капиталистического рынка, нечем было ответить на вызов Парагвая, брошенный им в начале прошлого века, — страны, вынужденной развиваться в изоляции от других наций. Уничтожение олигархии позволило государству взять в свои руки основные рычаги экономики и последовательно проводить политику автаркии, замкнувшись в своих границах.

[44] Франсиа представлен как один из самых зловещих экземпляров в зверинце официальной истории. Такого рода искажения, за которыми стоит либеральная буржуазия, не являются монополией одних лишь господствующих классов в Латинской Америке: многие представители левой интеллигенции, пользуясь «чужими очками» при изучении истории наших стран, подчас принимают на веру некоторые мифы, канонизации и анафемы правых.

После Франсиа правительства Карлоса Антонио Лопеса и его сына Франсиско Солано Лопеса продолжили и развили дело своего предшественника. Страна переживала экономический подъем. Когда в 1865 г. на горизонте появились агрессоры, в Парагвае уже имелась телеграфная связь, железная дорога и немалое число фабрик по производству строительных материалов, тканей, пончо, бумаги, красок, фаянса, пороха. Двести иностранных специалистов, получавших хорошее жалованье из государственной казны, оказывали стране активную помощь. С 1850 г. на литейном заводе в Ибикуе производились пушки, мортиры и ядра всех калибров; в арсенал города Асунсьон поступали бронзовые пушки, гаубицы и ядра. Черная металлургия, так же как и другие основные отрасли промышленности, находилась в руках государства. Страна располагала собственным торговым флотом, а некоторые из тех кораблей, что ходили под парагвайским флагом по реке Парана, через Атлантику или по Средиземному морю, были построены на судоверфи в Асунсьоне. Государство монополизировало внешнюю торговлю: юг континента снабжался мате и табаком, а в Европу экспортировались ценные породы древесины. Положительное сальдо торгового баланса было неизменным. Парагвай имел устойчивую национальную валюту и располагал достаточным богатством, чтобы делать крупные капиталовложения, не прибегая к иностранной помощи. У страны не было ни одного сентаво иностранного долга, однако она была в состоянии содержать лучшую армию в Южной Америке, заключать контракты с английскими специалистами, которые предоставляли стране свои услуги, вместо того чтобы заставлять ее служить им, англичанам, а также посылать в Европу учиться и совершенствовать свои знания парагвайских студентов. Прибыль, которую давало сельскохозяйственное производство, не проматывалась попусту и не тратилась на бессмысленную роскошь, не попадала ни в карман посредников, ни в цепкие лапы ростовщиков, ни в графу прихода британского бюджета, — графу, которая за счет фрахта и пропусков подкармливала Британскую империю. Империализм, как губка впитывавший богатства других латиноамериканских стран, здесь был лишен такой возможности. В Парагвае 98% территории составляло общественную собственность: государство предоставило крестьянам наделы земли в обмен на обязательство обживать их и постоянно обрабатывать эти участки без права продажи.

Существовали к тому же 64 «поместья родины», то есть хозяйства, которыми непосредственно управляло государство. Ирригационные работы, строительство плотин и каналов, новых мостов и дорог во многом способствовали подъему сельскохозяйственного производства. Вновь, как в былые доколониальные времена, здесь стали собирать по два урожая в год. Всему этому творческому процессу, без сомнения, способствовали традиции, оставленные деятельностью иезуитов [45].

Парагвайское государство проводило политику протекционизма по отношению к национальной промышленности и внутреннему рынку самым ревностным образом, особенно с 1864 г.; реки страны были закрыты для британских судов, завалivших изделиями манчестерских и ливерпульских мануфактур все остальные страны Латинской Америки. Торговые круги Англии испытывали беспокойство

[45] Монахи-фанатики из «Общества сердца Иисусова», «черная гвардия папы римского», повсеместно взяли на себя миссию защиты средневековых устоев, выступив против новых сил, проявившихся на подмостках европейской истории. Но в Испанской Америке деятельность иезуитов нередко играла и прогрессивную роль. Они явились, чтобы, подавая пример самоотречения и аскетизма, добиться очищения католической церкви, погрязшей в праздности и разнузданном наслаждении теми благами, которые конкиста предоставила в распоряжение духовенства. В Парагвае иезуитские миссии менее чем за полтора века (1603—1768) добились наибольших успехов. Иезуиты сумели привлечь к себе, используя музыку, индейцев-гуарани, искавших спасения в сельве или вообще не выходивших из нее, лишь бы быть подальше от *цивилизаторской деятельности* «энкомендерос» и землевладельцев. Сто пятьдесят тысяч индейцев гуарани смогли благодаря иезуитам вернуться к первобытнообщинной организации и заново обрести трудовые навыки своего племени в новых ремеслах и искусствах. В миссиях не существовало латифундий; землю обрабатывали частично для удовлетворения индивидуальных, частично общественных нужд, а также для приобретения необходимых орудий труда, составлявших коллективную собственность. Жизнь индейцев была разумно организована; в мастерских и школах готовили музыкантов и ремесленников, земледельцев, ткачей, актеров, художников, строителей. В миссиях денег не знали; торговцам запрещалось появляться на их территории, сделки с ними монахи производили в отдаленных от миссии гостиницах.

В конце концов королевский двор поддался нажиму креолов-«энкомендерос», и иезуиты были изгнаны из Америки. Латифундисты и рабовладельцы начали охоту на индейцев. В бывших миссиях их вешали на деревьях, целыми деревнями продавали на рынках рабов в Бразилии. Многие индейцы вновь бежали в сельву. Книги из библиотек иезуитов сжигались в очагах вместо дров или использовались для изготовления пыжей (J. A. Ramos. História de la nación latinoamericana. Buenos Aires, 1968).

не только потому, что в самом центре континента оказался неуязвимым этот последний очаг национальной независимости, но особенно по той причине, что парагвайский опыт был убедительным и опасным примером для соседей. Самая передовая страна Латинской Америки строила свое будущее без иностранных капиталовложений, без займов английского банка и не прося благословения у жрецов свободной торговли.

Но по мере того, как Парагвай шел вперед по избранному им пути, все острее становилась необходимость выйти из добровольного заточения. Промышленное развитие требовало более широких и прямых контактов с мировым рынком, особенно со странами, производящими передовую технику. Парагвай был зажат между Аргентиной и Бразилией, которые вполне могли задушить его, сдавив горло его рек и наложив любую непосильную пошлину на транзит его товаров. Именно так и сделали Ривадавиа и Росас. С другой стороны, стремление упрочить власть олигархии в этих государствах вызвало острую необходимость покончить с опасным соседством со страной, которая умудрялась сама себя обеспечивать и не желала преклонять колени перед британскими торговцами.

Во время пребывания в Буэнос-Айресе английский министр Эдвард Торнтон принял активное участие в подготовке войны. Накануне ее он присутствовал в качестве советника на заседаниях правительственного кабинета, сидя рядом с президентом Бартоломе Митре. Под его неусыпным надзором плелась сеть провокаций и клеветы; кульминацией явилось подписание аргентино-бразильского пакта, это был смертный приговор Парагваю. Венансио Флорес вторгся в Уругвай, поддержанный обоими сильными соседями, и после бойни в Пайсанду создал в Монтевидео свое правительство, которое стало действовать по указке Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса. Так был образован Тройственный союз. До этого президент Парагвая Солано Лопес угрожал начать войну, если будет организовано вторжение в Уругвай. Он хорошо знал, что в таком случае на горле его страны, загнанной в угол самой географией и врагами, сомкнутся железные клещи. Правда, историк либерального толка Эфраим Кардосо считает, что Лопес бросил вызов Бразилии просто потому, что обиделся: он мол, просил руки одной из дочерей императора, а тот ему отказал. Началась война. И была она делом рук вовсе не Купидона, а Меркурия.

Печать Буэнос-Айреса называла парагвайского президента «Аттилой Америки». «Нужно раздавить его, как гадину!» — призывали газеты в редакционных статьях. В сентябре 1864 г. Торнтон послал в Лондон подробное секретное донесение. Оно было отправлено из Асунсьона. Он описывал Парагвай, как Данте — ад, однако не забыл расставить нужные акценты: «Ввозные пошлины почти на все товары составляют от 20 до 25% *ad valorem*; но поскольку эта стоимость определяется исходя из текущих цен на товары, размеры пошлины достигают 40—45% цены по накладной. Вывозные пошлины составляют от 10 до 20% стоимости...» В апреле 1865 г. английская газета «Стандард», выходившая в Буэнос-Айресе, уже праздновала объявление Аргентиной войны Парагваю, президент которого «нарушил все общепринятые нормы цивилизованных стран», и заявляла, что шпагу президента Аргентины Митре «в ее победном марше за правое дело осенит не только былая слава, но и могучая поддержка общественного мнения». Союз с Бразилией и Уругваем был заключен 10 мая 1865 г.; условия этого соглашения были опубликованы в печати годом позже — их изложила британская «Таймс»; эти данные газета получила от банкиров, предоставлявших кредиты Аргентине и Бразилии. В договоре будущие победители заранее делили добычу. Аргентина прибирала к рукам всю территорию Мисьонес и огромную провинцию Чако; Бразилия присваивала огромные пространства к западу от своих границ. А Уругваю, находившемуся под властью марионетки этих двух держав, ничего не перепало. Митре заявил, что войдет в Асунсьон через 3 месяца. Но война продолжалась 5 лет. Это была настоящая резня. Парагвайцы упорно защищали свои позиции, цепляясь за каждую пядь земли у реки Парагвай. «Ненавистный тиран» Франсиско Солано Лопес повел себя героически и выражал народную волю, призывая к защите родины; парагвайский народ, полвека не знавший войн, боролся под его знаменами не на жизнь, а на смерть. Мужчины и женщины, дети и старики — все сражались как львы. Раненые, попадавшие в плен, срывали с себя бинты, чтобы их не заставили воевать против братьев. В 1870 г. Лопес повел свое войско, похожее уже на сонмище призраков, — стариков и мальчишек, надевавших фальшивые бороды, чтобы издали казаться врагам старше, — в глубь сельвы. Захватчики, готовые всех вырезать, штурмовали развалины Асунсьона. Парагвайского

президента сначала ранили из пистолета, а затем добили ударом копья в лесной чаще на горе Кора. Перед смертью он воскликнул: «Я умираю вместе с моей родиной!» Это была чистая правда. Парагвай умирал вместе с ним. Незадолго до этого Лопес приказал расстрелять собственного брата и епископа, которые шли с ним в этом караване смерти, лишь бы они не попали в руки врагов. Захватчики, пришедшие «освободить» парагвайский народ, просто истребили его. В начале войны население Парагвая было почти таким же, как и население Аргентины. В 1870 г. в живых осталось 250 тыс. парагвайцев, то есть меньше одной седьмой. Таким был триумф цивилизации. Победители, разоренные расходами, которые им пришлось понести, чтобы довести до конца это преступление, оказались в полной зависимости у английских банкиров, финансировавших кровавую авантюру. Рабовладельческая империя Педру II, армия которой пополнялась за счет рабов и пленных, все же захватила более 60 тыс. кв. км территории Парагвая, а также получила большое количество рабочей силы — множество пленных с клеймом рабов были отправлены на кофейные плантации в Сан-Паулу. Аргентина, в которой президент Митре расправился с собственными федеральными предводителями, присвоила себе 94 тыс. кв. км чужой земли и другие трофеи. Сам Митре так писал об этом: «Пленных и другую военную добычу мы поделим согласно договору». Уругвай, где уже исчезли или пребывали в опале последователи Артигаса и где властвовала олигархия, участвовал в войне как младший партнер, не получив какого-либо вознаграждения. Многим уругвайским солдатам вынуждены были связывать руки, когда их сажали на корабли, направлявшиеся на войну против Парагвая. Все три страны потерпели финансовый крах, усиливший их зависимость от Великобритании. Кровавая расправа с Парагваем наложила несмываемую печать на дальнейшую судьбу этих стран [46].

[46].Образ Солано Лопеса жжет память до сих пор. Когда в сентябре 1969 г. Национальный исторический музей в Рио-де-Жанейро объявил об открытии стенда, посвященного парагвайскому президенту, военные реагировали с бешеной ненавистью. Генерал Моуран Фильо — один из организаторов государственного переворота в 1964 г. — заявил в печати: «Над страной проносится ветер безумия... Солано Лопес — фигура, которую следует выбросить навсегда из нашей истории как воплощение образа южноамериканского диктатора. Эта кровавая личность погубила Парагвай, ввергнув его в безнадежную войну».

Бразилия выполняла роль, которую Британская империя отвела ей еще в те времена, когда англичане перенесли португальский трон в Рио-де-Жанейро. В начале XIX в. Каннинг дал своему послу, лорду Стренгфорду, недвусмысленные инструкции: «Превратить Бразилию в основную базу для реализации продукции английских мануфактур в Латинской Америке». Незадолго до начала войны президент Аргентины открыл новую железную дорогу, оборудованную англичанами, и произнес по этому поводу пламенную речь: «Какова движущая сила этого прогресса? Господа, это английский капитал!» *Мало того что разгромленный Парагвай обезлюдел: исчезли таможенные пошлины, погасли плавильные печи, реки открылись для свободной торговли, страна потеряла экономическую независимость и огромные территории.* А на тех землях, что остались Парагваю, победители ввели право на беспошлинную торговлю и учреждение латифундий. Все было разграблено и распродано: земли и леса, шахты, плантации мате, здания школ. Марионеточные правительства, подчинявшиеся оккупантам, сменяли в Асунсьоне друг друга. Не успела закончиться война, как Парагвай, в котором еще дымились руины, получил первый в его истории иностранный заем. Он был британский, разумеется. Заем был в миллион фунтов стерлингов, но Парагваю досталось меньше половины; а в последующие годы благодаря финансовым перерасчетам размеры внешнего долга страны уже перевалили за 3 млн. Когда в Китае в 1842 г. закончилась «опиумная» война, тут же в Нанкине был подписан договор о свободной торговле, обеспечивший британским коммерсантам право свободного ввоза наркотиков на китайскую территорию. Введение свободной торговли в Парагвае также было навязано сразу же после его разгрома. Были заброшены посевы хлопчатника, а Манчестер добил текстильную промышленность страны — ей уже никогда не суждено было подняться.

Партия «Колорадо»*, в настоящее время правящая страной, бойко спекулирует памятью героев, но не может скрыть того факта, что под документом о ее основании стоят подписи 22 «легионеров», служивших в бразильской оккупационной армии и предавших маршала Солано Лопеса. Диктатор Альфредо Стреснер, 15 лет назад превративший страну в огромный концентрационный лагерь, прошел военную подготовку в Бразилии, и бразильские генералы, отправляя его в Парагвай, не скупились на вы-

сокие оценки и восторженные похвалы: «Его ждет великое будущее...» За годы правления Стреснера англо-аргентинский капитал был вытеснен из Парагвая в пользу Бразилии и ее североамериканских хозяев. С 1870 г. Бразилия и Аргентина, «освободившие» Парагвай, чтобы совместно поглотить его, грабят страну по очереди, но сами при этом тоже страдают от гнета империализма то одной, то другой великой державы. А Парагвай страдает как от империализма, так и от субимпериализма обоих соседей. Прежде главным звеном в этой цепи сменяющейся зависимости была Британская империя. В настоящее время это Соединенные Штаты. Учитывая политическое значение этой страны, расположенной в самом центре Южноамериканского континента, они постоянно держат в Парагвае целый штат советников, занимающихся обучением и ориентацией вооруженных сил, составлением экономических планов, перестройкой по своему усмотрению работы высшей школы, изобретением новой схемы «демократии» для этой страны, и, конечно, они вознаграждают диктаторский режим за верную службу самыми обременительными займами [47]. Но Парагвай — это еще и колония других колоний. Под предлогом проведения аграрной реформы Стреснер, словно мимоходом, отменил законодательное положение о запрещении продажи иностранцам земель, прилегающих к сухопутным границам, и теперь даже государственные земли оказались в руках бразильцев, занявших эти территории под кофейные плантации. При пособничестве президента, связанного с португалоязычными землевладельцами, новые захватчики ринулись через реку Парана. Я приехал на северо-восточную границу Парагвая с купюрами, на которых было изображено лицо маршала Солано Лопеса, но обнаружил, что здесь котируются только денежные знаки с портретом победоносного императора Педру II. Век спустя Парагвай как будто снова переживает ситуацию, сложившуюся после поражения в войне с Тройственным союзом. Бразильские пограничники останавливают парагвайских граждан на

[47] Незадолго до выборов, намеченных на начало 1968 г., генерал Стреснер посетил Соединенные Штаты. «Когда я встретился с президентом Джонсоном, — сообщил он агентству Франс Пресс, — то сказал ему, что уже двенадцать лет занимаю высшую выборную должность в своей стране. Джонсон ответил мне, что это является еще одной весомой причиной для того, чтобы я и в дальнейшем оставался на этом посту».

их собственной территории для проверки паспортов; здесь развеваются бразильские флаги и церкви принадлежат бразильцам. Сухопутные пираты захватили также водопады Гуайра, самый крупный потенциальный источник энергии в Латинской Америке. Теперь они называются по-португальски — «Сети-Кедас». Та же картина и в районе Итайпу, где бразильцы собираются построить крупнейшую в мире гидроэлектростанцию.

Субимпериализм, или империализм второй категории, проявляет себя в самых разных формах. Когда в 1965 г. президент Джонсон решил затопить кровью Доминиканскую Республику, Стреснер послал в Санто-Доминго своих солдат, чтобы они помогли совершить этот «подвиг». По злой иронии батальон этот носил имя маршала Солано Лопеса. Парагвайцы воевали под командованием бразильского генерала, потому что именно Бразилии была доверена честь совершить это предательство: генерал Панаску Алвим возглавил латиноамериканские войска, участвовавшие в этом преступлении. Можно вспомнить и другие примеры. Парагвай предоставил Бразилии на своей территории нефтяную концессию, но торговля жидким топливом и нефтехимическая промышленность в Бразилии находятся в руках янки. Факультет философии и педагогики Парагвайского университета находится под контролем Бразильской культурной миссии, но в то же время североамериканцы хозяйничают в бразильских университетах. Генеральный штаб парагвайской армии пользуется инструкциями не только советников из Пентагона, но и бразильских генералов, которые в свою очередь эхом откликаются на любые указания Пентагона. Через границу, распахнутую для контрабанды, промышленные товары бразильского производства наводняют парагвайский рынок, но многие фабрики в Сан-Паулу, выпускающие эти изделия, перешли в последние годы, когда происходила массовая денационализация, в собственность транснациональных корпораций.

Стреснер называет себя наследником президентов Лопесов. Но как можно сравнивать Парагвай, каким он был 100 лет назад, с тем, каким он стал сейчас, превратившись в перевалочный пункт контрабанды и царство узаконенной коррупции? Во время торжества, на котором правящая партия высказывала свои притязания на то, что олицетворяет одновременно тот и этот Парагвай, мальчонка-разносчик продавал с лотка контрабандные сигареты; при-

сутствующие судорожно затягивались «Кентом», «Мальборо», «Кэмелом». В Асунсьоне представители скудного среднего класса пьют не парагвайскую тростниковую водку, а виски «Баллантайн». На улице можно увидеть последние модели роскошных автомобилей американского или европейского производства, приобретенных контрабандным путем или ввезенных в страну с оплатой ничтожной таможенной пошлины; по тем же улицам тащатся повозки, запряженные волами, которые везут фрукты на рынок. Крестьяне пашут деревянной сохой. А по городу ходят такси «импала-70». Стреснер говорит, что контрабанда — это «плата за мир»: якобы вместо того, чтобы заниматься заговорами, генералы набивают себе карманы. А промышленность, разумеется, погибает в младенческом возрасте. Государство игнорирует свой же декрет, по которому изделиям национального производства должен отдаваться приоритет в государственных закупках. Единственным достижением национальной индустрии, которым может гордиться правительство, является производство кока-колы, пепси-колы и фруктовых соков, налаженное американцами в 1966 г. как вклад в развитие парагвайской экономики.

Государство заявляет, что будет непосредственно вмешиваться в создание предприятий лишь в тех случаях, «когда частный сектор не проявит заинтересованности» [48], а Центральный банк Парагвая сообщил Международному валютному фонду, что «принял решение придерживаться принципа свободной торговли и отменить ограничения для валютных сделок и торговых операций»; специальная брошюра, изданная министерством промышленности и торговли, информирует деловые круги о том, что страна предоставляет «очень выгодные концессии иностранному капиталу». Заграничные фирмы освобождены от уплаты налогов и таможенных пошлин «с целью создания благоприятного климата для капиталовложений». Уже через год после создания своего филиала в Асунсьоне нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк» полностью возместил вложенный капитал. Иностранные банки, безраздельно владея всеми вкладами, предоставляют Парагваю под заклад национального суверенитета внешние займы, которые еще больше уродуют экономику страны. В сельской местности

[48] Presidencia de la Nación, Secretaría Técnica de Planificación. Plan nacional de desarrollo económico y social. Asunción, 1966.

1,5% землевладельцев располагают 90% всех освоенных земель, при этом под сельскохозяйственные культуры занято менее 2% территории страны. Официальный план освоения земель в треугольнике Каагуасу сулит голодающим крестьянам скорее гибель, нежели процветание [49].

Тройственный союз продолжает одерживать победу за победой. Литейные заводы в Ибикуй, где делались пушки, защищавшие родину от агрессоров, были построены на территории, которая теперь называется «Мина-куэ», что на гуарани означает «Здесь была шахта». Здесь, среди болот, над которыми тучами роятся москиты, рядом с развалинами стен до сих пор виден фундамент фабричной трубы, взорванной 100 лет назад захватчиками, и груды изъеденного ржавчиной железа — вот все, что осталось от оборудования. Неподалеку живет несколько оборванных крестьян, понятия не имеющих, от какой такой войны остались эти руины. Однако они рассказывают, что иногда по ночам оттуда доносится шум машин, грохот кузнечных молотов, пушечные выстрелы и вопли солдат.

Роль займов и железных дорог в деформировании экономики Латинской Америки

Виконт Шатобриан, министр иностранных дел Франции при Людовике XVIII, раздосадованно, хотя и на основе проверенной информации, писал: «Лишь только испанские колонии обрели независимость, они превратились в своего рода колонии Англии» [50]. Он привел некоторые цифры. С 1822 по 1826 г., отмечает Шатобриан, Англия предоставила бывшим испанским колониям 10 займов, общая сумма которых номинально составила около 21 млн. фунтов стерлингов, но за вычетом процентов и комиссионных, причитавшихся посредникам, фактически сумма, которую и получили латиноамериканцы, сократилась до

[49] Многие крестьяне в конце концов предпочли вернуться на свои минифундии в центре страны или вновь отправились на заработки в Бразилию, на плантации мате в Куритиба и Мату-Гроссу или на кофейные плантации в штате Парана. Пионеры, приехавшие сражаться с сельвой, оказались в поистине отчаянном положении. Не располагая ни техническими средствами, ни финансовой поддержкой, они должны были собрать с «предоставленных» правительством земель такие урожаи, чтобы прокормиться, да еще и заплатить налог, потому что, не уплатив установленную сумму, крестьянин не получал эту землю в собственность.

[50] R. Scalabrini Ortiz. Política británica en el Río de la Plata. Buenos Aires, 1940.

неполных 7 млн. Одновременно в Лондоне было основано 40 акционерных обществ для эксплуатации природных богатств (недр и сельскохозяйственных угодий) Латинской Америки и для создания предприятий сферы услуг. На английской земле банки росли как грибы: только в 1836 г. появилось 48 новых банков. В Панаме к середине века уже функционировали английские железные дороги, а в бразильском городе Ресифе в 1868 г. была открыта первая трамвайная линия, построенная английской фирмой. Английские банки непосредственно финансировали казначейства этих стран [51]. Ценные бумаги латиноамериканских государств активно участвовали в круговороте английской валютной биржи, то повышаясь в цене, то падая. Сфера услуг находилась в руках англичан. Молодые государства и так несли на себе тяжкий груз недавних военных расходов, а тут еще на них навалился дефицит внешней торговли. Свободная торговля несла с собой безудержный рост импорта, особенно предметов роскоши. Для того чтобы имущее меньшинство не отставало от моды, правительства брали займы, порождавшие в свою очередь необходимость в новых займах: страны отдавали под залог свое будущее, допускали отчуждение своего главного достояния — экономической свободы и политического суверенитета. По всей Латинской Америке, за исключением Парагвая до его разгрома, шел один и тот же процесс — и он не прекращается в наши дни, хотя сменились кредиторы и обновились их методы. Потребность во внешних займах стала непреодолимой, как привычка к наркотику. Затыкались одни дыры, открывались другие. Сбои механизма товарообмена — явление, касающееся не только нашего времени. Как отмечает Сельсо Фуртадо, цены на бразильские экспортные товары с 1821 по 1830 г. и с 1841 по 1850 г. снизились вдвое, между тем как цены на импортные товары оставались стабильными; и без того слабая экономика латиноамериканских стран компенсировала разницу, влезая в долги [52].

«Финансовое положение этих молодых государств, — пишет Шнерб, — так и не удалось оздоровить... Им приходится прибегать к инфляции, что вызывает девальвацию денег, и к обременительным займам. История этих

[51] J. F. Rippy. British Investments in Latin America (1822—1949). Minneapolis, 1959.

[52] C. Furtado. Op. cit.

республик — в значительной степени история их экономических обязательств перед всепоглощающим миром европейских финансов» [53]. Банкротство, объявление о неплатежеспособности и отчаянные отсрочки платежей действительно стали делом частым. Фунты стерлингов утекали как вода между пальцами. Из займа в миллион фунтов, взятого аргентинским правительством в 1824 г. у банкирского дома «Бэринг бразерс», стране досталось всего 570 тыс., и то не золотом — хотя это было оговорено при подписании соглашения, — а бумагами. Заем свелся к тому, что английским коммерсантам, обосновавшимся в Буэнос-Айресе, было послано распоряжение выдать соответствующую сумму, но они не могли уплатить ее в золоте, ведь их задача как раз и заключалась в том, чтобы переправлять в Лондон весь ценный металл, который только попадается им в руки. Заем, таким образом, получен был в векселях, а выплачивать его нужно было чистым золотом. В самом начале нашего века Аргентина объявила о невозможности выплатить этот долг, раздувшийся в результате непрерывных перерасчетов до 4 млн. фунтов стерлингов [54]. Провинция Буэнос-Айрес со всеми своими доходами и землями полностью была отдана в залог — в виде гарантии. Аргентинский министр финансов, занимавший этот пост в период заключения сделки, говорил: «Мы не в состоянии принимать меры против иностранных коммерсантов, в первую очередь английских, поскольку мы имеем большие долговые обязательства перед этой нацией, а разрыв отношений может привести к большой беде...» Использование внешней задолженности в качестве орудия шантажа, как видим, не является новейшим изобретением североамериканских дельцов.

Биржевые спекуляции порабощали свободные государства. В середине XIX в. выплата внешнего долга поглотила почти 40% бразильского бюджета, и та же картина открывалась по всей Латинской Америке. Железные дороги играли не менее важную роль в закреплении зависимости: в самый разгар развития монополистического капитализма они способствовали проникновению империализма в самые глубокие тылы колониальной экономики. Множество займов предназначалось для финансирова-

[53] R. Schnerb. Le XIXe siècle. L'apogée de l'expansion européenne (1815—1914). T. VI de la historia general de las civilizaciones dirigida por Maurice Crouzet. París, 1968.

[54] R. Scalabrini Ortiz. Op. cit.

ния железных дорог, по которым должны были перевозиться полезные ископаемые и продовольственные товары, экспортируемые за пределы континента. Железные дороги не составляли сеть, связывающую между собой различные внутренние районы: они соединяли центры производства с портами. Схема их расположения напоминает ладонь с широко расставленными пальцами; таким образом, железные дороги, столько раз прославлявшиеся как «флагманы прогресса», препятствовали образованию и развитию внутреннего рынка. Они играли отрицательную роль и по другим причинам, в частности, из-за тарифной политики, поставленной на службу британской гегемонии. Например, плата за провоз продукции, произведенной во внутренних районах Аргентины, была гораздо выше, чем за перевозку сырья. Железнодорожные тарифы были проклятием, лишавшим возможности изготовлять сигареты там, где выращивали табак, прясть и ткать в центрах производства шерсти или обрабатывать древесину в лесистой местности [55]. Разумеется, аргентинские железные дороги способствовали развитию лесной промышленности в Сантьяго-дель-Эстеро, но с такими последствиями, что один из местных авторов писал: «Лучше бы в Сантьяго никогда не было ни одного дерева» [56]. Из дерева делали шпалы, древесный уголь использовался как топливо; это производство, толчок к развитию которого дало появление железной дороги, вызвало распад сложившейся структуры населения, занятого в сельском хозяйстве, привело в упадок земледелие и скотоводство, оголив пастбища и уничтожив лесозащитные полосы, в результате чего местность обезлюдела. Люди бежали из этих мест, и теперь Сантьяго-дель-Эстеро превратилась в одну из самых бедных провинций Аргентины. Когда в качестве топлива на железнодорожном транспорте стали использовать нефть, в экономике района наступил глубокий кризис.

Первые железнодорожные линии в Аргентине, Бразилии, Чили, Гватемале, Мексике и Уругвае были построены без помощи английского капитала. Как мы уже знаем, то же самое происходило и в Парагвае, но после его поражения в войне железные дороги, построенные государством при содействии европейских специалистов, рабо-

[55] Ibid.

[56] J. E. Retondo. El bosque y la industria forestal en Santiago del Estero. Santiago del Estero, 1962.

тавших по контракту, перешли в руки англичан. Такая же участь постигла железные дороги и в других странах, причем новые хозяева не потратили ни одного сентаво новых капиталовложений; вдобавок государство позаботилось обеспечить фирмам — по договору — минимальный уровень прибыли, чтобы помочь им избежать возможного риска.

Спустя много десятилетий, в конце второй мировой войны, когда железные дороги уже не давали дивидендов и загруженность их относительно уменьшилась, правительства вернули их себе. Почти все латиноамериканские государства выкупили у англичан старые дороги и, таким образом, национализировав их, взяли на себя убытки фирм.

В разгар железнодорожного бума британские фирмы нередко получали не только сами линии и право строить новые ветки, но и концессии на использование земель по обе стороны путей. Это оказалось потрясающим дополнительным бизнесом: сказочный подарок, сделанный в 1911 г. фирме «Брэзил рейлвей», обернулся поджогом хижин и убийством или изгнанием крестьянских семей, живших на территории, отданной в концессию. Этот детонатор вызвал взрыв народного возмущения — восстание «Контестаду» *, одно из крупнейших восстаний в истории Бразилии.

Протекционизм и свободный обмен в Соединенных Штатах: успех не был результатом чуда

В 1865 г., когда Тройственный союз заявлял, что скоро покончит с Парагваем, генерал Улисс Грант праздновал в Аппоматоксе капитуляцию генерала Роберта Ли. Гражданская война в США закончилась триумфом промышленных центров Севера, придерживавшихся строгого протекционизма, над владельцами хлопковых и табачных плантаций Юга, где господствовал свободный обмен. *Война, окончательно закрепившая неоколониальную судьбу Латинской Америки, начиналась одновременно с завершением войны, в результате которой США смогли утвердиться как великая мировая держава.* Незадолго до своего избрания на пост президента Соединенных Штатов Грант заявил: «В течение двух веков Англия следовала политике протекционизма, доведя ее до крайних пределов, и результаты этой политики были вполне удовлетворительны. Нет никаких сомнений, что своим теперешним могущест-

вом она обязана именно этой системе. Но затем, после двух веков такой практики, Англия сочла уместным перейти к доктрине свободной торговли, поскольку, по ее мнению, протекционизм уже ничего ей не дает. Так вот, господа, насколько я знаю свою страну, через двести лет, когда Америка извлечет из протекционизма все, что он ей может дать, она также будет настаивать на свободной торговле» [57].

А двумя с половиной столетиями раньше молодой английский капитализм экспортировал в североамериканские колонии своих людей, свои капиталы, свой образ жизни, свои стремления и замыслы. Тринадцать колоний, ставшие клапанами, через которые выпускалось избыточное население Европы, быстро извлекли пользу из такого недостатка как скудость их почв и недр, и с самого начала прониклись сознанием необходимости индустриализации, развитию которой метрополия особенно не препятствовала. В 1631 г. колонисты, поселившиеся в Бостоне, спустили на воду парусное судно «Блэссинг оф зе бэй» водоизмещением в 30 тонн, построенное их руками, и с тех пор судостроение начало развиваться бешеными темпами. Белый дуб, в изобилии произраставший в местных лесах, давал хорошую древесину для изготовления нижней части корпуса и внутренней обшивки судов; из сосны делали палубу, бушприты и мачты. Массачусетс субсидировал производство пеньки для канатов и тросов, а также парусины. На побережье к северу и югу от Бостона выросли и процветали корабельные верфи. Администрация колоний выдавала субсидии и премии всем мануфактурам. Всячески стимулировалось производство льна и шерсти, сырья для изготовления тканей из суровой нити, которые, не обладая особой элегантностью, были, однако, прочными и, главное, собственного производства. Для использования на месте залежей железа в Линне в 1643 г. была построена первая плавильная печь; вскоре Массачусетс снабжал железом весь край. Стимулирование текстильного производства показалось недостаточным, и колония решила прибегнуть к принудительным мерам: в 1655 г. был принят закон, согласно которому каждой семье под угрозой сурового наказания вменялось в обязанность, чтобы хотя бы один из ее членов был прядиль-

[57] Цит. по: A. Gunder Frank. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. Nueva York, 1967.

щиком. Каждое графство Вирджинии в этот же самый период должно было отбирать детей для обучения на текстильной мануфактуре. Одновременно был запрещен экспорт кож, для того чтобы сапоги, ремни и седла изготовлялись на территории колонии.

«Трудности, с которыми приходится бороться колониальной промышленности, происходили из чего угодно, но только не от колониальной политики Англии», — писал Кеклэнд [58]. Напротив, сложность сообщения между колонией и метрополией приводила к тому, что все законодательные запреты, издававшиеся за 3 тыс. миль, теряли, по сути, свою силу, а тенденция к самообеспечению становилась все отчетливей. Северные колонии не посылали в Англию ни серебра, ни золота, ни сахара, а растущий в них спрос на товары требовал такого роста импорта, что с этой тенденцией надо было покончить любой ценой. К тому же торговые связи со Старым Светом были не особенно развиты; чтобы выжить, нужно было развивать местное мануфактурное хозяйство. В XVIII в. Англия все еще так мало уделяла внимания своим северным колониям, что даже и не пыталась помешать освоению ими ее новейших по тому времени технических достижений. Этот реальный процесс сводил на нет существовавшие только на бумаге запреты колониального пакта. *Иным было положение латиноамериканских колоний, дававших растущему капитализму Европы все жизненно необходимое и импортировавших из-за океана самые изысканные и дорогие изделия мануфактур, которые исчезали в бездонной бочке потребностей господствующих классов. В Латинской Америке развитие получали только те отрасли, которые были ориентированы на экспорт; положение не изменилось и в последующие столетия: экономические и политические интересы владельцев рудников и латифундистов никогда не совпадали с потребностями экономического развития их страны, а торговцев интересовала в Европе только возможность продать ценные металлы и пищевые продукты, чтобы купить изделия заграничных мануфактур.*

В момент провозглашения независимости Соединенных Штатов численность их населения была такой же, как в Бразилии. Португальская метрополия, не менее отсталая,

[58] E. C. Kirkland. Historia económica de Estados Unidos. México, 1941.

чем Испания, экспортировала свою слаборазвитость в колонию. Бразильская экономика была сориентирована так, что на протяжении всего XVIII в. удовлетворяла потребности Англии в золоте. Классовая структура колонии отражала выполняемую ею функцию поставщика. Господствующий класс в Бразилии не был сформирован, как в Соединенных Штатах, из фермеров, предприимчивых фабрикантов и коммерсантов, занимающихся внутренней торговлей. Александр Гамильтон и виконт ди Кайру, главные выразители идеалов господствующих классов соответственно в США и Бразилии, четко определили разницу между ними[59]. Оба они учились в Англии, были учениками Адама Смита. Однако Гамильтон стал рыцарем индустриализации и настаивал на стимулировании национальной мануфактуры государством и политике протекционизма по отношению к ней, тогда как Кайру верил в чудеса, якобы присущие магии либерализма: *позволяйте делать, позволяйте проходить, позволяйте продавать.*

К концу XVIII в. Соединенные Штаты располагали уже вторым по значению в мире торговым флотом, полностью состоящим из кораблей, построенных на национальных верфях. Стремительно росли текстильные и металлургические предприятия. Вскоре появились и первенцы машиностроения. Теперь фабрикам не приходилось вкладывать капиталы в покупку машин за границей. Экзальтированные пуритане с судна «Мэйфлауэр» заложили в окрестностях Новой Англии основы новой нации; на берегах глубоких бухт и в устьях больших рек беспрепятственно процветала и обогащалась промышленная буржуазия. Торговля с Антильскими островами, включая работорговлю, сыграла, как мы уже видели, важнейшую роль в этом процветании, и все же успехи североамериканских колонистов невозможно объяснить, если не учитывать, что они с первых же шагов придерживались самого ревностного национализма. Джордж Вашингтон именно его имел в виду в своем прощальном послании, когда завещал: Соединенные Штаты должны идти своим особым путем[60]. В 1837 г. Эмерсон заявил: «Мы слишком долго внимали утонченным музам Европы. Но мы пойдем сами по себе, ибо у нас есть свои ноги, чтобы шагать

[59] C. Furtado. Op. cit.

[60] C. Fohlen. L'Amérique anglo-saxonne de 1815 à nos jours. Paris, 1965.

вперед, свои руки, чтобы работать на себя, собственные убеждения, которых будем придерживаться» [61].

Благодаря общественным фондам расширялись масштабы внутреннего рынка. Государство прокладывало дороги, в том числе и железные, строило мосты и каналы [62]. В середине века штат Пенсильвания участвовал в делах более 150 предприятий со смешанным капиталом, не считая того, что распоряжался капиталовложениями в общественных предприятиях на сумму в 100 млн. долл. Военные действия, приведшие к победе над Мексикой и лишившие ее половины территории, также придали заметный импульс развитию страны. Государство участвовало в этом не только путем вкладывания капиталов и оплаты военных расходов, направленных на экспансию; на Севере оно следовало строгому протекционизму в таможенной политике. Землевладельцы Юга, напротив, были сторонниками свободной торговли. Производство хлопка увеличивалось вдвое каждые 10 лет, и, хотя давало большую коммерческую прибыль всей стране и обеспечивало новые ткацкие мануфактуры Массачусетса, в основном оно все-таки зависело от европейского рынка. Аристократия Юга в первую очередь была связана с мировым рынком, совсем на латиноамериканский манер. Рабский труд южных штатов давал 80% хлопка, поступавшего на прядильные мануфактуры Европы. Когда Север соединил требование об отмене рабства с протекционизмом в промышленности, противоречие между Севером и Югом настолько обострилось, что вспыхнула война. Противники действительно олицетворяли два противоположных мира, две различные исторические эпохи, две взаимоисключающие концепции будущего нации. XX век выиграл эту войну у века XIX:

Пусть каждый свободный человек поет...
Старый король Хлопок умер и зарыт!—

[61] R. Schnerb. Op. cit.

[62] «Государство берет риск на себя, вкладывая начальный капитал... Официальная помощь не только помогает собрать необходимый капитал, но также сокращает затраты на строительство. В некоторых случаях, например при строительстве боковых железнодорожных веток, общественные фонды были единственным источником, который давал нужные средства. В других, еще более серьезных случаях они ускорили осуществление проектов, которые частный капитал наверняка замедлил бы» (H. H. Pierce. Railroads of New York. A Study of Government Aid, 1826—1875. Cambridge, Massachusetts, 1953).

призывал поэт победоносной армии [63]. После разгрома генерала Ли таможенные пошлины, повышенные в период конфликта как средство обеспечить военные расходы, а впоследствии поддерживавшие промышленность победителей, стали понятием чуть ли не священным. В 1890 г. конгресс принял так называемый ультрапротекционистский тариф Мак-Кинли, а в 1897 г. закон Дингли вновь увеличил таможенные пошлины. Вскоре промышленно развитые страны Европы были вынуждены в свою очередь воздвигнуть таможенный заслон, преграждавший путь натиску североамериканских мануфактур, ставших опасными соперниками. Слово «трест» вошло в употребление в 1882 г.; нефть, сталь, продукты питания, железные дороги и табак находились в руках монополий, которые двигались вперед семимильными шагами [64].

До Гражданской войны генерал Грант участвовал в ограблении Мексики. После Гражданской войны генерал Грант, будучи президентом, отстаивал идеи протекционизма. Все это было составной частью процесса национального самоутверждения. Промышленность Севера встала у штурвала национальной истории, а захватив политическую власть, при помощи государства охраняла свои интересы. Границы сельскохозяйственных областей отодвигались все дальше на запад и на юг за счет земель индейцев и мексиканцев, но вместо латифундий на вновь освоенных территориях появлялись мелкие фермерские

[63] C. Fohlen. Op. cit.

[64] Югу была отведена роль настоящей колонии северного капитализма. После окончания войны пропаганда строительства прядильных мануфактур в Северной и Южной Каролине, Джорджии и Алабаме приняла характер чуть ли не крестового похода. Но это не было победой идеалов морального порядка, новые промышленные предприятия строились вовсе не из гуманных соображений: на Юге имелась более дешевая рабочая сила и источники энергии, а прибыль там получали высочайшую. Капиталы, направлявшиеся на Юг, должны были привязать его к финансово-экономической системе Севера. Производство табака, сосредоточенное в Северной Каролине, находилось в прямой зависимости от треста «Дьюк», переместившегося в Нью-Джерси, где законодательство предоставляло большие выгоды; «Теннесси коул энд айрон компани», разрабатывавшая залежи железа и угля в Алабаме, в 1907 г. попала под контроль «Ю. С. стил», которая с этого момента распоряжалась ценами и ликвидировала конкурентов. В начале века на Юге доход на душу населения сократился вдвое по сравнению с довоенным уровнем (C. Vann Woodward. Origins of the New South, 1879—1913, en A History of the South, varios autores. Baton Rouge, 1948).

хозяйства. Земля обетованная влекла к себе из Европы не только крестьян; мастера, владевшие самыми разнообразными ремеслами, рабочие-механики и металлурги тоже ехали в Америку и участвовали в ее бурной индустриализации. В конце прошлого века Соединенные Штаты уже превратились в главную промышленную державу мира; за 30 лет, прошедших после окончания Гражданской войны, производительность их фабрик увеличилась в семь раз. По производству угля США догнали уже Англию, а по производству стали превысили английские показатели в два раза; железные дороги были по протяженности в девять раз больше английских. Центр капиталистического мира начал перемещаться в Соединенные Штаты.

Подобно Великобритании, США после второй мировой войны выдвинули доктрину свободной торговли, свободного товарообмена и свободы конкуренции, но не для себя, а для других. Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития родятся на свет одновременно, чтобы лишить развивающиеся страны права защищать свою национальную промышленность и затруднить деятельность молодых государств в этом направлении. Частная инициатива будет превозноситься как средство от всех недугов. Однако сами Соединенные Штаты не откажутся от строго протекционистской экономической политики и будут внимательно прислушиваться к урокам собственной истории: в Северной Америке никогда не путали болезнь с лекарством.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ГРАБЕЖА

Талисман, не приносящий удачи

Когда весной 1916 г. Ленин писал свою книгу об империализме, на долю североамериканского капитала приходилось менее одной пятой прямых иностранных капиталовложений в Латинской Америке. В 1970 г. эта доля была равна примерно трем четвертям. Империализм, который анализировал Ленин, — алчный поиск промышленными центрами рынков для сбыта своих товаров; лихорадочный захват всевозможных источников сырья; выкачивание железа, угля, нефти; строительство железных дорог для вывоза богатств с территорий, поставленных под контроль; кабальные займы финансовых монополий; военные экспедиции и захватнические войны, — этот империализм опустошал те земли, где колония или полуколония могла бы создать собственное производство. Индустриализация, ставшая привилегией метрополий, оказывалась для бедных стран несовместимой с системой господства, навязываемой богатыми странами. Начиная со второй мировой войны европейские страны под напором североамериканского капитала все больше сдают позиции в Латинской Америке. И с той поры происходят важные изменения в структуре иностранных инвестиций в регионе. Шаг за шагом, год за годом уменьшается в относительной пропорции доля капиталов, вкладываемых в сферу услуг и горнодобычу, и на столько же увеличивается доля инвестиций в нефтяную и особенно в обрабатывающую промышленность. На долю последней в настоящее время приходится 1 долл. из каждых трех, вложенных в Латинской Америке [1].

[1] Сорок лет назад североамериканские капиталовложения в обрабатывающую промышленность составляли лишь 6% от общего объема капиталовложений в Латинской Америке. В 1960 г. они составляли уже 20% и продолжали расти, пока не достигли одной трети всех инвестиций (Naciones Unidas, CEPAL. El financiamiento externo de América Latina. Nueva York—Santiago de Chile, 1964).

В обмен на незначительные вложения филиалы больших корпораций одним махом преодолевают латиноамериканские таможенные барьеры, возведенные, как это ни парадоксально, как раз против иностранной конкуренции, ставя под контроль процесс индустриализации внутри страны. Они ввозят целые заводы или зачастую разоряют и поглощают уже существующие национальные предприятия. При этом монополии опираются на горячую поддержку большинства местных правительств и международных кредитных организаций, готовых сослужить службу своим умением вымогать. Империалистический капитал захватывает рынки изнутри, прибирая к рукам ключевые отрасли местной промышленности: он завоевывает или возводит форпосты и затем распространяет свое владычество на остальную промышленность. В документах ОАГ так описывается этот процесс: «Латиноамериканские предприятия начинают преобладать в традиционных, с примитивной технологией отраслях, в то время как частный североамериканский капитал и, пожалуй, также капитал других индустриальных стран быстро укрепляют свое господство в передовых отраслях, которые требуют относительно более высокого уровня технологии и играют более важную роль в определении курса экономического развития» [2].

Так, рост североамериканских предприятий к югу от Рио-Гранде оказывается гораздо более интенсивным, чем рост всей латиноамериканской промышленности в целом. Об этом красноречиво свидетельствуют темпы развития трех самых больших стран: если взять за 100% уровень 1961 г., то промышленная продукция Аргентины возросла в 1965 г. до 112,5%, а в то же самое время реализация продукции дочерних предприятий США достигла 166,3%. Для Бразилии эти показатели соответственно равны 109,2 и 120%; для Мексики — 142,2 и 186,8% [3].

Стремление империалистических корпораций капитализировать и подчинить своим интересам латиноамериканское промышленное развитие, конечно, не означает отказ от всех других, традиционных, форм эксплуатации.

[2] Secretaría General de la OEA. El financiamiento externo para el desarrollo de la América Latina. Washington, 1969. Документ ограниченного пользования.

[3] Данные Департамента торговли Соединенных Штатов и Межамериканского комитета «Союза ради прогресса» (Secretaría General de la OEA. Op. cit.).

Железная дорога «Юнайтед фрут К°» в Гватемале, в самом деле, уже была нерентабельна, а «Электрик Бонд энд Шеэ» и «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) осуществили блестящий бизнес, когда их предприятия были национализированы в Бразилии с возмещением чистым золотом за проржавевшие установки и допотопное оборудование. Однако уход из сферы услуг в более доходные отрасли отнюдь не означает отказа от сырьевых источников. Что стало бы с империализмом США без латиноамериканской нефти и руды? Несмотря на относительное уменьшение капиталовложений в горнодобывающую промышленность, североамериканская экономика не может отказаться, как мы убедились в предыдущей главе, от жизненно важных источников снабжения и баснословных прибылей, текущих с юга. Впрочем, *инвестиции, превращающие латиноамериканские предприятия в простые винтики мирового механизма гигантских корпораций, абсолютно никак не влияют на международное разделение труда. Не претерпевает ни малейших изменений и система сообщающихся сосудов, по которым циркулируют капиталы и товары между бедными и богатыми странами. Латинская Америка продолжает экспортировать безработицу и нищету, отдавая свое сырье, в котором нуждается мировой рынок и от сбыта которого зависит экономика региона, а также производство некоторых промышленных продуктов филиалами транснациональных корпораций, использующих дешевую рабочую силу. Неравноценный обмен функционирует как всегда — нищенская заработная плата в Латинской Америке помогает поддерживать высокие доходы в США и Европе.*

Немало политиков и технократов готовы утверждать, что приток «индустриализирующего» иностранного капитала является благом для тех стран, на которые он обрушивается. В отличие от прежнего этот империализм нового типа мог бы на самом деле осуществить цивилизаторскую миссию, оказать благодеяние порабощенным странам; тогда впервые словесные заверения в любви очередной господствующей державы отвечали бы ее истинным намерениям. В таком случае империалистам не пришлось бы успокаивать свою нечистую совесть оправданиями, поскольку они не были бы ни в чем виновны: современный империализм распространял бы прогресс и передовую технологию, и даже считалось бы дурным тоном употреблять это старое и ненавистное слово для его

определения. Однако всякий раз, как империализм начинает восхвалять собственные достоинства, надо срочно проверять содержимое своих карманов. И сразу же станет ясно, что новая модель империализма не делает свои колонии более процветающими, даже если и способствует обогащению некоторых «полюсов развития»; не смягчает, а обостряет социальную напряженность в регионе; распространяет вширь нищету и все больше концентрирует богатство: платит заработную плату, в двадцать раз меньшую, чем в Детройте, и устанавливает цены в три раза выше, чем в Нью-Йорке; овладевает внутренним рынком и главными пружинами производственного аппарата; ставит себе на службу прогресс, направляет его курс и намечает его пределы; распоряжается национальным кредитом и манипулирует по собственному усмотрению внешней торговлей; денационализирует не только промышленность, но и прибыли, которые дает эта промышленность; содействует утечке ресурсов, направляя существенную часть сверхприбылей вовне; не вкладывает капиталы в развитие, а выкачивает их. В материалах ЭКЛА указывается, что вывоз прибылей от прямых капиталовложений Соединенных Штатов в Латинской Америке в последние годы был в пять раз больше, чем приток новых инвестиций. Ради того чтобы иностранные компании могли получать свои прибыли, страны вынуждены влезать в кабалу, брать в долг у зарубежных банков и международных кредитных организаций, чем увеличивают грядущее половодье рек крови. В этом смысле инвестиции в промышленность ведут к тем же последствиям, что и «традиционные» формы эксплуатации.

В условиях мирового капиталистического хозяйства, жестко ограниченного рамками деятельности крупных североамериканских корпораций, индустриализация в Латинской Америке оставляет все меньше надежд на достижение прогресса и успехи в деле национального освобождения. *Этот талисман показал свое бессилие в решающих битвах прошлого столетия, когда города-порты одержали победу над странами, а свобода торговли подкосила нарождавшуюся национальную промышленность. XX в. не смог породить сильную и предприимчивую промышленную буржуазию, способную вновь заняться этой проблемой и довести ее решение до конца. Все попытки остановились на полпути. С промышленной буржуазией Латинской Америки случилось то же самое, что и с карликами:*

она одряхлела, не выросши. Наши буржуа сегодня — это посредники и функционеры всемогущих иностранных корпораций. И по правде сказать, иной участи они никогда и не заслуживали.

Двери открывают часовые: преступное бесплодие национальной буржуазии

Структура современной промышленности в трех самых крупных «полюсах развития» Латинской Америки — Аргентине, Бразилии и Мексике — демонстрирует характерные уродливые черты *вторичного* развития. В других, более слабых странах сателлизация промышленности произошла, за редким исключением, без особых затруднений. Отметим, кстати, что капитализм, экспортирующий сегодня, помимо товаров и капиталов, заводы, всюду проникая и все прибирая к рукам, вовсе не капитализм, действующий в условиях свободной конкуренции; теперь все это происходит в рамках жесткой промышленной интеграции, осуществляемой в мировом масштабе капитализмом эпохи крупных транснациональных корпораций, огромнейших монополий-спрутов, которые осуществляют самые разнообразные виды деятельности в самых разных уголках земного шара [4]. Североамериканские капиталы концентрируются в Латинской Америке в более ярко выраженной форме, чем в самих Соединенных Штатах; горстка предприятий контролирует значительное большинство инвестиций. *Для них нация — это не символ, который надо наполнить реальным содержанием; не флаг, который следует защищать; не будущее, за которое надо бороться: нация для них — не более чем препятствие, которое надо преодолеть, потому что иной раз суверенитет мешает, или сочный фрукт, который надо сожрать.* А разве для господствующих классов внутри каждой страны нация является понятием, налагающим какую-то ответственность, ставящим высокие задачи? Быстрый аллюр империалистического капитала застал местную промышленность врасплох, а буржуазию — так и не осознавшей своей исторической миссии. *Последняя приспособилась к иностранному вторжению, не пролив при этом ни слез, ни крови;* что до государства, то его влияние на латиноамериканскую экономику, которое начало ослабевать уже два десятиле-

[4] P. A. Baran, P. M. Sweezy. El capital monopolista. México, 1971.

тия тому назад, теперь свелось к минимуму благодаря «добрым» услугам Международного валютного фонда.

Североамериканские корпорации вошли в Европу шагом завоевателей и подчинили себе экономическое развитие старого континента до такой степени, что скоро, как было заявлено, обосновавшаяся там североамериканская промышленность станет третьей промышленной силой на планете после самих Соединенных Штатов и Советского Союза [5]. А если европейская буржуазия, при всех ее традициях и мощи, не смогла возвести преграду на пути такого напора, можно ли ожидать, что латиноамериканская буржуазия сможет в современных исторических условиях добиться невозможного — возглавить независимое капиталистическое развитие в своих странах? Напротив, в Латинской Америке процесс денационализации потребовал меньше затрат, оказался более молниеносным, а последствия — несравненно плачевнее.

Промышленный рост Латинской Америки в нашем веке побуждался внешними причинами. Он не был порожден политикой, направленной на национальное развитие, не венчал процесс созревания производительных сил, не был результатом вспышки внутренних, уже «преодоленных» противоречий между землевладельцами и национальным ремесленничеством, которое угасло, едва народившись на свет. Латиноамериканская промышленность родилась из чрева агроэкспортной системы, стремясь сгладить острое наследие, вызванное упадком внешней торговли. В самом деле, обе мировые войны и особенно глубокая депрессия, которую капитализм переживал начиная с момента взрыва в «черную пятницу» * в октябре 1929 г., вызвали резкое сокращение экспорта из региона и, как следствие, привели к такому же стремительному спаду импортных возможностей. На внутреннем рынке цены на иностранные промышленные товары, которых стало не хватать, резко подскочили. Но и тогда промышленный класс, свободный от традиционной зависимости, не возник: развитие промышленного производства опиралось на капитал, накопленный землевладельцами и посредниками-импортерами. В Аргентине крупные скотоводы стали контролировать торговые сделки; президент «Аграрного общества», став министром сельского хозяй-

[5] J. J. Servan-Schreiber. El desafío americano. Santiago de Chile, 1968.

ства, заявлял в 1933 г.: «Изоляция, в которой нас оставил мир, переживающий острый кризис, заставляет нас производить в стране то, что мы уже не можем приобрести в странах, которые ничего у нас не покупают» [6]. «Фазендейро» — владельцы кофейных плантаций — вложили в индустриализацию Сан-Паулу весомую часть своих капиталов, накопленных на внешней торговле. «В отличие от индустриализации в ныне развитых странах, — свидетельствует один документ правительства, — процесс индустриализации Бразилии не развивался постепенно, в рамках общего процесса экономических преобразований. Скорее он, протекая быстро и интенсивно, наложился на существовавшую ранее социально-экономическую структуру, не изменив ее основы и породив глубокие отраслевые и региональные различия, характеризующие сегодня бразильское общество» [7].

Новая промышленность сразу окопалась за таможенными барьерами, которые правительства возвели для ее защиты, и выросла благодаря мерам, принятым государством по ограничению и контролю импорта, установлению особых торговых тарифов, урезанию налогов, покупке или финансированию не нашедшей сбыта продукции, прокладке дорог, чтобы сделать возможным транспортировку сырья и товаров, созданию или расширению источников энергии. Правительства Жетулио Варгаса (1930—1945 и 1951—1954), Ласаро Карденаса (1934—1940) и Хуана Доминго Перона (1946—1955), националистические по своей окраске и пользовавшиеся поддержкой народа, провозглашали в Бразилии, Мексике и Аргентине необходимость развертывания, развития или укрепления, в зависимости от данного момента, национальной промышленности. Действительно, «дух предпринимательства», который определяет ряд характерных черт промышленной буржуазии в развитых капиталистических странах, в Латинской Америке был присущ государству особенно в периоды решающих преобразований. *Государство заняло место общественного класса, появления которого безуспешно требовала история:* оно воплотило чаяния нации, способствовало политическому и экономическому доступу

[6] Цит. по: A. Parera Dennis. Naturaleza de las relaciones entre las clases dominantes argentinas y las metrópolis. — "Fichas de investigación económica y social", Buenos Aires, dic. 1964.

[7] Ministério do Planejamento e Coordenação Geral. A industrialização brasileira: diagnóstico e perspectivas. Río de Janeiro, 1969.

народных масс к благам индустриализации. В ходе создания национальной промышленности, этого творения популистских вождей, не зародилась новая промышленная буржуазия, существенно отличающаяся от всех остальных классов, господствовавших до той поры. Перон, например, вызвал панику у Союза промышленников, руководители которого не без основания опасались, что призрак отрядов «монтонерос» из провинций возродится в виде бунта пролетариата в предместьях Буэнос-Айреса. Силы консервативной коалиции получили, прежде чем Перон успел разгромить их на выборах в феврале 1946 г., ставший знаменитым чек на крупную сумму от лидера промышленников. В час падения режима Перона, 10 лет спустя, владельцы самых крупных заводов снова подтвердили, что их разногласия с олигархией, частью которой так или иначе они являлись, не были глубокими. В 1956 г. Союз промышленников, «Аграрное общество» и Торговая биржа создали единый фронт в защиту свободы ассоциаций, свободного предпринимательства, свободы торговли и свободного найма персонала[8]. В Бразилии влиятельная группа промышленников сплотилась с силами, которые толкнули Варгаса к самоубийству. Мексиканский опыт имел в этом смысле исключительные особенности и, безусловно, обещал много больше того, что он в конечном счете внес в процесс перемен в Латинской Америке. Националистическое правительство Карденаса было единственным бросившим перчатку землевладельцам во имя реализации аграрной реформы, которой настойчиво требовала страна с 1910 г.; в остальных же странах, и не только в Аргентине и Бразилии, где правительства проводили индустриализацию, оставалась нетронутой латифундистская структура, продолжавшая тормозить развитие внутреннего рынка и сельскохозяйственного производства[9].

[8] D. Cúneo. Comportamiento y crisis de la clase empresaria. Buenos Aires, 1967.

[9] Чили, Колумбия и Уругвай тоже пережили процессы индустриализации, вызванные падением импорта в те же периоды, которые здесь описываются. Уругвайский президент Хосе Батлье-и-Ордоньес (1903—1907 и 1911—1915) до избрания выступал глашатаем буржуазной революции в Латинской Америке. Восьмичасовой рабочий день был введен в законодательном порядке в Уругвае раньше, чем в Соединенных Штатах. В своем опыте welfare state Батлье не только не ограничился претворением в жизнь самого передового для своего времени социального законодательства, но и изо всех сил способствовал культурному развитию и просвещению

В целом индустриализация в тот момент как бы неожиданно свалилась с неба, не изменив при этом основных социально-экономических структур: обусловленная потребностями ранее существовавшего внутреннего рынка, она удовлетворила его потребительский спрос, но не расширила и не углубила его в той мере, в какой это было бы возможно при более значительных структурных изменениях. Равным образом промышленное развитие принуждало к увеличению импорта оборудования, запчастей, горючего и промежуточных продуктов [10], однако экспорт, главный источник валюты, не отвечал этим потребностям, так как происходил из отраслей, обреченных их заправилами на отсталость. При правительстве Перона аргентинскому государству удалось монополизировать экспорт зерна; при этом, однако, оно никак не затронуло режим собственности на землю, не национализировало ни крупные североамериканские и британские мясокомбинаты, ни бизнес экспортеров шерсти [11]. Данный правительством толчок развитию тяжелой промышленности оказался слабым, а государство вовремя не поняло, что если оно не поможет рождению собственной технической базы, то его националистической политике будут подрезаны крылья. Уже в 1953 г. Перон, который пришел к власти в открытом столкновении с послом Соединенных Штатов, приветствовал визит Милтона Эйзенхауэра и просил иностранный капитал о сотрудничестве, чтобы положить начало развитию передовых отраслей [12]. Необходимость

масс; он национализировал сферу общественных услуг и некоторые существенно важные с экономической точки зрения сферы производства. Однако он не затронул власти землевладельцев, не национализировал ни банковское дело, ни внешнюю торговлю. В настоящее время Уругвай страдает от последствий этих упущений Батлье (возможно, неизбежных) и от предательства его преемников.

[10] «Переход к внутреннему производству какого-то определенного товара едва «заменяет» лишь очень незначительную часть прибавочной стоимости, которая раньше создавалась за пределами этой экономики... По мере того как потребление этого «замененного» товара быстро расширяется, спрос, порожденный импортом, может в краткий срок свести на нет валютные возможности» (M. d e C. T a v a r e s. O processo de substituçăo de importaçőes como modelo de desenvolvimento recente na América Latina. CEPAL—ILPES. Río de Janeiro. s. f.).

[11] I. V i ñ a s y E. G a s t i a z o r o. Economía y dependencia (1900—1968). Buenos Aires, 1968.

[12] Министр экономики так отвечал на вопрос корреспондента журнала «Висион» 27 ноября 1953 г.:

«партнерства» национальной промышленности с империалистическими корпорациями становилась все более насущной по мере того, как экономика продвигалась по пути замены импортируемых изделий, а новые заводы требовали более высокого уровня техники и организации. Эта же тенденция зрела и в недрах модели индустриализации Жетулио Варгаса; она была с особой очевидностью подчеркнута трагическим самоубийством президента. Иностранные олигополии, которые сосредоточивают в своих руках наиболее современную технологию, не слишком таясь, овладели национальной промышленностью всех стран Латинской Америки, включая Мексику, используя для этого продажу технологии, патентов и нового оборудования. Уолл-стрит окончательно занял место Ломбер-стрит, и среди компаний, которые проложили себе путь к праву пользования сверхвластью в регионе, главными были североамериканские компании. К проникновению в промышленную сферу добавилось еще большее вмешательство в дела банковских и торговых кругов: рынок Латинской Америки присоединялся к внутреннему рынку транснациональных корпораций.

В 1965 г. Роберто Кампос, экономический царек диктатуры Кастело Бранко, заявлял: «Эра лидеров, отмеченных харизматическими * свойствами и с романтическим нимбом, уступает место технократии» [13]. Американское посольство непосредственно участвовало в государственном перевороте, свергнувшем правительство Жоао Гуларта. Падение Гуларта, унаследовавшего стиль правления и программу Варгаса, означало уничтожение популизма и политики, поддерживаемой народными массами. «Мы — нация побежденная, угнетенная, завоеванная, уничтоженная», — писал мне друг из Рио-де-Жанейро несколько месяцев спустя после военного переворота; денационализация Бразилии потребовала осуществления антинародной диктатуры железной рукой. Капиталистическое развитие

«—Какие еще отрасли, помимо нефтяной промышленности, Аргентина хотела бы развивать в сотрудничестве с иностранным капиталом?

—Чтобы дать наиболее точный ответ, назовем, по степени важности, нефть... Во-вторых, *металлургическую промышленность... Нефтехимическую...* Производство *частей для транспорта...* И производство в стране *дизельных моторов»* (Цит. по: A. Parera Dennis. Op. cit.).

[13] O. Ianni. O colapso do populismo no Brasil. Río de Janeiro, 1968.

уже не сочеталось с массовыми выступлениями в поддержку таких предводителей, как Варгас. Нужно было запретить забастовки, распустить профсоюзы и партии, сажать в тюрьмы, пытать, убивать и насильно снижать заработную плату рабочим, чтобы ценой обнищания бедных сдержать головокружительную инфляцию. Опрос, проведенный в 1966 и 1967 гг., выявил, что 84% крупных промышленников Бразилии считали: правительство Гуларта проводило вредоносную экономическую политику. Среди них, без сомнения, были многие из тех заправил национальной буржуазии, на которых Гуларт пытался опереться, чтобы сдержать выкачивание империализмом крови из национальной экономики [14]. Такие же репрессии сопровождали правление генерала Хуана Карлоса Онганиа в Аргентине; на самом деле, они начались с поражения Перона в 1955 г., так же как в Бразилии террор был развязан самоубийством Варгаса в 1954 г. Денационализация промышленности в Мексике также совпала с ужесточением репрессивной политики партии, которая пришла к власти в стране.

Фернандо Энрике Кардосо указывал, что легкая, или традиционная, промышленность, выросшая под благодатной сенью популистских правительств, требует увеличения массового потребления: числа людей, которые покупают рубашки или сигареты [15]. Напротив, динамичная промышленность имеет дело с ограниченным рынком, на вершине пирамиды которого находятся крупные компании и государство: небольшое число потребителей с большой покупательной способностью. *Динамичная промышленность, находящаяся в настоящее время в руках иностранцев, опирается на существование давно созданной традиционной промышленности и подчиняет ее.* В традиционных отраслях с неразвитой технологией национальный капитал еще сохраняет некоторую силу; чем меньше такой капиталист вовлечен в международное разделение труда технологически или финансово, тем больше он проявляет готовность пойти навстречу аграрной реформе и повышению покупательной способности народа, даже если он добивается этого, прибегая к профсоюзной борьбе. Те

[14] L. Martins. Industrialização, burguesia nacional e desenvolvimento. Río de Janeiro, 1968.

[15] F. H. Cardoso. Ideologías de la burguesía industrial en sociedades dependientes (Argentina y Brasil). México, 1970.

же, кто больше привязан к заграница, — представители динамичной промышленности, — напротив, заинтересованы в укреплении экономических уз между «островками развития» в зависимых странах и мировой экономической системой, причем подчиняют все внутренние изменения этой главной цели. Они выступают как глашатаи промышленной буржуазии, как это показывают, среди прочего, результаты недавних опросов, проведенных в Аргентине и Бразилии, на которые опирается в своей работе Кардосо. *Крупные предприниматели решительно высказываются против аграрной реформы, в большинстве своем отрицают, что интересы промышленного сектора расходятся с интересами сельскохозяйственных отраслей, и полагают, что нет ничего важнее для развития промышленности, чем единство всех классов производителей и укрепление западного блока.* Только 2% крупных промышленников Аргентины и Бразилии полагают, что с политической точки зрения нужно в первую очередь считаться с рабочими. Опрошенные были в своем большинстве местными предпринимателями, связанными по рукам и ногам многочисленными путами зависимости от могущественных иностранных промышленных центров.

Стоило ли ожидать при таких условиях иного результата? В промышленную буржуазию входят высшие представители господствующего класса, который в свою очередь подчинен внешним силам. Крупные латифундисты с побережья Перу, чьи земли теперь экспроприированы правительством Веласко Альварадо, являются также владельцами 31 предприятия обрабатывающей промышленности и многих других различных предприятий [16]. То же самое происходит и во всех других странах [17]. Мексика не составляет исключения: национальная буржуазия, подчиненная крупным североамериканским концернам и успешно умножающая свои прибыли, гораздо больше боится давления со стороны народных масс, чем давления империализма, в рамках системы которого она развивает-

[16] F. Bourricaud, J. Bravo Bresani, H. Favre, J. Piel. La oligarquía en el Perú. Lima, 1969 (цифра взята из статьи Фавра).

[17] R. Lagos Escobar. La concentración del poder económico. Su teoría. Realidad chilena. Santiago de Chile, 1961; V. Trías. Reforma agraria en el Uruguay. Montevideo, 1962. Работы публикуют неопровержимые данные: несколько сот семей владеют фабриками и землями, крупными торговыми предприятиями и банками.

ся, забыв о духе независимости и творческой инициативы, которые ей приписываются [18]. В Аргентине основатель «Джокей клаб», престижного клуба латифундистов, был одновременно лидером промышленников [19]. Так еще с конца прошлого столетия была заложена традиция: разбогатевшие заводчики женятся на дочерях землевладельцев, чтобы с помощью брака открыть себе двери самых изысканных салонов олигархии, или с той же целью покупают земли, а немалое число скотоводов в свою очередь вкладывают в промышленность, во всяком случае в периоды подъема, излишки капитала, скопившиеся в их руках. Фаустино Фано, составивший большую часть своего состояния на торговле и производстве тканей, стал президентом «Аграрного общества» и избирался на этот пост четыре срока подряд до своей смерти в 1967 г. «Фано разрушил ложную антиномию между сельским хозяйством и промышленностью», — говорилось в некрологах, которые посвятили ему газеты. Промышленные сверхприбыли превращаются в коров. Могущественные промышленники братья ди Телья запродали иностранному капиталу свои заводы по производству автомобилей и холодильников и теперь выращивают племенных быков для выставок «Аграрного общества». На полвека раньше семья Анчорена, владеющая огромными территориями в провинции Буэнос-Айрес, построила один из самых крупных металлургических заводов в городе.

В Европе и Соединенных Штатах промышленная буржуазия появилась на подмостках истории совсем иначе, совсем иначе она выросла и укрепила свою власть.

[18] «Мексиканские капиталисты становятся все более гибкими и честолюбивыми. Пользуясь свободой предпринимательства, которая послужила им отправным пунктом для сколачивания состояния, они располагают разветвленной сетью каналов, которая всем им, или по крайней мере самым могущественным, дает возможность постоянно преумножать и переплетать свои связи на основе дружбы, делового сотрудничества, браков, кумовства, взаимных услуг, членства в определенных клубах или объединениях, постоянных собраний и, конечно, близости их политических взглядов» (A. Aguilar Monteverde. — In: El milagro mexicano. México, 1970).

[19] Речь идет о Карлосе Пеллегрини. Когда «Джокей клаб», воздавая должное его заслугам, опубликовал речи Пеллегрини, автор изъял из них те, что содержали идею о необходимости индустриального развития.

Под чьим флагом работают станки?

Старуха наклонилась и помахала рукою, чтобы оживить огонь. Своей сгорбленной спиной, вытянутой, морщинистой шеей и медлительностью она походила на древнюю черную черепаху. Старое, рваное платье, конечно же, не защищало ее, как панцирь черепаху, а так медленно шевелиться ее заставляли годы. За ее спиной стояла, тоже скособоченная, лачуга из дерева и жести, а еще дальше — другие такие же лачуги окраины Сан-Паулу; перед нею закипала в медном котелке вода для кофе. Она поднесла к губам консервную банку и, перед тем как выпить, покачала головою и закрыла глаза. «Brasil é nosso» («Бразилия — наша»), — сказала она. В центре того же города, в тот же самый миг подумал в точности то же самое, но на другом языке, директор-распорядитель «Юнион карбайд», поднимая хрустальный бокал, чтобы отпраздновать победу своей компании — захват еще одной бразильской фабрики пластмасс. Кто-то из них ошибался.

С 1964 г. военные диктаторы Бразилии один за другим, выступая на юбилеях государственных предприятий, объявляют об их скорой денационализации, которую они называют *восстановлением*. Закон 56570, обнародованный 6 июля 1965 г., сохранил за государством право на эксплуатацию предприятий нефтехимической промышленности; но в тот же день закон 56571 отменил предыдущий и предоставил право на эксплуатацию частным капиталовкладчикам. Таким образом, «Доу кемикл», «Юнион карбайд», «Филлипс» и группа Рокфеллера получили, непосредственно или через «объединение» с государством, вожделенный *filet mignon*: индустрию нефтехимических продуктов в преддверии *бума* семидесятых годов. Что же произошло за те часы, которые протекли между принятием одного и другого законов? Трепещущие занавеси, шаги в коридоре, отчаянный стук в дверь, реющие в воздухе зеленые купюры, волнение во дворце — тема, достойная писателя с талантом Шекспира или Брехта. Один из министров правительства признался: *«В Бразилии, кроме государства, силой обладает, за редким исключением, только иностранный капитал»* [20]. И правительство делает

[20] Речь министра Элио Белтрана на обеде в Торговой ассоциации Рио-де-Жанейро ("Correio do Povo", 24 de mayo de 1969).

все возможное, чтобы избежать неудобного соперничества с североамериканскими и европейскими корпорациями.

Приток в больших количествах иностранного капитала в промышленность начался в Бразилии в пятидесятые годы и получил сильный толчок благодаря Целевой программе (1957—1960), которая стала осуществляться президентом Жуселино Кубичеком. Это были часы эйфории роста. Бразилия рождалась вновь: в глуши, где индейцы не знали даже о существовании колеса, протягивались автострады и строились огромные плотины, с конвейеров заводов каждые две минуты сходила новая машина. Промышленность росла быстрыми темпами. Двери распахивались настежь перед иностранным капиталом, поощрялся приток долларов, страна сотрясалась от поступи прогресса. На новых купюрах не успевала высыхать краска, скачок вперед оплачивался инфляцией и ярмом внешнего долга, которое ляжет тяжким бременем на последующие правительства. Был введен особого типа обмен, гарантированный Кубичеком для перевода прибылей штаб-квартирам иностранных предприятий и для погашения капиталовложений. Государство брало на себя ответственность за уплату долгов, сделанных предприятиями за рубежом, и предоставляло дешевые ссуды для погашения долга и выплаты процентов; согласно докладу, опубликованному ЭКЛА, более 80% всех инвестиций, поступивших в период между 1955 и 1962 гг., были займами, полученными под поручительство государства [21]. То есть более четырех пятых инвестиций шли из иностранных банков и увеличивали непомерный внешний долг бразильского государства. Кроме того, предоставлялись специальные льготы для импорта оборудования [22]. Национальные предприятия

[21] CEPAL—BNDE. Quince años de política económica en el Brasil. Santiago de Chile, 1965.

[22] Один экономист, горячий сторонник иностранных инвестиций по имени Эухенио Гудин, подсчитал, что только по этой статье Бразилия подарила североамериканским и европейским компаниям не менее миллиарда долларов; Моасир Пайшан оценивает привилегии, предоставленные автомобильной промышленности в период ее создания, в сумму, равную национальному бюджету страны. Паоло Шиллинг указывает, что в то время, как бразильское государство предоставляло крупным международным корпорациям массу привилегий и позволяло им получать максимум прибылей при минимуме инвестиций, оно отказывало в помощи Национальному заводу моторов, созданному в период правления Варгаса. Впослед-

не имели таких льгот, какие предоставлялись «Дженерал моторз» или «Фольксвагену».

Результат этой антинациональной политики преклонения перед империалистическим капиталом обнаружился, когда были опубликованы данные детального исследования деятельности крупных концернов в Бразилии, проведенного Институтом общественных наук при университете [23]. Среди концернов с капиталом, превышающим 4 млрд. крузейро, более половины были иностранного происхождения, в большинстве своем североамериканского; капитал свыше 10 млрд. имели 12 иностранных концернов и только 5 национальных. «Чем крупнее экономическая группировка, тем больше вероятность того, что она окажется иностранной», — делает вывод Маурисио Виньяс де Кейрос, анализируя данные опроса. Столь же или же более красноречивым оказался вывод о том, что из 24 национальных концернов с капиталом более 4 млрд. лишь 9 не были связаны акциями с капиталом Соединенных Штатов или Европы, причем 2 из этих 9 имели тесные контакты с правлениями иностранных компаний. Опрос выявил 10 концернов, которые скрытно осуществляли монополию в своих соответствующих областях. Из них 8 — филиалы крупных североамериканских корпораций.

Однако все это выглядит детской игрой по сравнению с тем, что произошло потом. Между 1964 и серединой 1968 г. 15 заводов по производству автомобильных моторов и запасных частей были поглощены заводами «Форд», «Крайслер», «Виллис», «Симка», «Фольксваген» или «Альфа-Ромео»; в области электротехники и электроники 3 бразильских предприятия перешли в руки японцев; «Уайс», «Бристол» и «Джонсон» поглотили несколько фармацевтических лабораторий, в результате чего национальное производство лекарств стало обеспечивать только одну пятую рынка; «Анаконда» набросилась на цветные металлы, а «Юнион карбайд» — на пластмассы, химические и нефтехимические продукты; «Америкэн Кэн», «Америкэн машин энд фаундри» и другие их коллеги овладели 6 машиностроительными и металлургическими национальными предприятиями; «Компания ди минерасан

ствии, при правительстве Кастело Бранко, это государственное предприятие было продано «Альфа-Ромео» (Brasil para extranjeros. Montevideo, 1966).

[23] M. V. Queiroz. Os grupos multibilionários. — "Revista do Instituto de Ciências Sociais". Río de Janeiro, jan.—dez. 1965.

жерал», одно из крупнейших металлургических предприятий Бразилии, было куплено за такую цену, словно шло с молотка, концерном, в который входят «Бетлехем стил», «Чейз Манхэттен бэнк» и «Стандард ойл». Выводы парламентской комиссии, образованной для изучения данного вопроса, оказались сенсационными, однако военный режим плотно закрыл двери конгресса, и бразильский народ так и не узнал о собранных комиссией фактах [24].

При правительстве маршала Кастело Бранко был подписан договор о гарантировании инвестиций, который предоставлял скрытую экстерриториальность иностранным предприятиям, были сокращены их отчисления в казну и предоставлены необычайные льготы в пользовании кредитом, одновременно отменялись все барьеры, возведенные предшествующим правительством Гуларта на пути выкачивания прибылей. Диктатура заманивала иностранных капиталистов, предлагая им страну, как сутенеры предлагают женщину, и обещая все мыслимые выгоды: «Обращение с иностранцами в Бразилии — из самых либеральных в мире... не существует никаких ограничений в отношении национальности акционеров... не ограничивается процент отчислений с зарегистрированного капитала, который может быть переведен в качестве прибыли... нет препятствий на пути возвращения капитала на родину, и реинвестиция прибылей рассматривается как прирост первоначального капитала...» [25]

[24] Комиссия пришла к заключению, что в 1968 г. иностранный капитала контролировал 40% рынка капиталов Бразилии, 62 — ее внешней торговли, 82 — морских перевозок, 67 — внешних воздушных перевозок, 100 — производства автомобильного транспорта, 100 — пневматических шин, более 80 — фармацевтической промышленности, около 50 — химической, 59 — машиностроения, 62 — заводов деталей к автомобилям, 48 — производства алюминия и 90% — цемента. Половина иностранных капиталов принадлежала компаниям Соединенных Штатов, далее по степени важности шли западногерманские фирмы. Кстати, заслуживает внимания растущий удельный вес инвестиций Федеративной Республики Германии в Латинской Америке. Из каждых двух автомобилей, производимых в Бразилии, один сходит с конвейера «Фольксвагена» — главного производителя региона. Первый автомобильный завод в Южной Америке был немецкого происхождения — «Мерседес-Бенц» в Аргентине, основанный в 1951 г. «Байер», «Хёхст», БАСФ и «Шеринг» владеют значительной частью химической промышленности в латиноамериканских странах.

[25] Специальное приложение к «Нью-Йорк таймс» от 19 января 1969 г.

Аргентина оспаривает у Бразилии роль излюбленного места размещения капиталовложений, и ее военное правительство не отстает в расхваливании всех выгод инвестирования в Аргентине; в своей речи в 1967 г., определяя экономическую политику Аргентины, генерал Хуан Карлос Онганиа вновь подтвердил, что рыбакам и щукам предоставляются равные возможности: «Иностранные инвестиции в Аргентине будут рассматриваться наравне с инвестициями внутреннего происхождения в соответствии с традиционной политикой нашей страны, которая никогда не осуществляла дискриминацию по отношению к иностранному капиталу»[26]. В Аргентине также отсутствует ограничение на ввоз капитала из-за рубежа, на его влияние на национальную экономику, на вывоз прибылей и репатриацию капитала; купля патента, лицензионные платежи и инжиниринг осуществляются свободно. Правительство освобождает предприятия от уплаты налогов и устанавливает для них особый валютный курс, помимо прочих видов стимулирования и льгот. В период между 1963 и 1968 гг. было денационализировано 50 крупных аргентинских предприятий, 29 из них перешли в руки североамериканцев в таких разнообразных отраслях, как выплавка стали, изготовление автомобилей и запчастей к ним, нефтехимическая, химическая, электротехническая, целлюлозно-бумажная и табачная[27]. В 1962 г. 2 частных национальных предприятия — «Сиам ди Телья» и «Индустриас кайсер Архентинас» — фигурировали среди 5 крупнейших промышленных предприятий Латинской Америки, в 1967 г. оба были захвачены империалистическим капиталом. Среди самых крупных предприятий страны с годовым объемом продаж более 7 млрд. песо половина принадлежит иностранным фирмам, одна треть — государственным и едва одна шестая часть — частным объединениям аргентинского капитала[28].

В Мексике сосредоточена почти третья часть североамериканских инвестиций в промышленное производство Латинской Америки. Эта страна также не ставит никаких препятствий ввозу капитала и репатриации прибылей;

[26] S. Nicolau. La inversión extranjera directa en los países de la ALALC. México, 1968.

[27] R. Garcia Lupo. Contra la ocupación extranjera. Buenos Aires, 1968.

[28] Цит. по: Naciones Unidas, CEPAL. Estudio económico de América Latina, 1968. Nueva York—Santiago de Chile, 1969.

валютные ограничения блещут полным своим отсутствием. Обязательная мексиканизация капиталов, которая предусматривает национальное большинство в пакете акций в некоторых отраслях промышленности, «была хорошо воспринята в общем и целом иностранными вкладчиками, которые публично признали разнообразные выгоды от создания смешанных предприятий», — как заявил в 1967 г. секретарь правительства по делам промышленности и торговли. «Следует заметить, — добавил он, — что даже предприятия, пользующиеся мировой известностью, хорошо восприняли это условие, продиктованное Мексикой; важно также отметить, что политика мексиканизации промышленности не только не помешала росту иностранных капиталовложений в Мексике, а напротив, после того, как приток инвестиций побил в 1965 г. рекорд, достигнутый уровень был снова превзойден в 1966 г.» [29].

В 1962 г. из 100 самых значительных предприятий Мексики 56 полностью или частично контролировались иностранным капиталом, 24 принадлежали государству и 20 — частному мексиканскому капиталу. Эти 20 частных предприятий национального капитала давали немногим более одной седьмой общего объема реализации 100 вышеупомянутых предприятий [30]. В настоящее время крупные иностранные фирмы владеют более чем половиной всех капиталов, вложенных в производство компьютеров, оргтехники, промышленного оборудования; «Дженерал моторз», «Форд», «Крайслер» и «Фольксваген» укрепили свое господство в автомобильной промышленности и сети вспомогательных заводов; новая химическая промышленность принадлежит «Дюпон», «Монсанто», «Империэл кэмикл», «Юнион карбайд» и «Сайанамид»; основные лаборатории находятся в руках «Парк Дэвис», «Марк энд К°», «Сидней Росс» и «Скуибб»; влияние «Силаниз» является определяющим в производстве искусственного волокна; «Андерсон Клейтон» и «Ливер бразерс» все больше распоряжаются производством растительных масел; иностранный капитал явно превалирует в производстве цемента, сигарет, каучука и его производных, товаров домашнего обихода и различных продуктов питания [31].

[29] Репортаж в журнале «Висион» 3 февраля 1967 г.

[30] J. L. Ceceña. Los monopolios en México. México, 1962.

[31] J. L. Ceceña. México en la órbita imperial. México, 1970; A. Aguilar, F. Carmona. México, riqueza y miseria. México, 1968.

Артобстрел со стороны Международного валютного фонда подготавливает высадку конкистадоров

Два министра правительства, которые докладывали парламентской комиссии о денационализации промышленности Бразилии, признали, что меры, принятые правительством Кастело Бранко, чтобы обеспечить предприятиям прямой приток иностранного кредита, поставили в худшие условия заводы, принадлежащие национальному капиталу. Они имели в виду пресловутую «Инструкцию 289», принятую в начале 1965 г.: иностранные предприятия получали займы из-за рубежа под 7—8%, пользуясь привилегиями особого валютного курса, который гарантировало правительство в случае девальвации крузейро, в то время как национальные предприятия должны были платить около 50% за кредиты, которых с превеликим трудом добивались у себя в стране. Изобретший эту меру Роберто Кампос объяснял свою позицию так: «Для всех очевидно, что в мире много неравенства. Одни рождаются умными, а другие — глупцами. Одни от рождения атлеты, а другие — калеки. Мир состоит из мелких и крупных предприятий. Некоторые умирают рано, в расцвете сил, другие преступно влачат долгое и бесполезное существование. В самой человеческой природе и в природе вещей заключено фундаментальное, принципиальное неравенство. Не является тут исключением и кредитный механизм. Требовать, чтобы национальные предприятия имели такой же доступ к иностранному кредиту, как и зарубежные, — это попросту не знать действительных основ экономики» [32]. В соответствии с терминологией этого краткого, но выразительного «Капиталистического манифеста» закон джунглей — это кодекс, который естественным путем правит человеческой жизнью, и тут нет ника-

[32] Доклад министра Роберто Кампоса парламентской комиссии по изучению торговых сделок, совершенных между национальными и иностранными компаниями. Машинописный вариант. Палата депутатов, Бразилиа, 6 сентября 1968 г.

Некоторое время спустя Кампос опубликовал любопытную интерпретацию националистской деятельности правительства Перу. По его мнению, экспроприация «Стандард ойл» правительством генерала Веласко Альварадо была не чем иным, как «демонстрацией мужской силы». Национализм, писал он, не имеет иной цели, кроме удовлетворения примитивной потребности человеческого существа в ненависти. Однако, добавил он, «гордость не рождает инвестиций, не увеличивает притока капиталов...» (в газете «Глобо» 25 февраля 1969 г.).

кой несправедливости, поскольку то, что мы принимаем за несправедливость, есть не что иное, как проявление суровой гармонии вселенной: бедные страны бедны, потому что... бедны; их судьба начертана на небесах, и мы рождаемся лишь затем, чтобы ее исполнить; одни обречены подчиняться, другие избраны, чтобы властвовать. *Одни подставляют шею, другие затягивают веревку.* Автор был истинным проводником политики Международного валютного фонда в Бразилии.

И в других странах Латинской Америки осуществление на практике предписаний МВФ послужило тому, что иностранные конкистадоры вошли в них, попирая опустошенную землю. С конца пятидесятых годов ошибки в экономике, валютная нестабильность, нехватка кредитов и спад покупательной способности на внутреннем рынке существенно помогли повергнуть национальную промышленность к ногам империалистических корпораций. Под предлогом магической *валютной стабилизации* МВФ, который сознательно путает высокую температуру с болезнью, а инфляцию — с кризисом существующих структур, навязывает Латинской Америке политику, которая усиливает неустойчивость, вместо того чтобы добиться стабильности. Он либерализирует торговлю, запрещая многосторонние обмены и клиринговые соглашения, заставляет сокращать до минимума внутренние кредиты, замораживает заработную плату и удушает государственное предпринимательство. К этому нужно добавить резкую девальвацию национальной валюты, теоретически предназначенную для того, чтобы вернуть деньгам их реальную стоимость и стимулировать экспорт. На деле девальвация стимулирует лишь внутреннюю концентрацию капитала в пользу господствующих классов и создает условия для поглощения национальных предприятий теми, кто является из-за рубежа с пригоршней долларов в чемоданах.

Во всей Латинской Америке экономическая система производит намного меньше, чем ей нужно для потребления, и инфляция является результатом этого *структурного бессилия.* Но МВФ не устраняет причин неспособности производственного аппарата создать достаточное предложение, а обрушивает кавалерийскую атаку на последствия этого явления, еще больше подавляя ничтожную покупательную способность внутреннего рынка: лишь *чрезмерный спрос в этом краю голодающих может быть причиной инфляции.* Формулы стабилизации и раз-

вития по рецептам МВФ не только потерпели крах, но, кроме того, усилили удушение стран извне, увеличили нищету огромных масс неимущих, докрасна раскалив социальную атмосферу, ускорили экономическую и финансовую денационализацию под флагом защиты «священных» заповедей свободы торговли, свободы предпринимательства и свободы перемещения капиталов. Соединенные Штаты, которые используют обширную протекционистскую систему — таможенные пошлины, квоты, внутренние субсидии, — никогда не удостаивались никаких замечаний со стороны МВФ. По отношению к Латинской Америке он, напротив, был неумолим: для этого он и был создан. С тех пор как Чили в 1954 г. приняла первую из его миссий, рецепты МВФ распространились повсюду, и большинство правительств слепо следует его установкам и поныне. Такое *лечение ухудшает состояние больного, чтобы было легче навязать ему «лекарство» в виде займов и инвестиций.* МВФ предоставляет кредиты сам или дает зеленый необходимый свет, для того чтобы их предоставили другие. Рожденный в Соединенных Штатах, с резиденцией в Соединенных Штатах, на службе у Соединенных Штатов, фонд в самом деле действует как международный надзиратель, без визы которого американские банки не ослабят кордонов биржи; Международный банк реконструкции и развития, Управление международного развития (УМР) и другие «филантропические» всемирные организации мирового значения также обусловливают свои кредиты подписанием и выполнением правительствами обязательств перед этой всемогущей организацией. Голоса всех латиноамериканских стран, вместе взятых, не могут составить и половины тех, которыми располагают Соединенные Штаты, чтобы направлять политику этого высшего творца финансово-валютного равновесия в мире: МВФ был создан, чтобы узаконить финансовое господство Уолл-стрита над всей планетой, когда в конце второй мировой войны началась гегемония доллара как международной денежной единицы, и он никогда не изменял своему хозяину [33].

У национальной латиноамериканской буржуазии, как известно, изначальное призвание рантье — она никогда

[33] S. Lichtensztejn, A. Couriel. El FMI y la crísis económica nacional. Montevideo, 1967; V. Trías. La crisis del Imperio. Montevideo, 1970.

всерьез не противостояла лавине иностранного капитала; однако верно также и то, что империалистические корпорации использовали весь набор методов подавления. Предварительная бомбардировка МВФ облегчала их проникновение. Так завоевывались предприятия: в результате простого телефонного звонка после резкого падения курса на бирже, в обмен на глоток кислорода в виде акций или представлением к уплате долга за какие-нибудь поставки, использование патентов, торговой марки или технических новшеств. Задолженности, помноженные на валютно-финансовую девальвацию, вынуждающую местные предприятия оплачивать все большими количествами национальной валюты свои обязательства в долларах, превращаются таким образом в смертельные силки. Зависимость в поставках технологии обходится дорого: ноу-хау, представляемая транснациональными корпорациями, включает и доведенное до совершенства владение искусством пожирать ближнего. Один из последних могикан национальной бразильской промышленности заявил менее 3 лет назад: «Опыт показывает, что доход от сбыта национального предприятия зачастую не достигает Бразилии, а остается на валютно-финансовом рынке страны-покупателя, принося ей прибыль» [34]. Кредиторы взимают долги в виде зданий и оборудования, принадлежащего должникам. Данные Центрального банка Бразилии показывают, что по меньшей мере пятая часть новых капиталовложений в промышленность в 1965, 1966 и 1967 гг. в действительности была невыплаченными долгами, обращенными в инвестиции.

К финансовому и технологическому шантажу добавляется беспощадное и безудержное уничтожение слабого сильным в конкурентной борьбе. Поскольку филиалы крупных транснациональных корпораций входят в единую международную структуру, *они могут позволить себе роскошь нести финансовые потери в течение года, двух лет или сколько будет нужно. Они снижают цены и ждут, пока осажденный не сдастся. Банки также участвуют в этой осаде: если национальное предприятие оказалось не таким платежеспособным, как представлялось, ему отказывают в пропитании. Загнанное в угол, предприятие недолго думая выбрасывает белый флаг. Местный капиталист превращается в младшего компаньона или служаще-*

[34] Ф. Гаспариан в газете «Коррейо да Манья» от 1 мая 1968 г.

го победителей. Или же ему достается самая завидная судьба: он получает выкуп за имущество в акциях головной иностранной компании и до конца дней своих ведет сытую жизнь рантье. Показательным примером демпинга служит история захвата бразильского завода клейкой ленты «Адезити» могущественной «Юнион карбайд». «Скотч», известная компания со штаб-квартирой в Миннесоте и всепроникающими щупальцами, начала продавать все более дешевую собственную клейкую ленту на бразильском рынке. Сбыт «Адезити» начал падать. Банки прекратили ее кредитование. «Скотч» продолжала снижать свои цены: они упали на 30%, потом на 40%. И тогда на сцене появилась «Юнион карбайд»: она купила бразильский завод по отчаянно низкой цене. Впоследствии «Юнион карбайд» и «Скотч» договорились о разделе национального рынка на две части: поделили Бразилию, каждой — по половине. И по обоюдному согласию подняли цены на клейкую ленту на 50%. Так они проглотили «Адезити». Антитрестовский закон, принятый во времена Варгаса, к этому времени был уже давно отменен.

Организация американских государств сама признает, что обилие финансовых ресурсов у североамериканских филиалов «в периоды затруднений с реализацией продукции национальных предприятий в отдельных случаях способствует тому, что некоторые из этих предприятий приобретаются иностранным капиталом»[35]. Нехватка финансовых ресурсов, обостряемая сокращением внутреннего кредита, навязываемым МВФ, душит местные компании. Но в том же самом документе ОАГ сообщается, что не менее 95,7% фондов, необходимых североамериканским компаниям для их нормального функционирования и развития в Латинской Америке, проистекают из латиноамериканских источников в виде кредитов, займов и реинвестированных прибылей. Для обрабатывающих отраслей эта цифра составляет 80%.

Соединенные Штаты оберегают собственные накопления, но распоряжаются чужими: нашествие банков

Перекачка национальных ресурсов в империалистические филиалы в значительной мере объясняется быстрым размножением отделений североамериканских банков, которые плодились в последние годы точно грибы после

[35] Secretaría General de la OEA. Op. cit.

дождя по всей Латинской Америке. Посягательство банков США на местные накопления связано с хроническим дефицитом платежного баланса Соединенных Штатов, который вынуждает их сдерживать свои инвестиции за рубежом, и драматическим падением курса доллара как международной валюты. *Латинская Америка поставляет и пережевывает пищу, а Соединенные Штаты только открывают рот.* Денационализация промышленности стала для них подарком судьбы.

По данным «Интернэшнл бэнкинг сервей», в 1964 г. к югу от Рио-Гранде было 77 отделений североамериканских банков, а в 1967 г. — уже 133. В 1964 г. они располагали вкладами на сумму 810 млн. долл., а в 1967 г. — уже на 1270 млн.[36] Затем, в 1968 и 1969 гг., иностранные банки предприняли стремительное наступление: «Ферст нэшнл сити бэнк» имеет в 17 странах Латинской Америки в настоящее время не менее 110 своих филиалов, в том числе и несколько национальных банков, приобретенных «Сити» в последнее время. «Чейз Манхэттен бэнк», входящий в группу Рокфеллера, приобрел в 1962 г. «Банко лар Бразилейро» с его 34 отделениями в Бразилии; в 1964 г. — «Банко континенталь» с 42 агентствами в Перу; в 1967 г. — «Банко де комерсио» с 120 отделениями в Колумбии и Панаме и «Банко Атлантида» — с 24 агентствами в Гондурасе; в 1968 г. — «Банко аргентино де комерсио». Кубинская революция национализировала 20 банковских агентств Соединенных Штатов, но банки с лихвой возместили этот серьезный урон: только в 1968 г. было открыто более 70 новых филиалов североамериканских банков в Центральной Америке, в странах Карибского бассейна и в малых странах Южной Америки.

Невозможно точно соразмерить величину экспансии североамериканских банков в различных направлениях — в валютно-финансовой, представительской, посреднической деятельности, через холдинговые компании, — но известно, что в наибольшей степени выросли латиноамериканские фонды, поглощенные филиалами банков США. Эти филиалы, действующие официально как самостоятельные, на самом деле контролируются извне, через пакеты акций или через установление строго определенных направлений кредитования.

[36] "International Banking Survey. Journal of Commerce", New York, 25 feb. 1968.

Экспансия североамериканских банков служит тому, чтобы направить латиноамериканские накопления на североамериканские предприятия, действующие в регионе, в то время как национальные предприятия разоряются, задыхаясь из-за отсутствия кредита. Подразделения по связи с общественностью различных североамериканских банков, действующих за границей, без зазрения совести заявляют, что их основная цель состоит в том, чтобы направлять внутренние накопления стран, где они действуют, на потребу транснациональных корпораций, являющихся клиентами их головных предприятий [37]. Попробуем пофантазировать: а смог бы латиноамериканский банк обосноваться в Нью-Йорке, чтобы высасывать национальные накопления Соединенных Штатов? Эта затея лопнула бы как мыльный пузырь: столь небывалая деятельность находится под очевидным запретом. Ни один иностранный банк не может действовать в Соединенных Штатах, получая вклады от американских граждан. А банки Соединенных Штатов через свои многочисленные филиалы свободно распоряжаются по своему усмотрению латиноамериканскими национальными накоплениями. Латинская Америка радеет о североамериканизации своих финансов так же горячо, как и Соединенные Штаты. Однако в июне 1966 г. «Банко Бразилейро ди десконтос» принял в результате опроса своих акционеров решение большого национального значения: на всех своих документах он начертал девиз «Nós confiamos em Deus» («Мы уповаем на бога»), подчеркивая, что на долларе красуется надпись «In God we Trust» («С нами бог»).

Латиноамериканские банки, даже независимые, которых еще не обложили иностранные капиталы, не отличаются от филиалов «Сити», «Чейз» или «Бэнк оф Америка» в распределении своих кредитов: они тоже предпочитают удовлетворять потребности иностранных промышленных и торговых предприятий, которые могут представить твердые гарантии и действуют с широким размахом.

Империя, импортирующая капиталы

«Программа экономической деятельности правительства» [38], разработанная Роберто Кампосом, предусматри-

[37] R. A. Bennett y K. Almonti. International Activities of United States Banks. — "The American Banker". New York, 1969.

[38] Ministério do Planejamento e Coordinação Econômica. Programa de Ação Econômica do Govêrno. Río de Janeiro, nov. 1964. Два

вала, что в ответ на благодетельную государственную политику начнется приток капиталов извне, которые дадут толчок развитию Бразилии и будут способствовать ее экономической и финансовой стабилизации. На 1965 г. были объявлены новые прямые иностранные капиталовложения в размере 100 млн. долл. Фактически они составили 70 млн. В последующие годы, как утверждалось, уровень инвестиций превысит предусмотренный на 1965 г., однако приглашение не было принято. В 1967 г. поступило 76 млн., а утечка в виде прибылей и дивидендов, доходов от оказания технической помощи и продажи патентов, права на использование фирменного знака, лицензионных или концессионных платежей в четыре раза превысила новые капиталовложения. К этому надо добавить нелегальный перевод валюты за границу. Центральный банк предполагает, что в 1967 г. из Бразилии тайно было вывезено 120 млн. долл.

То, что ушло из страны, намного, как мы видим, превышало то, что поступило. В конечном счете цифры новых прямых инвестиций в *решающие* годы денационализации промышленности (1965, 1966, 1967) оказались намного ниже уровня 1961 г.[39] Инвестиции в промышленность составляют бóльшую часть североамериканских капиталов в Бразилии, но в сумме дают менее 4% всех инвестиций Соединенных Штатов в мировую промышленность. Инвестиции в Аргентине едва достигают 3%, в Мексике — 3,5%. Поглощение огромных индустриальных территорий Латинской Америки не потребовало больших жертв от Уолл-стрита.

«Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала»*, — писал Ленин. В наши дни, как отмечают многие исследователи, импе-

года спустя, выступая в университете Маккензи в Сан-Паулу, Кампос подчеркивал: «Поскольку страны в процессе становления национального хозяйства не располагают ресурсами для создания современной экономики (в противном случае они не были бы слаборазвитыми), то им позволительно принимать помощь от всех желающих рискнуть в том замечательном предприятии, которым является прогресс, чтобы получить и свою долю прибылей».

[39] «Переводы из Бразилии растут после принятия законодательства 1965 г., — отмечал орган Департамента торговли Соединенных Штатов. — Увеличивается поток прибылей, дивидендов и концессионных платежей; сроки и условия займов зависят от договоренности с Международным валютным фондом» ("International Commerce", 24 apr. 1967).

риализм *импортирует* капиталы из стран, где он действует. В период 1950—1967 гг. новые североамериканские инвестиции в Латинской Америке составляли в сумме 3921 млн. долл., если не считать реинвестированные прибыли. В тот же самый период прибыли и дивиденды, отправленные предприятиями за границу, составили 12 819 млн. Выкачанные прибыли более чем в три раза превысили сумму новых капиталовложений в регионе[40]. С тех пор, по данным ЭКЛА, еще более возросла утечка прибылей, которые *в последние годы в пять раз превышают новые инвестиции;* Аргентина, Бразилия и Мексика испытали самый большой отток капиталов. Но это не полный подсчет. Значительная часть фондов, «репатриируемых» в счет погашения долга, в действительности является прибылями от инвестиций, и эти цифры также не включают переводы за границу по платежам за патенты, лицензии и инжиниринг; не учитывают другие невидимые передвижения валюты, которые обычно скрываются под завесой статьи «ошибки и упущения»[41], а также не принимают во внимание *прибыли, которые корпорации получают, взвинчивая цены на поставки своим филиалам и столь же рьяно раздувая эксплуатационные расходы.* Компании, которым присуще богатое воображение, когда речь идет о наживе, проделывают нечто подобное и с самими инвестициями. В самом деле, так как головокружительный технологический прогресс с каждым разом сокращает сроки обновления основного капитала в развитых экономиках, преобладающее большинство промышленного оборудования и станков, экспортируемых в страны Латинской Америки, уже завершили цикл своего использования в родных краях, амортизировались и, таким образом, целиком или частично уже окупились. При оценке инвестиций за рубежом этот момент не учитывается: стоимость, приписываемая оборудованию, произвольно завышенная, конечно, была бы далеко не такой, если бы в

[40] Secretaría General de la OEA. Op. cit. Уже президент Кеннеди признавал, что в 1960 г. «из слаборазвитых стран, которые нуждаются в капиталах, мы извлекли 1300 миллионов долларов, в то время как туда экспортировали только 200 миллионов инвестиционных капиталов» (речь перед участниками конгресса АФТ — КПП в Майами 8 декабря 1961 г.).

[41] Таинственные «ошибки и упущения» вылились между 1955 и 1966 гг. в сумму более чем миллиард долларов в Венесуэле, 743 млн. — в Аргентине, 614 млн. — в Бразилии, 310 млн. — в Уругвае (Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.).

каждом частном случае учитывался моральный и физический износ. Кроме того, головной компании нет смысла тратиться на производство в Латинской Америке того, что она раньше уже ей продавала, производя у себя. Местные правительства способствуют в этом иностранным компаниям, выделяя средства филиалу, который хочет обосноваться и выполнить свою миссию по «возрождению» национальной экономики. Филиалу предоставляют доступ к местному кредиту с того момента, как он застолбит место, где собирается возвести свое предприятие; он получает привилегии в обменных операциях для импорта — закупок, которые обычно делает у самой себя, — и даже может обеспечить себе в некоторых странах своего рода особый обмен для оплаты долгов за границей, которые зачастую являются задолженностью финансового филиала той же самой корпорации. Подсчет, сделанный журналом «Фичас», показывает, что валюта, затраченная между 1961—1964 гг. на автомобильную промышленность в Аргентине, равна стоимости импортируемых машин и оборудования, необходимых передовым отраслям, чтобы дать годовой прирост продукции в 2,8% в течение 11 лет [42].

Технократы требуют «жизнь или кошелек» более эффективно, чем морская пехота США

Вывозя намного больше долларов, чем вкладывая, компании обостряют хронический валютный голод в регионе, «облагодетельствованные» им страны теряют капитал, вместо того чтобы его накапливать. Тогда приводится в действие механизм займов. Международные кредитные организации играют очень важную роль в разорении слабо защищенных цитаделей латиноамериканской промышленности, финансируемой национальным капиталом, и в укреплении неоколониалистских структур. *Помощь* действует подобно филантропу из сказки, который приделал своему поросенку деревянную ногу, когда настоящую ногу съел. Дефицит платежного баланса Соединенных Штатов, вызванный военными расходами и помощью реакционным режимам, — этот дамоклов меч, занесенный над процветанием США, — *одновременно и создает условия этого процветания:* империя посылает за рубеж своих *морских пехотинцев,* чтобы спасти доллары своих моно-

[42] "Fichas de investigación económica y social". Buenos Aires, jun. 1965.

полий, когда им грозит опасность, но еще более энергично засылает туда технократов и займы, чтобы расширить коммерцию и обеспечить себя сырьем и рынками.

В США, ставших всемирным центром власти современного капитализма, особенно очевидным образом прослеживается совпадение интересов частных монополий и государственного аппарата [43]. Транснациональные корпорации открыто прибегают к помощи государства для накопления, приумножения и концентрации капиталов, углубления технологической революции, милитаризации экономики и обеспечения разными путями укрепления североамериканского контроля над капиталистическим миром. Экспортно-импортный банк США, Управление международного развития и другие менее крупные организации выполняют свои функции именно в этом направлении; также действуют и некоторые якобы международные организации, в которых Соединенные Штаты обеспечили себе неоспоримую гегемонию: Международный валютный фонд и его брат-близнец — Международный банк реконструкции и развития, а также Межамериканский банк развития, присваивающие себе право решать, какую именно экономическую политику проводить странам, запрашивающим кредиты. Успешно овладевая их центральными банками и ведущими министерствами, они получают все секретные данные об экономике и финансах разных стран, составляют и навязывают соответствующие национальные законы, запрещают или разрешают правительствам применять те или иные меры, во всех деталях определяя направления, в которых они должны проводиться.

Не существует международной благотворительности, она обогащает только благодетеля — Соединенные Штаты. Международная помощь выполняет в первую очередь национальную функцию: североамериканская экономика помогает самой себе. Тот же Роберто Кампос в бытность свою послом националистического правительства Гуларта определил эту помощь как программу расширения зарубежных рынков с целью сбыта излишков и решения проблем, вызванных перепроизводством в экспортной промышленности Соединенных Штатов [44]. Департамент тор-

[43] Чепраков В. А. Государственно-монополистический капитализм. М., 1964; P. A. Baran y P. M. Sweezy. Op. cit.; V. Trías. Op. cit.

[44] "O Estado de São Paulo", 24 jan. 1963.

говли Соединенных Штатов приветствовал прекрасные начинания «Союза ради прогресса» вскоре после его рождения, отмечая, что он открыл новые сферы деятельности и новые трудовые ресурсы для частных предприятий 44 американских штатов [45]. Позднее в своем послании конгрессу в январе 1968 г. президент Джонсон заверил, что более 90% американской внешней помощи будет направлено в 1969 г. на финансирование закупок в Соединенных Штатах, «и я лично, — отметил он, — самым непосредственным образом приложу все усилия, чтобы увеличить этот процент» [46]. В октябре 1969 г. было распространено резкое заявление президента Межамериканского комитета «Союза ради прогресса» Карлоса Санс де Сантамариа, который заявил в Нью-Йорке, что помощь оказалась очень выгодной как для экономики Соединенных Штатов, так и для казны этой страны. С тех пор как с конца пятидесятых годов пошатнулся американский платежный баланс, займы стали обусловливаться приобретением американского промышленного оборудования, как правило, более дорогого, чем на мировом рынке. Позднее были пущены в ход такие механизмы, как «запретительные списки», во избежание того, чтобы североамериканские кредиты служили экспорту товаров, которые Соединенные Штаты могут выгодно продавать на мировом рынке, не прибегая к рекламе своей филантропии. Последующие «разрешительные списки» сделали возможным продажу в форме помощи некоторых американских промышленных товаров по ценам, которые на 30—50% превышали цены на те же самые товары на мировом рынке. Жесткие узы финансирования, говорится в уже цитировавшемся документе ОАГ, предоставляют «дополнительную субсидию всему североамериканскому экспорту». Фирмы США, производящие машинное оборудование, терпят серьезные убытки из-за нынешних цен на мировом рынке, признает Департамент торговли Соединенных Штатов, «если только они не прибегают к более льготному финансированию, предоставляемому под видом различных программ помощи» [47]. Ричард Никсон в своей речи в конце 1969 г. обещал *снять ограничения* с помощи. Так уже бывало и раньше, когда Межамериканский банк развития

[45] "International Commerce", 4 febr. 1963.
[46] "Wall Street Journal", 31 jan. 1968.
[47] "International Commerce", 17 jul. 1967.

предоставлял займы при попечительстве своего фонда для специальных операций. Опыт показывает, что в конечном счете кредиторами, которым отдается предпочтение в контрактах, всегда оказываются Соединенные Штаты или латиноамериканские филиалы их корпораций. Займы, предоставленные Управлением международного развития, Экспортно-импортным банком США, и в большинстве своем МБР, даются с условием, чтобы не меньше половины всех морских перевозок осуществлялись на судах, плавающих под североамериканским флагом. Фрахт судов Соединенных Штатов настолько дорог, что в отдельных случаях почти вдвое превышает стоимость фрахта на более дешевых морских линиях, имеющихся ныне в мире. Как правило, компании страхуют перевозимые товары, а банки, через которые заключаются сделки, также оказываются североамериканскими.

ОАГ опубликовала заключение, показывающее фактические размеры помощи, которую получает Латинская Америка [48]. Если отделить зерна от плевел, то приходишь к выводу, что едва ли 38% *номинальной* помощи может рассматриваться как *реальная*. В займах на развитие промышленности, горнорудного дела, связи и на компенсационные кредиты лишь 20% от общей суммы могут рассматриваться как действительная помощь. А когда в действие вступает Экспортно-импортный банк США, помощь изменяет свой курс и направляется с юга на север Западного полушария: финансирование, предоставляемое этим банком, говорит ОАГ, вместо оказания помощи вводит регион в дополнительные расходы в силу завышенных цен на товары, экспортируемые при его посредничестве Соединенными Штатами.

Латинская Америка вносит в Межамериканский банк развития бóльшую часть его текущих средств. Однако на документах банка, помимо его печати, стоит эмблема «Союза ради прогресса», а Соединенные Штаты — единственная страна, имеющая право вето в этой организации; голоса латиноамериканских стран, пропорциональные вкладам капитала, не обеспечивают и двух третей большинства, необходимого для принятия важных решений. «Даже если Соединенные Штаты не используют свое право вето на займы МБР, угроза его использования в политических целях влияет на решения», — признал Нель-

[48] Secretaría General de la OEA. Op. cit.

сон Рокфеллер в августе 1969 г. в своем известном докладе Никсону. Большинство займов МБР предоставляет на тех же условиях, что и чисто североамериканские организации: обязательное получение фондов товарами Соединенных Штатов с перевозкой не менее чем их половины под звездно-полосатым флагом. И при этом облагодетельствованные такой помощью обязаны рекламировать эффективность «Союза ради прогресса».

МБР определяет политику тарифов и налогов на услуги, которых касается своей палочкой доброй волшебницы: решает, сколько брать за воду, и устанавливает налог за пользование канализацией и жильем, согласно предписаниям североамериканских советников, назначаемых с его ведома. Банк утверждает проекты сооружений, организует продажу с торгов, распоряжается фондами и следит за их расходованием [49]. МБР сыграл весьма «плодотворную» роль в вопросе перестройки высшего образования в регионе, которое он стремится приспособить к насаждаемому им же неоколониализму в культуре. Его займы университетам предоставляются при условии, что они не имеют права менять без его ведома и одобрения основные законы или уставы — это дает банку возможность навязывать определенные учебные, административные и финансовые реформы. Генеральный секретарь ОАГ назначает арбитра в случае возникновения спорных вопросов [50].

Договоры с Управлением международного развития не только навязывают североамериканские товары и фрахты, но и обычно запрещают торговлю с Кубой и Северным Вьетнамом, вынуждают мириться с административной опекой со стороны технического персонала Управления. Чтобы компенсировать разницу в ценах на тракторы или удобрения из Соединенных Штатов и на те, что можно более дешево приобрести на мировом рынке, отменяют налоги и таможенные тарифы на продукты, импортируемые по кредитам. Помощь Управления международного развития включает современное вооружение и специальные машины для полиции, чтобы внутренний порядок в этих

[49] См., например, текст договора, подписанного 21 мая 1963 г. между МБР и правящими органами департамента Монтевидео о расширении канализационной сети.

[50] См., например, текст договора, подписанного 1 апреля 1966 г. между МБР и университетом Сан-Симон в Кочабамбе (Боливия) о совершенствовании преподавания сельскохозяйственных наук.

странах охранялся должным образом. Не напрасно треть кредитов Управления выделяется незамедлительно после принятия соответствующего решения, но предоставление двух оставшихся третей зависит от визы Международного валютного фонда, предписания которого обычно вызывают вспышку социальных волнений. Управление имеет обыкновение требовать попутно принятия определенных законов или декретов, будто бы МВФ уже не развинтил, деталь за деталью, как разбирают часы, все механизмы суверенитета. Основная часть фондов «Союза ради прогресса» передается через УМР. Межамериканский комитет «Союза ради прогресса» добился от уругвайского правительства, если ограничиться только одним примером «щедрости» этой организации, подписания обязательства, по которому доходы и расходы государственных деятелей, а также официальная политика в области тарифов, заработной платы и инвестиций перешли под прямой контроль Управления [51]. Но самые грабительские условия редко фигурируют в текстах публикуемых договоров и обязательств — они скрываются в секретных приложениях. Уругвайский парламент так и не узнал, например, о том, что в марте 1968 г. правительство согласилось ограничить экспорт риса текущего года, чтобы страна могла получить муку, маис и сорго из сельскохозяйственных излишков Соединенных Штатов.

Много кинжалов спрятано под плащом помощи бедным странам. Теодоро Москосо, бывший генеральный директор «Союза ради прогресса», признал: «...бывает, что Соединенным Штатам нужен голос какой-то определенной страны в Организации Объединенных Наций или в ОАГ, и тогда, случается, правительство этой страны — следуя священным традициям прагматичной дипломатии — просит что-то взамен» [52]. В 1962 г. делегат Гаити на конференции в Пунта-дель-Эсте обменял свой голос на новый аэропорт, и таким образом Соединенные Штаты получили большинство, необходимое для исключения Кубы из Организации американских государств [53]. Бывший диктатор

[51] Документ, опубликованный в газете «Йа», Монтевидео, 28 мая 1970 г.

[52] "Panorama", Centro de Estudios y Documentacion Sociales. Mexico, nov.—dic. 1965.

[53] Диктатуре Дювалье было также обещано в знак признательности шоссе, ведущее к аэродрому. И. Пфлом (Arena of Decision. Latin American Crisis. New York, 1944) и Дж. Джересси (The

Гватемалы Мигель Идигорас Фуэнтес заявил, что вынужден был пригрозить американцам, что откажется голосовать на совещаниях «Союза ради прогресса» в пользу США, если они не выполнят своего обещания покупать у него больше сахара [54]. Может показаться на первый взгляд парадоксальным, что Бразилия была самой облагодетельствованной «Союзом ради прогресса» страной во времена националистического правительства Жоао Гуларта. Но парадокса как не бывало, едва узнаешь, как распределялась полученная помощь внутри страны: кредиты Союза усеивали, как мины, путь Гуларта. Карлос Ласерда, губернатор Гуанабары и тогдашний лидер крайне правых, получил в семь раз больше долларов, чем весь Северо-Восток: штат Гуанабара с населением, едва достигающим 4 млн., смог таким образом создать прекрасные сады для туристов по берегу самой живописной в мире бухты, а Северо-Восток продолжал оставаться кровоточащей язвой на теле Латинской Америки. В июне 1964 г., уже после государственного переворота, приведшего к власти Кастело Бранко, Томас Манн, помощник госсекретаря по межамериканским делам и правая рука президента Джонсона, пояснил: «Соединенные Штаты распределили между дееспособными губернаторами некоторых бразильских штатов помощь, которая предназначалась правительству Гуларта, думая поддержать таким образом демократию; Вашингтон не дал ни гроша для поддержания платежного баланса государства или в федеральный бюджет, потому что это могло быть выгодно непосредственно правительству» [55].

Американская администрация решила отказать в каком бы то ни было сотрудничестве правительству Белаунде Терри в Перу, «если только он не представит исчерпывающие гарантии, что будет продолжать политику, благожелательную по отношению к «Интернэшнл петролеум компани». Белаунде отказался и в результате этого в

Great Fear in Latin América. New York, 1965) сходятся во мнении, что это был откровенный подкуп. Однако Соединенные Штаты не выполнили обещания, данного Гаити. «Папа Док» Дювалье, страж смерти в мифологии *воду*, был взбешен. Рассказывают, что он даже призвал на помощь дьявола, чтобы отомстить Кеннеди, и удовлетворенно рассмеялся, когда узнал, что пули в Далласе оборвали жизнь американского президента.

[54] Репортаж Дж. А. Гейер в «Майами геральд» 24 декабря 1966 г.

[55] Заявление перед комиссией палаты представителей (N. W. Sodré. História militar do Brasil. Río de Janeiro, 1965).

конце 1965 г. так и не получил своей доли от «Союза ради прогресса»»[56]. Впоследствии, как известно, Белаунде отступил. Он потерял и нефть, и власть — подчинился, чтобы выжить. Ни один цент североамериканских займов в Боливии не был предоставлен на то, чтобы страна могла возвести свои собственные заводы по выплавке олова, и поэтому олово продолжало путешествовать неочищенным в Ливерпуль, а оттуда, уже переработанное, в Нью-Йорк; одновременно *помощь* породила паразитическую коммерческую буржуазию, вдохнула жизнь в бюрократию, возвела огромные здания, проложила современные автострады и осуществила другие дорогостоящие и бесполезные затеи в стране, которая оспаривает у Гаити самый высокий уровень детской смертности в Латинской Америке. Условия предоставления кредитов Соединенными Штатами, а также их *международными* организациями, отказывали Боливии в праве принять предложения Советского Союза, Чехословакии и Польши создать нефтехимическую промышленность, предприятия по добыче и обогащению цинковых, свинцовых и железных руд, установить печи для выплавки олова и сурьмы. Взамен Боливия была вынуждена импортировать продукты исключительно из Соединенных Штатов. Когда же наконец пало правительство Националистского революционного движения, до основания подточенное американской помощью, посол Соединенных Штатов Дуглас Хендерсен стал непременным участником заседаний кабинета диктатора Рене Баррьентоса[57].

Займы с точностью термометров позволяют измерять *общее состояние дел* в каждой стране и помогают устранять черные политические тучи или революционные бури с ясного небосклона миллионеров. «Соединенные Штаты сосредоточат свою программу экономической помощи на странах, которые проявят бóльшую склонность к установлению благоприятного инвестиционного климата, и откажут в помощи тем странам, которые не обеспечат удовлетворительного уровня эффективности капиталовложений», — заявляли в 1963 г. деловые люди во главе с Дэви-

[56] Fr. B. Pike. The modern History of Perú. New York, 1968.

[57] A. Canelas. Radiografía de la Alianza para el Atraso. La Paz, 1953; M. B. Gumucio y otros. Guerrilleros y generales sobre Bolivia. Buenos Aires, 1968, J. Gunther. Inside South America. New York, 1967.

дом Рокфеллером [58]. Текст закона об иностранной помощи становится категоричным, предписывая отменять помощь любому правительству, которое «национализировало, экспроприировало, или приобрело в собственность, или установило контроль над половиной и более собственности, принадлежащей любому гражданину Соединенных Штатов или любой корпорации, обществу или ассоциации», принадлежащей североамериканским гражданам более чем на 50% [59]. Недаром среди наиболее влиятельных членов Комитета по торговле «Союза ради прогресса» находятся самые высокопоставленные члены правления банков «Чейз Манхэттен» и «Сити», «Стандард ойл», «Анаконды» и «Грейс». УМР по-разному расчищает путь американским капиталистам, среди прочего оно требует утверждения договоров о гарантиях на случай возможных потерь из-за войн, революций, восстаний или финансово-валютных кризисов. По данным Департамента торговли

[58] Дочь Дэвида Пэгги Рокфеллер немного спустя решила отправиться в Рио-де-Жанейро и поселиться в «фавеле» под названием Жакарезиньо. Ее отец, один из самых богатых людей в мире, приехавший в Бразилию с деловыми целями, лично посетил бедный домишко, который выбрала Пегги, попробовал скудную еду, с ужасом удостоверился, что крыша дома протекает, а под дверью шмыгают крысы. Уходя, он оставил на столе чек на сумму с несколькими нулями. Пегги прожила там несколько месяцев как сотрудница «Корпуса мира». Чеки продолжали поступать. Каждый из них был равен сумме, которую хозяин дома мог заработать за десять лет тяжкого труда. Когда Пегги, наконец, уехала, дом и семья из Жакарезиньо преобразились. Ни одна «фавела» не была обставлена с такой роскошью. Пегги свалилась на ее хозяев прямо с неба. Это было все равно, что выиграть во всех лотереях разом. Дом, где жила Пегги, сделался чем-то вроде рекламной витрины режима. В репортажах по телевидению и радио, в газетных и журнальных статьях его безудержно рекламировали. Хозяева его стали примером, которому должны были подражать все бразильцы: хозяин якобы выбился из нищеты благодаря своему неиссякаемому трудолюбию и бережливости. А все оттого будто бы, что он не тратит на водку свой заработок, теперь у него есть телевизор, холодильник, новая мебель, его дети одеты и обуты. Пропаганда забыла одну маленькую деталь: визит «волшебницы» Пегги. В Бразилии 90 млн. жителей, а «чудо» произошло только с одним из них.

[59] Hickenlooper Amendment, Section 620, Foreign Assistance Act. Не случайно этот законодательный текст толкует именно о мерах, принимаемых в ущерб американским интересам «на первое января 1962 г. или в дальнейшем». 16 февраля 1962 г. губернатор Леонел Бризола экспроприировал телефонную компанию бразильского штата Рио-Гранди-ду-Сул, принадлежавшую «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн», и это решение осложнило отношения между Вашингтоном и Бразилиа. Компания не принимала компенсацию, предложенную правительством.

Соединенных Штатов, в 1966 г. частные североамериканские инвесторы получили такие гарантии в 15 странах Латинской Америки на 100 проектов, которые в сумме составили более 300 млн. долларов, в рамках Программы по охране капиталовложений УМР [60].

АДЕЛА — вовсе не песня времен мексиканской революции, а название международного инвестиционного концерна. Родился он по инициативе «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Форд мотор К°». Группа Меллона также вступила в него с энтузиазмом, равно как могущественные европейские компании, потому что, говоря словами сенатора Джекоба Джевитса, «Латинская Америка предоставляет великолепную возможность для того, чтобы Соединенные Штаты, приглашая Европу «войти в дело», могли продемонстрировать, что США не добиваются в регионе господства или исключительности...» [61]. В годовом отчете за 1968 г. АДЕЛА *выражала особую благодарность Межамериканскому банку развития за займы, предоставленные для того, чтобы способствовать делам концерна в Латинской Америке,* а также приветствовала деятельность одного из филиалов Международного банка реконструкции и развития. С обоими учреждениями АДЕЛА находится в постоянном контакте, избегая дублирования усилий в оценке перспектив капиталовложений [62]. Можно привести многочисленные примеры других подобных «священных» союзов. В Аргентине вклады латиноамериканцев в МБР способствовали тому, что весьма значительными займами были облагодетельствованы такие компании, как «Петросум», филиал «Электрик Бонд энд Шеэ» (более 10 млн. долл., предназначенных для строительства нефтехимического комплекса), или что был финансирован завод частей для автомобильных двигателей «Арметал», филиал «Бадд К°» из Филадельфии [63]. Кредиты УМР сделали возможным расширение производства химических продуктов «Атлантик ричфилд» в Бразилии, а Экспортно-импортный банк предоставил щедрые займы филиалу «Бетлехем стил» в этой же стране. Благодаря вкладам «Союза ради прогресса» и МБРР компания «Филлипс» смогла произ-

[60] "International Commerce", 10 apr. 1967.
[61] Цит. по: NACLA Newsletter, may—juny 1970.
[62] ADELA Annual Report, 1968. — In: NACLA. Op. cit.
[63] Banco Interamericano de Desarrollo. Décimo informe anual, 1969. Washington, 1970.

вести на свет в 1966 г. тоже в Бразилии самый большой комплекс заводов для производства удобрений в Латинской Америке. Все это проходит по разряду помощи, и все увеличивает внешний долг стран, якобы обласканных судьбой.

Когда Фидель Кастро в первые годы кубинской революции обратился в Международный банк реконструкции и развития и в Международный валютный фонд, добиваясь того, чтобы восполнить запасы иностранной валюты, растраченные диктатурой Батисты, обе организации ответили, что сначала следует принять программу стабилизации, которая, как и повсюду, должна была привести к ослаблению роли государства и прекращению структурных реформ. МБРР и МВФ действуют в тесной взаимосвязи и во имя общих целей; они и родились вместе в Бреттон-Вудсе. Соединенные Штаты располагают четвертой частью голосов в МБРР, а 22 страны Латинской Америки — менее одной десятой части голосов. Следует ли удивляться тому, что Международный банк реконструкции и развития во всем вторит Соединенным Штатам?

Разъясняя свою политику, МБРР заявляет, что большая часть его займов направляется на строительство шоссейных дорог и других путей сообщения, а также на развитие источников электрической энергии, потому что это «является основным условием роста частного предпринимательства» [64]. Эти инфраструктурные сооружения действительно облегчают доставку сырья в порты и на мировые рынки, обусловливают развитие денационализированной промышленности бедных стран. МБРР считает, что «конкурентоспособная промышленность должна оставаться в частных руках. Это не означает, что банк абсолютно исключает возможность предоставления займов отраслям, которые находятся в собственности государства, однако он будет финансировать их только в тех случаях, если это не затрагивает интересов частного капитала и если банк после длительного изучения убедится, что участие правительства имеет действенные результаты и не создает незаконных ограничений распространению частного предпринимательства». Выдачу займов МВФ обусловливает применением своих рецептов стабилизации и пунктуальной выплатой внешнего долга; займы МБРР запрещают про-

[64] The World Bank, IFC and IDA. Policies and Operations. Washington, 1962.

ведение политики контроля над доходами компаний — политики, «ограничивающей открытое использование прибыли и не способствующей дальнейшему развитию дела»[65]. С 1968 г. Международный банк реконструкции и развития направлял значительную часть займов на пропаганду контроля за рождаемостью, на программы в области образования, на нужды сельского хозяйства и развитие туризма.

Как и все прочие автоматы, заглатывающие монеты в пользу ведущих международных финансовых кругов, МБРР является эффективным инструментом вымогательства, служащим интересам вполне определенных кругов. Его президентами с 1946 г. последовательно были видные бизнесмены Соединенных Штатов. Юджин Р. Блэк, который руководил банком с 1949 по 1962 г., занимал в дальнейшем руководящие посты в многочисленных частных корпорациях, среди них — в «Электрик Бонд энд Шеэ», самой могущественной монополии по производству электроэнергии на планете[66]. В 1966 г. МБРР вынудил Гватемалу согласиться с «почетным договором» с «Электрик Бонд энд Шеэ» в качестве предварительного условия для осуществления проекта строительства гидроэлектростанции Хурун-Маринала: этот «почетный договор» заключался в выплате полновесной компенсации за убытки, которые компания могла бы понести в долине, что была бесплатно предоставлена ей несколькими годами ранее для возведения этого объекта; кроме того, договор включал и обязательство государства не препятствовать «Бонд энд Шеэ» свободно устанавливать впредь тарифы на электричество в стране. И в то же время, по удивительному совпадению, МБРР навязал правительству Колумбии в 1967 г. выплату компенсации в 36 млн. долл. Колумбийской электрокомпании, филиалу «Бонд энд Шеэ»; компенсацию следовало уплатить за только что национализированное устаревшее оборудование филиала. Так колумбийское государство купило свою же собственность, ибо срок концессии истек еще в 1944 г. Три президента Международного банка реконструкции и развития принадле-

[65] The World Bank, IFC and IDA. Op. cit.

[66] «Наши программы помощи зарубежным странам... стимулируют развитие новых рынков для американских предприятий... и ориентируют экономику стран-импортеров капитала на систему свободного предпринимательства в рамках которой могли бы процветать американские фирмы» (E. R. Black. — "Columbia Journal of World Business". № 1, 1965).

жат к могущественной группе Рокфеллера. Джон Дж. Макклой был президентом этой организации в 1947—1949 гг., а немного спустя возглавил «Чейз Манхэттен бэнк». На посту президента МБРР его сменил Юджин Р. Блэк, проделавший обратный путь: ранее он руководил «Чейз». Джордж Д. Вудс, тоже из людей Рокфеллера, сменил Блэка в 1963 г. При этом МБРР непосредственно участвует, предоставляя десятую долю капитала и крупные займы, в главном предприятии Рокфеллера в Бразилии — «Петрокимика униаон», самом большом нефтехимическом комплексе Южной Америки.

Больше половины займов, которые получает Латинская Америка после того, как МВФ дает для этого зеленый свет, поступает от частных и государственных организаций Соединенных Штатов; значительный процент приходится также на международные банки. МВФ и Международный банк реконструкции и развития оказывают все более сильное давление на латиноамериканские правительства, чтобы заставить страны региона перестроить свою экономику и финансы, нацелив ее на выплату внешнего долга. Между тем выполнять взятые обязательства в соответствии с нормами международного права становится все более трудной, хотя в то же самое время все более настоятельной задачей. Регион переживает ситуацию, которую экономисты называют *взрывоопасным нарастанием* долга. Образуется порочный круг, душащий экономику латиноамериканских государств: займы увеличиваются, инвестиции сменяют одна другую, а вследствие этого растут платежи за амортизацию, проценты, дивиденды и другие выплаты; чтобы их покрыть, приходится прибегать к новым инъекциям иностранного капитала, которые порождают еще большие обязательства, и так без конца. Выплата долга пожирает все большую часть поступлений от экспорта, мизерных, поскольку цены на него неизменно падают, предназначавшихся для оплаты необходимого импорта; чтобы страны могли себя обеспечить, они нуждаются в новых займах, как легкие в воздухе. В 1955 г. пятая часть выручки от экспорта тратилась на выплату амортизационных отчислений, на прибыли и проценты от инвестиций; пропорция эта продолжала расти и теперь близка к критической точке. В 1968 г. платежи составляли уже 37% экспорта[67]. Если продол-

[67] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.: Estudio económico de América Latina, 1969. Nueva York—Santiago de Chile, 1970.

жать прибегать к услугам иностранного капитала, чтобы закрыть *брешь в торговле*, и не перекрыть утечку прибылей от империалистических инвестиций, то к 1980 г. не менее 80% валюты будет оставаться в руках иностранных кредиторов, а общая сумма долга превысит в шесть раз объем экспорта[68]. МБРР предсказывал, что разного рода выплаты по долгам полностью сведут на нет эффект вливания нового иностранного капитала в развивающиеся страны к 1980 г. На самом деле уже в 1965 г. зарубежные инвестиции оказались меньше, чем капитал, выкачанный из региона в виде амортизационных отчислений и процентов по ранее заключенным договорам.

Индустриализация не устраняет неравенства на мировом рынке

Товарообмен наряду с прямыми заграничными капиталовложениями и займами — это смирительная рубашка международного разделения труда. Страны так называемого «третьего мира» обменивают между собой немногим более одной пятой части своих экспортных товаров, направляя три четверти своего экспорта в империалистические центры, данниками которых являются[69]. В большинстве своем латиноамериканские страны отождествляются на мировом рынке с одним единственным видом сырья или продукта питания[70]. Латинская Америка в изобилии располагает шерстью, хлопком и натуральным волокном, у нее традиционно развитая текстильная промышленность, но она только на 0,6% участвует в сбыте пряжи и тка-

[68] Согласно прогнозам Латиноамериканского института экономического и социального планирования (La brecha comercial y la integración latinoamericana. México—Santiago de Chile, 1967).

[69] P. J e l é e. Le pillage du Tiers Monde. Paris, 1966.

[70] С 1966 по 1968 г. кофе дал Колумбии 74% всех поступлений от экспорта; Бразилии —43; Сальвадору — 48; Гватемале — 42 и Коста—Рике — 36%. Бананы принесли Эквадору 71% валютных поступлений, Панаме — 54 и Гондурасу — 47. Никарагуа на 42% зависела от хлопка. Доминиканская республика на 56% — от сахара. Мясо, кожа и шерсть обеспечили Уругваю 83% его валютных поступлений, а Аргентине — 38%. Медь дала 74% поступлений от торговли Чили и 26% поступлений Перу; олово — 54% всего экспорта Боливии. Венесуэла получила от нефти 93% своей валюты (Naciones Unidas CEPAL. Op. cit.). Что касается Мексики, то «она более чем на 30% зависит от трех продуктов, более чем на 40 — от пяти продуктов и более чем на 50% — от десяти продуктов, в большинстве своем не промышленных, которые экспортируются главным образом на североамериканский рынок» (P. G o n z á l e z C a s a n o v a. La democracia en México. México, 1965).

ней в Европе и Соединенных Штатах. Регион обречен продавать прежде всего сырьевые продукты, чтобы обеспечить работой иностранные заводы, и дело обстоит таким образом, что эти продукты «экспортируются в большинстве своем могущественными концернами с международными связями, которые имеют необходимые контакты на мировых рынках, чтобы размещать свою продукцию на самых выгодных условиях» [71], экспорт также осуществляется на самых выгодных *для них* условиях, *то есть по самым низким ценам.* На международных рынках установлена негласная монополия в спросе на сырье и в предложении промышленных продуктов; и наоборот, те, кто предлагают сырьевые продукты и покупают готовые товары, действуют разобщенно: первые, сильнейшие, действуют сообща, сплотившись вокруг господствующей державы — Соединенных Штатов, которая потребляет почти столько, сколько вся остальная планета; вторые, слабейшие, действуют изолированно, причем угнетенные конкурируют с угнетенными. На международных рынках никогда не существовало так называемой свободной игры предложения и спроса, а только диктатура одного по отношению к другому, и всегда в пользу развитых капиталистических стран. Ключевые центры, где устанавливаются цены, находятся в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Амстердаме, Гамбурге — в советах министров и на бирже. Что с того, что с большой помпой и шумихой были подписаны международные соглашения для защиты цен на пшеницу (1949), сахар (1953), олово (1956), оливковое масло (1956) и кофе (1962). Достаточно взглянуть на нисходящую кривую относительной стоимости этих продуктов, чтобы убедиться: соглашения были не чем иным, как символическими извинениями, которые сильные страны принесли слабым, когда цены на их продукты достигли скандально низких уровней. С каждым разом то, что Латинская Америка продает, стоит все меньше, и соответственно с каждым разом все дороже то, что она покупает.

На средства от продажи 22 телков Уругвай в 1954 г. мог купить фордовский трактор; сегодня ему нужно для этого продать вдвое больше телков. Группа экономистов, подготовивших доклад для Единого профцентра Чили,

[71] M. D. Pollner.—In: INTAL—BID. Los empresarios y la integración de América Latina. Buenos Aires, 1967.

подсчитала, что, если бы цены на латиноамериканский экспорт росли с 1928 г. теми же темпами, как цены на импорт, Латинская Америка получила бы с 1958 по 1967 г. на 57 млрд. долл. больше, чем она имела за это же время от своего сбыта за рубежом[72]. Не углубляясь так далеко во времени и взяв за основу цены 1950 г., Организация Объединенных Наций подсчитала, что Латинская Америка лишилась из-за потерь в торговле более 18 млрд. долл. только за десятилетие между 1955 и 1966 гг. В дальнейшем спад продолжался. Разрыв между потребностями импорта и поступлениями от экспорта будет все больше расширяться, если не изменится нынешняя структура внешней торговли. Если бы в ближайшее время регион решил достичь темпов развития, даже слегка превышающих темпы последних 15 лет, которые были очень низкими, он столкнулся бы с необходимостью импортных поставок, которые намного превысили бы предполагаемый прирост валютных поступлений от экспорта. Согласно подсчетам Латиноамериканского института экономического и социального планирования (ЛИЭСП), дисбаланс во внешней торговле в 1975 г. увеличится до 4600 млн. долл., а в 1980 г. достигнет 8300 млн.[73] Эта последняя сумма составляет половину всей стоимости экспорта, предусмотренной на этот год. Так, с шапкой в руках, латиноамериканские страны все более отчаянно будут стучаться в двери международных кредиторов. А. Эммануэль считает, что *проклятие низких цен лежит не на определенных продуктах, а на определенных странах*[74]. В конце концов уголь, до недавнего времени бывший одним из основных продуктов английского экспорта, такое же исходное сырье, как шерсть или медь, а к моменту получения сахара он претерпел не меньшую обработку, чем шотландское виски или французские вина; Швеция и Канада экспортируют лес, тоже сырье, по очень высоким ценам. Мировой рынок порождает неравенство в торговле, считает Эммануэль, *из-за обмена большего количества рабочих часов, затраченных в бедных странах, на меньшее количество рабочих часов, затраченных в богатых странах; основа эксплуатации заключается в том, что существует огром-*

[72] Central Única de Trabajadores de Chile. América Latina, un mundo que ganar. Santiago de Chile, 1968.

[73] Instituto Latinoamericano de Planificación Económica y Social. Op. cit.

[74] A. E m m a n u e l. El cambio desigual. México, s. f.

ный разрыв в уровнях оплаты в одних и других странах, причем этот разрыв не пропорционален различиям в производительности труда в них. Именно низкая оплата труда, по мнению Эммануэля, определяет низкие цены, а не наоборот, бедные страны экспортируют свою бедность и от этого становятся еще беднее, в то время как в богатых странах происходит обратный процесс. По расчетам Самира Амина, если бы продукция, экспортированная слаборазвитыми странами в 1966 г., была произведена в развитых странах на основе той же самой технологии, но при их намного более высоком уровне оплаты, соответствующее изменение цен привело бы к тому, что слаборазвитые страны получили на 14 млрд. долл. больше [75].

Надо отметить, богатые страны использовали и используют таможенные барьеры, чтобы защитить свою высокую внутреннюю заработную плату по тем статьям, по которым они не могут конкурировать с бедными странами. Соединенные Штаты используют Валютный фонд, МБРР и тарифные соглашения ГАТТ, чтобы навязать Латинской Америке принципы свободной торговли и свободной конкуренции, принуждая ее в ущерб себе без конца менять курс валюты, режим квот и лицензии на импорт и экспорт, таможенные тарифы и пошлины, но не торопятся подать личный пример. В то время как они ограничивают деятельность правительств в других странах, само североамериканское государство защищает монополии посредством обширной системы субсидий и привилегированных цен, более того, Соединенные Штаты осуществляют агрессивный протекционизм в своей внешней торговле, применяя высокие пошлины и строгие ограничения. Таможенные пошлины сочетаются с другими налогами, взносами и запретами [76]. Что бы сталось с процветанием скотоводов Среднего Запада, если бы Соединенные Штаты открыли доступ на свой внутренний рынок, ликвидировав пошлины и надуманные санитарные запреты, мясу лучшего качества и по более низкой цене, которое производят Аргентина и Уругвай? Железо свободно поступает на

[75] Цит. по: A. Gunder Frank. Toward a Theory of Capitalist Underdevelopment. Введение в антологию "Underdevelopment", s. f.

[76] Л. Делуот (The Future of Latin American Exports to the United States: 1965 and 1970. New York, 1970) публикует очень красноречивый список действующих ограничений на импорт латиноамериканской продукции.

североамериканский рынок, но если поставлять его в виде проката, то придется заплатить уже по 16 центов за тонну, причем пошлина будет возрастать прямо пропорционально степени обработки; то же самое происходит с медью и с бесчисленным множеством продуктов: достаточно высушить бананы, измельчить табак, подсластить какао, распилить древесину или извлечь из фиников косточки, как на эту продукцию неизбежно набросятся таможенные тарифы[77]. В январе 1969 г. правительство Соединенных Штатов распорядилось временно отменить закупку помидоров в Мексике, обеспечивающих заработок 170 тыс. крестьян штата Синалоа, до тех пор пока североамериканские производители помидоров во Флориде не добились, чтобы мексиканцы повысили цены во избежание конкуренции.

Но самое вопиющее противоречие между теорией и реальностью в международной торговле обнаружилось, когда война по поводу растворимого кофе в 1967 г. приняла всемирный размах. Тогда стало очевидным, что *только богатые страны имеют право использовать себе во благо «преимущества сопоставимых природных богатств», которые в теории определяют международное разделение труда.* Мировой рынок растворимого кофе, на удивление обширный, находится в руках компаний «Нестле» и «Дженерал фудз»; полагают, что пройдет немного времени, и эти две огромные компании будут поставлять более половины кофе, потребляемого в мире. Соединенные Штаты и Европа покупают кофе в зернах в Бразилии и Африке, перерабатывают его на своих заводах и, превратив в растворимый, продают всему свету. При этом Бразилия, самый крупный мировой производитель кофе, не имеет права конкурировать с ними, экспортируя свой собственный растворимый кофе, что позволило бы ей воспользоваться более низкой себестоимостью и излишками производства, которые раньше уничтожались, а теперь хранятся на государственных складах. Бразилии дано право только поставлять сырье, чтобы обеспечивать заводы за рубежом. Когда бразильские фабрики — а их лишь 5, в то время как всего в мире насчитывается 110, — начали поставлять растворимый кофе на международный рынок, их обвинили в незаконной конкуренции. Богатые страны подняли крик, и Бразилии пришлось смириться с унизи-

[77] H. Magdoff. Op. cit.

тельным условием: она наложила на свой растворимый кофе такой высокий внутренний налог, который сразу же сделал его неконкурентоспособным на североамериканском рынке [78].

Европа не остается позади в применении таможенных, налоговых и санитарных барьеров против латиноамериканской продукции. Общий рынок вводит налоги на импорт, чтобы защитить высокие внутренние цены на свои сельскохозяйственные продукты, и одновременно субсидирует эти продукты, чтобы экспортировать их по конкурентоспособным ценам: *благодаря тому, что он получает за счет налогов, он финансирует субсидии. Так бедные страны платят своим богатым покупателям, чтобы те могли с ними успешно конкурировать.* Килограмм телячьей вырезки стоит в Буэнос-Айресе или Монтевидео в пять раз меньше, чем когда она висит на крючке в какой-нибудь мясной лавке Гамбурга или Мюнхена [79]. «Развитые страны разрешили бы нам продавать им реактивные самолеты и компьютеры, но ничего такого, что мы в состоянии произвести с выгодой для себя», — справедливо пожаловался представитель чилийского правительства на одной международной конференции [80].

Империалистические инвестиции в промышленность Латинской Америки абсолютно никак не изменили условия ее участия в международной торговле. *Регион продолжает задыхаться от обмена своих продуктов на продукты ведущих промышленных стран.* Экспансия сбыта товаров североамериканских компаний, обосновавшихся к югу от Рио-Гранде, осуществляется на местных, а не на внешних рынках. Напротив, доля экспорта в общем объеме торговли обнаруживает тенденцию к уменьшению: по данным ОАГ, в 1962 г. североамериканские филиалы экспортировали 10% всей реализованной продукции, а 3 года спустя — только 7,5% [81]. Торговля промышленными товарами,

[78] "Fator", Río de Janeiro, nov.—dez. 1968.

[79] C. Quijano. Las víctimas del sistema. — "Marcha", Montevideo, 23 oct. 1970.

[80] "New York Times", 3 apr. 1968.

[81] Secretaría General de la OEA. Op. cit. Широкий опрос североамериканских филиалов в Мексике, проведенный в 1969 г. по поручению Фонда торговой палаты США, выявил, что головные компании Соединенных Штатов запрещали продавать свою продукцию за рубежом половине предприятий из числа участвовавших в опросе: филиалы созданы вовсе не для этого (M. S. Wionczek. La inversión extranjera privada en México: problemas y perspectivas. —

произведенными в Латинской Америке, растет только *внутри* Латинской Америки: в 1955 г. промышленные изделия составляли одну десятую часть товарооборота между странами региона, а в 1966 г. уже 30% [82].

Руководитель одной североамериканской технической миссии в Бразилии Джон Эббинк пророчески предсказывал в 1950 г.: «Соединенные Штаты должны быть готовы «направлять» неизбежную индустриализацию слаборазвитых стран, если хотят избежать взрыва интенсивнейшего экономического развития не под американской эгидой... Индустриализация, если ее каким-то образом не контролировать, приведет к существенному сокращению экспортных рынков Соединенных Штатов» [83]. Спрашивается, разве индустриализация, даже управляемая извне, не заменяет национальной продукцией товары, которые раньше каждая страна должна была импортировать из-за рубежа? Сельсо Фуртадо отмечает, что по мере того, как Латинская Америка продвигается по пути замены импорта технически сложной продукции, «увеличивается ее зависимость от дорогостоящих изделий, производимых головными компаниями». Между 1957 и 1964 гг. сбыт североамериканских филиалов удвоился, в то время как их импорт, даже если не включать в него оборудование, увеличился более чем в три раза. «Эта тенденция, похоже, указывает на то, что процесс замены является убывающей функцией на графике промышленного развития, контролируемого иностранными компаниями» [84]. *Зависимость не исчезает, а меняет качество:* Соединенные Штаты продают теперь Латинской Америке бóльшую часть более трудоемкой продукции высокого технологического уровня. «В перспективе, как и сейчас, — считает Департамент торговли США, — вместе с ростом мексиканского промышленного производства возрастают возможности для дополняющего экспорта из Соединенных Штатов...» [85] Аргентина, Мексика и Бразилия — главные покупатели промыш-

"Comercio exterior", México, oct. 1970). В 1963 г. доля экспорта промышленных товаров относительно валового промышленного продукта в Аргентине, Бразилии, Перу, Колумбии и Эквадоре не превысила 2%; в Мексике она равнялась 3,7, а в Чили — 3,2% (А. Феррер в уже цитированном коллективном труде: INTAL—BID. Los empresarios y la integración de America Latina. Buenos Aires, 1967).

[82] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

[83] "Journal do Comercio", Río de Janeiro, 23 mar. 1950.

[84] C. Furtado. Um projeto para o Brasil. Río de Janeiro, 1968.

[85] "International Commerce", 24 apr. 1967.

ленного и электрооборудования, моторов, станков и запчастей североамериканского происхождения. Филиалы больших корпораций снабжаются в своих головных компаниях по сознательно завышаемым ценам. Касаясь стоимости оборудования для иностранных предприятий по производству автомобильных моторов в Аргентине, Виньяс и Гастиасоро отмечают: «При оплате этого импорта по очень высоким ценам фонды предприятий уходят за границу. Во многих случаях эти выплаты такие значительные, что предприятия не только терпели убытки (несмотря на цены, по которым продавали здесь автомобили), но и разорялись, так как стоимость акций, размещенных в стране, быстро падала... В результате из двадцати двух «обосновавшихся» здесь предприятий в настоящее время осталось только десять, часть которых тоже находится на краю банкротства...» [86]

Для вящей славы господствующих в мире корпораций их дочерние компании прибирают к рукам и то незначительное количество валюты, что остается латиноамериканским странам. Функционирование промышленности, контролируемой зарубежными корпорациями, не очень отличается от традиционной системы империалистической эксплуатации сырьевых придатков. Антонио Гарсиа утверждает, что «колумбийский» экспорт неочищенной нефти всегда был, строго говоря, просто перемещением этой нефти из мест добычи, принадлежащих североамериканцам, до промышленных центров ее очистки, сбыта и потребления в Соединенных Штатах, а «гондурасский» или «гватемальский» экспорт бананов — это транспортировка тех же тропических фруктов, которую осуществляли североамериканские компании с колониальных полей возделывания до североамериканских территорий сбыта и потребления [87]. Но «аргентинские», «бразильские» или «мексиканские» заводы, включая самые крупные, принадлежат экономическому пространству, которое не имеет ничего общего с их географическим положением. Наряду с другими отростками они образуют международную канву корпораций, головные организации которых перекачивают прибыли из одной страны в другую, сбывая продукцию по ценам, которые выше или ниже действительных

[86] I. Viñas, E. Gastiazoro. Op. cit.
[87] A. García. Las constelaciones del poder y el desarrollo latinoamericano. — "Comercio exterior", México, nov. 1969.

в зависимости от направления, в котором нужно направить прибыли[88]. Главные рычаги внешней торговли остаются, таким образом, в руках североамериканских или европейских компаний, которые направляют торговую политику стран согласно указаниям правительств и директоратов, которым чужды интересы Латинской Америки.

Координация операций в мировом масштабе, ничего общего не имеющая со «свободной игрой рынка», конечно, не приводит к тому, что национальные потребители в Латиноамериканском регионе покупают все по более низким ценам — это лишь округляет доходы иностранных акционеров. Показателен пример с автомобилями. В латиноамериканских странах автомобильные компании в изобилии располагают чрезвычайно дешевой рабочей силой и, кроме того, им благоприятствует официальная политика, во всех отношениях удобная для расширения инвестиций, включая бесплатное предоставление земельных участков, льготные тарифы на электричество, существенные скидки правительства для финансирования сбыта в рассрочку, очень выгодные кредиты. Мало того, в некоторых странах дело дошло до того, что компании освобождаются от уплаты аренды и от налога на реализацию продукции. С другой стороны, контроль над рынком заранее облегчен тем, что в глазах среднего класса марки и модели, предлагаемые всемирно известными гигантскими корпорациями, обладают магической притягательностью. Все эти факторы, однако, не мешают, а предопределяют то, что автомобили, производимые иностранными корпорациями в регионе, оказываются намного дороже, чем в странах, где расположены материнские компании. Емкость латиноамериканских рынков много меньше — это верно, *но верно также и то, что в этих краях жажда наживы возрастает у корпораций, как нигде. «Форд», изготовленный в Чили, стоит в три раза больше, чем в Соединенных Штатах*[89]*; «фиат», сделанный в Аргентине, продается*

[88] Разумеется, этот механизм не нов. Мясокомбинат «Англо», постоянно терпя убытки в Уругвае, получал субсидии от государства, а его 6 тыс. мясных лавок в Лондоне приносили миллионный доход, поскольку каждый килограмм уругвайского мяса продается там по цене, в четыре раза превышающей ту, которую Уругвай получает за экспорт (G. Bernhard. Los monopolios y la industria frigorífica. Montevideo, 1970).

[89] Заявление президента Сальвадора Альенде, сделанное агентству Франс Пресс 12 декабря 1970 г.

по цене, вдвое большей, чем в Соединенных Штатах или Италии[90]*; то же самое происходит с «фольксвагеном» в Бразилии по сравнению с ценами на него в Западной Германии*[91].

Богиня Технология не говорит по-испански

Известный американский конгрессмен Райт Патмен считает, что 5% акций большой корпорации во многих случаях может оказаться достаточно для полного контроля над ней, осуществляемого одним человеком, семьей или экономической группировкой[92]. Если 5% достаточно, чтобы осуществлять гегемонию в лоне всемогущих компаний в Соединенных Штатах, какой же процент требуется, чтобы господствовать в латиноамериканской компании? Оказывается, даже меньший: «смешанные» общества — этот один из немногих еще доступных латиноамериканской буржуазии предметов гордости — обычно служат просто прикрытием иностранного владычества; участие в них национальных капиталов, которых количественно может быть даже больше, никогда не лишит решающей роли могущественных зарубежных партнеров. Часто и само государство выступает в роли партнера-пайщика империалистической компании, которая таким образом получает, став якобы «национальным» предприятием, все желаемые гарантии и климат всемерного благоприятствования. Обычно «миноритарное» участие иностранных капиталов оправдывают тем, что необходимо привлекать технологию и патенты из-за рубежа. Латиноамериканская буржуазия — буржуазия торгашей, лишенных творческого начала, связанных пуповиной с земельной собственностью, — склоняется перед алтарем богини Технологии. *Если взять за показатели степени денационализации количество акций, принадлежащих иностранцам, даже если их немного, и еще уровень технологической зависимости, которая, как правило, достаточно велика, то сколько заводов можно будет действительно считать национальными в Латинской Америке?* В Мексике, например, очень часто иностранные владельцы технологии в обмен на контракты по передаче патентов или ноу-хау *требуют для себя*

[90] Данные, опубликованные газетой «Расон», Буэнос-Айрес, 2 марта 1970 г.

[91] «Итоги развития автомобильной промышленности» ("Conjuntura Econômica", febr. 1969).

[92] NACLA Newsletter. apr.—may 1969.

часть пакета акций предприятий, помимо решающего технического и административного контроля и обязательства продавать продукцию определенным, также иностранным, посредникам и импортировать оборудование и другое имущество от своих головных предприятий[93]. И не только в Мексике. Показательно, что страны так называемой Андской группы * (Боливия, Колумбия, Чили, Эквадор и Перу) разработали проект общих правил поведения в отношении иностранных капиталов, сделав упор на отказе от контрактов на передачу технологии, если они содержат подобные условия. Проект предлагает странам не соглашаться на то, чтобы иностранные компании, владеющие патентами, *устанавливали цены на товары, произведенные на основе их технологии, запрещали их экспорт в страны, которые компании указывают.*

Впервые система патентов для защиты собственности на изобретения была создана почти четыре века назад Фрэнсисом Бэконом. Бэкон любил говорить: «Знание — сила», и с той поры всем известно, что это так. Мировая наука при капиталистической системе вовсе не служит всему миру: объективно она не выходит за пределы развитых стран. Латинская Америка не обращает себе на благо результаты научных исследований *по той простой причине, что не занимается такими исследованиями, и, следовательно, обречена покупать технологию могущественных стран, которая способствует выкачиванию и вывозу природных сырьевых ресурсов. Латинская Америка была до сих пор неспособна создать собственную технологию, чтобы поддержать и защитить свое собственное развитие.* Простая пересадка технологии высокоразвитых стран не только приводит к культурной зависимости и в конечном счете также к зависимости экономической, но, кроме того, теперь, спустя четыре с половиной века, в течение которых множились оазисы импортируемой модернизации, насаждаемой посреди пустыни отсталости и невежества, можно с уверенностью утверждать, что это также не разрешает ни одной из проблем слаборазвитости[94]. Этот огромный регион неграмотных вкладывает в технологические исследования сумму в двести раз мень-

[93] M. S. Wionczek. La transmisión de la tecnología a los países en desarrollo: proyecto de un estudio sobre México. — "Comercio exterior", México, mayo 1968.

[94] V. L. Urquidi. —In: Obstacles to Change in Latin America. London, 1967.

шую, чем та, которую отводят на эти цели Соединенные Штаты. В 1970 г. в Латинской Америке было менее тысячи электронно-вычислительных машин, а в Соединенных Штатах — 50 тыс. Именно в США создаются новые компьютеры и программы для ЭВМ, импортируемые Латинской Америкой. Латиноамериканская слаборазвитость, даже «модернизированная», — это отнюдь не этап на пути к развитию, регион с трудом продвигается вперед, не освобождаясь от фундаментальных, структурных причин своей отсталости. Символы процветания стали символами зависимости. Наши страны перенимают современную технологию, как в прошлом веке они получали железные дороги, которые служили иностранным компаниям, которые формируют и реформируют колониальный статус этих государств. «С нами происходит то же, что с часами, которые отстают из-за неисправности, — говорит Садоски.— Хотя их стрелки продолжают двигаться вперед, разница между временем, которое они показывают, и временем подлинным будет возрастать все больше» [95].

Латиноамериканские университеты выпускают в небольшом количестве математиков, инженеров и программистов, которые так или иначе не находят себе работы, кроме как в эмиграции: мы позволяем себе роскошь поставлять Соединенным Штатам наших лучших инженеров и самых способных ученых, которые эмигрируют, соблазнившись высокими заработками и бóльшими возможностями. С другой стороны, всякий раз, когда какой-нибудь университет или другой культурный центр в Латинской Америке пытается содействовать развитию фундаментальных наук, чтобы создать базу для технологии, не копирующей иностранные образцы и не служащей интересам иностранных монополий, пришедшийся кстати государственный переворот уничтожает эту попытку под предлогом того, что она носит подрывной характер [96]. Так случилось, например, со столичным университетом в Бразилии, закрытым в 1964 г. Закованные в броню ангелы-хранители, стерегущие давно заведенный порядок, правы в одном: для проведения самостоятельной культурной политики настоятельно необходимы настоящие, глубокие изменения всех существующих структур.

[95] M. Sadosky. América Latina y la computación. — "Gaceta de la Universidad". Montevideo, mayo 1970.

[96] O. J. Maggiolo. — In: Hacia una política cultural autónoma para América Latina. Montevideo, 1969.

Альтернатива же состоит в том, чтобы при создании новой продукции или улучшении качества, снижении себестоимости существующей почивать на чужих лаврах, по-обезьяньи копируя достижения, которые пропагандируют крупные компании, в чьих руках сосредоточена монополия на самую современную технологию. Электронный разум применяет безошибочные методы подсчета, чтобы считать себестоимость и доходы; таким образом, Латинская Америка импортирует технологию производства, предназначенную для экономии рабочей силы, хотя она в регионе имеется в избытке, и безработные в некоторых странах уже скоро будут составлять подавляющее большинство населения; так и в этом отношении бессилие наших стран лишний раз приводит к тому, что прогресс региона зависит от воли иностранных инвесторов. Управляя технологическим развитием, крупные транснациональные корпорации держат в руках, по понятным соображениям, и другие ключевые рычаги механизма латиноамериканской экономики. Разумеется, головные компании никогда не предоставляют своим филиалам самые последние новшества и также не способствуют укреплению их независимости, которая была бы им невыгодна. Опрос, проведенный журналом «Бизнес интернэшнл» по поручению МБР, с очевидностью показал, что «филиалы международных корпораций, которые действуют в регионе, не прилагают существенных усилий в области исследований и разработок. В самом деле, большинство из них даже не имеет соответствующих подразделений, и только в считанных случаях они проводят работы по привязыванию технологии на местах, и лишь немногие предприятия, как правило расположенные в Аргентине, Бразилии и Мексике, осуществляют весьма скромные исследования»[97]. Рауль Пребиш отмечает, что «североамериканские компании в Европе оборудуют лаборатории и проводят исследования, которые способствуют укреплению научной и технической мощи этих стран, чего не происходит в Латинской Америке». Пребиш указывает на очень серьезный факт. «Национальный капитал, — говорит он, — из-за отсутствия специализированных знаний (ноу-хау) осуществляет получение технологии, большей частью в виде методов, *которые давно уже всем известны, хотя они и*

[97] G. Lagos y otros. Las inversiones multinacionales en el desarrollo y la integración de América Latina. Bogotá, 1968.

импортируются как лицензии на специализированные знания...» [98]

Цена технологической зависимости во многих отношениях очень высока, в том числе в звонкой монете, хотя подсчитать это довольно трудно из-за многочисленных махинаций, к которым прибегают компании, декларируя переводы финансов за границу. Официальные данные показывают, однако, что утечка долларов, уплаченных за техническую помощь Мексикой, в 1950—1964 гг. увеличилась в пятнадцать раз, а новые инвестиции в техническое развитие за тот же самый период даже не удвоились. Три четверти иностранного капитала в Мексике сегодня приходится на обрабатывающую промышленность; в 1950 г. этот показатель равнялся одной четвертой. Такая концентрация капиталовложений в промышленности означает лишь развитие на основе второсортной технологии, за которую страна платит как за первоклассную. Автомобилестроение выкачало из Мексики тем или иным способом миллиард долларов, но один служащий североамериканского профсоюза автомобилистов, осмотрев новый завод «Дженерал моторз» в Толуке, написал затем: «Он хуже, чем устаревший. Хуже, потому что он продуманно устаревший, с тщательно спланированной устарелостью... Мексиканские заводы сознательно оборудуются машинами с низкой производительностью» [99]. Как же должна быть признательна Латинская Америка компаниям «Кока-кола» или «Пепсико», которые сдирают со своих концессионеров огромные деньги по статье промышленных лицензий только за то, что снабжают их пастой, которую на месте растворяют в воде, смешивают с сахаром и газируют?

[98] R. Prebisch. La corporación international en el desarrollo latinoamericano. — "Desarrollo", Bogotá, en. 1970.

[99] Цит. по: A. Gunder Frank. Lumpenburguesía: lumpendesarrollo. Montevideo, 1970. Иностранные филиалы всегда намного более современные, чем национальные предприятия. В текстильной промышленности, например, одном из последних оплотов национального капитала, уровень автоматизации чрезвычайно низок. По данным ЭКЛА, в 1962 и 1963 гг. 4 страны Европы вложили в новое оборудование для своей текстильной промышленности сумму, в шесть раз превышающую ту, что вложила в ту же отрасль в 1964 г. вся Латинская Америка.

Экономическая поляризация людей и регионов

«Растите вместе с Бразилией!» Огромные рекламы в нью-йоркских газетах призывают американских дельцов участвовать в стремительном росте гиганта в тропиках. Сан-Паулу даже ночью едва смыкает веки; в ушах у него — оглушительный грохот стройки; фабрики и небоскребы, мосты и дороги возникают внезапно, словно дикие побеги пробиваются сквозь жар земли. Однако правильнее было бы перевести этот рекламный лозунг так: «Растите за счет Бразилии!» Развитие — это банкет для немногих, роскошный блеск его обманчив, а лучшие блюда пожирают иностранцы. В Бразилии насчитывается уже более 90 млн. жителей, до конца века ее население удвоится, а современные заводы сокращают рабочую силу; не затронутые реформами латифундии, захватив землю во внутренних районах, тоже не дают людям работы. Мальчик в лохмотьях блестящими глазами глядит на самый длинный в мире туннель, только что построенный в Рио-де-Жанейро. Мальчик-оборвыш справедливо гордится своей страной, но сам он неграмотен и ворует, чтобы прокормиться.

По всей Латинской Америке вторжение иностранного капитала в промышленность, встреченное в свое время с энтузиазмом, сделало еще очевиднее различия между «классическими моделями» индустриализации, какими они предстают через призму истории ныне развитых стран, и особой моделью развития в Латинской Америке. Система отчуждает людей, однако промышленность позволяет себе роскошь пренебрегать рабочей силой в большей степени, чем в Европе [100]. Не существует никакой разумной взаимосвязи между наличием рабочей силы и применяемой технологией, за исключением того, что использование самой дешевой в мире рабочей силы дает монополиям прибыль. В результате — богатые земли, богатейшие недра и нищие люди в этом царстве изобилия и неприкаянности; полное обнищание трудящихся, которых система выкидывает на обочину дороги, сводит на нет развитие внутреннего рынка и бьет по заработной плате.

[100] В европейской промышленности в 1957 г. — более свежих данных не существует — североамериканские филиалы обеспечивали большее количество рабочих мест на единицу вложенного капитала, чем в Латинской Америке (Secretaría General de la OEA. Ср. cit.).

Увековечение существующего режима землевладения не только обостряет хроническую проблему низкой производительности сельскохозяйственного труда из-за заброшенности земель и потерь капиталов в огромных непроизводительных поместьях, и из-за рассредоточенности рабочей силы по многочисленным минифундиям, но также ведет к мощному и всевозрастающему притоку безработных в города. Сельская безработица превращается в безработицу городскую. Растут бюрократия и нищие поселки, в которых, словно в отстойниках, находят жалкий приют люди, лишенные права на труд. Заводы не дают работы излишкам рабочей силы, но существование этой обширной резервной армии безработных, которой всегда можно располагать по своему усмотрению, позволяет платить зарплату в несколько раз ниже той, что получают североамериканские или западногерманские рабочие. Заработки могут оставаться низкими, даже если увеличивается производительность, а производительность увеличивается за счет интенсификации труда с одновременным высвобождением рабочей силы. Индустриализация «сателлитного» типа носит кризисный характер: *население растет с головокружительной быстротой в этом регионе, который имеет самый высокий показатель демографического прироста на планете, но развитие зависимого капитализма — такое путешествие, при котором больше мореплавателей терпит кораблекрушение, чем доплывает до цели;* оно выбрасывает на свалку больше людей, чем может включить в этот процесс. Доля трудящихся, занятых в обрабатывающей промышленности, относительно всего латиноамериканского активного населения уменьшается, вместо того чтобы увеличиваться: в пятидесятые годы она насчитывала 14,5%, сегодня — только 11,5% [101]. В Бразилии, согласно недавно проведенному обследованию, «потребность в новых рабочих местах, которые должны быть созданы, составит в ближайшем десятилетии в среднем полторы тысячи ежегодно» [102]. Но общее число трудящихся, занятых на заводах Бразилии, самой индустриальной страны Латинской Америки, составляет всего 2,5 млн.

Наплыв рабочих рук из беднейших районов во всех странах огромен, города пробуждают и обманывают на-

[101] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

[102] F. S. O'Brien. The Brazilian Population and Labor Force in 1968. Документ для служебного пользования министерства планирования и всеобщей координации. Рио-де-Жанейро, 1969.

дежды на работу у целых семей, привлеченных стремлением поднять свой жизненный уровень и найти себе место в большом волшебном театре городской цивилизации. Эскалатор в метро представляется воплощением рая на земле, но ведь оттого, что ты поглядишь на это чудо, сыт не будешь. Город делает бедных еще беднее, потому что со всей жестокостью демонстрирует им богатства, которых никогда у них не будет: автомобили, квартиры, машины, всемогущие, как бог и дьявол, и, напротив, отказывает им в надежной работе, в достойном жилище, в полных тарелках на обеденном столе. В одной из служб ООН подсчитали, что по меньшей мере четвертая часть населения латиноамериканских городов обитает «в жилищах, которые не соответствуют современным нормам городского строительства» [103], — пространный эвфемизм, придуманный специалистами для обозначения трущоб, известных как «фавелы» в Рио-де-Жанейро, «кальямпас» — в Сантьяго-де-Чили, «хакалес» — в Мехико, «барриос» — в Каракасе, «барриадас» — в Лиме, «вильяс-мисериас» — в Буэнос-Айресе и «кантегрилес» — в Монтевидео. В лачугах из жести, глины и досок, которые вырастают каждую ночь вокруг городов, собираются «лишние» люди, гонимые в города нищетой и надеждой. «Чайко» на языке кечуа означает «оползень» — именно этим словом перуанцы называют людскую лавину, которая обрушивается с гор на столицу, расположенную на побережье: почти 70% жителей Лимы родом из провинций. В Каракасе их называют «тодерос» («готовые на все»): эти «лишние» люди живут на случайный заработок, добывая работу от случая к случаю или выполняя грязные, а то и преступные поручения, они идут в прислуги, на временную работу — в каменотесы или каменщики, в продавцы лимонада или электрики, в санитары или маляры, в нищие или воры — они на все согласны. Так как число «лишних» людей растет быстрее, чем число «интегрированных», ООН в уже упомянутом исследовании предсказывает, что через несколько лет «в самовольно созданных поселках будет проживать большинство городского населения», *большинство потерпевших крушение.* А тем временем система предпочитает «заметать мусор под ковер». Она под угрозой пулеметов сметает «фавелы» с холмов бухты Рио и «вильяс-

[103] Naciones Unidas, CEPAL. Estudio económico de América Latina, 1967. Nueva York—Santiago de Chile, 1968.

мисериас» — из федеральной столицы, убирает тысячи и тысячи «лишних» людей с глаз долой. Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес ловко маскируют нищету, порожденную системой; скоро в этих городах, где проматывается богатство, создаваемое целой Аргентиной и целой Бразилией, на виду останется только витрина процветания, а не его издержки.

Международная система эксплуатации, от которой давно страдают страны Латинской Америки, воспроизводится и внутри их национальных хозяйств. Современная промышленность концентрируется в портах и районах-экспортерах, то есть в пределах зон, в которых предыдущая деловая активность уже обеспечила наличие платежеспособного спроса. 80% бразильской промышленности расположено в юго-восточном треугольнике — Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Белу-Оризонти, — в то время как голодный Северо-Восток принимает все меньшее участие в производстве национального промышленного продукта; две трети аргентинской промышленности находится в Буйнос-Айресе и Росарио; в Монтевидео сосредоточено три четверти уругвайской промышленности; то же самое происходит в Чили в городах Сантьяго и Вальпараисо; в Лиме и ее порту сконцентрировано 70% перуанской промышленности[104]. Растущее относительное отставание больших внутренних территорий, погрязших в трясине бедности, вызвано не их удаленностью от центра, как утверждают некоторые, а является результатом прямой или непрямой их эксплуатации со стороны старых колониальных центров, превращенных ныне в центры промышленные. «На протяжении полутора веков нашей истории, — заявляет один аргентинский профсоюзный лидер, — нарушаются все принципы человеческой солидарности, происходит крах веры в идеалы, воспеваемые в гимнах и конституциях, усиливается господство Буэнос-Айреса над провинциями. Армии и таможни, законы, составленные немногими, но от которых страдают многие, правительства, которые, за редким исключением, были агентами иностранного господства, — все было пущено в ход, чтобы построить эту надменную метрополию, концентрирующую власть и богатство. Объяснение этому богатству, которое одновременно является и клеймом на его гордыне, можно найти, только увидев поросшую диким кустарником про-

[104] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

винцию Мисионес, заброшенные поселки Ла-Форесталя, отчаяние обитателей сахарных заводов Тукумана и шахт «Тукуя», покинутые порты на реке Парана, бегство людей из Бериссо; центр изобилия, поддерживаемый институтами власти внутри страны, окружает нищета, и это уже нельзя скрыть, с этим нельзя смириться» [105]. В своем исследовании причин отсталости Бразилии А. Гундер Франк заметил, что если Бразилия — это сателлит Соединенных Штатов, то внутри Бразилии Северо-Восток в свою очередь выполняет функцию сателлита «внутренней метрополии», которая расположена на юго-востоке. Поляризация обнаруживается во многом: не только в том, что огромное большинство частных и общественных инвестиций сконцентрировано в Сан-Паулу, но и в том, что этот город-гигант также присваивает себе незаконным путем капиталы, произведенные всей страной, благодаря убыточному торговому обмену, произвольной политике цен, привилегированной шкале внутренних налогов и массовой утечке мозгов и квалифицированных рабочих рук из отсталых районов [106].

Зависимая индустриализация усиливает концентрацию доходов в региональном и в социальном аспектах. *Создаваемое богатство не распространяется на всю страну и на все общество, а только укрепляет существующее неравенство и даже его усиливает.* Даже «интегрированные» рабочие, которых становится все меньше, не получают ощутимой выгоды от промышленного роста, только на самых высоких уровнях социальной пирамиды пожинают плоды, для остальных горькие, от увеличения эффективности производства. В Бразилии в 1955—1966 гг. в машиностроительной и электротехнической промышленности, в производстве средств связи и автомобилестроении производительность труда выросла примерно на 130%, но в тот же самый период заработная плата рабочих, занятых в этих отраслях, увеличилась в реальном исчислении лишь на 6% [107]. Латинская Америка предлагает дешевую рабочую силу: в 1961 г. средняя почасовая оплата в Соединенных Штатах повысилась до 2 долл., в Аргентине она со-

[105] Письмо Р. Онгаро из тюрьмы ("De Frente". Buenos Aires, 25 sept. 1969).

[106] A. Gunder Frank. Capitalism and Underdevelopment in Latin América. New York, 1967.

[107] Министерство планирования и всеобщей координации. Op. cit.

ставляла 32 цента, в Бразилии — 28, в Колумбии — 17, в Мексике — 16, а в Гватемале едва достигала 10 центов [108]. С тех пор разрыв увеличился. *Чтобы заработать то, что французский рабочий получает в час, бразилец должен проработать в настоящее время два с половиной дня. За десять с небольшим часов работы североамериканский рабочий получает столько, сколько житель Рио-де-Жанейро за месяц. И чтобы получить зарплату выше той, которую получает за восьмичасовой рабочий день рабочий из Рио-де-Жанейро, англичанину и немцу достаточно проработать меньше 30 минут* [109]. Низкий уровень заработной платы в Латинской Америке переводится на язык низких цен на международных рынках, где регион предлагает свое сырье, чтобы обогащать потребителей из богатых стран. Напротив, на внутренних рынках, где денационализированная промышленность продает свои товары, цены устанавливаются высокие, чтобы империалистические корпорации получали свои сверхприбыли.

Все экономисты сходятся в признании важности роста спроса как стартовой площадки для промышленного развития. В Латинской Америке «очужестраненная» промышленность не проявляет ни малейшего интереса к увеличению рынка массового спроса, который мог бы расти и горизонтально, и вертикально, если бы осуществлялись глубокие преобразования всей социально-экономической структуры, но это означало бы взрыв нежелательной политической активности. Поскольку профсоюзы в самых больших промышленных городах уничтожены или жестко контролируются, покупательная способность наемного трудящегося населения не растет в достаточной мере, а цены на промышленные товары также не снижаются. Перед нами гигантский регион с рынком, потенциально огромным, но реально суженным из-за нищеты большинства населения. *Продукция огромных заводов по производству автомобилей или холодильников предназначена лишь для 5% латиноамериканского населения* [110]. Только 1 из 4 бразильцев может считаться реальным потребите-

[108] З. И. Романова. Экономическая экспансия США в Латинской Америке. М., 1963.

[109] Данные С. Бёна, американского специалиста в области организации труда ("Journal do Brasil", Rio de Janeiro, 5 jan. 1969).

[110] A. Gunder Frank. Op. cit.

лем, а 45 млн. бразильцев, вместе взятые, имеют такой же доход, что и 900 тыс. избранных, находящихся на верху социальной лестницы [111].

Экономическая интеграция Латинской Америки под звездно-полосатым флагом

Некоторые наивные люди полагают до сих пор, что страны не выходят за пределы своих границ. Они считают, что Соединенные Штаты почти или совершенно не имеют отношения к латиноамериканской экономической интеграции по той простой причине, что они не входят ни в Латиноамериканскую ассоциацию свободной торговли (ЛАСТ)*, ни в Центральноамериканский общий рынок**. Как того желал Симон Боливар, говорят они, эта интеграция не выходит за пределы, отделяющие Мексику от ее могущественного северного соседа. Те, кто придерживается этого наивного мнения, забывают, странная забывчивость, — что целый легион пиратов, торгашей, банкиров, морских пехотинцев, технократов, «зеленых беретов», послов и заправил североамериканских компаний завладевали на протяжении всей трагической истории Латинской Америки жизнью и судьбой большинства народов южной части Западного полушария, что и в настоящее время империя выжимает все соки из промышленности региона. Сила нашего союза — это «сила» отсталых и зависимых стран, *соединивших вместе свои рабские цепи.*

В официальных документах ЛАСТ обычно превозносится роль частного капитала в развитии процесса интеграции. Но мы уже видели в предыдущих главах, в чьих руках находится этот частный капитал. Например, в середине апреля 1969 г. в Асунсьоне собралась Консультативная комиссия по делам предпринимательства. Она, помимо прочего, вновь подтвердила «ориентацию латиноамериканской экономики в том смысле, что экономиче-

[111] Naciones Unidas, CEPAL. Estudio sobre la distribución del ingreso en América Latina. Nueva York—Santiago de Chile, 1967. «В Аргентине во времена, предшествующие 1953 г., имел место серьезный процесс прогрессивного перераспределения дохода. Судя по данным за 3 года, на которые имеется детальная информация такого рода, именно в 1953 г. неравенство было наименьшим, в то время как в 1959 г. оно стало намного больше... В Мексике в наиболее напряженный период между 1940 и 1964 гг. имелись признаки, позволяющие предположить, что потери в доходах были не только относительными, но и абсолютными для 20% семей с самым низким жизненным уровнем».

ская интеграция региона должна достигаться главным образом на основе развития частного предпринимательства». Комиссия рекомендовала правительствам ввести общее законодательство для создания «многонациональных предприятий, в которых преобладали бы капиталы и предприниматели стран — членов ЛАСТ». Сохранность замков, таким образом, поручили вору. На конференции глав американских государств в Пунта-дель-Эсте в апреле 1967 г. было решено и занесено в заключительную декларацию, которую сам Линдон Джонсон скрепил золотой печатью, отстаивать создание Общего рынка акций, своего рода биржевой интеграции, которая давала бы возможность в любом месте Латинской Америки купить предприятия, расположенные в любой точке. В других официальных документах дело заходит еще дальше: в них прямо и недвусмысленно рекомендуется денационализировать государственные предприятия. В апреле 1969 г. в Монтевидео было проведено первое отраслевое совещание руководителей мясной промышленности членов ЛАСТ; там было решено «ходатайствовать перед правительствами... о разработке соответствующих мер для передачи в будущем государственных мясокомбинатов частному сектору». Одновременно правительство Уругвая, один из членов которого председательствовал на совещании, выжимало до упора акселератор, проводя политику саботажа против национальных мясокомбинатов — собственности государства в интересах частных иностранных мясохладобоен.

Снижение пошлин, которое *постепенно либерализирует торговлю внутри стран — членов ЛАСТ, имеет своей целью реорганизовать в пользу крупных многонациональных корпораций распределение центров производства и рынков Латинской Америки.* Верх берет «поэтапная экономика», при которой сначала, что успешно осуществлялось в последние годы, проводится очужестранивание стартовых площадок — индустриальных городов, из которых затем должен будет вестись обстрел регионального рынка в целом. Предприятия Бразилии, наиболее заинтересованные в латиноамериканской интеграции, — это как раз иностранные предприятия [112], особенно самые мощные. Больше половины транснациональных корпораций, в большинстве своем североамериканских, ответивших на анкету Межамериканского банка развития, во второй по-

[112] M. Vinhas de Queiroz. Op. cit.

ловине 60-х гг. планируют или собираются планировать свою деятельность с учетом расширенного рынка ЛАСТ, создавая или укрепляя с этой целью свои региональные отделения [113]. В сентябре 1969 г. Генри Форд II объявил в Рио-де-Жанейро, что хочет включиться в процесс экономического развития Бразилии, «потому что ситуация очень благоприятная. Первоначально наше участие свелось к покупке компании «Виллис оверлэнд ду Бразил»,— заявил он на пресс-конференции и подтвердил, что будет экспортировать бразильские машины в различные страны Латинской Америки. «Кейтепиллер трактор», «фирма, которая всегда считала мир единым рынком», — пишет «Бизнес интернэшнл», не замедлила воспользоваться снижением тарифов, как только об этом была достигнута договоренность, и в 1965 г. уже поставляла бульдозеры и запчасти для тракторов со своего завода в Сан-Паулу в разные страны Южной Америки. С тем же проворством «Юнион карбайд» распространяла со своего завода в Мексике электротехнику в различных латиноамериканских странах, воспользовавшись освобождением от таможенных пошлин, налогов и необходимости предварительных вкладов в торговлю на территории ЛАСТ [114].

Обнищавшие, разобщенные, лишенные капитала, с тяжелейшими внутренними структурными проблемами, латиноамериканские страны все больше снижают свои экономические, финансовые и налоговые барьеры, *чтобы монополии, которые раньше душили каждую страну в отдельности, могли бы расширить свою деятельность и закрепить новое разделение труда в масштабе региона посредством специализации своей деятельности по странам и отраслям,* определения оптимальных размеров для своих предприятий-филиалов, сокращения себестоимости, вытеснения с территории других конкурентов и стабилизации рынков. Филиалы транснациональных корпораций могут планировать завоевание латиноамериканского рынка толь-

[113] Г. Лагос (Las inversiones multinacionales en el desarrollo y la integración de América Latina. Bogotá, 1968) указывал, что экспорт 74% предприятий, выпускающих химические и нефтехимические продукты, искусственное волокно, электронные приборы, промышленное и сельскохозяйственное оборудование, оргтехнику, моторы, медицинские инструменты, стальные трубы и другую продукцию, не выходил за рамки региона, при этом широко использовались льготы, предоставляемые ЛАСТ.

[114] "Business International", LAFTA, Key America's 200 million Consumers. Отчет о проведенном исследовании, июнь 1966 г.

ко в той мере, в которой оно не затрагивает международной политики, проводимой их головными компаниями. Как мы уже видели в другой главе, нынешнее *международное* разделение труда определяет для Латинской Америки то же место, что ей отводилось и в прошлом. Новшества могут распространяться только внутри региона. На конференции в Пунта-дель-Эсте главы государств заявили, что «частная иностранная инициатива сможет играть важную роль в обеспечении достижения целей интеграции», и договорились, что Межамериканский банк развития увеличит «суммы, направляемые на кредитование экспорта в *межлатиноамериканской торговле*».

Журнал «Форчун» называл в 1967 г. «очень соблазнительными» новые возможности, которые латиноамериканский общий рынок открывает перед бизнесменами США: «Латиноамериканский общий рынок превращается в серьезный элемент для разработки планов на будущее. «Форд мотор ду Бразил» намерена четко скоординировать свои действия с «Форд де Архентина», чтобы добиться значительной экономии, производя обе местные модели автомобиля для бóльших рынков. «Кодак», которая сейчас выпускает фотобумагу в Бразилии, хотела бы производить пленку на экспорт в Мексике и фотоаппараты и проекторы в Аргентине» [115]. Журнал приводит и другие примеры «рационализации производства» и увеличения зоны действия других корпораций, таких, как ИТТ, «Дженерал электрик», «Ремингтон», «Отис элевейтор», «Вашингтон файрстоун», «Вестингауз электрик» и «Америкэн машин энд фаундри». Девять лет тому назад Рауль Пребиш, горячо защищая ЛАСТ, писал: «Другой аргумент, который я часто слышу повсеместно от Мехико до Буэнос-Айреса, проезжая через Сан-Паулу и Сантьяго, сводится к тому, что Латиноамериканский общий рынок предоставит иностранной промышленности возможности для экспансии, которых сегодня она не имеет на наших рынках... Существует опасение, что преимущества общего рынка будут использоваться в основном иностранной промышленностью, а не национальной... Я разделял это опасение и продолжаю разделять его не только из-за развитого воображения, но и потому, что убедился в реальности этой угрозы на практике...» [116]

[115] "Fortune", jun. 1967.

[116] R. Prebisch. Problemas de la integración económica. — "Actualidades económicas financieras". Montevideo, en. 1962.

Это признание не помешало ему подписать некоторое время спустя документ, в котором подтверждается, что «иностранному капиталу, без сомнения, принадлежит важная роль в развитии наших экономик» в связи с развитием процесса интеграции [117], и предлагается учредить смешанные общества, в которых «латиноамериканский предприниматель будет участвовать действенно и равноправно». Равноправно? Конечно, равноправие дело хорошее. Анатоль Франс замечательно сказал, что закон в его величественном равноправии запрещает как богатому, так и бедному спать под мостом, просить милостыню на улицах и красть хлеб. *Но все дело в том, что на нашей планете в наше время на одну-единственную компанию — «Дженерал Моторз» — работает столько человек, сколько составляет все активное население Уругвая, и получает она за один только год доход в четыре раза больше, чем весь национальный валовой продукт Боливии.*

Корпорации знают по опыту предыдущих интеграционных процессов все выгоды положения нечужеродного участника капиталистического развития в других регионах. Не напрасно общий товарооборот североамериканских филиалов, разбросанных по всему свету, в шесть раз превышает стоимость экспорта Соединенных Штатов [118]. В Латинской Америке, как и в других регионах, не действуют жесткие антитрестовские законы Соединенных Штатов. Здесь иностранные компании беззастенчиво превращают названия стран, в которых они действуют, в собственные псевдонимы. *Первый договор в рамках ЛАСТ был подписан в августе 1962 г. между Аргентиной, Бразилией, Чили и Уругваем, но в действительности его подписали ИБМ, ИБМ, ИБМ и еще раз ИБМ.* Договор уничтожал ограничения и таможенные барьеры в торговле стационарными установками и их компонентами между четырьмя странами и в то же время повышал налоги на импорт этого оборудования в регионе. ИБМ «внушила правитель-

[117] Prebisch, Sanz de Santamaría, Mayobre y Herrera. Proposiciones para la creación del Mercado Común Latinoamericano. Документ, представленный президенту Фрею в 1966 г.

[118] Дж. Полк (U. S. Council of the International Chamber of Commerce) и С. П. Кайндлебедже (Massachusetts Institute of Technology) в издании госдепартамента (The Multinational Corporation, Office of External Research. Washington, 1969) приводят весьма красноречивые данные и мнения относительно «североамериканизации» мировой капиталистической экономии.

ствам, что, если они снимут препятствия в торговле между собою, она построит заводы в Бразилии и Аргентине...» [119]. Ко второму соглашению, подписанному теми же странами, присоединилась Мексика: тогда РКА и «Филлипс оф Эйндхоувен» предложили ввести льготы в обмене оборудованием для радио и телевидения. И так далее... Весной 1969 г. девятое соглашение было посвящено разделу латиноамериканского рынка оборудования для выработки, передачи и распределения электроэнергии между «Юнион карбайд», «Дженерал электрик» и «Сименс».

В свою очередь Центральноамериканский общий рынок, рожденный стремлением к объединению деформированных и рахитичных экономик пяти стран, послужил лишь тому, что слабые национальные производители тканей, красок, медикаментов, косметики и галет были мгновенно сметены, а доходы компаний «Дженерал тайр энд раббер компани», «Проктер энд Гэмбл», «У. Р. Грейс», «Колгейт-пальмолив», «Стерлинг продактс» или «Нэшнл бискуитс» увеличились, и сфера их деятельности расширилась [120]. Отмена таможенных пошлин сопровождалась в Центральной Америке усилением барьеров против *внешней иностранной конкуренции* (чтобы хоть как-то это назвать), с тем чтобы *разместившиеся в регионе иностранные компании* могли продавать дороже и с большей выгодой. «Субсидии, полученные при помощи протекционистских тарифов, превышают общую стоимость продукции, созданной отечественным производством», — заключает Роджер Хансен [121].

Иностранные компании, как никто другой, умеют считать свое и чужое. Какой смысл, например, строить им в Уругвае или, скажем, в Боливии, Парагвае или Эквадоре, при их крошечных рынках, огромный автомобильный завод, мощные металлургические печи или крупный завод химических продуктов? И вот выбраны иные трамплины в соответствии с размерами внутренних рынков и возможностями их роста. Тормозится рост уругвайского завода пневматических шин, в большой степени зависящего от «Файрстоун», хотя филиалы той же «Файрстоун» в Бразилии и Аргентине расширяются с видами на интеграцию.

[119] "Business International". Op. cit.

[120] E. Lízano. El problema de las inversiones extranjeras en Centroamérica. — "Revista del Banco Central de Costa Rica", sept. 1966.

[121] Цит. по: NACLA Newsletter, jan. 1970.

По тем же самым причинам «Оливетти», итальянское предприятие, захваченное «Дженерал электрик», должно производить свои пишущие машинки в Бразилии, а счетно-вычислительные — в Аргентине. «Эффективное размещение ресурсов требует неравномерного развития различных зон страны или региона», — утверждает Роузенстейн-Роуден [122], и *латиноамериканская интеграция также должна иметь свои северо-востоки и свои «полюса развития».* В отчете о восьми годах деятельности «Договора Монтевидео», провозгласившего создание ЛАСТ, уругвайский делегат заявил, что «различия в уровнях экономического развития (между разными странами) все больше обостряются», потому что простой рост торговли при обмене взаимными уступками может только увеличить ранее сложившееся неравенство между привилегированными центрами развития и обреченными на застой районами. Представитель Парагвая со своей стороны жаловался в том же духе: он утверждал, что слаборазвитые страны, как это ни абсурдно, субсидируют индустриальное развитие наиболее передовых стран зоны свободной торговли, поглощая их продукцию по высоким внутренним ценам при одновременных таможенных послаблениях; он также сказал, что ухудшение условий торговли внутри ЛАСТ одинаково пагубно влияет на его страну, как и на страны за пределами этой зоны: «За каждую тонну импортируемых из зоны товаров Парагвай вынужден поставлять две». Существуют, заявил представитель Эквадора, «одиннадцать стран с разным уровнем развития, соответственно имеющие больше или меньше возможностей в использовании ими преимуществ зоны свободной торговли, что ведет к поляризации выгод и потерь...». Колумбийский представитель пришел к «единственному заключению: программа либерализации торговли благоприятствует в возрастающей прогрессии трем самым большим странам» [123]. *По мере*

[122] P. N. Rosenstein-Rodan. Reflections of regional development.— In: INTAL—BID. Op. cit.

[123] Sesiones extraordinarias del Comité Ejecutivo Permanente de la ALALC, jul.—sept. 1969. Apreciaciones sobre el proceso de integración de la ALALC. Montevideo, 1969. Интеграция как простой процесс снижения торговых барьеров, считает директор ЮНКТАД в Нью-Йорке, будет поддерживать «высокоразвитые анклавы посреди континента, переживающего общий застой» (Сидней Делл в коллективном труде: The Movement Foward Latin American Unity. New York—Washington—London, 1969).

того как интеграция будет идти вперед, малые страны будут лишаться своих таможенных доходов, которые в Парагвае составляют почти половину национального бюджета, в обмен на сомнительную выгоду получать, например, из Сан-Паулу, Буэнос-Айреса или Мехико автомобили, сделанные теми же самыми компаниями, которые уже их продают из Детройта, Волфсбурга или Милана[124]. Такова правда, которая пробивается сквозь все приукрашивания. Успешное образование Андского пакта, объединяющего тихоокеанские страны, — реакция на очевидную гегемонию трех самых больших стран ЛАСТ: малые страны пытаются создать свой союз.

Несмотря на все трудности, какими бы непреодолимыми они ни казались, рынки расширяются по мере того, как сателлиты втягивают новых сателлитов в орбиту своей зависимости. Во времена диктатуры Кастело Бранко Бразилия подписала договор о гарантиях для иностранных инвестиций, по которому правительство брало на себя ответственность за риск и убытки по любой сделке. Характерно, что чиновник, заключавший этот договор, защищал его унизительные условия перед конгрессом, напирая на то, что «в ближайшем будущем Бразилия станет вкладывать капиталы в Боливии, Парагвае или Чили и тогда ей понадобятся договоры такого же типа»[125]. Действительно, все правительства, которые создавались в Бразилии после государственного переворота 1964 г., следовали тенденции, согласно которой их страна выступает по отношению к соседям как «субимпериалистическая» держава. Весьма влиятельная армейская группа правит своей страною как ярый представитель североамериканских интересов в регионе, призывая Бразилию осуществлять на юге полушария гегемонию наподобие той, от которой страдает по вине Соединенных Штатов и сама Бразилия. Генерал Голбери Коуту-э-Силва проповедует новую доктри-

[124] Автомобилестроительная промышленность на 100% является иностранной в Бразилии и Аргентине и в большей части — в Мексике (ALALC. La industria automotriz en la ALALC. Montevideo, 1969).

[125] V. Trías. Imperialismo y geopolítica en América Latina. Montevideo, 1967. Уругвай принял, например, обязательство увеличить свой импорт оборудования из Бразилии в обмен на такие услуги, как поставка бразильской электроэнергии в северную зону страны. В настоящее время уругвайские департаменты Артигас и Ривера не могут увеличить потребление электроэнергии без разрешения Бразилии.

ну «предначертания судьбы». Этот идеолог «субимпериализма» писал в 1952 г., что подобное «предначертание судьбы» для Бразилии тем более оправданно, что до района Карибского бассейна наши интересы не пересекаются с интересами наших старших братьев с севера...» [126]. Генерал Коуту-э-Силва — нынешний президент отделения «Доу кемикл корпорейшн» в Бразилии. Такое стремление осуществлять своего рода субгосподство имеет, несомненно, многочисленные прецеденты в истории — от разрушения Парагвая ради интересов британского банка в войне 1865 г. до отправки бразильских войск для поддержки высадки морских пехотинцев США в Санто-Доминго ровно век спустя.

В последние годы явно ожесточилась борьба между засевшими в правительствах Бразилии и Аргентины представителями интересов империализма по поводу жгучей проблемы лидерства на континенте. Все указывает на то, что Аргентина не в состоянии принять мощный вызов Бразилии — Бразилия имеет вдвое бóльшую территорию и население, в четыре раза превышающее население Аргентины, она производит в три раза больше стали, в два раза больше цемента и вырабатывает вдвое больше электроэнергии, коэффициент обновления ее торгового флота в пятнадцать раз выше. Кроме того, в последние два десятилетия она имела более высокие темпы экономического развития. До недавнего времени Аргентина производила больше легковых автомобилей и грузовиков, чем Бразилия. Но если сохранятся нынешние темпы развития, бразильская автомобильная индустрия окажется в 1975 г. в три раза мощнее аргентинской. Морской флот, который в 1966 г. был равен аргентинскому, в 1975 г. будет равняться флоту всей Латинской Америки, вместе взятой. Бразилия открывает перед иностранными инвестициями свой огромный потенциальный рынок, свои баснословные природные богатства, свою территорию, которая имеет большое стратегическое значение в качестве плацдарма, так как граничит со всеми южноамериканскими странами, кроме Эквадора и Чили. В этой стране созданы все условия для того, чтобы североамериканские компании, обосновавшиеся в ней, двигались вперед семимильными шагами, поскольку Бразилия имеет более де-

[126] G. do Couto e Silva. Os aspectos geopolíticos do Brasil. Río de Janeiro, 1952.

шевую и более обильную рабочую силу, чем ее главная соперница. Не случайно третья часть готовой продукции и полуфабрикатов, которые продаются внутри ЛАСТ, производится в Бразилии. В этой стране во многом будет решаться вопрос, быть ли Латинской Америке свободной или зависимой. Возможно, американский сенатор Фулбрайт не вполне отдавал отчет в том, насколько пророческими являются его слова, когда в 1965 г. он во всеуслышание заявил, что Бразилии предназначено быть руководительницей Латиноамериканского общего рынка.

«Никогда мы не будем счастливы, никогда!» — предсказывал Симон Боливар

Для того чтобы сегодня североамериканский империализм мог *использовать интеграцию, с тем чтобы укрепить свое господство* в Латинской Америке, в прошлом было необходимо, чтобы вчера Британская империя с той же целью разобщала наши страны. Наш архипелаг наций, не связанных между собой, появился как следствие раскола нашего национального единства. Когда народы с оружием в руках завоевали независимость, Латинская Америка возникла на арене истории, объединенная общими традициями, она была территориально едина и говорила в основном на двух языках общего происхождения — испанском и португальском. Но нам не хватало, как указывает Триас, одного из важнейших условий для того, чтобы создать единую великую нацию: нам не хватало экономической общности.

«Полюса» процветания той эпохи, которые развивались, дабы удовлетворить европейские нужды в ценных металлах и сельскохозяйственных продуктах, не были связаны между собой: ось веера находилась по другую сторону океана. Люди и капиталы по воле судеб занимались то добычей золота, то сахара, то серебра или индиго, и только крупные порты и столицы, эти пиявки, присосавшиеся к производящим регионам, существовали постоянно. *Латинская Америка рождалась как единое целое в воображении и надеждах Симона Боливара, Хосе Артигаса и Хосе де Сан-Мартина,* но заранее была обречена на раздробление самой уродливостью колониальной системы. Портовые олигархии укреплялись благодаря свободной торговле, структурно эклектичной, которая была источником их доходов. Эти просвещенные торгаши не могли служить идеалам национального единства, которое в Европе

и Соединенных Штатах воплощала именно буржуазия. Англичане, ставшие наследниками Испании и Португалии, со времен, предшествовавших независимости, усиливали разъединение на протяжении всего прошлого века с помощью интриг дипломатов в белых перчатках, вымогательства банкиров и умения торговцев обольщать. «Родина для нас — это Америка», — провозгласил Боливар, но Великая Колумбия распалась на 5 стран, а освободитель умер, потерпев поражение. «Никогда мы не будем счастливы, никогда!» — сказал он генералу Урданете. Преданный Буэнос-Айресом, Сан-Мартин снял с себя знаки отличия командующего, а Артигас, который называл своих солдат американцами, отправился в Парагвай умирать в изгнании, вице-королевство Ла-Платы распалось на четыре части. Франсиско де Морасан, основатель Федеративной республики Центральной Америки, был расстрелян [127], и эта часть Америки разбилась на 5 частей, к которым затем прибавилась Панама, отторгнутая от Колумбии Теодором Рузвельтом.

Результат налицо: в настоящее время *транснациональная корпорация действует более последовательно и с большим чувством локтя, чем группа островов, которая называется Латинской Америкой,* разделяемая множеством границ и взаимным непониманием. Какую интеграцию могут осуществить между собой страны, которые неспаяны внутренне? Каждая страна страдает от глубоких шрамов на теле, от острых социальных конфликтов и неразрешенных противоречий между огромными пустынями на периферии и городскими оазисами. Эта драма воспроизводится в масштабах всего континента. Железные и шоссейные дороги, построенные для вывоза продукции за границу по самому кратчайшему пути, — яркое свидетель-

[127] «Он приказал приготовить оружие, обнажил голову, приказал прицелиться, поправил наводку, приказал открыть огонь и упал; потом поднял окровавленную голову и сказал: «Я жив». Новый залп добил его» (G. Bustamante Maceo. Historia militar de El Salvador. San Salvador, 1951). На площади Тегусигальпа каждое воскресенье по вечерам оркестр играет легкую музыку у подножия бронзовой статуи Морасана. Однако надпись на ней лжет: перед нами вовсе не конная статуя предводителя борьбы за центральноамериканское единство. Гондурасцы, которые отправились в Париж некоторое время спустя после расстрела Морасана, чтобы заказать скульптору памятник по заданию правительства, растратили деньги на развлечения и по дешевке купили на барахолке статую маршала Нея. Трагедия Центральной Америки быстро превращалась в фарс.

ство бессилия или неспособности Латинской Америки вдохнуть жизнь в план создания единой нации. Бразилия не имеет постоянной сухопутной связи с тремя своими соседями — Колумбией, Перу и Венесуэлой, а города Атлантического побережья лишены прямой телеграфной связи с городами побережья Тихого океана, и телеграммы из Буэнос-Айреса в Лиму или из Рио-де-Жанейро в Боготу неизбежно должны идти через Нью-Йорк; то же самое происходит с телефонной связью между странами Карибского бассейна и Южной Америкой. Латиноамериканские страны продолжают отождествлять себя каждая со своим главным портом, отрицая свои общие корни и свою реальную самобытность; почти вся внутрирегиональная торговля осуществляется по морю: внутреннего транспорта фактически не существует. Дело доходит до того, что какой-нибудь международный картель по морским перевозкам устанавливает тарифы и маршруты, как ему вздумается, а Латинская Америка вынуждена страдать от непомерных тарифов и абсурдных маршрутов. Из 118 регулярных морских линий, существующих в регионе, только 17 функционируют под флагами стран региона; фрахты ежегодно обескровливают латиноамериканскую экономику на 2 млрд. долл.[128] *Так, товары, отправленные из Порту-Алегри в Монтевидео, быстрее доходят по назначению, если следуют через Гамбург; то же самое происходит с уругвайской шерстью, путешествующей в Соединенные Штаты, — плата за перевозку из Буэнос-Айреса в какой-нибудь порт в Мексиканском заливе уменьшается более чем на одну четверть, если путь лежит через Саутгемптон*[129]. *Доставка леса из Мексики в Венесуэлу обходится в два с лишним раза дороже, чем его транспортировка из Филадельфии в Венесуэлу, хотя Мексика, если посмотреть на карту, расположена намного ближе. Прямая перевозка химических продуктов из Буэнос-Айреса до Тампико (Мексика) стоит намного дороже, чем если их отправить через Новый Орлеан*[130].

Сами Соединенные Штаты, надо отметить, ставили целью добиться и добились совсем иной судьбы. Уже че-

[128] Naciones Unidas, CEPAL. Los fletes marítimos en el comercio exterior de América Latina. Nueva York—Santiago de Chile, 1968.

[129] E. Angulo H. — In: Integración de América Latina, experiencias y perspectivas. México, 1964.

[130] S. Dell. Experiencias de la integración económica en América Latina. México, 1966.

рез 7 лет после достижения независимости 13 колоний удвоили свою территорию, а еще 4 года спустя они на деле добились единства, создав единый рынок. В 1803 г. они купили у Франции по смехотворной цене территорию Луизианы, благодаря чему снова удвоили свою территорию. Затем настал черед Флориды, а в середине прошлого века — захвата и отторжения половины Мексики во имя «предначертания судьбы». Далее последовали покупка Аляски, захват Гавайских островов, Пуэрто-Рико и Филиппин. Колонии превратились в нацию, а нация стала империей, причем произошло это во имя практического осуществления целей, ясно выраженных и с давних пор лелеемых «отцами-основателями». В то время как северная часть Америки росла, развиваясь в рамках своих расширяющихся границ, южная часть, устремляясь вовне, разрывалась, как граната, на мелкие осколки.

Нынешний процесс интеграции не возвращает нас к нашим истокам, не приближает нас к достижению наших целей. Уже Боливар утверждал — и это было точное предсказание — что Соединенным Штатам, похоже, предназначено самим провидением покрыть всю Америку язвами нищеты, прикрываясь именем свободы. И уж конечно ни «Дженерал моторз», ни ИБМ не будут так любезны, чтобы взметнуть вместо нас наши старые знамена единства и освобождения, потерпевшие в прошлом поражения; и не современные предатели возродят к жизни дело наших национальных героев, которых их предки когда-то подло предали. Чтобы возродить Латинскую Америку, надо сначала вымести в море много накопившейся в ней гнили. Обездоленные, униженные, про́клятые — вот в чьих руках решение этой задачи. Национальное освобождение Латинской Америки — это прежде всего задача социальная; чтобы Латинская Америка могла родиться заново, надо сначала свергнуть ее нынешних хозяев, и это должна совершить страна за страною. Время восстаний и перемен уже настало. Некоторые страны верят, что судьбой распоряжаются боги, но истина в другом: судьба — в руках людей. И эта истина должна быть наконец-то осознана нами.

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1. Прошло 7 лет с того момента, как «Вскрытые вены Латинской Америки» были опубликованы впервые. Эта книга — откровенный разговор с людьми. Автор-неспециалист обращается к читателям-неспециалистам с тем, чтобы поведать им о некоторых фактах, которые официальная история, история, рассказываемая победителями, скрывает или извращает.

Самые вдохновляющие отклики на книгу пришли не с литературных страниц газет, а с улицы, где происходили необычные эпизоды. Например, одна девушка начала читать эту книгу своей соседке по автобусу, а дело кончилось тем, что она стала читать ее громко для всех пассажиров, пока их автобус катил по улицам Боготы: женщина бежала из Сантьяго-де-Чили, когда там происходили массовые убийства, спрятав эту книгу в пеленках своего грудного ребенка; аргентинский студент в течение недели ходил по книжным магазинам улицы Коррьентес в Буэнос-Айресе, читая эту книгу по частям на прилавках то одного, то другого магазина, потому что у него не было денег, чтобы ее купить.

Самую важную для автора оценку книги дали не маститые литературные критики, а военные диктаторы, которые воздали ей хвалу, запретив ее. Так, «Вскрытые вены...» не могут распространяться в моей стране — Уругвае, а также в Чили; в Аргентине власти обличают ее по телевидению и в газетах, называя орудием развращения молодежи. «Они не позволяют людям видеть то, что я пишу, — писал поэт Блас де Отеро, — потому что я пишу то, что вижу».

Думается, не будет пустым авторским тщеславием отметить, что время показало: «Вскрытые вены Латинской Америки» — не бессильная книга.

2. Знаю, может показаться кощунственным, что эта написанная в популярной манере книга говорит о политэкономии в стиле, характерном для любовных романов и

повестей о приключениях пиратов. Однако, должен признаться, мне стоит неимоверного труда читать почтенные труды иных социологов, политологов, экономистов или историков, которые пишут на зашифрованном языке. «Герметический» язык не всегда обязателен для по-настоящему глубокого исследования. В отдельных случаях он может попросту скрывать неумение дойти до читателя, возведенное при этом в степень некоей интеллектуальной добродетели. Я также подозреваю, что в таком случае скука, охватывающая нас, когда мы читаем такую «зашифрованную» книгу, объективно служит делу сохранения существующего порядка: она лишний раз подтверждает, что знания — привилегия элиты.

Такое, надо признать, порою случается с политической литературой, обращенной к читателям, которых убеждать не нужно. Такая литература, несмотря на всю ее революционную риторику, представляется мне в сущности конформистской, поскольку в ней на одной и той же ноте повторяются одни и те же шаблонные фразы, одни и те же эпитеты, одни и те же декларативные истины. Подобная ограниченно-провинциальная по сути своей литература не менее далека от истинной революционности, нежели порнография от любовной лирики.

3. Человек садится писать книгу, чтобы попытаться ответить на вопросы, которые роятся в голове, точно назойливые пчелы, не давая уснуть; и написанное может иметь ценность для многих людей, если оно каким-то образом отвечает на поставленные жизнью социальные вопросы. Я написал «Вскрытые вены...», чтобы популяризировать чужие идеи и собственный опыт, которые, быть может, хоть чуть-чуть помогут рассеять сомнения, одолевающие нас с давних пор. Неужто Латинская Америка — край, навечно обреченный на унижение и нищету? Если это так, кто ее на это обрек? Судьба, рок? Или тяжелый климат, наша принадлежность к «низшей расе»? Религия или культура? Или же наши несчастья проистекают от нашей истории, которую все же творят люди, а, стало быть, люди способны ее переделать?

Превознесение прошлого мне всегда представлялось реакционным. Правые любят обращаться к прошлому, потому что предпочитают мертвечину; застывший мир, застывшее время. Сильные мира сего, которые привыкли узаконивать свои привилегии, пользуясь правом наследования, всячески культивируют ностальгию по прошлому. Изуче-

ние истории они уподобляют посещению музея, где собраны одни мумии, при помощи которых нас обманывают. Они лгут про наше прошлое, они лгут про наше настоящее, и все для того, чтобы скрыть правду. Память угнетенного пытаются подменить памятью, сфабрикованной угнетателями, — памятью чуждой, рассеченной, бесплодной. Так его легче заставить покорно жить не своей жизнью, находя ее единственно возможной.

В моей книге прошлое всегда является по зову настоящего, как живая память нашего времени. В этой книге предпринят поиск некоторых ключей, затерянных в прошлом, ключей, с помощью которых можно лучше вникнуть в нынешнюю эпоху, исходя при этом из того, что глубокое познание мира — необходимая предпосылка для его преобразования. Мы не приводим здесь перечня героев, выряженных точно на маскарад, которые, умирая на поле битвы, произносят длиннейшие торжественные монологи; здесь упоминаются лишь те, кто вслушивался в поступь могучих масс, угадывая в ней контуры будущего. Книга «Вскрытые вены Латинской Америки» основана на реальных фактах и на литературных источниках, которые лучше этой помогают нам понять, кто мы есть на самом деле, откуда мы пришли, точнее установить, куда мы идем. И реальность эта, и эти книги показывают, что латиноамериканская слаборазвитость — следствие чужого развития, что мы, латиноамериканцы, бедны потому, что богата земля, по которой мы ступаем, и что места, щедро одаренные природой, могут быть прокляты историей. В нашем мире, мире могущественных центров и угнетаемых окраин, нет богатств, которые не таили бы опасность для их обладателей.

4. За время, прошедшее с первой публикации данной книги, история не перестала преподносить нам суровые уроки.

Система приумножила голод и страх; богатство продолжало концентрироваться, бедность распространялась все больше. Это признано в документах специализированных международных организаций, на стерильном языке которых наши эксплуатируемые края называются «развивающимися странами», а неуклонное обнищание трудящихся — «регрессивным перераспределением дохода». *Шестеренки международного механизма продолжали вращаться: страны были поставлены на службу товарам, люди — на службу вещам.*

С ходом времени совершенствовались и методы экспорта кризисов. Монополистический капитал достиг наивысшего уровня концентрации и международного господства над рынками, кредиты и инвестиции позволили переложить груз противоречий на чужие плечи: окраины, не оказывая даже слабого сопротивления, оплачивают процветание центров.

Международный рынок продолжает играть в этой операции роль отмычки. Там осуществляют свою диктатуру транснациональные корпорации — многонациональные, как иногда их называют, потому что они действуют во многих странах, но это вполне национальные компании, разумеется, поскольку они осуществляют контроль и охраняют собственность во имя определенной нации. Мировая система неравенства не меняется из-за того факта, что в настоящее время Бразилия экспортирует, например, автомобили «фольксваген» в другие южноамериканские страны и на рынки Африки и Ближнего Востока. В конце концов, ведь это западногерманская компания «Фольксваген» решила, что удобнее экспортировать автомобили на определенные рынки из ее бразильского филиала: бразильскими остаются лишь низкая себестоимость и дешевая рабочая сила, а в ФРГ поступают высокие прибыли.

Точно так же не рвется словно по мановению волшебной палочки смирительная рубашка, когда какому-нибудь виду сырья удается вырваться из проклятого плена низких цен. Именно так было с нефтью после 1973 г. Разве нефть не международный бизнес? Разве арабам или латиноамериканцам принадлежат «Стандард ойл оф Нью-Джерси», теперь именуемая «Эксон», «Ройял датч-Шелл» или «Галф»? Кто получает львиную долю прибылей? К тому же шумиха, поднятая против стран — производителей нефти, которые осмелились защищать свои цены, весьма показательна — для пострадавших от инфляции и безработицы в Европе и Соединенных Штатах они были незамедлительно превращены в козлов отпущения. Разве наиболее развитые страны хоть раз кого-либо спросили, прежде чем увеличивать цены на любой из своих продуктов? На протяжении 20 лет, вплоть до 1973 г., цена на нефть все падала и падала. Ее искусственно заниженная с самыми гнусными целями котировка представляла собой гигантскую субсидию для ведущих индустриальных центров капиталистического мира, чья продукция, наоборот, становилась все дороже и дороже. Если учиты-

вать непрекращающийся рост цен на североамериканские и европейские продукты, то после 1973 г. котировка нефти лишь вернулась на уровень 1952 г. Иными словами, сырая нефть попросту вернула себе ту продажную цену, которую имела два десятилетия назад.

5. Важным эпизодом в последние 7 лет стала национализация нефти в Венесуэле. Национализация, не ликвидировав зависимости страны в сфере переработки и торговли, расширила пределы автономии действий этой страны. Вскоре после своего рождения государственная компания «Петровен» уже занимала первое место среди 500 крупнейших предприятий Латинской Америки. Она, помимо традиционных, начала освоение новых рынков; вскоре «Петровен» обрела 50 новых клиентов.

Однако, как всегда, когда государство становится хозяином главного богатства страны, стоит спросить, а кто является хозяином государства? Национализация основных ресурсов не ведет сама по себе к перераспределению дохода в пользу большинства и не обязательно ставит под угрозу власть и привилегии господствующего меньшинства. В Венесуэле продолжает действовать ни в чем не изменившаяся экономика расточительства. Центром этой экономики стал блистающий в неоновом свете социальный класс-мультимиллионер. В 1976 г. импорт увеличился на 25%, но в значительной мере для того, чтобы финансировать ввоз предметов роскоши, которые водопадом обрушиваются на венесуэльский рынок. В Венесуэле все больше утверждается фетишизм товара как символа власти, сведение человеческого существования до элементарных отношений конкуренции и потребления: привилегированное меньшинство, пирующее среди океана слаборазвитости, подражает образу жизни и модам самых богатых представителей наиболее развитых стран мира, достигших изобилия. В грохочущем Каракасе, как и в Нью-Йорке, даже блага природы — воздух, свет, тишина — становятся все дороже и все дефицитнее. «Будьте осторожней, — предупреждает Хуан Пабло Перес Альфонсо, патриарх венесуэльского национализма и пророк возвращения стране нефти. — От несварения желудка можно умереть точно так же, как и от голода» [1].

6. Я закончил писать эту книгу в последние дни 1970 г. В конце 1977 г. умер на операционном столе Хуан

[1] «Монд», 8 мая 1977 г.

Веласко Альварадо. В последний путь его провожала самая многолюдная, какую когда-либо видели улицы Лимы, толпа. Генерал Веласко Альварадо, родившийся в бедной семье на засушливых землях севера Перу, возглавил процесс социально-экономических преобразований. Это была попытка наиболее серьезных и глубоких преобразований в истории его страны. После взятия власти в 1968 г. военное правительство стало проводить радикальную аграрную реформу, открыло путь для возвращения стране природных ресурсов, узурпированных иностранным капиталом. Но к моменту смерти Веласко Альварадо революция уже практически была похоронена. Созидательный процесс имел недолгую жизнь; его задушили шантаж ростовщиков и торговцев, а также слабость, присущая всякому патерналистскому социальному проекту, не опирающемуся на организованную народную силу.

В канун рождества 1977 г., когда в Перу перестало биться сердце генерала Веласко Альварадо, в Боливии другой генерал, ничем не похожий на первого, с силой ударил кулаком по столу. Генерал Уго Бансер, диктатор Боливии, сказал «нет» амнистии политзаключенных, эмигрантов и уволенных рабочих. Четверо женщин и 14 детей, приехавшие в Ла-Пас с оловянных рудников, в ответ начали голодовку.

— Момент неподходящий, — рассудили знатоки. — Мы вам скажем, когда...

Женщины уселись на землю.

— Мы не советоваться пришли, — сказали они. — Мы вам сообщаем о нашем решении. Оно уже нами принято. Там, на руднике, и без того всегда голодовка. Только родился — и уже голодовка. Нам все равно, где умирать. В любом случае там, хоть и медленнее, но мы тоже умрем.

Правительство ответило репрессиями и угрозами, но голодовка этой группы женщин и детей разбудила дремавшие в народе силы, сдерживаемые в течение долгого времени. Вся Боливия всколыхнулась, обрела решимость к борьбе. Десять дней спустя голодную забастовку объявили 1400 трудящихся и студентов. Диктатура почувствовала, что почва уходит из-под ног. Таким образом была вырвана всеобщая амнистия.

Так пересекли рубеж, разделявший 1977 и 1978 гг., две страны. А в Карибском бассейне Панама по окончании тернистых переговоров с новым правительством Соединенных Штатов ожидала обещанной отмены колони-

ального статуса канала. На Кубе народ отмечал праздник: социалистической революции исполнилось 19 лет. Несколько дней спустя в Никарагуа разгневанный народ высыпал на улицы. Диктатор Сомоса, сын диктатора Сомосы, смотрел на это зрелище в замочную скважину, спрятавшись за массивными дверями. Несколько предприятий пылали, подожженные народом, ярость которого все сметала на своем пути. Одно из этих предприятий — «Пласмафересис» — специализировалось на вампиризме. Компания «Пласмафересис», уничтоженная огнем в начале 1978 г., принадлежала кубинским эмигрантам и занималась продажей никарагуанской крови в Соединенные Штаты. (В бизнесе кровью, как во всех прочих, производители получают гроши. Компания «Гемо Карибиан», например, платит гаитянцам 3 долл. за каждый литр крови, который перепродается затем по 25 долл. на североамериканском рынке.)

7. В августе 1976 г. Орландо Летельер опубликовал обличительную статью, в которой написал, что диктатура Пиночета и «экономическая свобода» привилегированных групп меньшинства — две стороны одной и той же медали[2]. Летельер, бывший министр правительства Сальвадора Альенде, находился в тот момент в эмиграции в Соединенных Штатах. Спустя несколько дней он погиб от взрыва бомбы, подложенной в его машину[3]. В своей статье он утверждал, что абсурдно говорить о свободной конкуренции в экономике вроде чилийской, подчиненной монополиям, которые по своему усмотрению играют ценами, смехотворно упоминать о правах трудящихся в стране, где профсоюзы находятся вне закона, а заработная плата устанавливается декретами военной хунты. Летельер описывал систематический демонтаж завоеваний, которых чилийский народ добился при правительстве На-

[2] «Нэйшн», 28 августа 1977 г.

[3] Преступление было совершено в Вашингтоне 21 сентября 1976 г. Ранее в Аргентине были убиты несколько политэмигрантов из Уругвая, Чили и Боливии. Наиболее известным среди них были генерал Карлос Пратс, ключевая фигура правительства Альенде — его автомобиль был взорван в гараже в Буэнос-Айресе 27 сентября 1974 г.; генерала Хуана Хосе Торреса, возглавлявшего недолго находившееся у власти антиимпериалистическое правительство Боливии, изрешетили пулями 15 июня 1976 г.; уругвайские парламентарии Сельмар Мичелини и Эктор Гутьеррес Руис были похищены, подвергнуты пыткам и убиты также в Буэнос-Айресе между 18 и 21 марта 1976 г.

родного единства. Половину промышленных монополий и олигополий, национализированных Сальвадором Альенде, диктатура возвратила прежним владельцам, другую половину — продала с молотка. «Файрстоун» купила национальный шинный завод; «Парсонс энд Уайтмор» — большой целлюлозно-бумажный комбинат... Чилийская экономика, отмечал Летельер, сегодня более концентрирована и монополизирована, чем накануне прихода к власти правительства Альенде[4]. *Бизнес обрел большую свободу действий, чем когда-либо; людей опутали цепями, как никогда в прошлом: в Латинской Америке свобода предпринимательства несовместима с политической свободой и правами человека.*

Свобода рынка? С начала 1975 г. в Чили введены свободные цены на молоко. Результаты не заставили себя долго ждать. Всего 2 предприятия подчинили себе рынок. Цена на молоко для потребителей мгновенно повысилась на 40%, в то время как производители молока стали получать на 22% меньше.

Детская смертность, которая заметно снизилась при правительстве Народного единства, при Пиночете сделала драматический скачок вверх. Когда Летельер был убит на одной из улиц Вашингтона, четвертая часть населения Чили не получала никакого дохода и существовала за счет благотворительности, просто в силу упрямства или вынужденная прибегать ко всевозможным махинациям.

Пропасть, которая разверзается в Латинской Америке между благосостоянием немногих и бедствиями многих, неизмеримо больше, чем в Европе или Соединенных Штатах. Соответственно намного более жестоки методы, обеспечивающие сохранение этой дистанции. Бразилия содержит огромную и очень хорошо оснащенную армию, а на образование тратит 5% национального бюджета. В Уругвае в настоящее время половина бюджета поглощается вооруженными силами и полицией: пятой части активного населения вменено в обязанность выслеживать, преследовать или карать остальных.

Вне всякого сомнения, одним из наиболее важных событий, имевших место на нашем континенте в семидесятые годы, была чилийская трагедия — военный мятеж,

[4] Была отменена и аграрная реформа, начатая при христианско-демократическом правительстве и развитая Народным единством. (Iberoamericana, vol. VI:2, 1976).

который, свергнув 11 сентября 1973 г. демократическое правительство Сальвадора Альенде, погрузил Чили в море крови.

Незадолго до того, в июне того же года, после государственного переворота в Уругвае был распущен парламент, поставлены вне закона профсоюзы, запрещена всякая политическая деятельность [5].

В марте 1976 г. снова пришли к власти аргентинские генералы: правительство вдовы Хуана Доминго Перона, деградировавшее до уровня помойной ямы, бесславно рухнуло, и мало кто об этом сожалел в стране.

Сегодня 3 страны южной части континента подобны язве на теле планеты. Оттуда поступают только дурные вести. Пытки, похищения, убийства и высылки стали там обыденным делом. Что же такое эти диктатуры — опухоли, которые необходимо удалить из здорового организма, или гной, который указывает на заражение всей системы?

Всегда существовала, как мне думается, постоянная и теснейшая взаимосвязь между силой угрозы интересам власть имущих и жестокостью ответа. Думается, нельзя понять происходящее сегодня в Бразилии и Боливии, если не вспомнить опыт правления Жоао Гуларта и Хуана Хосе Торреса. До того как они пали, эти правительства претворили на практике ряд социальных реформ, продвинули вперед националистическую экономическую политику — но этот процесс был прерван в 1964 г. в Бразилии и в 1971 г. в Боливии. *Равным образом смело можно сказать, что Чили, Аргентина и Уругвай также искупают грех надежды.* Глубокие преобразования при правительстве Альенде, знамена справедливости, под которыми выступали аргентинские рабочие массы, знамена, которые реяли при недолгом правлении Эктора Кампоры в 1973 г., ускоренная политизация уругвайской молодежи — все это стало вызовом находившейся в кризисе бессильной системе, с которым она не могла смириться. Кислород свободы оказался ядовитым для призраков, и ради спасения порядка была призвана преторианская гвардия режима. Чистка превратилась в истребление.

[5] Три месяца спустя в Уругвае все же состоялись выборы — они проходили в Университете Монтевидео. Это были последние свободные выборы. Кандидаты диктатуры получили всего лишь 2,5% голосов. После этого «защищая демократию», диктатура посадила за решетку половину студентов и передала университет в руки тех, кто получил только 2,5% голосов.

8. Документы конгресса Соединенных Штатов часто приводят неопровержимые свидетельства вмешательства в дела Латинской Америки. Угрызения совести не дают покоя общественному сознанию США, и оно осуществляет катарсис в исповедальнях империи. В последнее время, например, участились официальные признания в причастности Соединенных Штатов к различного рода трагедиям на нашем континенте. Широко и во всеуслышание подтверждено, в частности, что правительство Соединенных Штатов с помощью подкупа, шпионажа и шантажа непосредственно вмешивалось в политическую жизнь Чили. Стратегия преступления против этой страны вырабатывалась в Вашингтоне. С 1970 г. Киссинджер и службы информации тщательно готовили падение правительства Альенде. Миллионы долларов распределялись между противниками законного правительства Народного единства. Именно они обеспечили, к примеру, забастовку владельцев грузовиков, которая в 1973 г. парализовала значительную часть экономики страны. Вера в безнаказанность развязывает языки. В момент государственного переворота, направленного против Гуларта, Соединенные Штаты имели в Бразилии самое большое в мире посольство. Линкольн Гордон, бывший тогда послом, признался 13 лет спустя в беседе с журналистами, что его правительство долгое время финансировало силы, противостоящие реформам. «Какого дьявола, — сказал Гордон. — В те времена это было обычное дело... ЦРУ привыкло неограниченно распоряжаться фондами на политические цели» [6]. В том же интервью Гордон пояснил, что в дни переворота Пентагон держал у бразильских берегов огромный авианосец и 4 танкера «на случай, если антигулартовские силы попросят у нас помощи». Эта помощь, заявил он, «не была бы только моральной. Мы бы обеспечили этим силам прочный тыл, оказали бы поддержку боеприпасами и горючим».

С тех пор как президент Джеймс Картер провозгласил политику «защиты прав человека», стало обыденным делом, что латиноамериканские режимы, навязанные благодаря вмешательству США, заявляют горячие протесты против североамериканского вмешательства в их внутренние дела.

[6] Veja, São Paulo, № 444, 9 mar. 1977.

Конгресс Соединенных Штатов даже решил в 1976 и 1977 гг. приостановить предоставление отдельным странам экономической и военной помощи. Однако основная часть внешней помощи Соединенных Штатов предоставляется по каналам, которые конгресс не контролирует. Так, несмотря на заявления, резолюции и протесты, режим генерала Пиночета на протяжении 1976 г. получил 290 млн. долл. в качестве прямой помощи США, для чего не понадобилось одобрения конгрессменов. К моменту первой годовщины существования диктатура генерала Виделы в Аргентине уже получила 50 млн. долл. от частных североамериканских банков и 415 млн. от двух учреждений (Международного банка реконструкции и развития и Межамериканского банка развития), в которых Соединенные Штаты имеют решающее влияние.

Можно, конечно, приветствовать озабоченность президента Картера кровавыми делами, что творятся в некоторых латиноамериканских странах, но ведь нынешние диктаторы — вовсе не самоучки: они усваивали технику репрессий и искусство подавления на курсах Пентагона в США и в зоне Панамского канала. Эти курсы существуют и по сей день и, да будет известно, ни на йоту не изменили своей направленности. Латиноамериканские военные, которые сегодня якобы проявляют непокорность по отношению к Соединенным Штатам, были весьма прилежными их учениками. Несколько лет тому назад тогдашний военный министр США Роберт Макнамара, теперь являющийся президентом Международного банка реконструкции и развития, заявил об этом вполне откровенно: «Это — новые лидеры. Нет нужды распространяться о том, как важно иметь в роли лидеров людей, которые предварительно близко узнали то, как мы, американцы, думаем и как привыкли делать свои дела. Дружба с этими людьми бесценна» [7].

Устроит ли нас инвалидное кресло в дар от тех, кто делает нас паралитиками?

9. Французские епископы говорят о другого рода ответственности, более глубокой, менее видимой: «Мы, принадлежащие к нациям, которые претендуют на то, чтобы считаться самыми передовыми в мире, входим в число тех,

[7] U. S. House of Representatives Committee on Appropriations, Foreign Operations Appropriations for 1963, Hearings 87 th. Congress, 2nd. Session, Part I.

кто обогащается за счет эксплуатации развивающихся стран. Мы не видим страданий, которые разрушают самое плоть и дух целых народов. Мы содействуем усилению поляризации современного мира, в котором все более явным становится господство богатых над бедными, могущественных над слабыми. Разве мы не знаем, что наше неумеренное потребление ресурсов и сырья не было бы возможно без контроля западными странами торгового обмена? Разве мы не видим, кто получает выгоду от торговли оружием, печальный пример которой подает и наша страна? Разве мы не понимаем, что милитаризация режимов в бедных странах является следствием экономического и культурного господства, осуществляемого индустриальными странами, в которых всем правит жажда наживы и всесилие денег?» [8]

Диктаторы, истязатели, инквизиторы — все это служащие террора, подобно тому как на почте и в банках имеются свои служащие. И террор применяется не потому, что речь идет о заговоре людей с извращенными наклонностями, а потому, что он кому-то необходим. Генерал Пиночет может показаться персонажем из «Капричос» Гойи, настоящей находкой для психоаналитиков или наследником зверских традиций банановых республик. Однако патологические или «фольклорные» черты того или иного диктатора, ставшие своего рода приправой для истории, — это еще не история. Кто осмелится сегодня утверждать, что первая мировая война разразилась из-за комплексов кайзера Вильгельма, вызванных тем, что у него одна рука была короче другой? «В демократических странах не обнаруживается насильственный характер, свойственный экономике; в авторитарных странах в той же мере присутствуют экономические причины, порождающие насилия», — записывал Бертольт Брехт в своем рабочем дневнике в конце 1940 г.

В странах южной части Латинской Америки центурионы завладели властью, потому что в этом нуждалась система, а государственный терроризм пускается в ход, когда господствующие классы уже не могут вершить свои дела, пользуясь иными средствами. *В наших странах не существовало бы пыток, если бы они не были действенны; а формальная демократия продолжала бы существовать, если бы были гарантии, что она не выйдет из-под*

[8] Лурдская декларация, октябрь 1976 г.

контроля тех, кто сосредоточил власть в своих руках. В трудные времена демократия рассматривается как преступление против национальной безопасности — то есть против безопасности внутренних привилегий и иностранных инвестиций. Наши мясорубки, через которые пропускают людей, — составная часть международного механизма угнетения. Общество сплошь милитаризируется, чрезвычайное положение становится постоянным, а аппарат подавления — доминирующим вследствие того, что в центре империалистической системы закручивают гайки. Когда возникает тень кризиса, первым делом усиливают грабеж бедных стран, чтобы гарантировать полную занятость, всяческие свободы и высокие показатели развития в богатых странах. *Отношения жертвы и палача стали порочным кругом у нас: непрекращающиеся унижения стали системой и они диктуются международными рынками, финансовыми центрами — повсюду, вплоть до дома каждого гражданина.*

10. Гаити — самая бедная страна Западного полушария. Здесь больше мойщиков ног, чем чистильщиков сапог: дети за жалкую монетку моют ноги босым клиентам, которые не носят обуви, так что и чистить нечего. Средняя продолжительность жизни гаитянцев — чуть больше 30 лет. Из каждых 10 жителей Гаити 9 не умеют ни читать, ни писать. Сельскохозяйственную продукцию для внутреннего потребления выращивают на крутых склонах гор; для экспорта — на плодородных равнинах: лучшие земли отводятся под кофе, сахарный тростник, какао и другие культуры, в которых нуждается североамериканский рынок. На Гаити никто не играет в бейсбол, но Гаити — главный мировой производитель бейсбольных мячей. В стране полно мастерских, где дети работают за 1 доллар в день, собирая кассеты и электронные приборы. Разумеется, эти товары тоже идут на экспорт, и, естественно, экспортируются и получаемые от этого прибыли, из которых на Гаити остается только доля, причитающаяся организаторам террора. Малейшее проявление протеста чревато в этой стране тюрьмой или смертью. Как это ни выглядит невероятным, но реальная заработная плата гаитянских трудящихся, и без того мизерная, уменьшилась в период между 1971 и 1975 гг. на одну четверть [9]. Знаменательно, что в это же время в страну про-

[9] A. Cueva. El desarrollo del capitalismo en América Latina. México, 1977.

исходил новый наплыв североамериканского капитала.

Мне вспоминается передовая статья в одной буэнос-айресской газете, появившаяся года два назад. Старая консервативная газета рычала от ярости, потому что в одном международном документе Аргентина была представлена как слаборазвитая и зависимая страна. Как можно, возмущалась газета, ставить на одну доску просвещенное, процветающее общество белых людей с такой бедной, населенной неграми страной, как Гаити?

Нет сомнения, разница между обеими странами огромная, хотя она имеет мало общего с критериями, свойственными спесивой олигархии Буэнос-Айреса. Но при всех различиях и противоречиях, какими бы существенными они ни были, Аргентина не может вырваться за рамки порочного круга, который душит латиноамериканскую экономику в целом, и никакие словесные заклинания не могут вырвать Аргентину из той реальности, в которую включены — кто больше, кто меньше — все страны региона.

В конце концов нельзя не согласиться, что массовые убийства, учиненные генералом Виделой, не намного более цивилизованные, чем творимые «Папой Доком» Дювалье и его преемником на троне, хотя надо признать, что репрессии в Аргентине проводятся на более высоком технологическом уровне. Но в главном обе диктатуры выполняют одну и ту же задачу: *они поставляют дешевые рабочие руки на международный рынок, требующий дешевых продуктов.*

Едва придя к власти, диктатура Виделы поспешила запретить забастовки и ввела свободу цен, ограничив одновременно рост заработной платы. Пять месяцев спустя после государственного переворота новый закон об иностранных инвестициях поставил в равные условия иностранные и национальные предприятия. Свободная конкуренция покончила, таким образом, с «несправедливым», «невыгодным» положением, в котором находились транснациональные корпорации по сравнению с местными предприятиями — такие, например, как «беззащитная» «Дженерал моторз», чей мировой объем продаж равен ни много ни мало всему валовому национальному продукту Аргентины. Так же свободен теперь, при незначительных ограничениях, перевод прибылей за границу и репатриация инвестированного капитала.

К моменту, когда режим в Аргентине отпраздновал первую годовщину своего существования, реальная заработная плата уменьшилась на 40%. Этот результат был достигнут с помощью террора. «Пятнадцать тысяч пропавших без вести, десять тысяч арестованных, четыре тысячи убитых, десятки тысяч изгнанных — таковы голые цифры, свидетельствующие об этом терроре» — это фраза из открытого письма писателя Родольфо Валша от 29 марта 1977 г., обращенного к трем членам правящей хунты. В тот же день Валш был похищен и навсегда исчез.

11. Из достоверных источников известно, что лишь ничтожная часть новых прямых иностранных инвестиций в Латинской Америке действительно поступает из той страны, которая их вкладывает. Согласно исследованиям, опубликованным Департаментом торговли Соединенных Штатов, только 12% фондов отпускаются в таком случае североамериканским головным предприятиям, 22% приходятся на долю прибылей, полученных в Латинской Америке, а остальные 66% берутся из источников внутреннего кредита и особенно кредита международного [10]. Та же пропорция характерна для инвестиций из Западной Европы и Японии; причем надо иметь в виду, что зачастую 12% инвестиций, которые поступают от головного предприятия, не что иное, как результат передачи уже использованного оборудования, или же он попросту включает произвольную котировку, по которой предприятия продают ноу-хау на промышленное оборудование, патенты, право использования торговой марки. *Таким образом, транснациональные корпорации не только присваивают внутренний кредит стран, где они действуют, в обмен на довольно сомнительный вклад капитала, но и приумножают их внешний долг.*

Латиноамериканский внешний долг в 1975 г. был почти в три раза бóльшим, чем в 1969 г.[11] Бразилия, Мексика, Чили и Уругвай потратили почти *половину* своих поступлений от экспорта на выплату процентов за кредит, а также на оплату прибылей иностранных предприятий, обосновавшихся в этих странах. Выплата процентов и пе-

[10] I. M. Mantel. Sources and uses of funds for a sample of majority—owned foreign affiliates of U. S. companies, 1966—1972.— U. S. Department of Commerce, Survey of Current Business, jul. 1975.

[11] Naciones Unidas, Comisión Económica para América Latina (CEPAL). El desarrollo económico y social y las relaciones externas de América Latina. Santo Domingo, República Dominicana, feb. 1977.

реводы прибылей поглотили в том же году 55% экспорта Панамы и 60% экспорта Перу [12]. В 1969 г. каждый житель Боливии был должен заграничным компаниям 137 долл., а в 1977 — 483, хотя боливийцев не спрашивали, желают ли они влезть в этот долг, и они не увидели ни одного цента из этих займов, которые стали для них вроде петли на шее.

«Ферст нэшнл сити бэнк» не фигурирует в качестве кандидата ни в одном списке в тех немногих латиноамериканских странах, где еще проводятся выборы, да и ни одного из генералов, возглавляющих диктатуры, не зовут Международным валютным фондом. Однако чья рука казнит в наших странах и чья воля давит на нас? Кто дает взаймы, тот и правит. Чтобы платить, нужно больше экспортировать, а экспортировать нужно больше, чтобы финансировать импорт, который фактически обеспечивает утечку прибылей. Рост экспорта, покупательная способность которого падает, предполагает сохранение заработков, равнозначных голодному пайку. Массовая нищета стала ключом к процветанию экономики, обращенной вовне, к заграницe, она мешает росту внутреннего рынка потребления, необходимого для поддержания гармоничного экономического развития. Наши страны потеряли собственный голос, они способны лишь откликаться на чужие приказы. Они зависят от других и существуют, поскольку обеспечивают нужды других. В свою очередь адаптация экономики к требованиям внешнего спроса снова возвращает нас к изначальным бедам: она открывает двери перед грабительскими иностранными монополиями, заставляет просить все новые и бóльшие займы у международных банков. *Этот порочный круг действует удивительно четко: внешний долг и иностранные инвестиции заставляют увеличивать экспорт, поступления от которого сами же и поглощают. А задачу эту нельзя выполнить, соблюдая приличия и хорошие манеры. Для того чтобы латиноамериканские трудящиеся выполняли роль заложников чужого процветания, их нужно содержать как узников, где бы они ни находились — по ту или по другую сторону тюремных решеток.*

[12] Деньги подобны крылатым эльфам, они путешествуют без паспорта. Добрая часть прибылей, полученных от эксплуатации наших ресурсов, улетает в Соединенные Штаты, Швейцарию, ФРГ и другие страны, затем они, совершив цирковой кульбит, возвращаются в наши края в виде займов.

12. Варварская эксплуатация рабочей силы отнюдь не несовместима с современной интенсивной технологией. Так давно уже повелось в наших краях: к примеру, легионы боливийских рабочих, оставлявших легкие на шахтах Оруру, и во времена Симона Патиньо трудились в условиях наемного рабства, но используя вполне современное оборудование. «Оловянный барон» умел сочетать самую высокую для своего времени технологию с самой низкой заработной платой [13].

Кроме того, в наши дни импорт технологии из самых экономически развитых стран сочетается с процессом экспроприации промышленных предприятий местного капитала могущественными транснациональными корпорациями. Централизация капитала осуществляется через «безжалостное *уничтожение* морально устаревших предприятий, которые, как правило, являются государственной собственностью» [14]. Ускоренная денационализация латиноамериканской промышленности несет с собой растущую технологическую зависимость. Технология — главный ключ к власти, монополизированный метрополиями капиталистического мира. При этом технология поступает к нам уже подержанной, а платить за это старье приходится так, словно это новинки. В 1970 г. Мексика заплатила за импорт иностранной технологии вдвое больше, чем в 1968 г. За период с 1965 по 1969 г. Бразилия удвоила свои выплаты по этой статье; то же самое произошло и с Аргентиной в тот же период.

Заимствование технологии увеличивает и без того тяжелый внешний долг и имеет губительные последствия для рынка труда. В условиях системы, направленной на отток прибылей за рубеж, «традиционные» предприятия теряют возможности для увеличения занятости. В обмен на эфемерный импульс, который делает более динамичной экономику, островки современной индустрии жертвуют рабочими руками, сокращая рабочее время, необходимое для производства. Существование весомой и растущей армии безработных в свою очередь облегчает снижение реальной заработной платы.

13. Даже в документах ЭКЛА говорится о перераспределении международного разделения труда. Специалисты выражают надежду, что через несколько лет Латинская

[13] A. Cueva. Op. cit.
[14] Ibid.

Америка сможет экспортировать промышленные товары в той же мере, в какой она сегодня продает за рубеж свое сырье и сельскохозяйственные продукты. «Различия в уровнях оплаты между развитыми и развивающимися странами, включая страны Латинской Америки, могут привести к новому разделению труда между ними, переместив из первых во вторые, согласно законам конкуренции, отрасли промышленности, в которых стоимость труда будет очень высокой. Затраты на рабочую силу в обрабатывающей промышленности Мексики или Бразилии, как правило, гораздо ниже, чем в Соединенных Штатах» [15].

Что же это — толчок к прогрессу или очередное неоколониалистское предприятие? Электротехническое и иное оборудование уже фигурирует среди главных продуктов экспорта Мексики. В Бразилии растет продажа за границу автомобилей и вооружения. Некоторые латиноамериканские страны переживают новый этап индустриализации, в большой мере навязанной и направляемой иностранными потребностями и иностранными хозяевами средств производства. Не станет ли такая индустриализация новой, дополнительной главой в нашей долгой истории «развития, обращенного вовне»? На международных рынках по всевозрастающим ценам продается теперь не просто продукция «обрабатывающей промышленности», а наиболее технологически сложная, которая выдвигается ныне на первый план в самых развитых экономиках. *Главным продуктом экспорта Латинской Америки, чтобы они ни продавали — сырье или промышленные продукты, — по-прежнему остаются ее дешевые рабочие руки.*

Не выпало ли на нашу долю не прекращающееся за всю историю страдание, вызванное развитием, которое на самом деле калечит и разобщает наши страны? Века назад конкиста опустошала наши земли, чтобы насаждать экспортные культуры, уничтожала индейские селения ради рудников и драг, дабы удовлетворить спрос на заморское серебро и золото. Питание доколумбова населения, которому удалось избежать истребления, *ухудшилось* во имя чужого прогресса. В наши дни народ Перу производит рыбную муку с очень высоким содержанием белков для коров в Соединенных Штатах и Европе, однако в питании большинства перуанцев не хватает белков. Филиал «Фольксвагена» в Швейцарии высаживает по дереву за

[15] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

каждый проданный автомобиль (вот какое экологическое благородство!); но в это же самое время филиал «Фольксвагена» в Бразилии уничтожает сотни гектаров леса, а затем использует освободившуюся землю для интенсивного производства мяса на экспорт. Бразильский народ, который сам редко ест мясо, все больше мяса продает за границу. Не так давно в беседе со мной Дарси Рибейро говорил, что *«Республика Фольксваген» по своей сути не отличается от «банановой республики»*. С каждого доллара, который приносит экспорт бананов, только 11 центов остаются в стране-производительнице [16], а из этих 11 центов лишь незначительная часть приходится на долю рабочих с плантаций. Разве эта пропорция меняется от того, что некоторые латиноамериканские страны теперь экспортируют автомобили?

Теперь суда с черными невольниками уже не бороздят океан. Торговцы рабами действуют ныне, сидя в министерствах труда. Заработки африканские — цены европейские. Что представляют собой государственные перевороты в Латинской Америке, как не прекращающиеся эпизоды захватнической войны? Новоиспеченные диктатуры тут же приглашают иностранные компании эксплуатировать местную рабочую силу, изобильную и дешевую, предоставляют им неограниченный кредит, освобождают от налогов, вручают им природные ресурсы, лежащие прямо под рукой.

14. Служащие ведомства по претворению чрезвычайного экономического плана правительства Чили получают заработную плату, эквивалентную 30 долл. в месяц. Килограмм хлеба стоит полдоллара. Иными словами, они получают 2 килограмма хлеба в день. Минимальный заработок в Бразилии достигает 60 долл. в месяц, но поденщики получают от 50 центов до 1 долл. за день работы на плантациях кофе, сои и других продуктов, идущих на экспорт. Корма для коров в Мексике содержат больше белков, чем рацион крестьян, которые их обслуживают. Мясо этих коров предназначено для тех немногих внутри страны, кто может есть вдоволь, но прежде всего для международного рынка. В Мексике процветает экспортное сельское хозяйство, поощряемое щедрой политикой кредитов и официальных льгот, в то время как с 1970 по

[16] UNCTAD. The marketing and distribution system for bananas, dec. 1974.

1976 г. *уменьшилось* количество белков на душу населения, а в сельских зонах лишь у одного из 5 мексиканских детей нормальный вес и рост [17]. В Гватемале рис, маис и фасоль, предназначенные для внутреннего потребления, выращивают как бог на душу положит, но кофе, хлопок и другие продукты экспорта получают 87% кредита. Из каждых 10 гватемальских семей, занятых на производстве и сборе кофе, главного источника валютных поступлений страны, едва лишь одна питается в соответствии с минимально необходимыми нормами [18]. В Бразилии только 5% сельскохозяйственного кредита направляется на производства риса, фасоли и маниоки, которые составляют основу питания бразильцев. Остальные средства идут на производство экспортных продуктов.

Недавнее резкое снижение международной цены на сахар не вызвало, как это случалось раньше, волны голода среди крестьян на Кубе. Там уже не знают, что такое недоедать. А происшедший почти одновременно рост международных цен на кофе ничуть не ослабил хронической нищеты трудящихся кофейных плантаций в Бразилии. Повышение котировки кофе в 1976 г. — случайное явление, вызванное морозами, которые погубили бразильский урожай, — непосредственно «не отразилось на заработной плате», как признал высокопоставленный чиновник из Бразильского института кофе [19].

Разумеется, культивирование продуктов на экспорт само по себе не является несовместимым с благосостоянием населения и не противоречит экономическому развитию, «обращенному вовнутрь». В конце концов продажа сахара за границу стала на Кубе рычагом для создания нового общества, в котором все имеют доступ к плодам экономического развития, и солидарность является основой человеческих отношений.

15. Хорошо известно, кому приходится оплачивать кризисы, вызванные реорганизацией нынешней системы в пользу иностранных монополий. Цены на большинство продуктов, которые продает Латинская Америка, неуклонно падают, в то время как цены на продукты, которые она покупает у стран, монополизировавших технологию, тор-

[17] Comercio exterior. Banco Nacional de Comercio Exterior, S. A., vol. 28, núm. 2, México, feb. 1978.

[18] R. Burbach y P. Flynn. Agribusiness Targets Latin America, NACLA, vol. 12, núm. 1, Nueva York, en.—feb. 1978.

[19] Ibid.

говлю, инвестирование и кредитование, растут. Чтобы компенсировать разницу и выполнять обязательства перед иностранным капиталом, *необходимо покрывать разницу в ценах количеством продукта.* Вот почему диктатуры Южного конуса урезали наполовину заработную плату рабочих и превратили каждый центр производства в концентрационный лагерь. *Рабочие также вынуждены компенсировать падение стоимости своей рабочей силой, являющейся продуктом, который они продают на рынке. Трудящиеся вынуждены покрывать увеличением количества рабочих часов то, что они теряют в покупательной способности заработной платы. Законы международного рынка воспроизводятся, таким образом, в микромире жизни каждого латиноамериканского трудящегося. Для трудящихся, которым «посчастливилось» получить постоянную работу, закон о восьмичасовом рабочем дне — пустая бумажка.* Чаще всего они работают по 10, 12 и даже 14 часов, а многие и по воскресеньям.

Одновременно участились несчастные случаи на производстве, человеческая кровь приносится на алтарь производительности труда. Вот три факта конца 1977 г. в Уругвае.

Владельцы карьеров, обеспечивающих железные дороги камнем и щебенкой, удвоили свои доходы. А в начале весны 15 рабочих погибли от взрыва гелигнита.

Перед воротами фабрики пиротехнических изделий выстраиваются очереди безработных. На производстве трудятся дети. Побиваются все рекорды производительности. 20 декабря произошел взрыв: 5 человек убиты, 10 ранены.

28 декабря в 7 часов утра рабочие отказались войти на фабрику рыбных консервов, потому что сильно пахло газом. Им угрожали: не войдут — потеряют работу. Они продолжали отказываться. Им грозили: вызовем солдат. Предприятие до этого уже вызывало войска в подобных случаях. Рабочие вошли на фабрику и приступили к работе. В результате — четверо погибших, несколько человек с тяжелыми отравлениями отправлены в больницу — на фабрике была утечка аммиака [20].

Тем временем диктатура с гордостью заявляет: уругвайцы теперь могут покупать более дешевые, чем когда-

[20] Данные из профсоюзных и журналистских источников, опубликованных в "Urugnay Informations", № 21, 25, 1977.

либо, шотландское виски, английский джем, датскую ветчину, французское вино, испанского тунца и одежду, сшитую на Тайване.

16. Мария Каролина ди Жезус родилась среди куч мусора, где копошились стервятники. Она росла, страдала, упорно трудилась, любила, рожала детей. И при этом записывала корявым почерком в тетрадке свои заботы, события своей жизни. Один журналист случайно прочитал эти тетрадки, и Мария Каролина ди Жезус превратилась в знаменитую писательницу. Ее книгу «Фавела» — дневник пяти лет жизни в убогом предместье Сан-Паулу — прочитали в 40 странах, она была переведена на 30 языков.

Бразильская Золушка, превратившаяся в принцессу согласно причудам общества потребления, Мария Каролина ди Жезус покинула «фавелу», она объездила весь мир, давала интервью, ее фотографировали, ее работа была отмечена критикой, за ней ухаживали джентльмены, ее принимали президенты.

Прошли годы. В начале 1977 г. воскресным утром Мария Каролина ди Жезус умерла среди куч мусора, где копошились стервятники. Никто уже не помнил женщину, написавшую, что «голод подобен динамиту, которым начиняют человеческое тело». Простой бразильянке, питавшейся объедками, удалось на короткое время попасть в число избранных. Ей позволили сесть за их стол. Но после десерта чары пропали. А пока длился ее волшебный сон, Бразилия продолжала оставаться страной, где каждый день из-за производственных травм становятся калеками 100 рабочих, где из каждых 10 детей 4 рождаются, чтобы потом стать нищими и ворами.

Статистика ухмыляется, а люди гибнут. В системах, организованных «наоборот», с ростом экономики растет и социальная несправедливость. В самый процветающий период «бразильского чуда» в предместьях самого богатого города страны возросла детская смертность. Внезапное процветание, вызванное открытием нефти в Эквадоре, принесло с собой цветное телевидение, но не привело к появлению новых школ и больниц.

Города переполнены настолько, что вот-вот взорвутся. В 1950 г. в Латинской Америке было 6 городов с населением свыше миллиона человек. В 1980 г. их будет 25 [21].

[21] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

Огромные легионы трудящихся, которых выбрасывает деревня, разделяют на окраинах крупных индустриальных центров ту же участь, какую система уготовила для «лишних» юных горожан. Совершенствуются — чем не латиноамериканский вариант плутовского романа? — формы выживания пройдох. «Производительная система демонстрирует видимую неспособность создать занятость, которая вобрала бы растущую рабочую силу в регионе, в особенности большие контингенты городской рабочей силы...» [22]

В одном из исследований Международной организации труда не так давно указывалось, что в Латинской Америке в условиях «глубокой бедности» пребывает более 110 млн. человек. Из них 70 млн. «остро нуждаются» [23]. Какой же процент населения ест меньше того, что необходимо для выживания? Согласно заключению специалистов, «доходы, не обеспечивающие минимально сбалансированное питание», получают 42% населения Бразилии, 43 — колумбийцев, 49 — гондурасцев, 31 — мексиканцев, 45 — перуанцев, 29 — чилийцев, 35 — эквадорцев» [24].

Как подавить взрывы гнева этого большинства приговоренных к голоду? Как предупредить эти возможные в будущем взрывы? Как избежать роста этого большинства, если система не работает на него? После того как исчерпаны возможности благотворительности, вызывают полицию.

17. В наших краях индустрия террора высоко оплачивает, как и любое другое иностранное ноу-хау, последние новшества в этой отрасли. В большом объеме покупается и применяется североамериканская технология репрессий, испытанная во всех четырех сторонах света. Однако было бы несправедливо не признать за латиноамериканскими господствующими классами известного творческого подхода к этой сфере деятельности.

Наша буржуазия оказалась неспособной к независимому экономическому развитию, ее попытки создать национальную промышленность напоминают полет курицы — беспорядочный, суетливый. На протяжении всей нашей истории власть имущие также представили много доказательств отсутствия у них политической фантазии.

[22] Ibid.

[23] OIT. Empleo, crecimiento y necesidades esenciales. Ginebra, 1976.

[24] Naciones Unidas, CEPAL. Op. cit.

Зато они сумели смонтировать гигантский аппарат подавления и внесли свой вклад в технику истребления людей и идей. В этом отношении знаменателен недавний опыт стран Рио-Платы.

«Чистка страны займет у нас немало времени», — сходу предупредили аргентинские военные. Вооруженные силы призывались раз за разом господствующими классами Уругвая и Аргентины, чтобы задушить силы, выступающие за преобразования, вырвать их с корнем, увековечить внутренний режим привилегий, создать экономические и политические условия, притягательные для иностранного капитала: выжженная земля, «порядок» в стране, покорные и дешевые трудящиеся. Самый совершенный порядок — на кладбище. Население было тут же объявлено «внутренним врагом». Любое проявление жизни, протеста или просто сомнения с точки зрения разработанной военными доктринами «национальной безопасности» стало рассматриваться как опасный вызов. Потому-то и созданы сложные механизмы пресечения и наказания.

За внешней видимостью этой системы скрывается самая глубокая продуманность. Чтобы действовать эффективно, подавление должно выглядеть произвольным. Всякая человеческая деятельность, исключая дыхание, должна быть потенциальным преступлением. В Уругвае пытка стала привычным сопровождением любого допроса: ее объектом может оказаться всякий, а не только подозреваемый или виновный в актах неповиновения. Таким образом, панический страх перед пыткой распространяется среди всех граждан, подобно парализующему газу, который вторгается в каждый дом и заползает в душу каждого гражданина.

В Чили жертвами охоты на людей стало 30 тыс. человек, которые были убиты. В Аргентине не расстреливают — там похищают. Жертвы просто исчезают. Эту задачу выполняет невидимое войско, действующее по ночам. После них не находят трупов, ответственных за убийство нет. Такое массовое истребление людей — усердно выполняемое и всегда неофициальное — осуществляется с полной безнаказанностью; так с большим эффектом распространяется коллективный страх. Никто не требует отчета, никто не дает объяснений. Каждое преступление порождает болезненную неуверенность среди близких жертвы и заодно предостерегает всех остальных. Государ-

ственный терроризм намеренно парализует население с помощью страха.

Чтобы получить или сохранить работу, в Уругвае требуется специальное разрешение от военных властей. В стране, где так трудно найти работу вне казарм и полицейских комиссариатов, это условие способствует не только тому, чтобы подтолкнуть к выезду добрую часть тех 300 тыс. граждан, что занесены в «черные списки» в качестве левых. Это также помогает запугать и остальных. Газеты в Монтевидео имеют обыкновение помещать публичные раскаяния и заявления граждан, которые на всякий случай бьют себя в грудь: «Я никогда не являлся, не являюсь и не буду...»

В Аргентине книгу уже не нужно запрещать декретом. Новый уголовный кодекс налагает санкции на писателя и на издателя книги, которая расценивается как подрывная. Но кроме того, он карает типографа, который осмеливается печатать просто сомнительный текст, а также посредника и книготорговца, которые осмелились ее продавать, и, словно всего этого мало, наказывают также и читателя, чтобы он не осмеливался читать и тем более хранить книги. Потребитель книги, таким образом, законом приравнивается к потребителю наркотиков[25]. В обществе глухонемых, которое пытаются создать, каждый гражданин должен превратиться в собственного Торквемаду.

В Уругвае недонесение на ближнего — преступление. Поступая в университет, студенты дают письменное обязательство разоблачать всякого, кто будет осуществлять в стенах университета «любую деятельность, чуждую задачам обучения». Студент считается соответственным за любой инцидент, происходящий в его присутствии. В обществе сомнамбул, которое пытаются создать, каждый гражданин должен стать полицейским, который следит за самим собой и за всеми другими. И все же система полностью не доверяет ему. Число полицейских и солдат в Уругвае составляет 100 тыс., но к ним следует добавить

[25] В Уругвае инквизиторы модернизировались. Образовалась любопытная смесь варварства и капиталистического духа предпринимательства. Военные уже не сжигают книги — теперь их продают бумагоделательным предприятиям как макулатуру. Те перерабатывают их в бумажную массу и возвращают на рынок потребления. Неверно было бы утверждать, что Маркс, например, недосягаем для публики. Досягаем, но не в форме книг — в форме бумажных салфеток.

100 тыс. осведомителей. Шпики снуют повсюду: на улицах, в кафе, в автобусах, на заводах и в лицеях, в конторах и в университетах. Всякий, кому вздумается пожаловаться вслух на то, что жизнь дорога и тяжела, может очутиться в тюрьме: он совершил «покушение против морального духа вооруженных сил», что карается тюремным заключением от 3 до 6 лет.

18. На референдуме в январе 1978 г. голос, поданный за диктатуру Пиночета, помечался знаком в виде флага Чили. Голос против — черным прямоугольником.

Система хочет, чтобы ее отождествляли со страной. Система — это страна, утверждает официальная пропаганда, которая денно и нощно промывает мозги гражданам. Враг системы — предатель родины. Способность возмущаться несправедливостью и стремление к переменам — синоним предательства и дезертирства. Во многих странах Латинской Америки те, кто не уехали за границу, живут в изгнании на своей собственной родине.

Но в то самое время, когда Пиночет праздновал свою победу, диктатура писала о «коллективном трудовом абсентизме» — так она называла забастовки, которые, несмотря на террор, вспыхивали по всей стране. Подавляющее большинство похищенных и исчезнувших в Аргентине составляют рабочие, участвовавшие в какой-либо профсоюзной деятельности. Но в неиссякаемой народной фантазии рождаются новые формы борьбы — «забастовка печальной работы», «забастовка с непрекращающимися спорами», — и солидарность находит новые русла для выражения, стараясь отвести страх. На протяжении 1977 г. в Аргентине одна за другой произошли несколько всеобщих забастовок, хотя опасность потерять жизнь была не менее реальной, чем риск потерять работу. Росчерком пера не уничтожить непокорность организованного рабочего класса, имеющего давние традиции борьбы. В мае того же года, когда уругвайская диктатура подводила итог своей деятельности, направленной на выхолащивание умов и кастрацию коллективного сознания, она была вынуждена признать, что «в стране еще осталось тридцать семь процентов граждан, интересующихся политикой» [26].

[26] Из пресс-конференции президента Апарисио Мендеса 21 мая 1977 г. в Пайсанду. «Мы стараемся уберечь страну от трагедии, которую вызывают политические страсти, — сказал президент. — Люди доброй воли не говорят о диктатурах, не думают о диктатурах, не требуют человеческих прав».

В наших землях мы наблюдаем ныне не первобытное, исполненное силы дикарское детство капитализма, а его одряхление, сопровождающееся кровавыми конвульсиями. Слаборазвитость — не один из этапов нашего развития. Это — следствие капиталистического развития в наших условиях. Слаборазвитость Латинской Америки — закономерный итог чужого развития, которое она продолжает питать по сей день. Система, бессильная из-за того, что играет роль международного холопа и агонизирует с момента своего рождения, стоит на глиняных ногах. Система хочет уверить всех, что она — предназначена судьбой, а потому вечна. Любая память имеет подрывной характер, ибо она не подтверждает этот тезис. Опасен и любой иной продукт будущего. Система видит идеальную модель в неизменяемом обществе муравьев. Поэтому она не в ладах с человеческой историей, которая постоянно меняется, и потому, что в истории людей каждый акт разрушения рано или поздно вызывает ответ в виде акта созидания.

Эдуардо Галеано

Калелья, Барселона, апрель 1978 г.

КОММЕНТАРИИ

К с. 33

* В разгар всенародного восстания на Кубе против испанского колониального господства в Гаванском порту взорвался крейсер «Мэн», входивший в состав ВМС США. Взрыв, причины которого так и не были установлены, послужил для Вашингтона непосредственным предлогом для объявления войны Испании в 1898 г., окончившейся в том же году поражением испанских войск. Под видом «освободителей» Кубы США фактически оккупировали ее территорию и долгое время вели себя в стране как хозяева, ущемляя суверенитет страны. Возведенный в Гаване памятник жертвам «Мэна» воспринимался поэтому кубинскими патриотами как символ неоколониального господства США — его убрали после победы кубинской революции 1959 г.

К с. 38

* Так чаще всего испанцы называют остров, на котором сейчас расположены Гаити и Доминиканская Республика (до Колумба назывался Кискейя, позже Доминикана, Гаити).

К с. 41

* Предводитель отряда конкистадоров, наделенный во время завоевательных походов в Америке практически неограниченной военной и административной властью.

К с. 45

* Расправа Кортеса над жителями священного города ацтеков Чолула была настолько жестокой, что навсегда вошла в историю конкисты.

К с. 46

* Старинная монета и мера веса, равная 230 г.

** Старинная монета и мера веса. 68 эскудо равнялись одной марке.

К с. 49

* Популярная народная игра, во время которой водящий должен угадать, у кого спрятано колечко.

К с. 50

* Созданное в 1503 г. учреждение в Севилье, ведавшее всеми экономическими, административными и прочими делами в заокеанских колониях. Существовало до 1790 г. Славится богатейшим архивом.

К с. 52

* Король Карлос I (1500—1555) был в 1519 г. избран императором Священной Римской империи, получив имя Карла V. Решающую роль на этих выборах сыграли голоса подкупленных немецких курфюрстов.

К с. 66

* Описанная в «Дон Кихоте» Сервантеса свадьба Камачо, сопровождавшаяся обжорством и неумеренными возлияниями, стала нарицательной, когда заходит речь о пышных пиршествах.

К с. 71

* Индейцы, работавшие по принуждению за мизерную плату в течение определенного срока на хозяев рудников и имений. Происходит от слова «мита», которым обозначался в доколумбов период древний обычай инков, согласно которому соблюдалась строгая очередность при выполнении членами общины различных бесплатных работ в пользу правителя и служителей культа.

К с. 74

* Группа индейских племен, образующая народность гуарани и говорящая на одноименном языке. Живут в Парагвае, Боливии, в некоторых районах Бразилии и Аргентины, по течению реки Амазонки.

К с. 90

* Национальный герой Бразилии, настоящее имя Жоакин Жозе да Силва Шавьер (1748—1792). Руководитель антиколониального движения «Инконфидентов», закончившегося поражением восставших. Был казнен по приговору колониальных властей.

К с. 95

* Форма эксплуатации индейского населения в испанских колониях в XVI—XVIII вв. Согласно королевскому указу 1503 г., индейцы, номинально считавшиеся свободными, передавались на «попечение» завоевателям — «энкомендерос», которым они были обязаны платить оброк и отрабатывать барщину в рудниках и имениях.

К с. 154

* Империалистическая доктрина, имевшая широкое хождение в правящих кругах США на протяжении всего XIX в. Согласно этой доктрине, лежащие к югу от США территории самой судьбой предназначены быть подвластными или подопечными Вашингтону в силу своей отсталости, неустроенности, дикарства и т. д. Доктрина эта, известная и под названием «предначертание судьбы» и «созревающий плод», и под другими наименованиями, в реальной действительности воплощалась в конкретных акциях империалистической экспансии в странах Латинской Америки. Закономерным развитием этой доктрины стала доктрина «большой дубинки», провозглашенная при президенте Теодоре Рузвельте в конце XIX—начале XX в.

** В результате объявленной в 1846 г. США войны Мексике, окончившейся два года спустя поражением мексиканцев, страна потеряла более половины своей территории. На ней были образованы штаты Техас, Калифорния и др., вошедшие в состав США.

К с. 156

* По аналогии с тем, как римские завоеватели называли Средиземное море «Наше море» *(Mare Nostrum)*, империалистические круги США выдвигают особые притязания на весь Карибский бассейн.

К с. 158

* Одна из многочисленных доктрин, на основе которых в разное время строилась дипломатия США в отношении стран Латинской Америки. Провозглашена в 30-е гг. администрацией Ф. Д. Рузвельта, способствовала некоторому смягчению методов США в отношении латиноамериканских стран, более успешному «мирному» проникновению монополий южнее Рио-Гранде.

К с. 159

* Песня крестьян, участвовавших в мексиканской революции 1910—1917 гг. Никарагуанские борцы за свободу взяли на вооружение эту песню, слегка изменив в ней слова.

К с. 167

* Своеобразная этническая группа, образовавшаяся в результате браков испанцев с индейскими женщинами; проживала в районе Ла-Платы и занималась главным образом охотой и скотоводством. Гаучо сыграли видную роль в борьбе испанских колоний за независимость. Влились в состав аргентинцев и уругвайцев. Вокруг гаучо, ставших олицетворением свободолюбия, создался романтический ореол, возникла целая литература.

К с. 171

* Призыв к вооруженному восстанию против испанского колониального ига, с которым 16 сентября 1910 г. вступил в г. Долорес национальный герой Мексики Мигель Идальго. День «Клича Долорес» является национальным праздником Мексики.

К с. 177

* Имеется в виду расстрел студенческой демонстрации в октябре 1968 г. на Площади трех культур в Мехико, которую обычно называют Тлателолко в память о древнем городе инков, находившемся на этом месте.

** В тот период были созданы коллективные крестьянские хозяйства на основе «эхидо» — особой формы общинного землевладения, возникшей в ходе аграрной реформы 1915 г. При этой системе собственность на землю остается в руках государства, а земля передается крестьянам (эхидатариям) бесплатно в совместное владение.

К с. 178

* Институционно-революционная партия (ИРП), основанная в 1929 г., с тех пор бессменно остается у власти в стране, побеждая на всех выборах. Партия эта национал-реформистская по характеру; в ней имеется правое и левое крыло, в разные периоды оказывающие большее или меньшее влияние на политику правительства.

К с. 209

* В апреле 1952 г. в Боливии произошло народное восстание, переросшее в антиимпериалистическую, антифеодальную революцию. Под давлением вооруженного народа реформистские правительства в последующие несколько лет провели ряд демократических преобразований, однако в середине 50-х гг. перешли на путь сотрудничества с империализмом.

К с. 225

* Закон, принятый в США с целью не допустить образования крупных трестов, монополизирующих те или иные отрасли хозяйства и сводящих на нет законы рыночной экономики. На практике этот закон можно обойти при помощи самых разнообразных средств.

К с. 244

* Основанная в 1941 г. крупная буржуазно-реформистская партия Венесуэлы. Неоднократно находилась у власти. Объединяет представителей национальной буржуазии, средних городских и сельских слоев, часть рабочего класса и крестьянства.

К с. 249

* Часть Тихого океана, омывающая район Полинезии.

К с. 258

* Партизаны, которые в Аргентине в середине XIX в. боролись против центрального правительства Буэнос-Айреса. Не путать с леворадикально настроенными городскими партизанами Уругвая, которые в 60—70 гг. действовали в этой стране под тем же названием.

** Выступление населения Буэнос-Айреса в 1810 г. против испанского колониального гнета, положившее начало освободительной борьбе в вице-королевстве Ла-Плата.

К с. 260

* Главный экономический район Аргентины, включающий территорию провинций Буэнос-Айрес, Кордова, Ла-Пампа, Энтре-Риос, часть провинции Санта-Фе. Назван так потому, что расположен на пампе — равнине с преобладанием травянистой растительности.

К с. 263

* Так называлась территория Уругвая со времени завоевания ее испанскими колонизаторами и до освобождения от колониального господства и принятия страной в 1839 г. первой конституции, в которой Восточный Берег получил современное название Восточная Республика Уругвай.

К с. 264

* Традиционная верхняя мужская одежда индейцев аймара, арауканов, кечуа и др. — разновидность плаща-одеяла из домотканой шерсти с отверстием для головы.

К с. 273

* Одна из двух крупнейших буржуазных партий Уругвая (другая партия — «Бланко»), сменяющихся у власти в этой стране с конца прошлого столетия.

К с. 281

* Крестьянское восстание на юге Бразилии в 1902—1916 гг. Начавшись как выступление с религиозной окраской, переросло в широкое стихийное движение против засилья латифундистов и иностранных компаний, имевших концессии в этом районе. Лишь после нескольких карательных экспедиций, кончившихся неудачей, правительственным войскам удалось подавить восстание, отличавшееся исключительным упорством.

К с. 293

* Глубокий экономический кризис, охвативший весь капиталистический мир в конце 20-х — начале 30-х гг., начался с краха на нью-йоркской бирже, происшедшего в пятницу 24 октября 1929 г.

К с. 297

* Харизматический лидер — человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности (мудрости, героизме, святости и т. д.).

К. с. 339

* Субрегиональная экономическая группировка в рамках Латиноамериканской ассоциации свободной торговли, созданная на основе Картахенского соглашения в 1969 г. и включавшая первоначально Боливию, Колумбию, Перу, Чили и Эквадор (в 1973 г. к ней присоединилась Венесуэла, в 1976 г. из ее состава вышла Чили). Создана для ускорения экономического развития стран, входящих в группу. Отличается от других экономических группировок на континенте явно выраженным стремлением ограничить засилье иностранного капитала.

К. с. 349

* Торгово-экономическое объединение, созданное в Монтевидео в 1960 г. в составе Мексики, Аргентины, Бразилии, Парагвая, Перу, Уругвая и Чили. Позже в него вступили Колумбия, Эквадор, Венесуэла и Боливия. ЛАСТ способствовала некоторому оживлению связей между странами континента, однако не смогла решить поставленных перед объединением задач ускорения темпов экономического роста. В 1980 г. на основе ЛАСТ создана Латиноамериканская ассоциация интеграции.

** Торгово-экономическое объединение пяти стран Центральной Америки — Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Сальвадора, созданное в 1960 г. (Коста-Рика присоединилась к нему в 1963 г.). Первоначально программа либерализации торговли и других интеграционных процессов осуществлялась в рамках ЦАОР довольно быстро, но вскоре стало очевидным, что она способствует проникновению иностранного капитала — главным образом из США — в страны—члены организации. В связи с выходом в 1971 г. Гондураса из объединения после войны с Сальвадором интеграционные процессы резко замедлились. С начала 70-х гг. объединение вступило в полосу затяжного кризиса, чему способствовали и политические события в Центральной Америке.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аберкромби Р. 247
Агилар А. 12, 141, 177, 255, 300
Аламан Л. 68, 254, 256, 257
Алегрия С. 13
Алонсо-Бара А. 62
Альварадо П. де 42, 44, 46
Альмарас С. 210, 216
Альенде С. 20, 184, 192, 204, 205, 337, 368—371
Амаду Ж. 136
Арбенс Х. 162, 163
Аревало Х. Х. 161
Арече Х. А. де 77
Аристотель 31
Аркрайт Р. 138
Арриага А. Х. де 77
Артигас Х. Х. 165—169, 171, 175, 260, 263, 358, 360
Асеведо Диас Э. 81
Астуриас М. А. 157

Багу С. 60, 61, 76, 97, 119, 188
Балагер Х. 118
Бальбоа В. Н. де 42
Бальмаседа Х. М. 201, 202
Бансер У. 367
Баран П. 59, 225, 292, 317
Барриос Х. Р. 152
Баррьентос Р. 191, 216, 234, 236, 323
Батиста Ф. 109, 110, 115, 117, 326
Батлер С. Д. 155
Белаунде Терри Ф. 192, 236, 322, 323
Белль Г. 5
Бетанкур Р. 243
Билс К. 5, 159
Блэк Ю. Р. 327, 328
Божо-Гарнье Ж. 59
Боливар С. 13, 166, 350, 358, 360, 361
Болл Дж. У. 29, 30
Боти Р. 112
Бош К. 203
Бош Х. 118
Бранко К. 83, 191, 221, 222, 231, 297, 303, 304, 307, 322, 356
Брехт Б. 301, 373
Бризола Л. 219

Вальдивия П. де 42
Варгас Ж. 145, 218, 294, 297, 298, 310
Варгас Льоса М. 134
Варела Ф. 260, 261
Вашингтон Дж. 118, 123
Веласко Альварадо Х. 78, 140, 192, 236, 300, 307, 367
Видела Х. Р. 372, 375
Виончек М. 12
Вильсон В. 26
Вилья П. 150, 175
Вильярроэль Г. 210
Виноградов А. 13
Виньяс Д. 81
Вуд Л. 109

Галеано Э. 5—24, 84, 128, 162, 170
Гальегос Р. 242
Гамильтон А. 284
Гарсиа Маркес Г. 157
Гевара Э. (Че) 109, 118, 176, 192
Гегель Г. В. 73
Герреро В. 255
Гомес Х. В. 241, 242
Горбачев М. С. 7, 24
Гордон Л. 219, 221, 222, 371
Горький М. 15, 222
Грант У. 281, 286
Гудьир Ч. 131
Гуларт Ж. 191, 219, 220, 297, 298, 304, 322, 370, 371

Гумбольдт А. 60, 67, 78, 250, 255
Гундер Франк А. 12, 61, 282, 332, 342, 347, 349

Даллес А. 113, 162, 163
Даллес Ф. 163
Джаган Ч. 193
Джонсон Л. 30, 118, 192, 221, 274, 275, 318, 322, 350
Диас П. 171—174
Дутра Г. Э. 191, 218
Дювалье Ф. 321, 322, 375
Дюмон Р. 41, 82, 101, 108, 111

Идальго М. 78, 79, 166, 171, 391
Идигорас М. 117, 322
Ильиа А. 233
Ильин М. 15
Инверницци Э. 5
Иригойен И. 232

Кальдера Р. 224
Кампос Р. 219, 297, 307, 313, 314, 317
Каннинг Дж. 246, 273
Капоче Л. 71, 72
Карденас Л. 176, 227, 294
Кардосо Ф. Э. 270, 298, 299
Кариас Андино Т. 159
Карпентьер А. 104
Карранса В. 174, 176, 178
Картер Дж. 371, 372
Картрайт Э. 138
Карузо Э. 130, 132
Кастильо Р. 232
Кастро Ж. де 11, 28, 98, 101
Кастро Ф. 23, 110—112, 114, 116, 227, 326
Кеннеди Дж. Ф. 315
Киссинджер Г. А. 371
Колумб Х. 13, 36, 38—41, 43, 94
Кольбер Ж. Б. 51, 119
Кортес Э. 14, 33, 38, 40, 42, 43, 45, 74, 75, 173, 390
Крэм В. 156
Крюэл Р. 196
Куадрос Ж. 191, 219, 220
Кубичек Ж. 302

Лейн А. Б. 159
Ленин В. И. 6, 314
Летельер О. 19, 20, 368, 369
Ли Р. 281, 286
Линк У. 230
Линкольн А. 154, 185
Лисбоа Ф. А. 93
Лист Ф. 254
Ломоносов М. В. 15
Лонг Х. 233
Лопес К. А. 268
Лопес Ф. С. 268, 270—272, 274, 275
Льерас Рестрепо К. 144

Магдофф Г. 190, 194, 221, 333
Мадеро Ф. 174
Мак-Кинли У. 110, 286
Макнамара Р. 30, 31, 372
Мальтус Т. Р. 30, 31, 197
Мандель Э. 57
Мариатеги Х. К. 139, 140, 198, 200
Маркс К. 6, 56, 102, 255, 386
Марти Х. М. 13, 107, 109
Мартинес М. Э. 158, 160
Маршалл Дж. К. 221, 238
Мачадо Х. 108
Медичи Л. 39
Мельгарехо М. 211
Мендес Монтенегро Х. С. 161, 163
Мендоса У. де 49
Митре Б. 264, 270—272
Моктесума 40, 43, 45
Морасан Ф. 360
Морелос Х. М. 78, 79, 166, 173—176
Морено Фрахинальс М. 104—107, 127

Наполеон I 103, 161
Нието Артета Л. Э. 148
Никсон Р. 29, 318
Норт Дж. Т. 200—202

Овандо А. 210, 234, 236
Овьедо Ф. де 41
О'Коннор Х. 228, 231, 238
Оливер К. Т. 25
Онганиа Х. К. 182, 233, 298, 305
Ортис Ф. 124, 126

Патиньо А. 209, 210
Патиньо С. 208, 209, 214, 216, 378
Перес Хименес М. 243
Перон Х. Д. 183, 184, 232, 294, 296, 298, 370

Пиночет Угарте А. 20, 369, 372, 373, 387
Писарро Г. 40, 65
Писарро Ф. 40, 42, 46, 47, 65, 78
Платон 31
Поло, Марко 36
Пребиш Р. 11, 341, 342, 352

Рамирес Некочеа Э. 12, 200—202, 250, 253
Ранхель Д. 134, 135, 238, 239
Рейган Р. 7, 21
Рибейро Д. 12, 45, 70, 76, 154, 185, 380
Рокфеллер Н. 31, 225, 227, 231, 234, 236, 312, 320, 328
Романова З. И. 348
Ромеро Э. 70, 249
Росас Х. М. де 258, 261—264, 270
Рузвельт Т. 155, 359, 390
Рузвельт Ф. Д. 391

Сомоса А. 159, 368
Самудио А. С. 157
Сандино А. С. 13, 159
Сан-Мартин Х. 358, 359
Сапата Э. 13, 150, 171, 173—176
Сармьенто Д. Ф. 264, 265
Сартр Ж.-П. 113
Сервантес С. М. де 55, 390
Силва Шавьер Ж. де (Тираденти с) 90, 390
Смит, Адам 119, 284
Смит У. Б. 163
Солорсано Х. де 70
Стреснер А. 273—275
Суза М. А. де 42

Татхилл Дж. 222
Тафт В. Г. 154, 155

Терра Г. 229
Торквемада 53, 386
Торрес Х. Х. 368, 370
Травен Б. 13
Триас В. 169, 230, 263, 309, 317, 356, 358
Трухильо Молина Р. 118
Тупак Амару 13, 75, 77, 78
Туссен-Лувертюр 13, 103

Уатт Дж. 118, 122, 138
Убико Х. 160, 161, 163
Уилсон Г. Л. 174
Уокер У. 154
Урибуру Х. Ф. 232
Уэбб У. 252
Уэрта В. 174, 176

Фано Ф. 300
Флорес В. 270
Франсиа Г. Р. 266, 267
Фрей Э. 184, 206—208
Фрондиси А. 232, 233
Фуртадо С. 12, 59, 86, 91, 92, 97, 106, 108, 186, 253, 278, 335
Фуэнтес К. 178

Харви Р. 200, 202
Хейли А. 14
Хэмфри Дж. 219

Чепраков В. А.

Шатобриан Ф. Р. де 277
Шерман Дж. 225
Шиллинг П. 181, 196, 252, 302

Эйзенхауэр Д. 31, 162, 227
Эммануэль А. 331, 332
Энгельс Ф. 6, 102, 255
Эрро Э. 230
Эстрада Пальма Т. 110

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«Аграрное общество» 183, 184, 293, 295, 300
«Адезите» 311
АДЕЛА 325
«Альфа—Ромео» 303
«Алюминиум компани оф Америка» 193
«Американ кордейдж траст» 172
«Американ кофи корпорейшн» 141
«Американ Кэн» 303
«Американ машин энд фаундри» 303, 352
«Анаконда коппер майнинг корпорейшн» («Анаконда») 204, 206, 208, 324
«Андерсон Клейтон энд компани» 139—141, 178, 306
«Арметал» 325
«Атлантик ричфилд» 229, 230, 325

«Бадд К°» 325
«Байер» 304
«Банко Аргентино де комерсио» 312
«Банко Атлантида» 312
«Банко Бразильеро ди десконтос» 313
«Банко де Вальпараисо» 200
«Банко континенталь» 312
«Банко лар Бразильеро» 312
«Банк оф Америка» 313
«БАСФ» 304
«Бетлехем стил корпорейшн» 92, 191, 217, 218, 222, 304, 325
«Боливийская горнорудная корпорация» («КООИМБОЛ») 215, 216
Бразильский институт аграрной реформы 181
«Браун бразерс» 156
«Бристол» 303
«Бритиш петролеум» 225
«Брэзил рейлвей» 281
«Бэринг бразерс» 266, 279

«Вашингтон файрстоун» 352, 354, 369
«Венесуэльская нефтяная корпорация» 243
«Вестингауз электрик» 352
«Виллис» 303
«Виллис оверлэнд ду Бразил» 351
«Вильямс, Харви энд компани» 210

«Галф ойл компани» («Галф») 192, 225, 234—236, 239, 242, 365
«Гвинейская компания» 119
«Государственные боливийские нефтяные месторождения» 234, 235
«Государственные нефтяные месторождения» 232
«Грейс» 64, 140, 324, 354

«Датч Вест-Индия компани» 97
«Дженерал моторз» 33, 303, 306, 342, 353, 361, 375
«Дженерал тайр энд раббер компани» 354
«Дженерал фудз» 333
«Дженерал электрик» 352, 354, 355
«Джонсон» 303
«Доу кемикл» 301, 357
«Дьюк» 286
«Дюпон» 306

«Империэл кемикл» 306
«Индустриас кайсер Аргентинас» 305
«Интернэшнл бизнес мэшинз» («ИБМ») 353, 361
«Интернэшнл майнинг просессинг компани» 216
«Интернэшнл петролеум компани» 236, 237, 322
«Интернэшнл телефон энд телеграф» 290, 324, 352

«Кейтепиллер трактор» 351
«Кеннекот коппер корпорейшн» 204, 206, 207
«Клёкнер» 210
«Кодак» 352
«Колгейт-пальмолив» 354
«Компания ди минерасан жерал» 303, 304
Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) 30, 355
«Королевская африканская компания» 120
«Крайслер» 303, 306
«Креоле петролеум компани» 239, 243

Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ) 349—353, 355, 356, 358, 393
«Ливер бразерс» 306
«Ливерпуль нитрат компани» 201

«Марк энд К°» 306
Межамериканский банк развития (МБР) 216, 229, 317, 318—320, 325, 341, 352, 372
Межамериканский комитет по сельскохозяйственному развитию 140
Международное соглашение по кофе 146, 330
Международный банк реконструкции и развития (МБРР) 30, 234, 309, 317, 325—329, 332, 372
Международный валютный фонд (МВФ) 33, 161, 276, 293, 307—311, 314, 317, 321, 326, 328, 332
«Мерседес-бенц» 304
«Монсанто» 306

Национальная администрация топлива, спиртов и портланд-цемента (АНКАП) 229, 230
Национальный банк Кубы 108
«Нестле» 112, 333
«Никро-найкэл» 192
«Ниобиум корпорейшн» 197
«Нитрат рейлвейс компани» 202
«Нэшнл бискуитс» 354
«Нэшнл щугар рифайнинг» 118

Общее соглашение о торговле и тарифах (ГАТТ) 332
«Оливетти» 355
Организация американских государств (ОАГ) 27, 105, 109, 118, 162, 163, 289, 311, 318—320, 334
«Отис элевейтор» 352

«Пан-Американ салфер» 191
«Паркс Дэвис» 306
«Пемекс» 228, 229
«Петробраз» 230, 231
«Петровен» 366
«Петросум» 325
«План Аяла» 174, 175
Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) 30, 100, 212
«Проктор энд Гэмбл» 354

«Ремингтон» 352
«Ройял датч-Шелл» 223, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 239, 242, 365

«Сайанамид» 306
«Сент-Джон майнинг корпорейшн» 218, 219
«Сиам ди Телья» 305
«Сидней Росс» 306
«Силаниз» 306
«Сименс» 354
«Скотч» 311
«Симка» 303
«Скуибб» 306
«Соут Зеа компани» 120
«Союз ради прогресса» 25, 29, 32, 181, 216, 289, 318—325
«Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси» («Эксон») 172, 192, 223, 225—227, 229—

234, 236, 237, 239, 242, 307, 324, 325, 365
«Стандарт ойл оф Калифорния» 225, 232
«Стандарт ойл оф Нью-Йорк» 225
«Стерлинг продактс» 354

«Теннесси коул энд айрон компани» 286
«Тексако» 225, 227, 229, 239
«Тексас галф салфер компани» 191

«Уайс» 303
Управление международного развития (УМР) 309, 317, 319—321, 324, 325

«Ферст нэшнл сити бэнк» 156, 276, 312, 313, 324, 325, 377
«Филлипс» 192, 301, 325, 354
«Фольксваген» 303, 304, 306, 365, 379, 380
Фонд Форда 30, 31
«Форд» 209, 303, 306, 325
«Форд мотор ду Бразил» 352
«Форд де Архентина» 352
«Франсиско щугар К°» 113

«Ханна майнинг компани» 92, 191, 218—220, 222
«Хехст» 304

Центральноамериканский общий рынок 349, 354, 358
Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 20, 162, 163, 193, 371
Центральный банк Бразилии 310, 314
Центральный банк Парагвая 276

«Чейз Манхэттен бэнк» 304, 312, 313, 324, 328

«Шеринг» 304

Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке (ЭКЛА) 11, 137, 146, 183, 291, 302, 315, 378
«Экспортно-импортный банк» («Эксимбанк») 219, 234, 317, 319, 325
«Электрик Бонд энд Шеэ» 290, 325, 327

«Юнайтед брэндс» 145, 157
«Юнайтед стейтс стил корпорейшн» 130, 217, 222, 286
«Юнайтед фрут» 145, 154, 156—158, 161—163, 290
ЮНЕСКО 112
«Юнион карбайд» 301, 306, 311, 351, 354

ОГЛАВЛЕНИЕ

Хуан Кобо. «Настало время освобождения...» 5
Введение 26

Часть первая

КОГДА БОГАТСТВО ЗЕМЛИ ПОРОЖДАЕТ НИЩЕТУ . 35

Золотая лихорадка. Серебряная лихорадка . . . 36
Король-Сахар и другие аграрные монархи . . . 94
Подземные источники власти 189

Часть вторая

РАЗВИТИЕ — ТАКОЕ ПЛАВАНИЕ ПО МОРЯМ, ПРИ КОТОРОМ БОЛЬШЕ УТОНУВШИХ, НЕЖЕЛИ ПРИПЛЫВШИХ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ 245

История ранней смерти 246
Современная технология грабежа 288
Семь лет спустя 362

Комментарии 389
Именной указатель 394
Предметный указатель 397

Э. Галеано
ВСКРЫТЫЕ ВЕНЫ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ИБ № 13643

Редактор русского текста **Самойло Е. Н.**
Художник **Бисенгалиев В. К.**
Художественный редактор **Чернышева И. М.**
Технический редактор **Токер А. М.**
Корректор **Таги-Заде М. А.**

Сдано в набор 30.12.85. Подписано в печать 28.04.86. Формат 84×108$_{1}$/$_{32}$. Бумага типогр. № 1. Гарнитура обыкн. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. печ. кр.-от. 21,42. Уч.-изд. л. 22,35. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 39618.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская, 1.

Эдуардо ГАЛЕАНО

ВСКРЫТЫЕ ВЕНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ